

Михаиль Васильевичъ

ЛОМОНОСОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Изданіе 3-е, дополненное.

Цена 50 коп.

МОСКВА.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Моховая, уг. Тверской, д. Варварин. Акц. О-ва. Тел. 120—95.

1912.

Типографія Г. Лиснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ третьемъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Родина Ломоносова, бытъ и духовный укладъ жизни ея обитателей, *Грандилевскаго*. — Поморы и первые годы жизни Ломоносова, *Меншуткина*. — Родители Ломоносова, *Сибирцева*. — Ученіе Ломоносова на родинѣ, *Сибирцева*. — Ломоносовъ на пути въ Москву, *Меншуткова*. — Ломоносовъ подвижникъ за русскую мысль и науку, *Булича*. — Ломоносовъ, какъ челоувѣкъ науки и постояннаго труда, *его же*. — Ломоносовъ, какъ ученый *Шевырева*. — Изображеніе Россіи — основное содержаніе торжественной поэзіи Ломоносова, *Шевырева*. — Духовныя оды Ломоносова, *его же*. Переложеніе изъ «Книги Іова», изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1868 г. № 1. — Содержаніе и планъ оды Ломоносова: «Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», *Калайдовича*. — Достоинство оды «Утреннее и вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ» и время ея появленіи, *Пекарскаго* и *Сухомлинова*. — «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», *Пекарскаго*, *Сухомлинова* и *Любимова*. — Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель-поэтъ по одамъ. «Утреннее и вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ», *Никитенка* и *Орлова*. — Похвальныя оды Ломоносова, *Любимова*. — Основная идея «Оды на день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, ея размѣръ и отношеніе къ правиламъ піитики, *Попова*». — Петръ Великій въ сознаніи Ломоносова, *Булича*. — Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка, *Соболевскаго*. — Общественные и научные идеалы Ломоносова, *Меншуткина*. — Ломоносовъ — первый нашъ гуманистъ, идеологъ и апостоль новой жизни, *Сиповскаго*.

Очеркъ состоянія Россіи въ эпоху дѣятельности Ломоносова.

Миновала первая четверть XVIII вѣка, ознаменованная для русскихъ людей великимъ и страшнымъ переворотомъ. Преобразователь былъ во гробѣ, и умеръ онъ, не воспользовавшись своимъ правомъ назначить себѣ преемника кого хотѣлъ; некого было ему выбрать подобнаго себѣ. Дѣйствительно, преемники Петра не обладали его желѣзною волей, которая не останаивалась ни передъ чѣмъ, которая все увлекала за собою, и теперь-то, слѣдовательно, наступило благоприятное время для реакціи, теперь явилась возможность объявить преобразование личнымъ дѣломъ Петра, не народнымъ, раздѣлать его. Но этого объявленія, этой раздѣлки не послѣдовало. Россія неуклонно продолжала итти по новой дорогѣ, проложенной Петромъ, и тѣмъ засвидѣтельствовала, что дѣло Петра было дѣломъ народнымъ.

Время отъ кончины Петра Великаго до царствованія Екатерины II обыкновенно представляютъ временемъ печальнымъ, безуряднымъ, въ которое на первомъ планѣ были придворныя интриги дворцовой революціи, въ которое не было сдѣлано ничего замѣчательнаго. Но всмотримся внимательнѣе въ явленія, и, быть можетъ, разговоръ измѣнится.

Со второй четверти XVIII вѣка прекращается напряженное состояніе общества, усиленная его дѣятельность, которая знаменовали первую четверть вѣка, какъ время революціонное. Внѣшнія войны прекратились. Полтавскій побѣдитель завѣщалъ Россіи миръ, давъ ей силу и величіе, — завѣщалъ не вмѣшиваться въ западно-европейскія распри, какъ чуждыя Россіи по ея прежней замкнутой жизни. Русскимъ людямъ былъ теперь досугъ спокойно и внимательно осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, разобраться въ томъ, что было произведено переворотомъ. Разумѣется, главная задача преобразованной Россіи состояла, и даже теперь состоитъ, въ опредѣленіи отношеній своего къ чужому, и прежде всего, по непосредственности столкновенія, въ опредѣленіи отношенія своихъ къ чужимъ. Сущность переворота заключалась въ томъ, что русскіе люди сознали необходимость учиться у иностранцевъ; толпами отправлялись они для этого за границу; но время не терпѣло, и толпы иностран-

цевъ вызывались въ Россію помогать въ новомъ дѣлѣ, котораго было такъ много. Они являлись необходимо въ качествѣ учителей, съ сознаниемъ своего превосходства; русскіе должны были учиться у нихъ, работать подъ ихъ руководствомъ, слушаться ихъ: все это вело неизбѣжно къ признанію своей слабости, своей зависимости. Положеніе крайне опасное, ведшее къ нравственному покоренію, да и не къ одному нравственному, потому что иностранцы надобились и въ правительственномъ дѣлѣ. «Русскіе ничего не смыслятъ въ заграничныхъ дѣлахъ, толковали иностранцы Петру; надобно, для интересовъ Россіи, на всѣхъ дипломатическихъ постахъ замѣнить русскихъ — невѣждъ — знающими иностранцами». Петру, по праву генія, легко было избѣгать опасности и опредѣлить, какъ слѣдовало, отношенія между своими и чужими. Многосторонне и ясно смотрѣлъ онъ на свое дѣло, и ничто не могло смутить его, ни ропоть своихъ ни притязанія чужихъ. Постоянно имѣя въ виду только свое и своихъ, Петръ и на военномъ, и на дипломатическомъ, и на всѣхъ другихъ поприщахъ хотѣлъ, чтобы свои учились и какъ можно скорѣе сравнивались съ искусными иностранцами; его нельзя было смутить указаніемъ, что свои ошибаются, и потому надобно замѣнять ихъ иностранцами: онъ зналъ, что ошибки неизбѣжны въ началѣ, что ошибками человекъ учится, и потому не смѣнялъ своихъ, т.-е. не бралъ ихъ изъ школы. На бранномъ полѣ и у себя въ токарнѣ Петръ безцеремонно раздѣлывался съ иностранцами, имѣвшими неосторожность, столкнуться съ его русскими даровитыми вождями, съ его русскими искусными, выученными мастерами. Отъ иностранца-наемника отличался иностранецъ, усыновлявшійся Россіи, безвозвратно отдававшій ей на служеніе свое дарованіе и искусство: такихъ людей высоко цѣнилъ Петръ и называлъ ихъ *своими*, наравнѣ съ русскими, которые, въ свою очередь, были далеки отъ того, чтобы отказывать имъ въ братствѣ. Но въ царствованіе Петра ни одинъ и изъ этихъ усыновившихся Россіи иностранцевъ не занималъ высшаго правительственнаго мѣста. Петру легко было такъ распорядиться, легко было падить народное чувство, опять по праву генія: онъ умѣлъ изъ русскихъ людей выбрать достойныхъ стоять на первомъ планѣ, при чемъ всѣ недостатки восполнялъ своими личными великими средствами.

Такимъ образомъ по кончинѣ Петра судьба Россіи была въ рукахъ русскихъ людей: ни одного иностранца не видимъ мы при рѣшеніи вопроса — кому занять мѣсто великаго императора? Но отсутствіе силы, соединявшей всѣ другія силы второстепенныя и направлявшей ихъ къ общей цѣли, не замедлило обнаружиться. Изъ за вопроса о престолонаслѣдїи встала рознь между лучшими русскими людьми, оставленными Петромъ Россіи. Меншиковъ сгубилъ Толстого съ товарищами; подъ Меншикова подкопались другіе и свалили какъ новаго Голиаѳа, по ихъ выраженію. Голицыны и Долгорукие своею попыткой ограничить императорскую власть въ пользу

верховнаго тайнаго совѣта возбудили противъ себя генералитетъ и высшее дворянство, которые, восторжествовавъ, предали верховниковъ. Ряды русскихъ знаменитостей разрѣдѣли: между русскими птенцами Петра Великаго оказался сильный недочетъ, и естественно выступили на первый планъ птенцы иностранные — Остерманъ, Минихъ. Но послѣ этихъ знаменитостей иностраннаго происхожденія, усыновившихся Россіи, считавшихъ свою честь и славу неразрывно соединенными съ ея честью и славой, подлѣ Остермана и Миниха стали Биронъ и Левенвольдь съ товарищи, хотѣвшіе только пожить какъ можно веселѣе, покормиться какъ можно сытнѣе на счетъ Россіи. Наступила бироновщина, осторожная вначалѣ, но потомъ все болѣе и болѣе разнуздывавшаяся. Почему же она могла разнуздываться? Одинъ иностранный министръ при русскомъ дворѣ замѣтилъ другому: «Озлобленіе русскихъ противъ нѣмцевъ страшное; надобно опасаться, чтобы русскіе не сдѣлали съ нѣмцами того же, что сдѣлали съ поляками при Лжедмитріѣ». — «Нечего опасаться, отвѣчалъ другой: у русскихъ теперь нѣтъ вождей». Вожди изгибли въ усобицѣ. Русскіе люди ждали вождей, но господствующая, нѣмецкая партія успѣшила приготовить имъ торжество тѣмъ же самымъ средствомъ, какимъ прежде русскіе приготовили господство иностранцевъ, — усобицей. Бирона свергнулъ Минихъ; Миниху давно уже было тѣсно вмѣстѣ съ Остерманомъ; Остерманъ свергнулъ Миниха, но Остермана обезсиливали иностранцы, мелкіе по своимъ способностямъ, сильные по вліянію своему на правительницу Анну Леопольдовну. Время было самое благопріятное для сверженія правительства, вдвойнѣ незаконнаго въ глазахъ русскихъ людей. Непосредственное предводительство взяла на себя женщина, но эта женщина была дочь Петра Великаго. Переворотъ совершился; русское дѣло восторжествовало, и, пригрѣтые этимъ торжествомъ, выросли, поднялись отовсюду русскіе люди, наполнившіе знаменитыми дѣлами царствованіе Елизаветы и Екатерины II.

Но эта борьба, столь важная и столь естественная при новыхъ условіяхъ, въ которыя предшествовавшая исторія поставила Россію въ XVIII вѣкѣ, эта борьба представляетъ только одну сторону жизни Россіи въ описываемое время. Уже было сказано, что русскимъ людямъ, по смерти Петра Великаго, предстояло осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, разобраться въ томъ, что было произведено переворотомъ. Задача была трудная, какой исторія не представляла еще ни одному народу въ такой многосторонности: воздадимъ же благодарность русскимъ людямъ XVIII вѣка за то, что они не отказались отъ этой задачи, не отчаялись въ своихъ силахъ, не отчаялись въ спасеніи отечества, и, вмѣсто легкомысленнаго взгляда свысока, присмотримся съ должнымъ уваженіемъ къ ихъ дѣятельности. Послѣ переворота, какъ обыкновенно бываетъ, развалины стараго покрывали землю, подлѣ нихъ виднѣлось новое, крѣпкое, хорошо принявшееся, полупринявшееся и вовсе не принявшееся, поблеклое: нужно было

разобраться во всемъ этомъ, и русскіе люди начинаютъ разбираться. Будемъ ли мы удивляться тому, что, употребляя естественные и необходимые въ своемъ положеніи приемы, они подходятъ къ новымъ учрежденіямъ съ разныхъ сторонъ, оглядываютъ, пробуютъ, толкуютъ, спорятъ, крѣпки они, или шатаются, годятся для Россіи или непригодны ей, измѣняютъ, отмѣняютъ совсѣмъ, потомъ снова возстановляютъ? Наблюдатель поверхностный видитъ здѣсь какую-то суматоху, безурядицу; наблюдатель, внимательный къ законамъ историческихъ явленій, спрашиваетъ: какъ же могло быть иначе? Преобразование, освободивъ русскаго человѣка изъ той узкой сфѣры, въ какой онъ до тѣхъ поръ вращался, представивъ ему многообразные и широкіе ряды новыхъ явленій, задало работу его уму на долгое и долгое время. Эта-то работа возбужденной мысли такъ важна и поучительна для насъ, несмотря на всѣ неизбѣжныя уклоненія и неправильности; эта-то постоянная работа мысли надъ важнѣйшими вопросами народной жизни и засвидѣтельствовала живучесть народа, его силу и условила собой поступательное движеніе, вслѣдствіе чего во второй половинѣ вѣка мы видимъ такую разницу съ первою половиною. Новая Россія получила отъ древней печальное наслѣдство — крѣпостное состояніе крестьянъ, явившееся вслѣдствіе экономическихъ условій первобытной, дѣвственной страны, бѣдной промышленною дѣятельностію, вслѣдствіе несоразмѣрности огромнаго земельного пространства съ малочисленностію населенія, вслѣдствіе невозможности для мелкихъ землевладѣльцевъ обойтись безъ крѣпостныхъ работниковъ, а эти землевладѣльцы составляли войско, войско въ государствѣ континентальномъ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ врагами, въ которомъ по этому интересъ войска былъ интересомъ господствующимъ. Цѣлью преобразования было указаніе и приготовленіе средствъ къ улучшенію экономического быта Россіи. Но понятно, что это улучшеніе не могло послѣдовать вдругъ въ такой степени, чтобы повести къ отмѣнѣ крѣпостного состоянія. Новая Россія должна была терпѣть его какъ необходимость; но возбужденная мысль не могла обойти его явленіе. Главный вопросъ, занимавшій русскихъ государственныхъ людей въ началѣ второй четверти XVIII вѣка, былъ вопросъ объ улучшеніи участи крестьянъ, при чемъ, вслѣдствіе возбужденія мысли, явилось сознаніе о тѣсной органической связи между отдѣльными частями народонаселенія: «Понеже армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, того ради о крестьянахъ попеченіе имѣть надлежитъ, ибо солдатъ съ крестьяниномъ связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата». Воспользовались мирнымъ временемъ, чтобы сдѣлать всевозможныя облегченія крестьянамъ въ платѣ податей, а главное, приняли мѣры для освобожденія крестьянина отъ притѣсненій солдата. Такъ распоряжались русскіе государственные люди и иностранцы, усыновленные Россіей; разумѣется, иначе должны были распоряжаться иностранцы незванные и

непрощенные, и главная тяжесть Бироновской эпохи состояла именно въ измѣненіи прежняго льготнаго отношенія къ крестьянамъ, въ безчеловѣчномъ пражѣ недоимокъ, при чемъ господствовала извѣстная система выписываемыхъ изъ-за границы управителей русскими имѣніями: собрать какъ можно болѣе дохода, не обращая никакого вниманія на плательщиковъ.

Вслѣдствіе продолжавшихся неблагоприятныхъ экономическихъ условій въ Россіи XVIII вѣка, вопросъ о крѣпостномъ и вольномъ трудѣ не могъ быть рѣшенъ въ пользу послѣдняго; Екатерина Великая принуждена была признать вопросъ неразрѣшимымъ для своего времени и отказаться отъ любимой мысли освобожденія крестьянъ; затрудненія, которыя встрѣчаются теперь во второй половинѣ XIX вѣка въ приложеніи вольнаго труда на мѣсто уничтоженнаго крѣпостнаго, всего лучше уясняютъ намъ дѣло въ XVIII и предшествовавшихъ вѣкахъ. Но, несмотря на невозможность рѣшенія вопроса въ XVIII вѣкѣ, исторія не останавливалась, движеніе шло съ другой стороны, со стороны землевладѣльческой, потому что быть земледѣльцу тѣсно связанъ съ бытомъ землевладѣльца, съ его положеніемъ матеріальнымъ и нравственнымъ. Прежде служилый человѣкъ жилъ на своемъ помѣстьѣ, на участкѣ земли, которымъ владѣлъ временно, жилъ день за день, не имѣя побужденій къ улучшенію своего хозяйства; есть дѣти, много ихъ — всѣ будутъ исполнены. Переводъ помѣстья изъ временнаго владѣнія въ вѣчное, смѣшеніе его съ вотчиной были первымъ шагомъ къ тому, чтобы землевладѣльцы почувствовали себя на своихъ ногахъ, почувствовали себя совершеннолѣтними, освобожденными изъ подъ опеки, съ обязанностію думать о себѣ и о своихъ; обязанность пріобрѣтать извѣстное образованіе также сильно нарушала прежній печальный покой. Съ этихъ поръ значеніе землевладѣльческаго сословія становится подлѣ значенія сословія служилыхъ людей и, мало по малу пересиливаетъ послѣднее: въ 1736 году служба ограничена двадцатипятилѣтнимъ срокомъ, и отецъ получилъ право оставлять одного сына дома для хозяйства, а черезъ 25 лѣтъ пріобрѣтено было право служить и не служить. Трудно было для землевладѣльца приступить къ улучшенію своего хозяйства, трудно было для купца, для промышленника усилить свою торговлю и промыслы въ томъ обществѣ, гдѣ съ занятой суммы нужно было платить 12, 15 и 20 процентовъ. Возбужденная мысль обратилась и на это явленіе. «Этого во всемъ свѣтѣ не водится», заговорили русскіе люди, заговорили они такъ потому, что все болѣе и болѣе знакомились съ тѣмъ, что водится, и что не водится на свѣтѣ, и въ 1744 году явились государственные заемные банки, ссужавшіе деньги подъ залогъ за 6 процентовъ. Возбужденная мысль не могла не остановиться въ то же время на страшномъ препятствіи для торговли, на внутреннихъ таможахъ, и внутреннія таможи исчезли вмѣстѣ съ 17 мелкими сборами.

Но мы не можемъ ограничиться указанными сторонами историческаго движенія; есть еще сторона, имѣющая для насъ высокій интересъ. Люди Екатерининскаго времени стали неблагоклонно отзываться о времени Петра Великаго, которое въ ихъ глазахъ являлось временемъ грубости, варварства, чрезмѣрной жесткости нравовъ. Переводя эти отзывы на историческій языкъ, мы говоримъ, что отъ времени Петра Великаго до Екатерины II происходило извѣстное движеніе, которое вело къ смягченію нравовъ. И дѣйствительно, мы не можемъ не замѣтить этого движенія, которое иногда обнаруживается въ явленіяхъ, незначительныхъ для неопытнаго глаза, но чрезвычайно важныхъ для историка. Въ одно царствованіе, напри- мѣръ, учредить надзоръ за кулачными боями, чтобъ бойцы не били противниковъ ножами, камнями, не бросали пескомъ въ глаза; въ другое царствованіе уничтожить варварскій обычай ставить внутри столицы каменные столпы, гдѣ на кольяхъ втыкались тѣла и головы казненныхъ преступниковъ; потомъ остановить смертную казнь, а тамъ уничтожить тайную канцелярію, и прекратить преслѣдованіе раскольниковъ.

Прослѣдивъ это движеніе, эту постоянную работу возбужденной мысли, легко можно объяснить себѣ появленіе человѣка, котораго великую дѣятельность мы собрались теперь помянуть. Россія второй половины XVII вѣка, сознавшая невозможность оставаться въ прежнемъ состояніи, этимъ самымъ сознаниемъ приготовившая почву для преобразовательной дѣятельности, ждала, звала человѣка — и явился Петръ. Россія второй половины XVIII вѣка, Россія съ возбужденною переворотомъ мыслию, съ возбужденною потребностію знанія, ждала, звала человѣка — и явился Ломоносовъ. Не окажемъ же ему плохой услуги, не выдѣлимъ его изъ вѣка, изъ народа. Одиночество бесплодно. Великіе люди потому то и велики, что работаютъ съ цѣлымъ народомъ, съ цѣлымъ вѣкомъ. Народы живые и сильные благоговѣнно относятся къ дѣятельности своихъ великихъ людей: но при этомъ да соблюдаютъ себя отъ грѣха, да не даютъ человѣку значенія выпечеловѣческаго. Человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не сотворитъ ничего изъ ничего; человѣкъ, какъ бы ни были громадны его силы, не совершитъ великаго поприща, если путь его не будетъ уготованъ исторіей. Изъ самой отдаленной мѣстности Россіи, изъ самаго низшаго слоя народонаселенія, явился знаменитый дѣятель науки; трудно было его поприще, постоянная борьба была его удѣломъ; съ изумленіемъ и гордостію, какъ русскіе люди, вспоминаемъ мы о подвигахъ богатаго нравственными силами русскаго человѣка; но не забудемъ, что путь былъ уготованъ, что Россія ждала человѣка: для холмогорскаго крестьянина была открыта школа, холмогорскому крестьянину была возможность ѣхать учиться за границу и стать академикомъ. Чтò сдѣлала новая, преобразованная Россія для крестьянства? спрашиваютъ наши грозные литературные судіи великихъ людей и великихъ дѣлъ:

она сдѣлала то, что крестьянинъ могъ стать академикомъ, отвѣчаетъ исторія.

Жизнь каждаго человѣка и цѣлыхъ народовъ слагается изъ будней и праздниковъ. Какъ печальна и бесплодна была бы жизнь, если бы состояла изъ однихъ будней, если бы для человѣка и для цѣлыхъ народовъ не было возможности отдохнуть отъ однообразной, будничной работы, подняться въ другія, высшія сферы, освѣжиться въ нихъ, возстановить свои нравственные силы! Появленіе великихъ людей, ихъ подвиги составляютъ праздники для народовъ: тутъ народы поднимаются, вдохновляются, надолго запасаются средствами для исторической жизни, въ дѣятельности великихъ людей сознаютъ собственную силу и величіе, ликуютъ, празднуютъ при этомъ усиленномъ біеніи своей жизни. Какъ простолудинъ считаетъ свое время, свой годъ праздниками, такъ и народы считаютъ свое время праздниками же, т.-е., появленіями великихъ людей, составляющихъ эпохи своею дѣятельностію. Чѣмъ больше такихъ праздниковъ, тѣмъ сильнѣе и краше народная жизнь. Воспоминаніе о нихъ составляетъ также праздникъ для народовъ, имѣетъ также вдохновительное свойство. Сами великіе люди, разумѣется, способнѣе другихъ воспринимаютъ это вдохновеніе. Такъ и тотъ, въ чью память мы собрались теперь, постоянно вдохновлялся воспоминаніемъ о другомъ близкомъ къ нему великомъ человѣкѣ; вслѣдствіе чего воспоминаніе о Ломоносовѣ неразрывно для насъ съ воспоминаніемъ о Петрѣ. Великіе люди держатся другъ за друга, и этимъ держатъ родную землю: крѣпкое державство!

Да не потеряетъ и для насъ Ломоносовское торжество своей вдохновительной силы. Воспоминаніе о великомъ трудолюбцѣ Русской земли да будетъ всегда присуще нашимъ трудамъ. Есть недуманныя фразы, которыя, однако, повторяются; воспоминаніе о Ломоносовѣ должно уничтожить ихъ: кто, вспоминая о немъ, рѣшится произнести: «нѣмецкое трудолюбіе, русская лѣнь»! Празднованіе великихъ народныхъ праздниковъ, воспоминаніе о великихъ людяхъ родной земли должны отучить насъ отъ многихъ дурныхъ привычекъ. Народъ, который не умѣетъ чтить великихъ людей своего прошедшаго, недостойнъ имѣть ихъ въ будущемъ. Празднуя память Ломоносова, вспоминая съ благодарностію и о всѣхъ его современникахъ, которые вынесли столько невзгодъ и смуть, потрудились за Русскую землю и не отчаялись въ ея спасеніи, мы заявляемъ, что не хотимъ мельчать, не хотимъ, чтобы наша жизнь состояла изъ однихъ будничныхъ дней. Никто и ничто не отниметъ у насъ славнаго, праздничнаго будущаго, если мы сами не отнимемъ его у себя, если, прежде всего, не позабудемъ своего славнаго праздничнаго прошедшаго.

Соловьевъ.

Родина Ломоносова.

Рѣка Двина въ предѣлахъ Архангельской губерніи чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ шире разливаеть свои воды и образуеть множество протоковъ, рукавовъ и острововъ. Въ этихъ мѣстахъ съ древнихъ временъ пролегалъ большой торговый путь, и потому неудивительно, что здѣсь берега Двины имѣли съ давнихъ поръ поселенія не только туземцевъ, первоначальныхъ обитателей Двинской земли, но и пришельцевъ изъ Новгорода. Такимъ образомъ, около нынѣшнихъ Холмогоръ есть нѣсколько селеній, названія которыхъ упоминаются въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ. Противъ сейчасъ названнаго города, лежитъ на Двинѣ островъ, называющійся Куростровомъ и встрѣчающійся съ этимъ именемъ въ судной грамотѣ 1397 года. Надобно полагать, что поселенцевъ привлекали сюда выгоды торговли и промысловъ, потому что островъ самъ по себѣ не представляетъ ничего особенно привлекательнаго, такъ какъ, по своему низменному положенію, едва не понимается въ полую воду разливомъ Двины, покрытъ болотистыми кочками и небольшими холмами, а по берегу его растетъ невысокій ивнякъ.

Если вѣхать въ рукавъ Двины, огибающій Куростровъ съ юго-западной стороны, и проплыть имъ версть семь, то можно увидать длинный рядъ деревенскихъ домовъ и домишекъ, тянущихся по всему низменному, песчаному дну Курострова. Эти дома составляютъ нѣсколько деревень, изъ которыхъ одна по письменному называется Денисовскою, а въ просторѣчи — Болотомъ. Отсюда въ одну сторону изъ-за ивняка виднѣются Холмогоры съ своими старинными церквями, въ другую, противоположную — село Вавчуги, памятное посѣщеніемъ Петра Великаго, когда тамъ была верфь для постройки судовъ. Въ началѣ XVIII столѣтія въ Денисовкѣ жилъ черносошный крестьянинъ Василій Дорофеевъ (или Ѳедоровъ — въ ревизскихъ сказкахъ его отчество писано разное) Ломоносовъ. У него была земля, которой владѣлъ на правахъ собственности, и, сверхъ того, онъ «промыслъ имѣлъ на морѣ по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лову рыбы трески и палтосины на своихъ судахъ, изъ коихъ въ одно время имѣлъ немалой величины гуккоръ съ корабельною оснасткою. (Онъ) всегда имѣлъ въ томъ рыбномъ промыслѣ счастье, а собою былъ простосовѣстенъ и къ сиротамъ податливъ, а съ сосѣдями обходителенъ, только грамотѣ не ученъ»...

По другому извѣстію объ этомъ крестьянинѣ, онъ былъ «промысломъ рыбакъ... и первый изъ жителей сего края соорилъ и по-европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ и прозвалъ его Чайкою; ходилъ на немъ по сей рѣкѣ, Бѣлому морю и по Сѣверному океану для рыбныхъ промысловъ, и изъ найму возилъ разные запасы казенные и частныхъ людей города Архан-

гельскаго въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Семояди и на рѣку Мезень»...

Василій Ломоносовъ въ первый разъ былъ женатъ на дочери дьякона изъ очень стариннаго въ томъ краѣ селенія Матигоръ, Еленѣ Ивановой. Отъ этого-то брака родился сынъ Михаилъ, которому потомъ было суждено прославиться въ Россіи литературными сочиненіями и учеными трудами. Годъ рожденія Ломоносова показывается различно: иногда 1709, или 1710, или 1711, а по ревизской сказкѣ 1722 года выходитъ, что это случилось въ 1715 году. Изъ собственноручнаго показанія Ломоносова, писаннаго несомнѣнно въ первые мѣсяцы 1754 года, открывается, что онъ самъ считалъ себѣ тогда сорокъ два года, стало быть онъ родился въ 1712 году.

По разсказу, сохранившемуся на родинѣ Ломоносова, оказывается, что онъ съ своимъ отцомъ, «не учась еще россійской грамотѣ, ходилъ неоднократно на море, и какъ подростокъ близъ двадцати лѣтъ, то въ одно время отецъ его сговорилъ было въ Колѣ у неподлаго человѣка за него дочь, однако онъ тутъ жениться не похотѣлъ, притворилъ себѣ болѣзнь, и потому совершенно не было. А какъ пришелъ съ моря уже взрослой, вознамѣрился учиться россійской грамотѣ, и обучалъ его оной той же Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Шубной, отецъ Ѳедоту Ивановичу Шубину, который нынѣ (въ 1788 году) при Академіи художествъ, и обучился въ короткое время совершенно; охочъ былъ читать въ церкви псалмы и каноны, и по здѣшнему обычаю житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ, и въ томъ былъ проворенъ, а при томъ имѣлъ у себя природную глубокою память: когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія разсказывали сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ, сокращеннѣе въ словахъ обстоятельно. Домъ ихъ состоялъ въ той Куростровской волости отъ церкви въ западную сторону въ полторастахъ саженьяхъ. А какъ мать его умерла, то отецъ его женился на другой женѣ, которая была быть можетъ причиною, побудившею оставить домъ отца своего и искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ»... Существованіе у Ломоносова злой мачехи подтверждается собственнымъ его свидѣтельствомъ въ письмѣ къ И. Шувалову (31 мая 1753 года): «...имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу попустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться чему возможно было въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и холодъ»...

Въ другомъ разсказѣ о юности Ломоносова, очевидно писанномъ со словъ его, дополняются сейчасъ сообщенныя свѣдѣнія: отецъ Ломоносова «началъ брать его отъ десяти до шестнадцатилѣтняго возраста съ собою, каждое лѣто и каждую осень, на рыбныя ловли въ Бѣлое и Сѣверное море. Ѣздилъ съ нимъ даже до Колы, а иногда и въ Сѣверный океанъ до 70 градусовъ широты мѣста. Самъ онъ

разсказывалъ обстоятельства сихъ странъ, о ловлѣ китовъ и о другихъ промыслахъ. Возвращаясь съ рыбныхъ промысловъ, проводжалъ зиму дома. Въ селеніи своемъ научился у одного тамошняго священнослужителя читать и писать по-русски; читалъ обыкновенно одни церковныя книги... Простой ариѳметикъ онъ выучился самъ собою». Въ выноскахъ при этомъ помѣщены не менѣе любопытныя подробности о Ломоносовѣ юноши: «черезъ два года учинился, къ удивленію всѣхъ, лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви. Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что не рѣдко биванъ былъ не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно, а притомъ со особою пріятностію и ломкостію голоса. Въ домѣ Христофора Дудина увидѣлъ онъ въ первый въ жизни своей разъ недуховныя книги. То были старинная славянская грамматика и ариѳметика, напечатанная въ Петербургѣ, въ царствованіе Петра Великаго для навигацкихъ учениковъ. Неотступныя и усильныя просьбы, чтобъ старикъ Дудинъ ссудилъ его ими на нѣсколько дней, оставались всегда тщетными. Отрокъ, пылающій ревностію къ ученію, долгое время умышленно угождая тремъ стариковымъ сыновьямъ, довелъ ихъ до того, что выдали они ему сіи книги. Отъ сего самаго времени не разставался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и, непрестанно читая, вытвердилъ наизусть. Самъ онъ потомъ называлъ ихъ вратами своей учености. На тринадцатомъ году, младый его разумъ уловленъ былъ раскольниками такъ называемаго толка безпоповщины, держался онаго два года, но скоро позналъ, что заблуждаетъ».

Нельзя не сознаться, что въ судьбѣ Ломоносова ребенка и юноши было много поэтическаго, и что событія, случившіяся съ нимъ тогда, являются намъ теперь какъ будто преднамѣренно чрезвычайными и неожиданными, чтобы потомъ черезъ нихъ подготовить Россіи перваго ученаго и писателя именно для того времени, когда ей суждено было итти по пути, указанному могучею волею царя-преобразователя. Рожденіе въ бѣдной деревушкѣ, въ суровой мѣстности, тяжелый трудъ во время переѣздовъ съ отцомъ, посѣщеніе далекихъ поморскихъ солеваренъ; созерцаніе величественной и грозной природы на Сѣверномъ океанѣ и Бѣломъ морѣ; наконецъ, это пребываніе въ расколѣ, и притомъ въ такомъ толкѣ, который отличался, болѣе чѣмъ другіе, своими крайностями и увлеченіемъ, въ толкѣ, послѣдователи котораго лучше предпочитали умирать сотнями въ срубяхъ, заботливо устроенныхъ ихъ собственными руками, чѣмъ отступить отъ своихъ вѣрованій — все это видѣлъ, испыталъ Ломоносовъ, и все это онъ кинулъ, какъ неудовлетворявшее его стремленій, въ которыхъ онъ, вѣроятно, не могъ себѣ отдать отчета, живя въ Денисовкѣ.

Даже самая книги, которая онъ называлъ «вратами своей учености», даже эти книги какъ будто не случайно попались въ руки

Ломоносова: и грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго были самыми крупными и едва не единственными представителями книжной мудрости въ до-петровской Руси. Онѣ обѣ суть наслѣдіе польской схоластики, которая стала было пользоваться у насъ правомъ господства чрезъ представителей кievской учености, находившихъ себѣ пріютъ въ гостепрiимной Москвѣ. Извѣстно, какое потомъ оказало вліяніе произведеніе Смотрицкаго на грамматику Ломоносова. Что же касается до ариѳметики Магницкаго, то замѣтить слѣдуетъ, что нѣкоторые, увлеклись тамъ стихами

Зане разумъ весь собралъ и чинъ
Природный русскій, а не нѣмчинъ,

считали Магницкаго творцомъ этого произведенія; на самомъ же дѣлѣ онъ былъ только собирателемъ, начинавшимъ свою компиляцію силлабическими виршами дѣйствительно своей работы. Старинныя рукописи, изъ которыхъ составилъ Магницкій свою компиляцію, донинѣ уцѣлѣли и несомнѣнно перешли къ намъ изъ Польши, въ которой были, кажется, и печатныя произведенія этого рода.

Пекарскій.

Первыя впечатлѣнія дѣтства въ родномъ краю и Славяно-Греко-Латинской академіи.

Далекая родина Ломоносова — Архангельской губерніи, недалеко отъ Холмогоръ, на островѣ Сѣверной Двины, деревня Болото, или Денисовка, съ своею бѣдною природою, заключала однакожь въ себѣ условія для того, чтобъ подѣйствовать на перваго представителя духовныхъ стремленій новой Россіи. Ломоносовъ былъ потомкомъ старинныхъ новгородскихъ колонистовъ, заселившихъ этотъ пустынный край. Семья, гдѣ онъ выросъ, занималась рыбными промыслами по Бѣлому морю и Сѣверному океану. Отецъ Ломоносова былъ чело-вѣкъ достаточный, вслѣдствіе своей предпріимчивости; въ трудныхъ плаваніяхъ онъ встрѣчался часто съ разными опасностями, и рассказы его и бывалыхъ людей объ ужасахъ Ледовитаго океана, о страшныхъ зимахъ, проведенныхъ на островахъ Колгуевѣ, Новой Землѣ, Шпицбергенѣ, были первыми впечатлѣніями, поразившими дѣтское воображеніе Ломоносова. Мальчикомъ онъ участвовалъ въ промыслахъ отца, который бралъ его съ собою. Они ходили далеко въ Бѣлое море и даже въ Сѣверный океанъ. Первыя впечатлѣнія свои о видѣнномъ, о печальной и вмѣстѣ величавой природѣ этихъ отдаленныхъ мѣстностей, онъ сохранилъ потомъ въ зрѣломъ возрастѣ, чтобъ повѣрить ихъ наукою. Безжизненные пространства, песчаные бугры и каменные луды, покрытыя раковинами, часто вспоминались ему въ Германіи, гдѣ онъ учился естественнымъ наукамъ. Величественное явленіе полярныхъ странъ, сѣверное сіяніе,

дающее какую-то особую жизнь безконечной ночи подъ широтою полюса, возбуждившее потомъ его научныя объясненія, осталось навсегда законченнымъ образомъ въ его поэзіи. Такія явленія родной сѣверной природы и невольно подымавшіеся въ душѣ вопросы, вызываемые ими, требовавшіе объясненія, наполняя его душу мыслию о величій Творца природы, рано возбуждали его любопытство, развивали его сознание, ставили его, какъ даровитаго мальчика, высоко надъ сверстниками.

Первыя впечатлѣнія Ломоносова на его далекой родинѣ имѣли глубокое нравственное вліяніе на него. Природа сѣвера, съ своими величавыми явленіями, далекія и трудныя плаванія близкихъ ему людей и его самого — должны были рано образовать душу Ломоносова и дать ему ту силу воли, которая спасла его въ жизни и выдвинула его впередъ. Въ родной семьѣ встрѣтилъ онъ однако отрицательныя условія для развитія. Она не давала ему ничего отъ себя. Подобно множеству русскихъ людей, Ломоносовъ росъ посреди домашней борьбы, придающей иногда силу молодой душѣ, приготавливающей ее для жизни. Его мать, дьяконская дочь изъ сосѣдней волости умерла. Онъ не помнитъ ея. Когда началось ученье Ломоносова грамотѣ, — положительно сказать нельзя, но началось оно не рано, тогда уже, когда Ломоносовъ познакомился съ моремъ, и началось обыкновеннымъ для русскихъ, вѣковымъ путемъ — чтеніемъ и изученіемъ богослужебныхъ книгъ. Первымъ учителемъ Ломоносова былъ грамотный крестьянинъ ихъ же волости, Иванъ Шубной, принимавшій значительное участіе въ судьбѣ Ломоносова и чуть ли не внушившій ему мысли — бѣжать въ Москву. Черезъ два года ученья, Ломоносовъ былъ уже отличнымъ чтецомъ въ церкви. Первыя мысли и свѣдѣнія, первые поэтическіе образы достались ему на языкѣ церкви и были усвоены имъ въ первоначальной формѣ своей. Формы церковно-славянскаго языка, чуждыя всего обыденно-житейскаго, отрѣщенные отъ жизни и потому какъ бы навѣки окрѣпшія съ своимъ всеобщимъ содержаніемъ, держали складъ ума его постоянно въ возвышенной сферѣ. Христіанская поэзія каноновъ и церковныхъ гимновъ, пѣсни Давида и слова пророковъ — заучивались Ломоносовымъ и образовали въ душѣ его выраженіе того положительнаго и твердаго религіознаго чувства, которое составляетъ какъ бы существенное свойство русской природы, чувства, чуждаго и мечтательности и вялаго піетизма. Вѣра Ломоносова, часто спасавшая его въ жизни, выросла подъ впечатлѣніями дѣтства. Это была крѣпкая вѣра моряка, у котораго, посреди грозящихъ отовсюду опасностей, ничего не остается, кромѣ этой вѣры. Горячая молитва и вслѣдъ за нею увѣренность въ близкую помощь Божію, — эти народныя свойства вѣры, составляли и религіозное чувство Ломоносова. «Я полагаюсь на помощь Всевышняго, — говоритъ онъ, — который былъ мнѣ въ жизни защитникомъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ Нимъ слезы въ своей справедливости». Сѣверъ Руси, обширныя простран-

ства, составляющія теперешнія губерніи Олонецкую и Архангельскую, тундры по теченію Сѣверной Двины, Печоры и Мезени, съ конца XVII вѣка были полны религіознымъ движеніемъ раскола, занесеннаго сюда московскими выходцами. Оно было въ полной силѣ во время дѣтства Ломоносова. Расколъ развивался тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ жесточе были преслѣдованія, чѣмъ суровѣе развѣтывалась кругомъ печальная обстановка трудной жизни и бѣдной природы. Душа уходила отъ внѣшняго міра и въ глубинѣ своей искала вознагражденія за лишенія, которыя давались жизнію. Молодой Ломоносовъ, по собственному признанію, былъ окруженъ этою религіозною жизнію, близкіе люди увлекали его въ расколъ. Но фактъ этотъ остался безъ вліянія на него. Его вѣра была чужда всякаго фанатизма. Его благочестіе имѣло реальный характеръ.

Зато историческая дѣйствительность русской жизни, новая жизнь, въ которую вступала страна съ реформою Петра, очень рано и могущественно поразила Ломоносова. Царь, добываясь моря и пути въ Европу, нѣсколько разъ посѣщалъ далекую родину Ломоносова въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка, окруженный всею военною помпою, кораблями, войскомъ пушками. Онъ строилъ верфи, закладывалъ корабли, ласкалъ моряковъ-промышленниковъ. Ломоносовъ не могъ видѣть самого Петра, но онъ видѣлъ свѣжіе труды его пребыванія въ Архангельскѣ, на Двинѣ, на Соловецкомъ островѣ; онъ видѣлъ собственноручно сдѣланные царемъ громадныя кресты изъ лиственницы, поставленные имъ, по обычаю прибрежныхъ жителей Бѣлаго моря, на утесахъ и въ глухихъ тундрахъ, гдѣ проходилъ царь; онъ слышалъ кругомъ себя одушевленные воспоминанія о царѣ, и величавый, строгій образъ Петра остался въ его умѣ навсегда, подобно образу мифическаго Геркулеса въ борьбѣ съ первобытными силами природы. Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ раздѣлялъ убѣжденія всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ современниковъ своихъ въ царствованіе Елизаветы. Не выдавъ никогда царя, онъ сердечно жалѣлъ о томъ. «Блаженны тѣ очи», — говоритъ онъ, — «которыя божественнаго сего мужа на землѣ видѣли! Блаженны и треблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ нимъ и за него проливали, и которыхъ онъ за вѣрную службу въ главу и въ очи цѣловалъ помазанными своими устами!» Петръ, по убѣжденію Ломоносова, уничижалъ въ Россіи «ночь варварства»; онъ поставилъ ее «на пути яснаго познанія». Петръ неотразимо властвовалъ надъ душою Ломоносова. Онъ слился для него въ одно съ народомъ, и вездѣ онъ видѣлъ царя. «Я въ полѣ межъ огнемъ, — говоритъ онъ, — я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народомъ множествомъ; я межъ стenanіемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь: *вездѣ Петра Великаго вижу* въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу

самъ себя увѣрить, что *одинъ вездѣ Петръ*, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча». Нѣтъ ни одной рѣчи Ломоносова, въ которой бы съ восторгомъ не упоминалось о Петрѣ и о томъ, что онъ сдѣлалъ для Россіи. Вся исторія Россіи возводится къ нему, и всею душою Ломоносовъ сдѣлался сыномъ реформы, проводя въ жизнь ея идеи. Онъ никогда не видѣлъ черныхъ сторонъ преобразованія.

Нельзя назвать бѣдною впечатлѣніями молодую жизнь на родинѣ Ломоносова. Море, сѣверная природа, вѣра, достаточная жизнь въ средѣ народа и исполинскій образъ царя, въ которомъ олицетворялась для Ломоносова вся Россія, были могущественными стихіями его духовнаго развитія. Немногимъ на долю изъ его современниковъ выпало столько благоприятныхъ условій. Они спасли его посреди искусственной, мишурной жизни Петербурга, дали ему средства сохранить здѣсь цѣльность и оригинальность своей натуры. Сюда надобно присоединить и первое чтеніе, первыя книги, по которымъ образовался Ломоносовъ, послѣ знакомства съ церковною службою и канонами. Образование заходило и на пустынную родину Ломоносова. Въ домѣ односельца своего, Христофора Дудина, онъ узналъ о существованіи книгъ нецерковныхъ и, послѣ долгихъ усилій, добылъ ихъ себѣ. Изъ трехъ знаменитыхъ тогда книгъ, изучаемыхъ Ломоносовымъ «въ уѣдиненныхъ и пустыхъ мѣстахъ» — грамматики Смотрицкаго, псалтыри, переложенной въ силлабическіе стихи С. Полоцкимъ и ариметики Магницкаго, двухъ послѣднимъ особенно, многимъ былъ обязанъ Ломоносовъ. Первая учила его духовной поэзіи; вторая, энциклопедія своего рода, давала ему множество разнообразныхъ свѣдѣній, интересовавшихъ его: по естественнымъ наукамъ, физикѣ, математикѣ. Не этимъ книгамъ, конечно, а внутренней силѣ души и воли, внутреннему голосу, жаждѣ знанія и образованія, томившей его, обязанъ былъ Ломоносовъ рѣшеніемъ, которое увлекало его изъ родины въ Москву и сдѣлало знаменитымъ человѣкомъ Русской земли. Какъ человѣкъ, сильной волею, уже окрѣпшею въ нерадостной жизни, онъ въ этомъ рѣшеніи, конечно, обязанъ былъ болѣе всего самому себѣ. Самъ онъ говоритъ только о своемъ твердомъ упованіи на Бога. О постороннемъ вліяніи, о чужихъ совѣтахъ въ столь важномъ рѣшеніи, измѣнившемъ участь Ломоносова, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, и тѣмъ лучше: личность Ломоносова отъ того болѣе выигрываетъ и становится выше.

Жизнь Ломоносова не романъ съ придуманными препятствіями, а правда и, слава Богу, нерѣдкая въ странѣ нашей дѣйствительность. Многимъ приводится такъ же пробиваться сквозь толстую кору невѣжества, семейнаго гнета, бѣдности и поруганій, но, конечно, слишкомъ немногимъ выпадаетъ значеніе Ломоносова. Онъ былъ уже зрѣлымъ юношей, лѣтъ 18 или 19, когда ушелъ въ Москву. Отецъ позаботился уже приискать ему въ Колѣ невѣсту, разчитывая на помощь взрослого и здороваго сына въ рыболовномъ промыслѣ. Ло-

моносовъ бѣжалъ тайно изъ отцовскаго дома. Пренный учитель, Шубной или Шубинъ, далъ ему на дорогу китайчатое полукафтанье да три рубля денегъ. По дорогѣ онъ прожилъ нѣсколько времени въ Сійскомъ монастырѣ, гдѣ читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Можетъ-быть, бывалые монахи этого монастыря помогли Ломоносову совѣтомъ и матеріальными средствами. Отсюда пѣшкомъ, съ обозомъ рыбы, Ломоносовъ добрался до Москвы. Первую ночь въ незнакомомъ городѣ онъ провелъ въ рыбномъ ряду, въ саняхъ, и первое московское впечатлѣніе былъ звонъ колоколенъ, главы и кресты церквей, на которые онъ усердно молился, чувствуя свое одиночество въ шумѣ новой жизни. Онъ молился, какъ самъ говоритъ, «чтобы Богъ его призрѣлъ и помиловалъ». Случайно встрѣченный имъ землякъ, по фамиліи Пятухинъ, бывший чымъ-то приказчикомъ, пріютилъ его къ себѣ и далъ ему уголь между слугами того дома, гдѣ самъ служилъ. Онъ помогалъ ему и деньгами, и онъ же доставилъ ему потомъ знакомство между монахами Заиконоспасскаго монастыря. Сначала Ломоносовъ добился позволенія учиться на Сухаревой башнѣ, въ первой навигаціонной школѣ, заведенной Петромъ. Школа эта, съ своимъ первоначальнымъ ученіемъ, не могла удовлетворить уже взрослому Ломоносову. Въ Москвѣ было тогда одно высшее училище: Славяно-греко-латинская или Заиконоспасская академія, но бѣглому крестьянскому сыну трудно попасть въ него. Чтобы поступить въ это училище, Ломоносовъ, по однимъ извѣстіямъ, выдалъ себя за дворянскаго, по другимъ за поповскаго сына. Сохранилось преданіе, что знаменитый сподвижникъ Петра Великаго, Теофанъ Прокоповичъ помогъ ему, когда онъ боялся послѣдствій своего самозванства. «Не бойся ничего», — говорилъ онъ, Ломоносову, — «хотя бы со звономъ въ большой колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ: я — твой защитникъ».

Московская академія, гдѣ Ломоносову пришлось знакомиться съ началами науки, сдѣлала много для его духовнаго развитія. Знакомство съ наукою происходило однако въ той неизбѣжной схоластической формѣ, которая составляла сущность тогдашняго ученія. Схоластическая рутина эта, о которой привыкли говорить съ презрѣніемъ, имѣла свои хорошія стороны. Она давала образованіе, основанное на языкахъ классическихъ, — то, которое извѣстно Европѣ, и такимъ образомъ невольно вводила ученика въ кругъ обще-человѣческихъ представленій. Въ академическомъ ученіи были историческія преданія и извѣстныя формы, въ которыя укладывался умъ. Человѣкъ получалъ здѣсь опредѣленный характеръ, котораго не дастъ образованіе, не имѣющее твердыхъ началъ. Для пылкаго, неустановившагося, неразвитаго ума Ломоносова необходима была такая строгая школа. Въ академіи онъ познакомился съ языкомъ латинскимъ, тогда общимъ языкомъ европейской науки, познакомился съ латинской литературой, имѣвшей потомъ вліяніе на складъ поэтическихъ и прозаическихъ его произведеній и самъ выучился писать латинскіе стихи.

Въ академіи онъ читалъ русскія лѣтописи, подробно узналъ св. писаніе, отцовъ Церкви, и въ особенности современныя теоріи реторическія, въ рамки которыхъ должна была уложиться его поэзія.

Тяжелы были для Ломоносова эти первые годы знакомства — съ наукой. «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, пишетъ онъ къ И. И. Шувалову, — имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда кромѣ меня дѣтей не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, *несказанная бѣдность*: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть пропитанія въ день больше какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная отца моего достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотрите, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться!» Эта горькая нужда и тяжелая дѣйствительность образовали характеръ Ломоносова, дали ему гордость, стоическое терпѣніе и силу «бороться съ гонителями наукъ», дали ему благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже». Онъ могъ выдержать «борьбу до гроба», не измѣнивъ себѣ и своимъ началамъ. Жизнь Ломоносова вырастаетъ передъ нами, какъ подвигъ, какъ борьба.

Лавровскій.

Ломоносовъ и Славяно-греко-латинская академія.

1731-й годъ, годъ поступленія Ломоносова въ Московскую Славяно-греко-латинскую академію, былъ сорокъ пятымъ годомъ со времени ея открытія и тридцатымъ отъ перваго ея преобразованія. Первые пятнадцать лѣтъ (1684—1700) составляютъ отдѣльный періодъ въ жизни только что народившагося учебнаго учрежденія, характеризующійся преобладаніемъ греческаго образованія и неполнотою круга наукъ, тогда преподававшихся. По грамотѣ царя Θεодора Алексѣевича 1682 года въ академію вводился обширный курсъ ученія, — именно, въ ней предназначалось преподавать: грамматику, піитику, риторику, діалектику, философію и богословіе, — кромѣ того, право церковное и гражданское и прочія свободныя науки. Но эта обширная программа на первыхъ порахъ не могла быть выполнена: наставниковъ было всего двое. Братья Лихуды въ продолженіе осьми лѣтъ (1685—1693) преподавали ученикамъ своимъ, которыхъ (кстати замѣтить) было еще

меньше ста человекъ, грамматику, пиитику на греческомъ языкѣ, риторикѣ, логику и малую часть физики на греческомъ и латинскомъ языкѣ. Слѣдующіе за ними опять два наставника, ученики Лихудовъ Николай Семеновъ и Ѳеодоръ Поликарповъ въ теченіе пяти съ половиною лѣтъ (1694—1699) преподавали на одномъ греческомъ языкѣ грамматику, пиитику и риторикѣ; философіи же и богословія не преподавали, потому что и сами не успѣли слышать этихъ наукъ отъ Лихудовъ. Латинскій языкъ по настоящему требованію патріарха іерусалимскаго, изгнанъ былъ изъ академіи. Это — первый періодъ въ исторіи академіи, когда она называлась въ официальныхъ бумагахъ «греческими школами, еллино-славенскими схолами». Въ 1701 году послѣдовало коренное преобразование. Императоръ Петръ I указомъ отъ 7 іюля 1701 года повелѣлъ мѣстоблюстителю патріаршаго престола и первому «протектору» Московской академіи Стефану Яворскому «завестъ въ академіи ученія латинскія», что, впрочемъ, было сдѣлано нѣсколько раньше, само собою, такъ какъ завѣдывавшій академіей съ 1700 года докторъ философскихъ и богословскихъ наукъ Палладій Роговскій († 23 янв. 1703 г.) не зналъ языка греческаго и училъ только на латинскомъ языкѣ, Стефанъ Яворскій, питомецъ Кіевской академіи, въ силу указа царскаго вызвалъ въ 1701 году изъ Кіева наставниковъ, которые ввели въ Московскую академію уже полный кругъ наукъ, какія читаны были тогда въ Кіевѣ, ввели въ нее и ту же методу преподаванія и всѣ тѣ же порядки, какъ училищные, такъ и домашніе, словомъ, дали ей и духъ и внѣшній видъ академіи Кіевской: Московская академія явилась какъ бы колоніей Кіевской и точной копіей своей метрополи. Съ этого времени Московская славяно-греко-латинская академія болѣе тридцати лѣтъ находилась подъ исключительнымъ, и вплоть до времени митрополита Платона подъ преобладающимъ влияніемъ кіевскихъ воспитанниковъ. (Припомнимъ, что съ 1705 года въ историческомъ развитіи Кіевской академіи начался новый періодъ — оживленія и процвѣтанія кіевской науки и литературы, произведеннаго Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и поддерживавшагося почти до второй половины XVIII в.) Это — второй періодъ въ исторіи академіи (1700—1775), когда она въ официальныхъ бумагахъ именовалась, большею частію, «латинскими, славяно-латинскими школами». Въ бытность здѣсь Ломоносова, всѣ ректора, префекты и наставники были изъ Кіевской академіи. Ломоносовъ принятъ въ академію при ректорѣ Германѣ Концевичѣ, за которымъ слѣдовали ректора Софроній Мигалевичъ и Стефанъ Калиновскій, выбравшій Ломоносова и еще 11 человекъ для опредѣленія въ Академію Наукъ. Префекты: Иннокентій Нероновичъ, Стефанъ Калиновскій и Антоній Кувичинскій; у этого послѣдняго Ломоносовъ слушалъ философію. Изъ наставниковъ Ломоносова еще извѣстны: учитель грамматики Давидъ Данелъвичъ, учитель пиитики Ѳеодоръ, послѣ Ѳеофилакты Квѣтницкій и учитель риторики Порфирій Крайскій. Всѣ они, питомцы кіевской

школы, въ преподаваніи своемъ естественно слѣдовали учебнымъ руководствамъ кievскимъ. — Каковъ же былъ составъ наукъ и каковы порядки въ Московской академіи въ бытность въ ней Ломоносова?

Въ тогдашней Московской академіи, какъ и въ Кіевской, было восемь классовъ: фара (она же и аналогія), инфима, грамматика, синтаксима, піитика, риторика, философія и богословіе. Первые четыре класса назывались низшими, піитика и риторика — средними, а философія и богословіе — высшими. Ученики послѣднихъ двухъ классовъ получали почетное названіе студентовъ. Курсъ богословія, какъ самаго главнаго предмета, длился долго, именно четыре года; философіи и риторики по два года; піитики и синтаксисы по одному году. Время перевода изъ трехъ первыхъ низшихъ классовъ опредѣлялось успѣхами учениковъ. Ломоносовъ, напр., въ одинъ годъ прошелъ всѣ три класса, а ученики лѣнливые или малодаровитые и въ этихъ классахъ сидѣли по нѣскольку лѣтъ. Чему же и какъ тогда учили? Въ фарѣ учили читать и писать по-латыни. Въ инфимѣ преподавались первыя грамматическія правила славяно-русскаго и латинскаго языковъ. Въ грамматикѣ обращалось преимущественное вниманіе на изученіе грамматическихъ правилъ латинскаго языка до синтаксиса и оканчивалось изученіе славянской грамматики. Кромѣ того, здѣсь же учили географіи, исторіи и начинали преподаваніе ученія катехизическаго и ариѳметики. Съ этого класса ученику вмѣнялось въ непремѣнную обязанность говорить по-латыни, особенно въ школѣ. Въ синтаксимѣ читали синтаксисъ латинскій и оканчивали преподаваніе краткаго катехизиса, исторіи, географіи и ариѳметики. Особенное вниманіе въ этомъ классѣ обращалось на изученіе такъ называемаго краснорѣчиваго синтаксиса (*sintaxis figurata, ornata*), по которому ученики синтаксисы должны были говорить и составлять задачи на латинскомъ языкѣ не только грамматически правильно, но и краснорѣчиво. — Много предметовъ преподавалось въ четырехъ низшихъ классахъ Московской академіи, но главнымъ изъ нихъ считался, какъ и въ Кіевской, латинскій языкъ. То былъ языкъ науки во всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ училищахъ. Безъ этого языка нельзя было пріобрѣсти названіе образованнаго человѣка. Съ 30-хъ годовъ XVIII столѣтія въ Кіевской академіи принята латинская грамматика Эммануэля Альвара «*De institutione grammatica libri III*», и кіевскіе наставники, конечно, не замедлили ввести ее и въ Московскую академію, въ которой она, впрочемъ, и прежде обращалась, какъ видно изъ описи книгъ Симеона Полоцкаго и Сильверста Медвѣдева, поступившихъ въ 1689 году въ распоряженіе академіи. Между другими книгами въ этой описи значится: «23 книги Алваровъ». Это руководство въ педагогическомъ отношеніи считается теперь крайне неудовлетворительнымъ: оно растянуто, а по мѣстамъ, написанное стихами, крайне трудно для пониманія и изученія. Кіевскіе наставники и у себя въ Кіевѣ и Московской академіи старались упростить его, выдавая по грамматикѣ рукописныя лекціи и правила. Соотвѣт-

ственно важности латинскаго языка, и отчета въ заданномъ урокъ требовали гораздо строже, чѣмъ по другимъ предметамъ. Слѣдить за степенью прилежанія и успѣховъ каждаго изъ учениковъ помогали учителю аудиторы, выбиравшіеся изъ учениковъ наиболѣе прилежныхъ. Они, выслушавъ предъ приходомъ учителя подвѣдомственныхъ себѣ товарищей, отмѣчали степень ихъ знанія или незнанія въ нотатахъ или эрратахъ (*notata seu errata*), и представляли эти нотаты учителю въ классѣ. Учитель повѣрялъ, отмѣчалъ лѣнивыхъ и давалъ новые уроки. Въ каждую субботу происходила главная репетиція за цѣлую недѣлю, что называлось *sabbativa*. Тутъ же чинима была расправа съ лѣнивыми учениками. Изученіе латинскаго языка было, впрочемъ, болѣе живое, чѣмъ книжное. Я уже упоминалъ объ обязательности латинскихъ разговоровъ — домашнихъ и особенно школьныхъ для учениковъ грамматики и синтаксисы. Разговоры эти имѣли важное педагогическое значеніе. Въ нихъ съ замѣчательною послѣдовательностію излагались и преподавались на практикѣ грамматическія правила латинскаго языка. Но ими хотѣли не только научить школьниковъ латинскому языку, но и вообще развить ихъ мыслительныя способности... Какъ средство соревнованія и побужденія постоянно и правильно говорить по-латыни въ Кіевской академіи введенъ былъ такъ называемый «калькулюсъ». Ученику, начиная съ класса грамматики, сказавшему что-нибудь не по-латыни или сказавшему какую-нибудь фразу хотя и по-латыни, но противъ грамматики, товарищи тотчасъ вѣшали на шею «*calculus*» — узенькій столпцеватый бумажный свертокъ, вложенный въ небольшой футляръ. Имѣющій эту явную улику своего преступленія всѣми силами старался сбыть «*calculus*» кому-либо менѣе его осторожному и опытному въ латинскомъ языкѣ, — и горе, если этотъ свертокъ остался у кого-нибудь черезъ ночь. Аудиторъ отмѣчалъ тогда: *pernoctavit apud dominum №* (переночевалъ у господина такого-то), и бѣдный *dominus* подвергался стыду и понощенію отъ своихъ товарищей, да, сверхъ того, и тѣлесному наказанію отъ учителя. Калькулюсъ, повидимому, примѣнялся и Московской академіи, во время Ломоносова: «Услышали мухи медовые духи» и т. д., сохраненные землякомъ его Кочневымъ и напечатанные въ «Путешествіяхъ академика Лепехина» имѣютъ тамъ такое заглавіе: «Сочиненіе г. Ломоносова въ Московской академіи за учиненный имъ школьный проступокъ. *Calculus dictus*». — Важнымъ средствомъ къ изученію латинскаго языка и вообще къ развитію учениковъ служили письменныя упражненія и задачи. Школьныя задачи назывались экзерциціями (*exercitiae*), домашнія — оккупаціями (*occupaciones*). Учитель прочитывалъ ихъ и возвращалъ ученикамъ съ своею рецензіей и замѣчаніями.

Окончившій ученіе въ низшихъ классахъ переходилъ въ средніе: піитику и потомъ риторiku. Поэзія поставлена прежде искусства краснорѣчія. Поэзія понималась тогда довольно наивно, какъ *ars pangendi versus*, какъ искусство сплетать вирши, для чего не

требовалось большого труда и строгой последовательности мыслей, особенно подъ защитою такъ называемой вольности піитической. Механическая работа стихосложенія сама собою вызвала слово за словомъ, и это тѣмъ легче, что всякій порядочный ученикъ переходилъ изъ синтаксисы въ піитику съ огромнымъ запасомъ равнозначащихъ выраженій, эпитетовъ и сближенія понятій. Отъ неизбѣжныхъ справокъ съ лексиконами при синтактическихъ переводахъ и отъ критическаго выбора того или другого болѣе годнаго выраженія у ученика синтаксисы, при его переводѣ въ піитику, накоплялось цѣлое море словъ и понятій, упорядочить которыя и предстояло піитикѣ съ ея правилами о количествѣ слоговъ, метрѣ, цезурѣ и т. д. Да и въ отношеніи пользы піитика, по мнѣнію средневѣковыхъ ученыхъ, принятому въ нашихъ старинныхъ школахъ, значительно уступала риторикѣ, и это опять было причиною того, что въ восходящемъ порядкѣ наукъ отъ низшихъ къ высшимъ она заняла мѣсто ниже риторики и предшествовала ей. Учитель піитики предлагалъ своимъ слушателямъ «стихотворное ученіе» латинское и русское, и изъяснялъ роды и виды поэзіи. Какъ поставлено было во времена Ломоносова преподаваніе этой науки, объ этомъ мы можемъ составить совершенно опредѣлительное понятіе, такъ какъ до насъ дошелъ учебникъ піитики Теодора Квѣтницкаго, бывшаго учителемъ Ломоносова. Вотъ полное заглавіе этой піитики: «*Clavis poetica Rossiacae juventuti januam vivos ad Parnassi fontes duplici methodo: unâ ligatae, alterâ solutae orationis aperiens Avgustissima Imperante Aunâ non ferreo Vulcani malleo, sed cerebelleâ Theodori Kwietnitscii, include Mosqvensi in Academia excusa. Annus in axe rotam Christi volvebat amandi 1732. Clara Novembris erat septima lux decima 17*». Учебникъ Квѣтницкаго составленъ по образцу латино-польскихъ піитикъ, господствовавшихъ тогда въ Кіевской академіи, а потому не излишне будетъ предпослать краткій очеркъ кіевской піитики въ первую четверть XVIII вѣка.

Піитика въ старой Кіевской академіи раздѣлялась на общую и частную или прикладную. Въ общей излагались понятія объ элементахъ поэзіи, о подражаніи и о механизмѣ стиховъ, въ частной—излагались виды поэтическихъ произведеній, правила ихъ составленія и предлагались самые образцы. Въ кіевскомъ учебникѣ піитики 1719—1720 года «*Parnassus aliis Apollinis cythara*» поэзія опредѣляется какъ наука — выражать стихомъ подражаніе дѣйствіямъ человѣческимъ. Подражаніе, т. е. изображеніе другой вещи или произведеніе образовъ—главное дѣло въ поэіи. Это—душа поэзіи, ея внутренняя сторона. Подражаніе бываетъ двоякаго рода: подражаніе природѣ, т. е. изображеніе или вымыселъ какого-либо правдоподобнаго предмета, и подражаніе въ трудѣ, т. е. сходство съ образцомъ въ изображеніи, или расположеніи, или выраженіи. Изъ піитическихъ руководствъ классическаго міра кіевскія піитики заимствовали понятіе о различныхъ родахъ, названіи, цезурѣ, досто-

инствахъ и недостаткахъ латинскаго стиха, а изъ средневѣковыхъ іезуитскихъ піитикъ Іакова Понтана и Воссія—различные виды такъ наз. курьезнаго или забавнаго стиха (стихъ каббаллистическій, раковидный, леонинскій, разные виды акростиха, стихи въ формѣ яйца, бокала, куба, пирамиды и т. п.). Стихъ польскій и русскій образовался по образцу латинскаго стиха, какъ классическаго, такъ и средневѣковаго «курьезнаго». Русскій стихъ не сразу вошелъ въ кievскую піитику. Древнѣйшія кievскія піитики говорятъ только о латинскомъ и польскомъ стихѣ, хотя внѣ теоріи и было не мало опытовъ русскаго стихотворства. Піитика 1720 года («Parnasus») говоритъ о польско-русскомъ стихѣ въ приложеніи, безъ особой главы, а піитика 1736 года («Hortus poeticus») трактуетъ о русско-польскомъ стихосложеніи уже не въ прибавленіи, а въ самой наукѣ, и русско-польскому стиху отдаетъ предпочтеніе предъ латинскимъ. Частная или прикладная піитика трактовала о различныхъ родахъ и формахъ поэтическихъ произведеній. Въ кievскихъ піитикахъ конца XVII и первой четверти XVIII вѣка перечисляются слѣдующіе роды поэзіи: эпическая, драматическая, буколическая, сатирическая, элегическая, лирическая и эпиграмматическая. Они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ четыремъ важнѣйшимъ: поэзія эпическая, драматическая, лирическая и эпиграмматическая. Эпическая поэзія, по опредѣленію кievскихъ піитикъ, есть «подражаніе посредствомъ повѣствованія въ стихѣ гекзаметрѣ знаменитымъ дѣйствіямъ человѣческимъ. Частей эпопеи три: предложеніе, призываніе и повѣствованіе. Предложеніе должно быть кратко, ясно и умѣренно. Призываніе есть испрошеніе помощи божественной для счастливаго выполненія предложенія... Повѣствованіе есть изложеніе цѣлаго предмета въ извѣстномъ порядкѣ... Чтобы въ непрерывномъ повѣствованіи не родилась для слушателя скука, поэтъ долженъ помнить свою обязанность, т. е. онъ долженъ забавлять, и обязанъ предупредить пресыщеніе преимущественно изображеніемъ множества неожиданныхъ случаевъ и приключеній на войнѣ и въ дорогѣ, разнообразныхъ потрясеній—печали, удивленія, ужаса, также вымышленіемъ различныхъ краткихъ повѣствованій, напр., о томъ, что извѣстныя лица сдѣлали, или потерпѣли что-либо великое и единственное и т. п. Общій панегиристическій характеръ кievской литературы проникалъ и въ эпопею. Въ піитикахъ XVII вѣка поэма понималась какъ простой панегирикъ или какъ привѣтственная и поздравительная рѣчь въ стихахъ. Поэмы раздѣлялись на привѣтственныя при родинахъ, брачныя, благодарственныя, панегирическія, погребальныя. Образцами поэмы въ XVII вѣкѣ служили іезуитскія сочиненія Бидермана, Папинія Стація, Андрея Канонъ, Альберта Инесъ. Если произведенія первыхъ двухъ іезуитовъ носили все-таки характеръ эпопеи, зато произведенія польскихъ іезуитовъ Андрея Канонъ и Альберта Инесъ были не больше, какъ только сборниками одъ и панегириковъ. Теофанъ Прокоповичъ указалъ, какъ на образцы

поэмы, на произведенія Гомера, Виргилія, Торквато Тассо, Санназара и Кохановскаго. Вообще-то эпическая поэзія не процвѣтала въ Кіевской академіи. Большаго развитія достигла въ ней поэзія драматическая. По опредѣленію кіевской піитики 1729 года («*Via ingenuos poeseos candidatos in bicoltem parnassum... ducens*»), драматическая поэзія есть такая, въ которой другіе говорятъ, тогда какъ поэтъ молчитъ. Она раздѣляется на трагедію, комедію и трагедокомедію. Частей трагедіи пять: прологъ, протазисъ, эпитазисъ, катастазисъ и катастрофа. Трагедія и комедія раздѣляются на акты и сцены. Актвъ кіевская піитика XVIII вѣка назначала для всѣхъ родовъ драматической поэзіи пять, ни больше ни меньше. Кіевская драма XVII и начала XVIII вѣка представляла изъ себя копію іезуитской, особенно же польско-іезуитской драмы. По подражанію іезуитскимъ образцамъ, она брала содержаніемъ своимъ религіозно-народные предметы и лица, неуклонно слѣдовала церковно-библейскому разсказу о нихъ и имѣла строго церковный характеръ. Таковы мистеріи о страданіяхъ Христовыхъ, объ Алексѣѣ, чловѣкѣ Божіемъ, о паденіи первыхъ людей и божественномъ искупленіи. Новое направленіе кіевской драмѣ далъ Теофанъ Прокоповичъ трагедокомедіей: «Владиміръ славенороссійскихъ странъ князь и повелитель». Содержаніе для себя кіевская драма беретъ и всецѣло изъ русской исторіи, или же въ обработкѣ церковно-библейскаго сюжета, затрогиваетъ общественные и политическіе интересы южнаго края. Какъ на образцы въ области драматической поэзіи, піитика Теофана Прокоповича указываетъ на римскихъ классиковъ — въ драмѣ Сенеку, въ комедіи — Теренція и Плавта. Лирическая поэзія понималась въ старой Кіевской академіи какъ искусство составлять краткія стихотворенія, которыя первоначально пѣлись въ честь боговъ, героевъ и знаменитыхъ людей, а потомъ прилагаемы были ко всякой матеріи. Лирическая поэзія раздѣлялась на два главные отдѣла: первый составляли священные гимны и свѣтскія оды, второй — элегія. Образцами священныхъ гимновъ для кіевскихъ поэтовъ служили, главнымъ образомъ, гимны Мурета, составленные имъ по подражанію Горацію. По образцу гимновъ Мурета, у кіевскихъ ученыхъ являются священные гимны, въ которыхъ церковное событіе или жизнь святаго служитъ только поводомъ къ свободному выраженію чувствъ автора. Свѣтскія оды или привѣтственные стихи раздѣлялись на праздничные, родильные, именинные, брачные, похоронные, благодарственные, застольные и, какъ выше сказано, иногда относились къ поэмѣ. Главная отличительная черта этихъ стиховъ и одъ — чрезмѣрная лестъ восхваляемому лицу. Восхваляемого героя можно было сравнить со всякимъ предметомъ, какъ бы онъ ни былъ высокъ, даже съ самимъ Богомъ. Элегія, отличающаяся печальнымъ характеромъ, была духовная и свѣтская. Образцами первой служили западныя библейско-историческія элегіи, напр. Каспара Барлея «О Христѣ страждущемъ», Гуго Германа «*Pia desideria*», Мурета «*De vita instituenda*» и др. Люби-

мымъ предметомъ кievскихъ элегій или кантовъ было изображеніе смерти и послѣдняго суда. Свѣтская элегія развилась въ Кіевской академіи съ начала XVIII вѣка подъ вліяніемъ образцовъ классической элегіи. Теофанъ Прокоповичъ въ лирикѣ указывалъ, какъ на образцы, на Горація, Овидія, Катулла. Содержаніе для свѣтской элегіи заимствовалось изъ жизни общественной, а иногда и частной, личной. — Обширный отдѣлъ кievскихъ піитикъ XVII и первой четверти XVIII вѣка посвященъ былъ такъ наз. курьезнымъ стихамъ и замысловатымъ эпиграммамъ (отдѣлъ *de epigrammatibus artificiois*). Это были самые любимые модные роды стихотворства того времени. Правда, Теофанъ Прокоповичъ отвергъ «курьезную» эпигramму, какъ пустую, но и послѣ него она не была совершенно оставлена. Премникъ его по кафедрѣ піитики въ Кіевѣ, Лаврентій Горка чувствовалъ потребность выбросить изъ своего учебника ученіе объ этихъ «кропотливыхъ бездѣлкахъ» (*laboriosae pugae*), но у него не достало энергіи поднять руку на то, чѣмъ восхищался вѣкъ: «поелику, говоритъ онъ своей *«Edea artis poeseos»* 1707 года—вѣкъ нашъ находитъ въ нихъ такое удовольствіе, что нѣкоторые благоговѣютъ, кажется, предъ стихами этого рода, то и мы возымѣемъ терпѣніе показать здѣсь на концѣ эти трудныя, по выраженіе Горація, бездѣлицы, дабы кто-либо не укорилъ новичковъ, что они никогда не слыхали о нихъ». И Горка начинаетъ излагать ученіе о змѣиной эпиграммѣ, о стихахъ параллельныхъ, стихотворномъ эхо, объ эпиграммѣ Протей, и рисовать своимъ ученикамъ стихи въ видѣ яйца, бокала, пирамиды, куба, звѣзды, круга. О курьезной эпиграммѣ трактуетъ, какъ увидимъ ниже, и піитика учителя Ломоносова, Федора Квѣтницкаго. — Рядомъ съ этой искусственной эпиграммой въ Кіевской академіи развивалась эпиграмма церковная, иконописная, представлявшая изъ себя краткій и выразительный очеркъ характеристическихъ чертъ святого и назначенная для иконописцевъ и для подписей подъ иконами. Какъ на образцы для подражанія въ церковной эпиграммѣ, кievская піитика 1720 года «*Parnassus*» указываетъ на Бидермана, Бавгузія и особенно Сарбѣвскаго: «*Mathiae Cazimiri Sarbievii lyricorum libri IV, epodon liber unus alterque epigrammatum*». Имѣла мѣсто, наконецъ, эпиграмма, какъ сатирическое и замысловатое выраженіе, достоинства котораго состояли въ краткости, ясности и остроуміи.

Перехожу теперь къ обзору піитики Квѣтницкаго. «*Praefatio ad neopoetas*» въ восемнадцати четверостишіяхъ содержитъ, послѣ пріветствій и благожеланій, объясненіе понятій, входящихъ въ составъ заглавія піитики: *clavis*, *Parnassus*, *fons*, *malleus* и др. Самая піитика распадается на двѣ части («*methodi*»), та и другая часть («*methodus*») раздѣляется на отдѣлы («узлы», *nodii*), а эти на главы («развязки», *solutiones*). Первая часть «о рѣчи мѣрной, стихотворной» (*de oratione ligata*) состоитъ изъ пяти отдѣловъ («узловъ»): 1-й составляетъ введеніе въ піитику, 2-й трактуетъ о тропяхъ и фігу-

рахъ, 3-й о стихотворствѣ вообще (*de carmine in communi*), 4-й о по-собіяхъ стиха и 5-й о стихотворствѣ въ частности (*de carmine in specie*). Въ введеніи, послѣ общихъ замѣчаній о необходимости науки піитики), въ пяти «солюціяхъ» говорится о значеніи слова поэзія, о пользѣ, матеріи, формѣ и цѣли поэзіи, о различіи поэзіи отъ поэмы и раздѣленіи поэзіи. «Поэзія есть искусство о какой бы то ни было матеріи трактовать мѣрнымъ складомъ съ правдоподобнымъ вымысломъ, для увеселенія и пользы слушателей». «Вымыселъ—необходимое условіе для поэта, иначе онъ будетъ не поэтъ, а версификаторъ. Но вымыселъ не есть ложь. Лгать значить итти противъ разума. Поэтически вымышлять — значить находить нѣчто придуманное, т.-е. остроумное постиженіе соотвѣтствія между вещами несоотвѣтствующими. Великая польза поэзіи всѣми признана. Квѣтницкій приводитъ только стихъ Горация:

«Vixere fortes ante Agamemnona
Mulci: sed omnes illachrymabiles
Urgentur, ignotique longa
Nocte, carent quia vate sacro».

Матерія поэзіи—двокая: отдаленная и ближайшая. Отдаленная—всѣ вещи, дѣйствительныя, возможныя или только фантазіей измышленныя. Ближайшая—самые стихи о какомъ-либо предметѣ. Форма — расположение или упорядоченіе (*dispositio aut coordinatio*) стопъ по способу того или другого рода стихотвореній. Цѣль — говорить, двигать и увеселять чрезъ подражаніе и стихъ. «Поэзія — искусство, способность. Поэтъ — авторъ вымысла, творецъ стиховъ, композиторъ. Поэма или эпопея есть подражаніе дѣйствию героическому, стихомъ гекзаметромъ предложенное для возбужденія любви и жалости. Это—самое дѣло или плодъ поэта. Предметъ поэмы: войны, побѣды, подвиги во славу отечества, добродѣтели и Бога. Поэма состоитъ изъ трехъ частей: предложенія, призыванія и повѣствованія. Стиль можетъ быть употребляемъ въ поэіи троякій: низкій, средній и высокій. Поэзія раздѣляется на натуральную и искусственную, совершенную и несовершенную, священную и свѣтскую.

Отдѣлъ («узель, *nodus*») второй — о тропахъ и фигурахъ—имѣетъ семнадцать главъ («развязокъ, *solutiones*»). Съ этимъ отдѣломъ піитики Квѣтницкаго представляетъ близкое сходство вторая часть риторики Ломоносова (1744 годъ, напеч. 1748 годъ) «о тропахъ и фигурахъ реченій и предложеній». По опредѣленію Квѣтницкаго, «тропъ есть перемѣна или перенесеніе, гдѣ это пригодно, слова или рѣчи отъ собственнаго значенія на иное». Троповъ всегда одиннадцать. Семь троповъ слова (*verbi*): метафора, синекдоха, метонимія, антономазія, ономатопея, катахрезисъ, металепсисъ, и четыре тропа предложеній (*sensus*): аллегорія, перифразисъ, ипербатонъ и ипербола». Опредѣленія и способы образованія троповъ въ піитикѣ

Квѣтницкаго тѣ же, что и въ риторикѣ Ломоносова. Любопытно, что въ пиитикѣ Квѣтницкаго между латинскими примѣрами на тропы встрѣчаются и славянскіе стихи. Такъ, на тропѣ аллегорію:

Господствуешь ты славно, мы хлѣба лишены.
С полной бочки пьешь пиво, мы (воды?) обнажены.
Аще ты довольствоваться не могутъ двѣ рѣки,
Туне ищешь в студентахъ доволства во вѣки.
И еще: Аще у богатаго не испросишь злата,
Туне ищешь маргари у нищаго брата.

«Фигура есть новый способъ говоренія (*nova loquendi ratio*), отдаленный отъ вульгарной и обычной рѣчи. Отличается отъ тропа тѣмъ, что послѣдній переноситъ слово отъ собственнаго значенія на несобственное, а фигура простое реченіе изящно отдѣльваетъ (*expolit*), украшаетъ и выражаетъ. Фигуры реченій образуются троякимъ способомъ: чрезъ прибавленіе, отъятіе и уподобленіе. Первымъ способомъ образуются девять фигуръ, вторымъ пять, третьимъ восемь. Фигуръ предложеній двадцать шесть.

Отдѣль («узель», *nodus*) третій «о стихѣ латинскомъ вообще» содержитъ одиннадцать главъ («солуцій», развязокъ), въ коихъ трактуются о стопахъ, о свойствахъ и названіи стиховъ, объ украшеніяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ латинскаго стиха вообще и въ частности гексаметра и пентаметра, о стихѣ сафическомъ и о другихъ родахъ стихотвореній. «Какъ безъ фундамента не можетъ стоять домъ, и безъ крыльевъ не можетъ летать никакая птица, такъ и безъ стопъ никоимъ образомъ не можетъ составиться латинскій стихъ. Посему прежде всего рѣчь идетъ о стопахъ, какъ очень употребительныхъ, такъ и менѣе употребительныхъ. «Стопа — часть стиха, ограниченная извѣстнымъ числомъ слоговъ и порядкомъ». Стопы по количеству слоговъ бываютъ различны. Перечисляются виды стопъ двусложныхъ, трехсложныхъ и четырехсложныхъ. «*Carmen merum aut versus*» есть рѣчь, связанная извѣстнымъ родомъ, числомъ и порядкомъ стопъ. Стихъ разнообразно называется, — 1) отъ матеріи: героическій, элегическій, родинный (*geneticaum carmen*), буколическій, георгическій, комическій; 2) отъ изобрѣтателей: сафическій, адоническій, асклепиадскій, гликоническій, алкаическій, пиндаровъ, гораціанскій, фалевковъ; 3) отъ числа слоговъ: пятисложный, одиннадцатисложный; гекзаметръ — изъ шести метровъ или стопъ, пентаметръ — изъ пяти (ибо *pes*, стопа, иногда называется *metrum*); 4) отъ числа стопъ: бинарій или монометръ, сенарій или тринометръ, октонарій или тетраметръ; 5) отъ стопы: чаще полагаемой: ямбъ, трохей, дактиль, анапестъ; 6) отъ одной опредѣленной стопы: спондей; 7) отъ однообразія или разнообразія родовъ стиха: моноколонтъ, диколонтъ, триколонтъ, тетраколонтъ; 8) отъ числа стиховъ: дистихонъ, тетрастихонъ, экзастихонъ; 9) отъ полноты или недостатка стопъ: акаталектъ, иперкаталектъ, брахиталектъ; 10) отъ

инструментовъ: лирической отъ лиры, также—отъ мѣсть: делосскій отъ острова Делоса». Въ такомъ же порядкѣ перечисляются виды стиховъ въ кievскихъ пiитикахъ, напр., въ учебникѣ *Lyra* 1696 года. Объ украшенiяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ латинскаго стиха, въ частности гекзаметра и пентаметра, говорится довольно подробно. Въ образецъ сафическаго стиха приводятся латинскiе стихи Сарбѣевскаго. Въ послѣдней «развязкѣ» этого «узла» говорится о составѣ другихъ видовъ стихотворенiй, которыхъ насчитывается двѣнадцать.

Отдѣлъ или «узелъ» четвертый (*nodus quartus*) «о пособiяхъ стиха» имѣеть восемь главъ («развязокъ»), въ которыхъ трактуется о вымыслѣ, объ упражненiи посредствомъ перифраза и традукци, о способѣ изобрѣтать эпитеты, о синонимическихъ существительныхъ, о подражанiи, объ описанiи, о похвалѣ и порицанiи «Вымыслъ (*fictionis*) не только первое пособiе стиха, но самая душа всей поэзи... Ибо тотъ только можетъ считаться поэтомъ, кто умѣеть предлагать вымыслы. Вымыслы есть остроумное измышленiе (*ingeniosa excogitatio*) вещей правдоподобныхъ и завѣдомо ложныхъ, но приноровленныхъ къ предложенной матерiи. Или иначе вымыселъ есть рѣчь ложная, изображающая истину. Способъ изобрѣтенiя вымысла троякiй: 1) когда вещи безличной приписываемъ личность: душу, ростъ, физиономiю, голову, глаза, волоса, грудь, руки, ноги, 2) когда вещи, не обладающей голосомъ, приписываемъ голосъ и разговоръ и 3) когда вещамъ, не имѣющимъ исторiи, приписываемъ историческiя дѣянiя. Поэтическiй вымыселъ бываетъ четырехъ видовъ: нравственный, натуральный, смѣшанный и богословскiй. Первый имѣеть своимъ предметомъ нравы, добродѣтели, пороки, свойства душевныя. Второй вращается около мiра, неба, земли. Третiй — смѣсь тѣхъ и другихъ вымысловъ. Четвертый касается Бога, ангеловъ, святыхъ. У древнихъ, говоритъ Квѣтницкiй, вымышлены были многочисленныя басни о богахъ. Перечисленiе нѣкоторыхъ басенъ предлагается затѣмъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ образецъ перифраза, на ряду съ стихами Виргiнiя, приводятся славянскiе стихи:

Не полагай надежды ни въ чести, ни въ златѣ —

Нынѣ златомъ сіяешь, утро лежишь въ блатѣ.

Не надѣйся на злато, аще и сіяешь

Славою и честiю, утро прахъ бываешь и т. д.

Еще:

Имѣюще в тишинѣ снѣдь малу с водою

Не ищи трапез драгихъ полныхъ непокою.

Имѣюще снѣдь малу, но довольну мiра,

Бегай яствъ изобильныхъ, ждетъ тя пища сира

и т. д. перифразъ все той же мысли. Вотъ послѣднiй образецъ:

Малою трапезою аще еси воленъ,

Остави богатство, будь сею доволенъ.

Въ образецъ традукціи приводятся латинскіе стихи изъ Сарбѣевского и славянское переложеніе, вѣроятно, самого Квѣтницкаго на стихъ сафическій, асклепадскій, фалевковъ, ямбическій, алеманскій, трохаическій, пиндаровъ и гликоническій. — Способовъ изобрѣтать эпитеты восемь: 1) отъ причины матеріальной, формальной, производящей и конечной; 2) отъ впечатлѣній, которыя производить вещь; 3) отъ пяти чувствъ человѣка, которымъ подлежить вещь; 4) отъ противнаго; 5) отъ постороннихъ обстоятельствъ, именно отъ частицъ: *quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando* (приводятся и образцы на всѣ эти вопросы); 6) и 7) отъ образованія словъ чрезъ прибавленіе извѣстныхъ образовательныхъ словъ, и 8) отъ всѣхъ троповъ и фигуръ. Въ образецъ, по всѣмъ этимъ способамъ развивается мысль: *Cur Adam fastus de terra?* Богатство существительныхъ, которыя, какъ синонимическія, можно употреблять въ стихахъ, представлено въ алфавитномъ порядкѣ:

Ager	Arva, novale, solus, cespes, rus, jùgera.
Aier	Jupiter, avra, Aether, nubes vel inane vel astra.
Agricola	Rusticus, agresis, colonus, arator cultor agri, domitor, tavorus, proles.
Aratrum	Arboreae rates, cur vomere sribula, plavstra.
Aetas	Hora, dies, et longaevum per saecula tempus.
Amor	Famma, calor, fervor, fax, aestus, ignis, ardor и т. д.

«Подражаніе есть нѣкоторое сообразованіе (*conformatio*) нашей мысли съ мыслию какого-либо извѣстнаго образцоваго автора. Нельзя удовлетворительно поэтизировать, не упражняясь предварительно и усердно въ чтеніи поэтовъ. Для автора героической поэмы рекомендуется *Виргилій*, для элегической — *Овидій*, для сатирической — *Ювеналь*, для лирической — *Горацій*, для эпиграмматической — *Марціалъ*, для трагической — *Сенека*, для комической — *Плавтъ* и *Теренцій*. Избраннаго автора должно читать съ величайшимъ вниманіемъ, но не должно подражать ему въ мелочахъ. Слѣдуетъ обращать вниманіе на то, что составляетъ базисъ и основаніе знаменитости авторовъ: возвышенныя мысли, остроуміе въ изобрѣтеніи, расположеніи, украшеніи, фигуры, подобія, выборъ словъ, стиль. Особенно важно усвоить себѣ стиль образцоваго автора. Въ образецъ приводятся славянскіе стихи, переводъ изъ *Тасса* (подражавшаго въ свою очередь *Виргилію* во 2-й кн. *Энеиды*):

Абіе архистратигъ Михайль воскорѣ,
 Невидимъ иже бѣше, зрится съ мечемъ горѣ,
 Печальнѣйшему отъ всѣхъ Готфреду ужасны,
 Предста облакомъ свѣтлымъ, аки день прекрасны.
 Се благополучія приближися время,
 Спасаютъ сна отъ печална бремя.
 Возри, рече, на небо, Готфреде, откуда
 Узриши помощь велію грядущую ти сюду.

Безсмертныхъ полки воевъ тамъ числомъ мнози
 Приготовлевають въ походъ свои нози.
 Азь брнную отъ очесъ твоихъ сложу ризу,
 Просвѣтятся воскорѣ сущу ти низу,
 Естество ангелское узришь тако
 Имѣть собою въ самой вещи яко.
 И во истину облакъ зрѣнія твой честно.
 Свѣтлость ангельскихъ зраковъ обьметъ нелестно.

«Описаніе есть рѣчь изъяснительная, которая посредствомъ разсказа предложенную вещь кратко и ясно представляетъ нашему уму такъ же, какъ зеркало предлагаетъ глазамъ схожія изображенія. Достоинства описанія — точность и краткость». За тѣмъ предлагаются правила, какъ описывать: лица, военные подвиги, празднества, мѣста, времена, растенія, а въ слѣдующей главѣ «о похвалѣ и порицаніи» даются совѣты, какъ хвалить: лица, животныхъ, мѣста города, растенія, времена. Такъ, при похвалѣ какого-либо извѣстнаго человѣка слѣдуетъ вспомнить его родъ, воспитаніе, перечислить дары тѣлесные и душевные и т. д.; похвалы животныхъ заимствовать отъ ихъ свойствъ. Чтобы похвалить городъ, слѣдуетъ говорить объ основателяхъ, о положеніи, о величественныхъ зданіяхъ, объ образованности гражданъ и т. д. Этимъ оканчивается общая часть піитики.

Частная или прикладная піитика составляетъ пятый отдѣлъ учебника Квѣтницкаго. *Modus quintus* «о стихѣ въ частности» изложенъ въ двадцати главахъ («солюціяхъ»). Прежде всего рѣчь идетъ о поэзіи эпиграмматической: о программѣ, анаграммѣ и эпиграммѣ, объ эпитафій, загадкѣ, эмблемѣ, символѣ и іероглифѣ. Далѣе слѣдуютъ трактаты о поэзіи эпической, буколической, сатирической, драматической, элегической и лирической. Цѣлыхъ семь главъ (семь «развязокъ узла») посвящено т. н. курьезному или забавному латинскому стиху. Последняя, двадцатая глава имѣетъ своимъ предметомъ поэзію славянскую. «Программа есть простое реченіе, изъ котораго получается новое реченіе, означающее нѣчто другое. Анаграмма есть новое реченіе, полученное изъ расположенныхъ иначе программъ, буквъ или слоговъ. Напр. программа: *Eva*. Анаграмма *Ave...* Эпиграмма есть рѣчь, кратко и замысловато выражающая стихомъ какую-либо вещь. Она обычна на знаменахъ, бокалахъ, статуяхъ и т. д., особенно же на гробницахъ. Такъ какъ эпиграмма требуетъ для себя остроумія, изобрѣтательности, замысловатости, то въ двухъ слѣдующихъ главахъ трактуются объ остроуміи, и откуда его почерпать. «Остроуміе (*acumen*) есть нѣкоторое художественное измышленіе, содержащее въ себѣ какой-либо неожиданный смыслъ». Источники, изъ которыхъ почерпаются остроумныя изреченія, суть: 1) опредѣленіе предмета, 2) этимологія имени, 3) противное, 4) сродное, 5) перечисленіе частей, 6) уподобленіе, 7) сравненіе. Въ образцахъ эпитафій приводятся эпитафій императору Петру I, благородной матронѣ, мальчику по имени Главку и др. «Загадка, другой родъ эпиграммы, есть рѣчь темная, своими особенностями и уподобленіями описываю-

щая какую-либо вещь». Различаются грифъ и логогрифъ. «Эмблема есть живописное изображеніе, изображающее нѣчто иное отъ того, что говоритъ о немъ, въ стихѣ или прозѣ, приложенная сентенція». Эмблема бываетъ натуральная, художественная, историческая и богословская. «Символь есть живописное изображеніе, имѣющее цѣлю привести людей къ исправленію нравовъ». Части символа: изображеніе, лемма и эпиграмма. «Иероглифъ есть знакъ или изображеніе животныхъ и другихъ вещей, означающее не то, что представляетъ, а нѣчто другое».

«Поэзія эпическая есть изложеніе подвиговъ и дѣяній мужей славныхъ или необыкновенныхъ, — вымышленныхъ правдоподобно, составленное стихомъ гекзаметромъ. Части: предложеніе, призываніе и повѣствованіе. Нѣкоторые прибавляютъ четвертую часть — эпилогъ. Христіанскіе поэты, вмѣсто музъ и Аполлона, обыкновенно призываютъ въ помощь для совершенія дѣла истиннаго Бога, блаженную Дѣву и святыхъ... Не просто слѣдуетъ излагать фактъ, но онъ долженъ облекаться нѣкоторымъ вымысломъ, который придаетъ ему прелесть и видъ необыкновенности. Въ образецъ эпической пѣсни Квѣтницкій указываетъ Виргилія. «Буколическая поэзія (*bucolica seu georgica*) есть подражаніе дѣйствіямъ простыхъ, сельскихъ жителей (*rusticarum actionum imitatio*)». Иначе называется эклога... Части: экзордіумъ, повѣствованіе, эпилогъ. Образцы — эклоги Виргилія. «Поэзія сатирическая есть поэма остроумная, забавная, юмористическая, назначенная для порицанія испорченныхъ нравовъ людей. Это — шутливое стихотвореніе, составленное для исправленія людскихъ недостатковъ». Образцы у Персея, Горація и Ювенала. Стиль сатиры долженъ быть вульгарный, низкій. «Поэзія драматическая есть изображеніе дѣйствій человѣческихъ, представленное лицами, говорящими между собою. Виды ея: комедія и трагедія. Комедія есть изображеніе смѣшныхъ и забавныхъ дѣяній въ разговорахъ между собою государственныхъ мужей и частныхъ лицъ. Предметъ ея — дѣйствія забавныя, потѣшныя, смѣшныя. — Трагедія изображаетъ героическія дѣянія славныхъ мужей чрезъ представленіе лицъ, говорящихъ между собою. Предметъ ея — перемѣны счастья, бѣдствія, скорби, глубокое страданіе, битвы, пораженія и другія чрезвычайныя дѣянія героевъ. Образцы у Теренція и Сенеки. Части комедіи и трагедіи пять: прологъ, дѣйствіе, сцена, хоръ и эпилогъ. Драмы пишутся преимущественно шестистопнымъ ямбическимъ стихомъ. Здѣсь же замѣчено, что славянскія драмы слагаются, преимущественно, стихами изъ тринадцати, или двѣнадцати и одиннадцати слоговъ. — Поэзія элегическая есть стихотвореніе, назначенное для печальныхъ матерій. Ея предметъ — слезы, погребальныя плачи, несчастья людей, горе, бѣдствія и другія неблагополучія фортуны. Три части элегіи: экзордіумъ, изложеніе и заключеніе. Образцы у Овидія. — «Поэзія лирическая есть искусство сочинять краткія пѣснопѣнія не только во славу Бога, святыхъ и въ похвалу мужей славныхъ, но также

въ похвалу какой бы то ни было неодушевленной вещи. Или, это есть ода, воспѣвающая вещи печальныя и радостныя. Оды раздѣляются на 1) моноколонъ, 2) диколонъ, 3) триколонъ, 4) тетраколонъ... Образцы у Горація, Сарбѣевского, Альберта Инеса и др. Стиль въ лирическихъ пьесахъ долженъ быть отличный, выразительный, блестящій.

Изъ видовъ «куръезнаго» или искусственнаго стиха въ питикѣ Квѣтницкаго говорится объ акростихѣ, хроно стихѣ, стихѣ кабалистическомъ, ариѳметическомъ, о стихѣ эхо, квадратѣ, ракообразномъ и змѣиномъ. «Акростихъ есть такое стихотвореніе, въ которомъ первыя буквы отдѣльныхъ стиховъ выражаютъ какой-нибудь смыслъ или имя». Приводятся образцы акростиха на слова: *Iesus, Iudas*. «Хроно стихъ есть обозначеніе года буквами, выражающими число церковное. Кабалистическій стихъ есть обозначеніе года чрезъ сложеніе въ одну сумму буквъ, означающихъ число ариѳметическое». Въ примѣчаніи Квѣтницкій оговаривается, что «этотъ стихъ удовлетворяетъ болѣе куръезности, чѣмъ пользѣ». «Ариѳметическій стихъ — тотъ, который свое число имѣетъ въ однихъ гласныхъ... Эхо есть такой стихъ, въ которомъ послѣднее реченіе соотвѣтствуетъ предпослѣднему или такъ же звучитъ, какъ это послѣднее... Квадратъ есть такое стихотвореніе, которое равно читается во всѣ четыре стороны... Ракообразное — то, которое одинаково можно читать и обыкновеннымъ образомъ, и обратнымъ порядкомъ... Змѣиное, во второмъ стихѣ котораго нѣкоторыя реченія или слоги такъ же согласуются съ первымъ стихомъ, какъ и съ третьимъ, и которое напоминаетъ какъ бы изгибы змѣи». Въ образецъ приведены славянскіе стихи.

Содержаніе послѣдней (двадцатой) главы этого отдѣла «о поэзіи славянской» слѣдующее. «Поэзія славянская есть такое же искусство о какой бы то ни было матеріи трактовать въ стихѣ съ правдоподобнымъ вымысломъ для увеселенія и пользы слушателей, какъ и латинская. Отсюда само собою понятно, что эпіграммы, элегіи, оды, сцены, эклоги, сатиры и проч. не менѣе увлекательно, какъ и изящно, могутъ писаться также и славянскимъ стихомъ». Отличіе одной отъ другой состоитъ 1) въ языкѣ: одна — на латинскомъ, а другая — на славянскомъ, 2) въ размѣрѣ: сила одной въ стопахъ, а другой (славянской) въ слогахъ и 3) въ риѳмѣ: славянскій стихъ постоянно требуетъ риѳмическаго окончанія, а латинскій, исключая леонинскаго, риѳмы не имѣетъ. Славянскій стихъ можетъ состоять изъ различнаго количества слоговъ, отъ тринадцати до четырехъ. Если состоитъ изъ тринадцати слоговъ, то цезуру долженъ имѣть на седьмомъ слогѣ, а каденцію на шестомъ, двѣнадцатисложный стихъ ту и другую на шестомъ и т. д., пятисложный — цезуру на второмъ, каденцію на третьемъ, четырехсложный — ту и другую на второмъ. Для образца приводятся по всѣмъ видамъ слоговъ стихи Сарбѣевского. Въ заключеніе дѣлаются замѣчанія объ украшеніяхъ и вообще о внѣшней структурѣ славянскаго стиха. Украшенія какъ

латинскаго, такъ и славянскаго стиха, составляютъ слова и реченія изысканныя, метафорическія, отличныя отъ вульгарной и обыкновенной рѣчи. Предпоследній слогъ долженъ быть всегда долгій. Должно остерегаться, чтобы цезура и каденція не оканчивалась на односложныя слова, въ родѣ: разъ — мразъ и т. д. Этимъ оканчивается піитика, — ученіе о связной (*ligata*, т.-е. поэтической) рѣчи.

Вторая часть учебника Квѣтницкаго (*methodus 2-da, de soluta oratione*) состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, изъ коихъ въ первомъ говорится о періодахъ, во второмъ о расположеніи словъ и предложеній и въ третьемъ о хриі. Это такъ наз. риторическіе отрывки, помѣщавшіеся въ академическихъ учебникахъ послѣ піитики служившіе, съ одной стороны, пособіемъ для самой піитики, а съ другой — приготовленіемъ къ риторикѣ. Въ самомъ концѣ помѣщаются стихи: *ad poesim; ad clavim poeseos; ad clavim fabrum; ad juvenes Rossos; professoris ad dissipulos Vale; egressus ex schola; egressus extra scholam* (по два стиха на каждый случай) и пять стиховъ *ad terminum*. Вотъ стихи *ad clavim fabrum*:

Quis faber exquiris? nomen Theodorus illi
Kwietnitsei fuerat quo viguit titulus.

Такова піитика Квѣтницкаго, которую слушалъ Ломоносовъ въ 1732—1733 учебномъ году. Слѣдующіе два года онъ провелъ въ классѣ риторики у учителя Порфирія Крайскаго. До насъ дошелъ учебникъ риторики 1733—1734 года, составленный Порфиріемъ Крайскимъ и въ большей своей части (за исключеніемъ немногихъ страницъ, писанныхъ другою рукою) писанный рукою Ломоносова. Учебникъ этотъ на латинскомъ языкѣ. Полное заглавіе риторики «*Artis rhetoricae praecipua tres in libros divisa atque ad instruendum oratorem selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam styli in omni genere dicendi tradita Moscovia ex anno 1733, in annum 1734, octobris 17*». Что же представляетъ эта риторика, слышанная и собственноручно списанная Ломоносовымъ? Она имѣетъ всѣ особенности риторикъ, читавшихся въ тогдашней Кіевской академіи.

Учебники по риторикѣ и въ древней Кіевской и въ древней Московской академіяхъ были очень однообразны, несмотря на то, что каждый почти преподаватель риторики не читалъ своего предмета по руководствамъ своихъ предмѣстниковъ, но составлялъ новое руководство. Какъ и піитика, риторика дѣлилась на общую и частную или прикладную. Общая риторика состояла изъ введенія и самой риторики. Въ введеніи рѣшались общіе вопросы о томъ, что такое риторика, о происхожденіи, о достоинствѣ, необходимости и пользѣ риторики, о предметѣ и частяхъ ея, о причинѣ риторики, объ обязанностяхъ и цѣли автора, о пособіяхъ къ риторикѣ и т. п. Сюда же вносились иногда трактаты о распространеніи и періодахъ, о достоинствахъ и недостаткахъ слога, о высшемъ, среднемъ и низшемъ

слогъ и пр. Самая риторика обыкновенно состояла изъ пяти частей: 1) объ изобрѣтеніи, 2) о расположеніи, 3) о выраженіи, 4) о памяти и 5) о произношеніи. Послѣднія двѣ части нерѣдко соединялись въ одинъ трактатъ. Въ прикладной риторикѣ главное мѣсто отводилось такъ называемымъ эпидиктическимъ рѣчамъ, заключавшимъ въ себѣ похвалы и примѣнявшимся какъ къ панегирикамъ, такъ и къ рѣчамъ на торжественные случаи человеческой жизни, требующіе особыхъ обрядовъ, церемоній и приличій. То были поздравительныя рѣчи на праздники, дни рожденія, именины, на побѣды, рѣчи на родинахъ, брачныя, привѣтственные, похоронныя, благодарственные, застольныя, дарственные и пр., и, наконецъ, собственно школьныя рѣчи, рѣчи, предшествовавшія диспутамъ, и т. п. Панегирическое направленіе этихъ рѣчей доведено было у кievскихъ ученыхъ до послѣдней крайности. Они не щадили при этомъ самыхъ пышныхъ цвѣтовъ краснорѣчія, не отступали ни передъ какими сравненіями... Главнымъ средствомъ панегиризма было распространеніе. «Какъ во всякой другой, такъ и особенно въ эпидиктической рѣчи, — говоритъ Теофанъ Прокоповичъ, — есть мѣсто распространеніямъ, и въ нихъ, кажется, заключается вся силы похвалы; ибо по большей части случается, что не требуется никакого искусства для изобрѣтенія аргументовъ, служащихъ чьей-либо похвалѣ, какъ напримѣръ: когда желаешь прославить побѣдителя, то одна матерія и аргументъ представляется, — эта побѣда, которую тебѣ не нужно изобрѣтать измышленіемъ, поелику она для всѣхъ очевидна. Итакъ, что же? Нужно только изобрѣтать аргументы распространяющіе, которыми нужно показать, что побѣда была великая, требовавшая большой храбрости и военной опытности». За эпидиктическими рѣчами слѣдовалъ отдѣлъ о священномъ или церковномъ краснорѣчіи. «Выраженіе священное, — говорятъ кievскіе риторикѣ, — отличается отъ свѣтскаго одною матеріей, именно, тѣмъ, что выраженіе священное вращается около священной матеріи, и для подтвержденія ея берутся доказательства изъ началъ священныхъ, какъ-то: изъ св. писанія, св. отцовъ, которыми проповѣдникъ убѣждаетъ избѣгать грѣха и слѣдовать добродѣтели. Правила суть однѣ и тѣ же и для священнаго и для свѣтскаго краснорѣчія, какъ свидѣтельствуемъ Кавзинъ, ибо какъ свѣтскій ораторъ распространяетъ свою рѣчью чрезъ риторическія мѣста, украшаетъ тропами, располагаетъ, такъ и священный ораторъ». Вотъ и все содержаніе прикладной риторикѣ до Теофана Прокоповича. Отдѣлъ о письмахъ относимъ былъ къ піитикѣ на томъ основаніи, что письма въ классическомъ мірѣ и въ Польшѣ писались иногда стихами. О судебномъ родѣ краснорѣчія говорилось, большею частью, только въ общей части риторикѣ и то какъ бы мимоходомъ, потому что этотъ родъ краснорѣчія, по выраженію кievскихъ ученыхъ, «малоупотребителенъ въ настоящій вѣкъ». Теофанъ Прокоповичъ въ прикладной своей риторикѣ помѣщаетъ слѣдующіе отдѣлы: о рѣчахъ эпидиктическихъ, о церковномъ красно-

рѣчи, о письмахъ, о способѣ писанія исторіи (совсѣмъ новыи отдѣль, встрѣчающійся только у Теофана) и о судебномъ родѣ краснорѣчія.

Воскресенскій.

Вліяніе Московской академіи на Ломоносова.

Вліяніе Московской академіи на Ломоносова, какъ писателя и ученаго, было многосторонне и сильно въ большей или меньшей степени. Въ академіи онъ изучилъ латинскій, греческій и славянскій языки, піитику и риторику. Нечего и говорить о значеніи латинскаго и греческаго языковъ для послѣдующей дѣятельности Ломоносова, какъ ученаго: оно очевидно. «Классическое обученіе Спаскихъ школъ—говоритъ академикъ Гротъ—поставило Ломоносова на твердую почву европейской цивилизаціи; оно положило свою печать на всю его умственную дѣятельность, отразилось на его ясномъ и правильномъ мышленіи, на оконченности всѣхъ трудовъ его». Подробнѣе говоритъ о вліяніи Московской академіи на Ломоносова г. Буличъ. «Московская академія сдѣлала много для духовнаго развитія Ломоносова... Схоластическая рутина имѣла свои хорошія стороны. Она давала образованіе, основанное на языкахъ классическихъ, то, которое извѣстно Европѣ, и такимъ образомъ невольнно вводила ученика въ кругъ общечеловѣческихъ представленій. Въ академическомъ ученіи были историческія преданія и извѣстныя формы, въ которыя укладывался умъ. Человѣкъ получалъ здѣсь опредѣленный характеръ, котораго не дастъ образованіе, не имѣющее твердыхъ началъ. Для пылкаго, неустановившагося, неразвитаго ума Ломоносова необходима была такая строгая школа. Въ академіи онъ познакомился съ языкомъ латинскимъ, тогдашнимъ общественнымъ языкомъ европейской науки, познакомился съ латинской литературой, имѣвшей потомъ вліяніе на складъ поэтическихъ и прозаическихъ его произведеній и самъ выучился писать латинскіе стихи. Въ академіи читалъ русскія лѣтописи, подробно узналъ св. писаніе отцовъ церкви и въ особенности современныя теоріи риторическія, въ рамки которыхъ должна была уложиться его поэзія... Тяжелы были для Ломоносова эти первыя годы знакомства съ наукой... Но эта горькая нужда и тяжкая дѣйствительность образовали характеръ Ломоносова, дали ему гордость, стоическое терпѣніе и силу «боротся съ непріятелями русскихъ наукъ», дали ему «благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій». Онъ могъ выдержать борьбу до гроба, не измѣнивъ себѣ и своимъ началамъ. Жизнь Ломоносова вырастаетъ предъ нами какъ подвигъ, какъ борьба». Славянская грамматика Смотрицкаго имѣла значительное вліяніе на русскую грамматику Ломоносова. Школьная піитика такъ или иначе вліяла на эпическую, драму и лирику Ломоносова, а риторика—на его собственную риторику; по правиламъ которой составлялись имъ

похвальныя слова и ученія изслѣдованія по естествознанію. Вотъ вліянія школьной науки на Ломоносова, болѣе или менѣе сильныя и прямыя. Но это не все. «Нельзя отвергать — говоритъ авторъ «Исторіи Московской славяно-греко-латинской академіи», приступая къ составленію списка замѣчательныхъ лицъ, учившихся въ Московской академіи и пріобрѣтшихъ послѣ извѣстность въ государствѣ или въ области науки — что сѣмена духовнаго воспитанія, посѣяныя академію въ юныхъ сердцахъ, принесли впослѣдствіи свои плоды: впечатлѣнія дѣтства всегда бываютъ сильны и рѣдко изглаждаются изъ души, хотя бы она прошла различныя степени дѣятельности. Потому въ людяхъ, вышедшихъ изъ академіи и возвысившихся на чредѣ служенія государству, можно искать проблесковъ мыслей, озарявшихъ ихъ въ годы ученія, и въ направленіи ихъ духа открывать слѣды тѣхъ началъ образованія, которыя приняли они въ академіи». Еще съ дѣтства любилъ Ломоносовъ посѣщать храмъ Божій, пѣть и читать на клиросѣ, любилъ церковно-славянскую грамоту. Въ академіи онъ могъ вполнѣ удовлетворить этой своей привязанности. Здѣсь онъ находилъ досугъ читать св. писаніе и творенія великихъ отцовъ и учителей церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскина и др. Особенно любилъ онъ читать Василія Великаго, котораго Шестодневъ касается столь любезной ему «натуры» и порядка божественнаго мірозданія. Вотъ это-то чтеніе и углубленіе въ смыслъ св. писанія и святоотеческихъ твореній и были тѣми «сѣменами духовнаго воспитанія», которыя принесли впослѣдствіи свой плодъ въ дѣятельности Ломоносова какъ натуралиста.

Воскресенскій.

Ломоносовъ въ Марбургѣ.

Посреди этихъ тяжелыхъ лишеній и упорнаго труда, требовавшего сильной воли и физически крѣпкой натуры, послѣ годовой, по собственному желанію, отлучки въ Кіевъ, гдѣ Ломоносовъ рассчитывалъ поучиться въ тамошней, болѣе славной, чѣмъ Московская, академіи, онъ попадаетъ въ Петербургъ, и съ этого времени судьба его надолго, до самой смерти, соединяется съ судьбою Академіи Наукъ. Послѣдняя, чтобъ сколько-нибудь доказать свою связь съ страной, пріютившею иностранныхъ академикомъ и дававшю имъ жалованье и чины, желала учить русскихъ людей въ соединенной съ нею гимназіи. Съ этою цѣлію она не разъ требовала отъ Московской духовной академіи знающихъ по-латыни студентовъ (что было необходимо, такъ какъ сами члены Академіи не знали по-русски), для обученія ихъ физикѣ и математикѣ. Первая подобная посылка студентовъ изъ Москвы была въ 1732 или 1733 году. Половина присланныхъ (ихъ было 12) взята была въ отправлявшуюся тогда Ака-

деміей камчатскую экспедицію, и изъ нихъ, по свидѣтельству Ломоносова, удался одинъ только Крашенинниковъ, извѣстный авторъ «Описанія Камчатки»; прочіе же отъ «худого присмотра все испортились», а тѣ, которые оставались въ Петербургѣ, безъ призрѣнія и ученія, пошли въ подъячіе или ремесленники. Новая посылка, также двѣнадцати студентовъ изъ Москвы, послѣдовала въ концѣ 1735 года. Въ ихъ числѣ былъ и Ломоносовъ, какъ достаточно знающій латинскій языкъ. Въ Петербургъ онъ прибылъ 1 января 1736 года. Время, проведенное Ломоносовымъ въ академической гимназій, было слишкомъ коротко; ему уже, двадцатичетырехлѣтнему молодому человѣку, нечему было въ ней учиться; притомъ и содержаніе и ученіе въ гимназій были жалки. Шумахеръ, заправлявшій тогда Академіей, видѣлъ въ ученикахъ гимназій доходную статью. Очень понятно, что «ученики терпѣли крайнюю нужду и въ наукахъ не имѣли наставленія», что заставило ихъ потерять всякое терпѣніе и даже жаловаться Сенату на Шумахера. Ломоносовъ, бывшій въ это время уже въ Германіи, говоритъ о своихъ товарищахъ, что «многіе изъ нихъ, безъ призрѣнія и добраго смотра, будучи въ уничтоженіи, отъ унынія и отчаянія пустились въ подлость и тѣмъ потеряны». Несмотря на все это, Ломоносовъ обязанъ Академіи Наукъ возможностью получить средства для того, чтобы принести дѣйствительную пользу русскому образованію. Академія отправила его за границу.

Государство нуждалось въ сильной степени въ практически знающихъ людяхъ почти на каждомъ шагу. Необходимость имѣть «опытнаго въ горномъ дѣлѣ химика» была причиною отправки за границу Ломоносова. Съ этою цѣлію баронъ Корфъ, сдѣланный въ 1734 году Анною Ивановною, или лучше — Вирономъ, изъ нидерландскихъ камеръ-юнкеровъ президентомъ Академіи Наукъ, писалъ въ концѣ 1735 года къ Генкелю, берграту въ Фрейбергѣ, тогдашней знаменитости въ горномъ дѣлѣ, прося его рекомендовать такого человѣка. Въ распоряженіи Генкеля не нашлось опытнаго химика, и онъ совѣтовалъ Корфу послать одного или двухъ русскихъ молодыхъ людей для изученія горнаго дѣла, указывая на Фрейбергъ, какъ на такое мѣсто, гдѣ удобнѣе всего изучать горныя науки, металлургію и приобрѣсти также предварительныя свѣдѣнія. Генкель предлагалъ свои собственныя услуги и писалъ, что для ученія достаточно употребить полтора года. Едва только получено было это письмо Генкеля съ совѣтомъ и предложеніемъ, какъ Корфъ, 5 марта 1736 года, уже докладывалъ въ кабинетъ Ея Величества объ отправленіи въ Фрейбергъ для изученія металлургіи трехъ молодыхъ людей: Ульриха-Христофора *Райзера*, сына горнаго совѣтника въ Москвѣ, Дмитрія *Виноградова*, сына суздальскаго священника, и Михаила *Ломоносова*, крестьянскаго сына Архангельской губерніи, 22 лѣтъ. Отправить ихъ предполагалось лѣтомъ, а время до отъѣзда Виноградовъ и Ломоносовъ должны были посвятить изученію нѣмецкаго

языка, съ которымъ вовсе не были знакомы. Каждому назначалось въ годъ содержанія по 400 рублей, и такъ какъ въ Фрейбергѣ жизнь стоила дешево, то на экономію предполагалось еще окончательное путешествіе въ Голландію, Англію и Францію. Отправляемымъ обѣщано было, въ случаѣ доказанныхъ аттестатами и представленными трудами, успѣховъ въ изучаемыхъ ими наукахъ, что по возвращеніи въ отечество, ихъ сдѣлають экстраординарными профессорами, съ жалованьемъ по 460 руб. въ годъ. Обѣщались также и чины. Докладъ Корфа былъ одобренъ. Райзеру, горному совѣтнику, отцу отправляемаго молодого человѣка, поручено было составить проектъ заграничныхъ занятій, и изъ перечисленій наукъ, необходимыхъ для горнаго химика, оказалось, что полтора года пребывания въ Фрейбергѣ слишкомъ недостаточно, что необходимо еще предварительное изученіе многого другого. По счету же Генкеля, присланному въ письмѣ къ Корфу, выходило, что ученіе и пребываніе студентовъ въ Фрейбергѣ будетъ стоить дороже, чѣмъ предполагалось: прежняя сумма 400 руб. на каждого возрастала до 520 руб. Все это измѣнило первоначальный планъ, и рѣшено было отправить молодыхъ людей на два года для предварительнаго приготовленія въ Марбургскій университетъ, подъ руководство Вольфа, а потомъ въ Фрейбергъ, Голландію, Англію и Францію,—собственно для изученія горнаго дѣла.

Выборъ Марбургскаго университета былъ очень понятенъ, потому что славу этого университета составлялъ тогда знаменитый Вольфъ, а онъ давно уже находился въ очень близкихъ сношеніяхъ съ русской Академіей.

Снабженные рекомендательнымъ письмомъ президента къ Вольфу, студенты отправились въ Германію моремъ 8 сентября 1736 года. Плаваніе было неудачно, и сильная буря заставила корабль воротиться назадъ въ Кронштадтъ 19 сентября, откуда онъ отправился вторично чрезъ четыре дня. Почти цѣлый мѣсяцъ въ глухую осень провели путешественники на морѣ, и только 16-го октября удалось имъ высадиться въ Травемюнде. Въ Марбургъ явились они 3-го ноября, и Вольфъ тогда же взялъ на себя наблюденіе и за ихъ жизнью и за ихъ ученіемъ, о чемъ особенно просилъ его Корфъ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ приѣзда, 17-го ноября, всѣ трое были внесены въ университетскую книгу и принялись за занятія. Имъ приходилось, по видимому, учиться съ начала, изъ чего ясно видно, какъ плохо они были приготовлены для заграничнаго ученія. Содержаніе студентамъ высылалось на имя Вольфа, который выдавалъ его по мѣрѣ надобности, и Корфъ, въ письмахъ къ своимъ студентамъ, не разъ требовалъ отъ нихъ аккуратности и подробныхъ отчетовъ о томъ, куда идутъ деньги. Но незначительнаго содержанія, изъ котораго Академія еще экономизировала для будущаго путешествія студентовъ, далеко не доставало имъ. Молодые люди принесли съ собою въ Марбургъ всѣ жалкія условія вѣковой безформенности русской жизни.

Ихъ разгульнымъ привычкамъ, съ другой стороны, давали обильную пищу и старинныя условія нѣмецкой студенческой жизни. Пьянство, развратъ и буйство составляли общую характеристику университетской молодежи въ XVIII вѣкѣ, когда ни одна живая политическая идея не западала въ голову нѣмецкаго студента, и весь запасъ молодыхъ силъ тратится на бессмысленные порывы физической природы. При такомъ характерѣ студенческой жизни въ Марбургѣ, гдѣ было большое стеченіе молодежи, привлеченной славою Вольфа, гдѣ, слѣдовательно, обыкновеннымъ привычкамъ студенческой жизни былъ полный просторъ, развилось ростовщичество, вызывавшее нѣсколько разъ строгіе указы ландграфа гессенскаго, къ владѣніямъ котораго принадлежалъ Марбургъ. Очень естественно было, что русскіе студенты, не привышіе и на родинѣ къ нравственной сдержкѣ, а въ Германіи, тотчасъ же по пріѣздѣ, поспѣшившіе обзавестись шпагами, увлеклись окружавшею ихъ свободною студенческой жизнью и надѣлали долговъ, подрывая ими все расчеты пославшей ихъ Академіи. Долги возрастали съ каждымъ днемъ, и Вольфъ, напуганный ихъ объемомъ, уже совѣтуетъ Академіи отозвать обратно студентовъ, «такъ какъ они не умѣютъ пользоваться академическою свободою и, кромѣ того, выполнили все, за чѣмъ были присланы въ Марбургъ». Академія, соглашаясь съ Вольфомъ, торопила выѣздъ студентовъ въ Фрейбергъ, къ Генкелю, гдѣ они должны были закончить свое образованіе изученіемъ металлургіи и горнаго дѣла.

Не столько, повидимому, успѣхи студентовъ въ Марбургскомъ университетѣ, сколько ихъ беспорядочная жизнь и постоянное возрастаніе итога долговъ, которые приводили въ ужасъ Вольфа, было причиною общаго желанія выпроводить ихъ поскорѣ въ Фрейбергъ. Вольфъ называетъ долги эти *лабиринтомъ* и недоумѣваетъ, какъ выберутся изъ него студенты. Причиною долговъ, по словамъ его, студенты выставляютъ свою неопытность и необдуманность. Онъ не понималъ, какимъ образомъ могли явиться эти долги, и дѣйствительная причина ихъ только послѣ ихъ отъѣзда стала ему ясною. Отъѣздъ студентовъ изъ Марбурга долженъ былъ очень обрадовать Вольфа. Отъѣздъ этотъ послѣдовалъ 9/20 іюля 1739 года. Каждому изъ студентовъ, по распоряженію Академіи, выдано было только 20 тал. на дорогу, и деньги эти вручены имъ были Вольфомъ не прежде, какъ все они, въ дорожномъ экипажѣ, заѣхали проститься къ нему. Ломоносовъ, отъ слезъ и отъ горя, подъ влияніемъ упрековъ и наставленій Вольфа, не могъ, по словамъ его, даже говорить во время этого прощанія. Ломоносовъ любилъ и уважалъ своего наставника.

Чѣмъ онъ былъ обязанъ въ научномъ отношеніи Вольфу, какія идеи изъ преподаванія Вольфа запали въ его воспримчивый и пылкій умъ,—на это могутъ служить отвѣтами только послѣдующіе ученые труды Ломоносова и общій взглядъ его на природу и ея изученіе,—взглядъ, во многомъ напоминающій систему Вольфа. Ломоносовъ уважалъ Вольфа, какъ человѣка и какъ знаменитаго уче-

наго. Онъ называетъ его своимъ «учителемъ и благодѣтелемъ». Онъ переводитъ въ послѣдствіи его «Экспериментальную физику» и даже переписывается съ нимъ. Но особенно значеніе Вольфа въ Марбургскомъ университетѣ и вообще въ Германіи, слава и уваженіе, которыми онъ былъ окруженъ, почести и матеріальное благосостояніе, доставшіяся ему послѣ вступленія на прусскій престолъ Фридриха II, — все это значеніе ученаго въ родной его странѣ, невысказанное въ средѣ, окружавшей Ломоносова, — сдѣлались его идеаломъ. Ломоносовъ, добиваясь власти въ Академіи и уваженія между покровительствовавшими ему меценатами, не разъ ставилъ въ примѣръ своего учителя, его баронство, его пятьсотъ тысячъ, нажитыя лекціями и подарками государей, его чинъ тайнаго совѣтника.

Вольфъ, этотъ даровитый и популярный ученикъ Лейбница, образовалъ, какъ извѣстно, въ Германіи обширную школу послѣдователей, и его философія, отличавшаяся формализмомъ и строгою логическою послѣдовательностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общедоступностію, господствовала довольно долго въ Германіи, до тѣхъ поръ, пока не нанесъ ей смертельныхъ ударовъ Кантъ своею критикою. Не представляя изъ себя самобытнаго мыслителя, Вольфъ оказалъ однакожъ много услугъ вообще нѣмецкому образованію. Онъ сдѣлалъ науку общедоступною, несмотря на ея сухую форму у него. Въ его понятные и точные параграфы укладывались слишкомъ геніальныя мысли Декарта, Спинозы, Лейбница, теряя отчасти свое достоинство, но зато дѣлаясь удобными для усвоенія. Кромѣ того, Вольфъ, вмѣсто латинскаго, сталъ преподавать на родномъ нѣмецкомъ языкѣ, а это было новостью въ то время.

Ломоносовъ явился въ Марбургъ для изученія наукъ эмпирическихъ. Безспорно, для страстной природы Ломоносова, добивавшейся всякаго знанія, требовавшей отъ науки, какъ это всегда бываетъ съ натурами геніальными, разрѣшенія самыхъ спорныхъ и затруднительныхъ вопросовъ, три года, проведенные въ строгой и сухой школѣ Вольфовой логики, въ которой разрабатывалось все достояніе современной мысли, были въ высшей степени полезны. Здѣсь, согласно господствовавшему направленію науки о природѣ въ XVIII вѣкѣ, онъ могъ получить общій взглядъ на вселенную, по которому она представляется не случайнымъ соединеніемъ разнообразныхъ силъ, а общей гармоніей, сводится къ одной идеѣ, все направляющей. Здѣсь, въ школѣ Вольфа и въ томъ служебномъ значеніи для общества, какое давалъ наукѣ Вольфъ, могли окрѣпнуть идеи Ломоносова о необходимомъ практическомъ примѣненіи науки къ жизни, ея жизненныхъ свойствахъ, вызываемыхъ, впрочемъ, съ другой стороны, и самыми потребностями окружавшаго его русскаго общества. Просвѣтительное значеніе науки и ея борьба съ предрасудками могли яснѣе возникнуть въ умѣ Ломоносова подъ вліяніемъ уроковъ его учителя, принадлежавшаго къ той фалангѣ людей, которые во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы вели въ XVIII вѣкѣ оже-

сточенную и сильную вліяніемъ борьбу съ предрасудками и остатками средневѣковаго развитія. Здѣсь, наконецъ, въ школѣ Вольфа, Ломоносовъ могъ познакомиться съ распространеннымъ тогда въ наукѣ оптимизмомъ Лейбница, по которому всякое явленіе природы имѣетъ опредѣленную цѣль, служащую общей великой цѣли, по которому природа есть откровеніе величія божественнаго. Германіи и ея наукѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ узналъ ее въ Марбургѣ, Ломоносовъ обязанъ былъ всеѣмъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, которыя потомъ излагалъ въ Академіи Наукъ, въ своихъ рѣчахъ, урокахъ и книгахъ.

Безъ сомнѣнія, Ломоносовъ въ Марбургѣ работалъ много надъ тѣми науками и свѣдѣніями, для изученія которыхъ былъ посланъ. Работы его засвидѣтельствованы, наконецъ, и латинскимъ разсужденіемъ по физикѣ, посланнымъ въ Петербургъ въ концѣ 1738 года. Изъ списка купленныхъ имъ книгъ, представленнаго въ Академію, видно, что главныя пріобрѣтенія сдѣланы по отдѣлу химіи, кромѣ, разумѣется, сочиненій Вольфа, которыя были и многотомны и обнимали все части философіи. Но рядомъ съ химіей шла и поэзія. И жизнь Ломоносова съ ея необыкновенною обстановкою, и волнованная душа его жажда знанія, и самый складъ его молодого, пытливаго ума, — все, казалось, настраивало его къ поэзіи. Къ сожалѣнію, время и его условія мало благоприятствовали поэзіи; она не могла въ XVIII вѣкѣ развиться до свободнаго выраженія человеческого духа и должна была замкнуться въ тяжелыя рамки современныхъ риторическихъ теорій, въ которыхъ исчезалъ личный характеръ поэта. Въ поэзіи господствовало подраженіе древнимъ и тотъ ложноклассическій, напыщенный и вмѣстѣ съ тѣмъ раболѣпный восторгъ, которымъ полны были современные оды, бывшія для поэтовъ средствами къ жизни и орудіемъ лести. Такой характеръ поэзіи представлялся тогда всюду. Даже въ Марбургскомъ университетѣ, со стороны гессенъ-кассельскаго правительства, назначена была премія въ двѣнадцать талеровъ за оды и панегирики «высокопоставленнымъ особамъ». Не мудрено было Ломоносову послѣдовать господствовавшему вкусу. Между его книгами въ Марбургѣ встрѣчаются и современная піитика Гюбнера и стихотворенія нѣмецкаго поэта Гюнтера, имѣвшаго на него признанное вліяніе и, наконецъ, классическіе образцы: Овидій, Виргилій, Цицеронъ, Сенека, Плиній и даже двѣ такія противоположныя, хотя и равно извѣстныя книги современности, какъ «Приключенія Телемака» и «Путешествія Гулливера». Автору первой изъ этихъ книгъ, Фенелону, знаменитому воспитателю герцога бургундскаго въ царствованіе Людовика XIV, Ломоносовъ былъ обязанъ своимъ первымъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Переводъ его оды «На уединеніе», сдѣланный Ломоносовымъ четырехстопными хорейми, былъ посланъ имъ въ Академію 15 октября 1738 года изъ Марбурга, вмѣстѣ съ латинскимъ разсужденіемъ по физикѣ, какъ образецъ знакомства съ языкомъ французскимъ и упражненія въ русскомъ, согласно инструкціи. Ода эта, съ своими тяжелыми

оборотами и необработаннымъ языкомъ, хотя въ правописаніи и сохраняющимъ живой народный выговоръ словъ, имѣеть только историческое значеніе. Она нисколько не лучше современныхъ виршей Тредіаковскаго, но любопытна въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ далеко шагнулъ въ поэзіи Ломоносовъ черезъ годъ. Ломоносову суждено было сдѣлаться извѣстнымъ своимъ соотечественникамъ одами.

Лавровскій.

Вліяніе Вольфа на Ломоносова.

Въ періодъ съ 1723 по 1740 годъ свѣтъ и блескъ Марбургскому университету, говоритъ его историкъ, давалъ философъ Вольфъ своими лекціями и сочиненіями и своею повсюду распространенною славою. Поэтому мы съ особенною подробностью должны говорить о Вольфѣ, тѣмъ болѣе что вліяніе его на Ломоносова несравненно замѣтнѣе вліянія всѣхъ другихъ профессоровъ того времени.

Жизнь Вольфа чрезвычайно любопытна въ томъ отношеніи, что знакомить со многими сторонами современнаго ему общественнаго быта. Онъ былъ представителемъ науки въ восемнадцатомъ вѣкѣ, и въ судьбѣ его, въ преслѣдованіяхъ, испытанныхъ имъ, и въ его громаднхъ успѣхахъ выражается настроеніе тогдашняго общества и опредѣляется мѣсто, принадлежавшее ученому въ средѣ общественныхъ дѣятелей. Вольфъ родился въ 1679 году въ силезскомъ городѣ Бреславлѣ. Отецъ его, человекъ въ высшей степени любознательный, сильно желалъ учиться въ университетѣ, но непреодолимыя препятствія заставили его отказаться отъ завѣтнаго желанія, и вмѣсто ученаго онъ сдѣлался кожевникомъ; впрочемъ, уваженіе къ наукѣ въ немъ не поколебалось, и онъ далъ обѣтъ посвятить сына своего ученому поприщу. Первенцемъ любознательнаго кожевника былъ Христіанъ Вольфъ, обреченный наукѣ еще до рожденія. Послѣдующія занятія юноши доказали, что желаніе отца вполне совпадало съ призваніемъ даровитаго сына. Самая среда, въ которой Вольфъ провелъ свое дѣтство и первые года юности, благопріятствовала его развитію. Ни въ школѣ ни въ жизни не было на ту пору безцвѣтнаго однообразія и подавляющаго авторитета; и въ школѣ и внѣ ея слышалось разногласіе мнѣній: они высказывались съ большимъ жаромъ, потому что относились къ самому живому и новому явленію тогдашней жизни. Въ то время въ Силезіи были въ самомъ разгарѣ религіозные споры: іезуиты враждовали съ лютеранами и всячески старались наwerbenъ какъ можно болѣе приверженцевъ; противная сторона, настойчиво доказывая справедливость своихъ мнѣній, также старалась во что бы то ни стало удержать своихъ за собою. Ученику Вольфу не разъ приходилось мѣряться силами своихъ познаній и діалектики съ питомцами іезуитскихъ училищъ. Въ гимназій бреславской Вольфу

предстоялъ также выборъ между различными направленіями. Одинъ изъ даровитѣйшихъ преподавателей, увлекаая слушателей блестящимъ изложеніемъ словесности и дѣйствуя на развитіе ихъ вкуса, постоянно издѣвался надъ философскими теоріями, считая ихъ наборомъ словъ и переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, и занятіе философіей называлъ бесполезнѣйшею тратой времени. Другіе преподаватели были ревностными защитниками философіи, восхваляя ее не только на лекціяхъ, но даже и въ проповѣдяхъ. При такомъ противорѣчій людей, равно уважаемыхъ, молодой Вольфъ долженъ былъ глубже вникнуть въ сущность вопроса и самостоятельно рѣшить его; слѣдствіемъ его внутренней работы были два убѣжденія, рѣшительно имъ овладѣвшія. Во-первыхъ, онъ призналъ законность и необходимость философіи, въ которой всего заманчивѣе для его пытливаго ума было то, что она, какъ утверждали ея защитники, ведетъ къ открытію новыхъ, сокровенныхъ истинъ. Рѣзкія нападки на философію Вольфъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что настоящее состояніе этой науки далеко не соотвѣтствуетъ ея великому назначенію: поэтому онъ съ жаромъ принялся за чтеніе различныхъ философскихъ сочиненій, надѣясь этимъ путемъ вѣрнѣе и скорѣе добраться до истины. Второе убѣжденіе, сдѣлавшееся впоследствии девизомъ всей ученой дѣятельности Вольфа, состояло въ томъ, что всякая наука должна образовать систему подобно математикѣ, и математическая метода должна быть соблюдаема во всѣхъ наукахъ; одна только математическая метода вносить ясность во всѣ изслѣдованія, даетъ опору колеблющемуся мышленію, разсѣиваетъ призраки фантазій и хитросплетенія діалектики. Блестящій подвигъ предстоялъ мыслителю, вооруженному знаніемъ математики и философіи, подвигъ привести человѣка къ сознанію того, почему онъ вѣритъ, во что онъ вѣритъ, и какимъ образомъ идеи свои проявляютъ въ самыхъ дѣйствіяхъ. Съ широко задуманною цѣлью Вольфъ началъ свое университетское поприще. Изъ бреславской гимназій онъ поступилъ въ Іенскій университетъ студентомъ, а чрезъ три года получилъ степень магистра въ Лейпцигскомъ университетѣ; въ Лейпцигѣ онъ началъ читать математику. Сочиненіе его о математической методѣ въ философіи заслужило лестный отзывъ самого Лейбница, приславшаго молодому автору привѣтствіе и совѣтъ продолжать такъ счастливо начатыя занятія. Въ Лейпцигѣ Вольфъ оставался недолго; при содѣйствіи Лейбница онъ получилъ кафедру въ Галле, и читалъ въ тамошнемъ университетѣ математику, физику, метафизику, логику и нравственную философію. Добросовѣтность въ ученыхъ работахъ, изумительное трудолюбіе, новостъ взглядовъ, живое изложеніе предмета, вызывающее слушателей на самостоятельный трудъ, — всѣ эти достоинства сдѣлали Вольфа кумиромъ молодежи, доставили ему безчисленное множество слушателей и почитателей. Блестящій успѣхъ профессора былъ очень не по вкусу его товарищамъ, аудиторіи которыхъ пустѣли все болѣе и болѣе. Между

его недоброжелателями были люди характера твердаго и рѣшительнаго, не терпѣвшіе противорѣчія и привыкшіе къ первой роли во всѣхъ университетскихъ совѣщаніяхъ и предпріятіяхъ; такимъ людямъ было невыносимо видѣть возрастаніе славы Вольфа насчетъ ихъ собственной извѣстности, и они рѣшились, во что бы то ни стало, возобновить свое прежнее вліяніе и избавиться отъ опаснаго соперника. Противъ него составилъ заговоръ, и ждали перваго случая, чтобъ отомстить ему за ущербы, понесенные отъ его лекцій. Случай скоро представился. Вольфъ избралъ предметомъ для своей академической рѣчи нравственную философію китайцевъ. Подобный предметъ былъ для того времени вполне современнымъ: извѣстно что въ восемнадцатомъ столѣтіи, въ теченіе нѣкотораго времени, умы европейцевъ были въ высшей степени заинтересованы Китаемъ, рассказы миссіонеровъ о нравахъ и образѣ жизни китайцевъ возбуждали въ образованномъ обществѣ сильное вниманіе къ оригинальному народу. Въ рѣчи своей Вольфъ говорилъ объ ученіи Конфуція и хорошо отзывался о многихъ мысляхъ китайскаго моралиста. Эти похвалы встревожили пѣтистовъ въ Галлѣ; ихъ ужаснуло, что христіанскій писатель хвалитъ языческую нравственность и находитъ въ ней много общаго съ своими собственными убѣжденіями: хороша же, говорили они, мораль этого философа, когда она согласна съ «лжеученіемъ богомерзкаго язычника!» Но ихъ витіеватыя жалобы, несмотря на свой «чистѣйшій лютеранскій духъ», не возбуждали сочувствія, и общественное мнѣніе рѣшительно приняло сторону Вольфа. Оскорбленные противники дѣйствовали всѣми возможными способами, отъ пасквиля до доноса; въ одномъ памфлетѣ говорится, что три W виною всему злу: Weib, Wein, Wolf — женщины, вино и Вольфъ; приверженцы Вольфа отвѣчали, что, напротивъ три W распространяютъ все доброе, а именно Wahrheit, Weisheit, Wolf — истина, мудрость и Вольфъ. Стихи, впрочемъ, были слишкомъ невиннымъ орудіемъ и не могли достигнуть цѣли; нужно было обратиться къ средствамъ болѣе дѣйствительнымъ, рѣшено было очернить Вольфа передъ правительствомъ. Прусскимъ королемъ былъ въ то время Фридрихъ I. При его полнѣйшемъ невѣжествѣ трудно было обратить королевское вниманіе на философскіе вопросы. Самъ Фридрихъ былъ человѣкъ безграмотный и терпѣть не могъ людей, занимающихся наукой и искусствомъ; заставши однажды сына своего за музыкальнымъ урокомъ, онъ выбранилъ «дармоѣда» и разбилъ вдребезги его скрипку. Онъ издѣвался надъ Академіей Наукъ, учрежденною отцомъ его въ Берлинѣ; обращеніе его съ учеными и литераторами отзывалось грубостью вѣка и личнымъ пренебреженіемъ къ умственному труду. Пѣтисты, зная слабости человѣчeskія, истощали всѣ усилія, чтобы задѣть Фридриха за живое, подѣйствовать на его слабую сторону, на его сердечную склонность и тѣмъ вызвать съ его стороны энергическую мѣру. Но, къ ихъ большому горю, онъ былъ человѣкъ безстрастный. Впрочемъ, при всей его

холодности, у него была страсть, для удовлетворенія которой онъ готовъ былъ на жертвы, это—страсть къ великорослымъ солдатамъ. Онъ составилъ цѣлый полкъ великановъ и не щадилъ для него никакихъ издержекъ; будучи скупъ до того, что къ новому платью пришивалъ пуговицы отъ стараго, поношеннаго, онъ платилъ большія деньги за высокихъ солдатъ. Онъ завелъ открытую торговлю великанами, захватывалъ путешественниковъ высокаго роста, студентовъ, италіанскихъ дворянъ и польскихъ ксензовъ, и вербовалъ иностранныхъ солдатъ; на покупку людей для любимаго полка потрачено болѣе двѣнадцати милліоновъ талеровъ. Петръ I постоянно снабжалъ Фридриха рослыми солдатами, и взамѣнъ получалъ отъ него инженеровъ и фабрикантовъ, которыхъ приводили въ Россію какъ колодниковъ. Эта страсть къ великанамъ, по довольно оригинальному сплетенію обстоятельствъ, была причиной изгнанія Вольфа, и вотъ какимъ образомъ. Вольфъ признавалъ гармонію между душой и тѣломъ. Душа, говоритъ Вольфъ, имѣетъ свою собственную силу, отъ которой зависятъ всѣ явленія, всѣ перемѣны въ духовной жизни челоуѣка; въ тѣлѣ также всѣ перемѣны зависятъ отъ его природы, вытекаютъ изъ его существа, ощущенія и желанія души совпадаютъ съ измѣненіями и движеніями тѣла. Это совпаденіе Вольфъ называетъ, по примѣру Лейбница, предустановленною гармоніей. Лейбницъ признавалъ, что существующій міръ избранъ Творцомъ, какъ наилучшій, изъ безчисленнаго множества міровъ, бывшихъ въ божественной мысли; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ быть послѣдовательнымъ, Лейбницъ утверждалъ, что и законъ, по которому существуетъ міръ, установленъ Творцомъ прежде созданія самаго міра. Этотъ міродержавный законъ состоитъ во взаимной связи или гармоніи явленій, которую Лейбницъ и назвалъ предопредѣленною, предустановленною Творцомъ гармоніей, *prästabilierte Harmonie*. Враги Вольфа видѣли въ предустановленной гармоніи фатализмъ и старались убѣдить въ этомъ и другихъ, особенно короля. Но король былъ слишкомъ равнодушенъ ко всѣмъ безъ исключенія философскимъ вопросамъ, называя ихъ бесполезною болтовнею, и попытки заинтересовать его полемикой галльскихъ теологовъ оказались напрасными. Тогда придумали самый рѣшительный способъ подѣйствовать на короля, коснувшись его завѣтной страсти. Въ Галле пріѣхали на ту пору два генерала, и имъ было объяснено, насколько могли понять ихъ головы, какой вредъ философія Вольфа можетъ причинить арміи. Вольфъ, говорили пietetисты, допускаетъ предопредѣленіе, учитъ, что все, что ни дѣлается на свѣтѣ, необходимо должно дѣлаться: что же, если подобныя мысли распространятся между солдатами-великанами? Вѣдь они разбѣгутся на томъ основаніи, что если имъ пришла охота и есть возможность бѣжать, то значить они предопредѣлены къ побѣгамъ, наказывать бѣглыхъ отнюдь не слѣдуетъ, потому что они бѣжали по волѣ рока. Такое примѣненіе встревожило «скорбныхъ главой» генераловъ, и они

сочли долгомъ заявить о предстоящей опасности. Показанія генераловъ были подтверждены придворнымъ шутомъ; король испугался не на шутку и велѣлъ Вольфу выѣхать въ теченіе сорока-восьми часовъ изъ Галле и изъ предѣловъ Пруссіи подъ страхомъ висѣлицы; вслѣдъ за тѣмъ строго запрещено преподавателямъ руководствоваться сочиненіями изгнаннаго профессора. Піетисты съ колѣнопреклоненіемъ благодарили Бога за избавленіе отъ врага и говорили рѣчи, въ которыхъ осыпали изгнанника жестокими укоризнами. Несмотря на всѣ преслѣдованія и строгость приговора прусскаго правительства, Вольфъ не затруднялся отыскиваніемъ убѣжища; онъ получилъ нѣсколько приглашеній и, между прочимъ, изъ Россіи; переговоры съ Петербургомъ возобновлялись довольно часто. Поводъ къ нимъ былъ слѣдующій. Въ Европѣ распространился слухъ объ открытіи *perpetuum mobile*; молва объ этомъ дошла до Петра Великаго, и онъ желалъ получить точныя свѣдѣнія объ открытіи, сильно заинтересовавшемъ его. Такъ какъ мнимый изобрѣтатель ссылался на Вольфа, видѣвшаго диковинную машину, то лейбъ-медикъ Петра, Блуменстротъ, вошелъ въ переписку съ Вольфомъ, вызывая его содѣйствовать усовершенствованію важнаго открытія и предлагая ему отъ имени царя вступить въ русскую службу. Подобныя предложенія повторялись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; Вольфъ медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ и, наконецъ, навсегда отказался отъ лестнаго предложенія переселиться въ Петербургъ съ званіемъ вице-президента Петербургской академіи наукъ. Много причинъ побуждало Вольфа остаться въ Германіи. Съ одной стороны, отъѣздъ его въ Россію былъ бы торжествомъ для его враговъ, доказательствомъ ихъ побѣды, съ другой — преобразованія Петра казались въ Европѣ такою неожиданностью, что многіе сомнѣвались въ прочности задуманнаго Петромъ, боясь, что благое сѣмя заглохнетъ въ непроизводительной почвѣ. Притомъ и матеріальная сторона жизни въ Германіи представляла много удобствъ: по словамъ Ломоносова, Вольфъ лекціями и подарками нажилъ больше полумилліона и сверхъ того баронство.

Изгнаніе Вольфа произвело сильное впечатлѣніе въ Германіи; университеты и владѣтельные особы соперничали въ изъявленіи своего сочувствія къ знаменитому изгнаннику. Изъ многихъ предложеній Вольфъ принялъ сдѣланное ему ландграфомъ гессенъ-кассельскимъ и переселился въ Марбургъ, гдѣ и былъ профессоромъ университета въ теченіе семнадцати лѣтъ. Въ эти семнадцать лѣтъ измѣнилось расположеніе умовъ въ самой Пруссіи, даже въ придворномъ кругу. Фридрихъ I назначилъ комиссію для разсмотрѣнія сочиненій Вольфа и удостовѣрился, что въ нихъ нѣтъ ничего опаснаго, и что авторъ былъ жертвой интригъ и клеветы. Фридрихъ даже пытался снова перезвать его къ себѣ. Разговаривая съ графомъ Мантейфелемъ, король сказалъ: «Вольфъ посвятилъ мнѣ огромную латинскую книгу, я въ ней ровно ничего не смыслю, а все-таки

слѣдуетъ благодарить; я предлагаю ему вступить въ мою службу, и самому назначить условія». Мантейфель угѣшалъ короля тѣмъ, что и другимъ верховнымъ особамъ посвящаются книги, которыхъ они вовсе не понимаютъ: притомъ же предисловіе переведено на нѣмецкій языкъ. Предисловіе очень понравилось королю, въ которомъ съ недавняго времени стали замѣчать неожиданную перемену. Онъ сталъ благосклонно отзываться о философскихъ сочиненіяхъ, и въ немъ обнаруживалась охота къ чтенію, которая до того была въ разладѣ съ его обыкновеннымъ образомъ мыслей, что въ ней видѣли зловѣщій знакъ — приближеніе смерти. Когда она послѣдовала, Вольфъ принялъ приглашеніе новаго короля, давно уже выражавшаго свое сочувствіе философу-изгнаннику. Еще будучи наслѣднымъ принцемъ, Фридрихъ II желалъ совершить путешествіе въ сопровожденіи своего «великаго учителя Вольфа».

Возвращеніе Вольфа въ Галле было въ полномъ смыслѣ слова общимъ праздникомъ для тамошнихъ жителей. За милю до города ожидала торжественная колесница; у городскихъ воротъ, на улицахъ и на площадяхъ собрались толпы народа, и Вольфъ въѣхалъ въ городъ при звукахъ трубъ и литавръ, и при радостныхъ кликахъ жителей. Въ Галле Вольфъ оставался до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1754 году на семьдесятъ-шестомъ году его жизни.

Въ теченіе этой долговременной жизни самымъ лучшимъ временемъ для Вольфа было то, которое онъ провелъ въ Марбургѣ, то-есть, съ 1723 по 1740 годъ. Въ первое пребываніе въ Галле онъ только начиналъ свою дѣятельность и пріобрѣталъ извѣстность; по возвращеніи въ Галле, онъ уже утратилъ прежнюю энергію и вліяніе на молодежь: у него была тогда цѣлая школа, ученики распространили всюду его ученіе, а для молодыхъ поколѣній лекціи его не имѣли уже привлекательной новизны. Въ Марбургѣ же онъ былъ въ самый счастливый періодъ своей дѣятельности; имя его стало извѣстно во всей Европѣ, и отовсюду стекались слушатели, привлекаемые молвой о «міровомъ мудрецѣ», какъ называли Вольфа въ XVIII столѣтіи. По желанію одного изъ философскихъ обществъ, выбита была медаль съ изображеніемъ Минервы, Лейбница и Вольфа; Лейбницъ и Вольфъ увѣнчаны лавровымъ вѣнкомъ и окружены многозначительною надписью: *sapere aude!* Вольфъ былъ оракуломъ и для читателей своихъ и для слушателей; лекціи его записывались съ буквальною точностью; слушатели боялись проронить не только слово, но даже движеніе, сопровождавшее его рѣчь; въ тетради одного изъ слушателей отмѣчено: здѣсь засмѣялся господинъ совѣтникъ.

Въ тѣ семестры, когда Ломоносовъ былъ студентомъ Марбургскаго университета, Вольфъ читалъ весьма много предметовъ, а именно: всеобщую математику, алгебру, астрономію, физику, оптику, механику, военную и гражданскую архитектуру, логику, метафизику, нравственную философію, политику, естественное право, народное право, географію и хронологію, и объяснялъ сочиненіе Гуго Гроція о правѣ войны и мира.

Ломоносовъ сохранилъ навсегда благодарное воспоминаніе о своемъ наставникѣ, называя его «славнѣйшимъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ авторомъ»; «Опытная физика» Вольфа переведена на русскій языкъ Ломоносовымъ. Высоко цѣнимая въ восемнадцатомъ вѣкѣ, философія Вольфа потеряла кредитъ свой въ девятнадцатомъ; о ней или совершенно забывали, или если и вспоминали, то клеймили названіемъ ограниченной, самодовольной, безжизненной, бесплодной и т. п. Но въ новое время она нашла энергическаго защитника; обращаясь къ порицателямъ ея, Фейе^Вбахъ говоритъ: «Вы, съ презрѣніемъ произносящіе имя Вольфа, можете ли вы похвалиться его основательнымъ, всеобъемлющимъ знаніемъ, его чистою, неистощимою любовью къ наукѣ и истинѣ, его самоотверженіемъ, съ которымъ онъ нисходилъ до жалкаго уровня своихъ современниковъ, чтобы внести лучъ свѣта въ тяжелыя головы нѣмцевъ? Счастье было бы для нѣмецкаго народа, если бы среди него явился новый Вольфъ!»

При общемъ сочувствіи къ Вольфу его многочисленныхъ учениковъ, при его сильномъ вліяніи на нихъ, нельзя предполагать, чтобы всѣ курсы и бесѣды его остались бесплодными для одного изъ даровитѣйшихъ слушателей, по признанію самого профессора, — на Ломоносовѣ. Одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ литературной критики состоитъ въ опредѣленіи различныхъ вліяній на писателя; нити, связывающія одного дѣятеля съ другимъ, иногда бываютъ чрезвычайно тонки, почти неуловимы. Чтобъ указать отношеніе Ломоносова къ Вольфу, мы избираемъ тѣ черты ихъ дѣятельности, въ которыхъ всего виднѣе особенности того или другого.

Не обладая творческимъ талантомъ, Вольфъ былъ ревностнымъ истолкователемъ гениальныхъ мыслей Лейбница и далъ имъ видъ строгой системы. Метода его, названная, по ея строгости, математическою, состоитъ въ послѣдовательномъ объясненіи каждаго слова; твердо держась однажды даннаго опредѣленія, онъ ни одного положенія не оставляетъ безъ доказательства и всѣ теоремы представляетъ въ связи, выводя одну изъ другой. Философскія сочиненія Вольфа состоятъ изъ ряда теоремъ или силлогизмовъ съ двумя посылками и заключеніемъ, при чемъ каждое заключеніе становится посылкой въ новомъ силлогизмѣ. Метода составляетъ отличительную черту философіи Вольфа, и Ломоносовъ признавалъ ея достоинство, независимо отъ содержанія сочиненій, въ которыхъ она проведена со всею строгостью. Во второмъ изданіи переведенной имъ физики Вольфа Ломоносовъ говоритъ, что хотя со времени ея появленія наука сдѣлала большіе успѣхи, и читатели не найдутъ въ его книгѣ многого, что давно уже извѣстно въ ученомъ мірѣ, однако «славный авторъ всегда пребудетъ достоинъ чтенія, особливо ради внятнаго и порядочнаго образа мыслей». Вліяніе Вольфа всего яснѣе выразилось въ сочиненіи Ломоносова: «О движеніи воздуха въ рудникахъ». Вообще же, по замѣчанію специалистовъ, нѣмецкіе ученые не менѣе имѣли вліяніе на Ломоносова, нежели французскіе: умъ его не могъ

подчиниться тѣмъ формальностямъ, которыми изобилуютъ сочиненія нѣмецкихъ ученыхъ и особенно Вольфа. При всемъ уваженіи къ методу Вольфа, Ломоносовъ не могъ подчиниться ей: живой и впечатлительный умъ его не укладывался въ форму силлогизма, и въ его ученыхъ трактатахъ много поэтическихъ отступленій.

По существу, внутреннему свойству своего философскаго воззрѣнія, Вольфъ находился на рубежѣ двухъ враждебныхъ направленій. Одно, завѣщанное рядомъ предшествующихъ вѣковъ и державшееся силой преданія, признавало непогрѣшительность авторитета; другое заключалось въ протестѣ противъ старины, въ признаніи правъ разума и свободы изслѣдованія. Не разрывая съ преданіемъ, идущимъ со времени реформаціи, Вольфъ независимо относился къ вопросамъ, считавшимся неприкосновенными для людей, защищавшихъ точку зрѣнія положительной религіи. Идеи его о вселенной и объ основаніяхъ нравственности совпадаютъ, по его собственному признанію, съ ученіемъ Христа и апостоловъ; онъ стремился даже, посредствомъ математической методы, доказать съ неопровержимо убѣдительною истины, открываемыя христіанствомъ...

Признавая волю Божію источникомъ всего существующаго, Вольфъ говоритъ, что не на ней собственно должны основываться доказательства. Ключъ къ объясненію всего существующаго находится въ *законѣ достаточнаго основанія* или причины (*raison*), составляющемъ рычагъ всей философской системы Вольфа. «Невозможно, говоритъ онъ, чтобъ изъ ничего произошло что-либо; поэтому все, что ни есть въ природѣ, должно имѣть достаточную причину, почему оно есть. Всѣ предметы находятся во взаимной связи и одинъ служитъ причиною существованія другого. Въ солнцѣ причина того, что земля стала землею; то-есть посредствомъ солнечной теплоты земля стала плодородна и удобна для расселенія по ней рода человѣческаго и т. п. Воля Божія есть высшая причина существованія всѣхъ вещей; но на нее можно сослаться только тогда, когда спрашиваютъ, почему что-либо существуетъ, а отнюдь не тогда, когда желаютъ знать, какимъ образомъ то или другое возможно. Въ математикѣ, особенно въ геометріи, множество основательнѣйшихъ доказательствъ; но ни одно изъ нихъ не основывается на волѣ Божіей; такимъ образомъ, на вопросъ: отчего въ прямолинейномъ треугольникѣ три угла равняются двумъ прямымъ, не отвѣчаютъ: такъ Богу угодно. Или, если въ физикѣ спрашиваютъ, отчего гремитъ громъ, то это значитъ, какія естественныя причины производятъ грозу, и только тотъ, кто не заботится о ближайшихъ причинахъ, можетъ сказать, что грозу посылаетъ Богъ, потому что воля Бога движетъ силами природы. Вѣрнѣйшій путь къ примиренію науки съ вѣрою Вольфъ видитъ въ изученіи природы. «Если бы, говорить онъ, глубже изучили физику и естественныя науки, то увидѣли бы, что въ каждомъ твореніи, какъ бы оно ничтожно ни было, сокрыто многое для познанія Творца: и вмѣсто того, чтобы

преслѣдовать науку, надо обращать ее во славу Бога, и, по совѣту одного просвѣщеннаго теолога, вмѣстѣ съ Библіей изучать книгу природы и познавать небо не только внутри, но и съ наружи».

Подобно Вольфу, Ломоносовъ находился съ средѣ, гдѣ царило преданіе и всякая попытка къ свободѣ мысли возбуждала негодованіе многихъ. Ломоносовъ не отвергалъ христіанскихъ истинъ; онѣ были для него святыней; въ произведеніи, гдѣ онъ довольно свободно относился къ преданію въ «Посланіи о пользѣ стекла», онъ говоритъ:

О коль велика къ намъ щедроть Его пучина,
Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына:
Не погнушался Онъ на малый шаръ сойти,
Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.

Но свято уважая основы христіанства, Ломоносовъ признавалъ и права разума, и съ точки зрѣнія мыслителя смотрѣлъ на предметы, о которыхъ его предшественники и современники хранили благоговѣйное молчаніе. Ломоносовъ высказалъ свой взглядъ на посты, какъ на явленіе историческое, связанное съ условіями мѣстности и климата.

Религіозный вопросъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ развитіи общества и народа; въ системѣ религіи всего рѣшительнѣе высказывается авторитетъ, и потому свободная постановка какого-либо изъ вопросовъ въ ея области служить уже доказательствомъ большей или меньшей независимости мысли. По понятіямъ, господствовавшимъ у насъ до Ломоносова, лучшимъ достоинствомъ человѣка считалась не смѣлость мысли, а смиреніе и въ отважномъ полетѣ ея видѣли грѣховное посягательство на права единаго Всевѣдущаго. Одинъ изъ писателей, высокоцѣнимыхъ старинными нашими книжниками, говоритъ: «Что повелѣно тебѣ, о томъ размышляй, а что сокрыто, того не изслѣдуй; о, если бы кто держалъ бичъ надъ моими мыслями!» И находились люди, которые держали бичи надъ мыслями въ своихъ рукахъ. Понимая вещи по своему, пѣтисты искали таинственнаго смысла во всѣхъ явленіяхъ, и для доказательства любимой темы сближали вещи, не имѣющія между собою общаго. На естественныя причины или вовсе не обращали вниманія, или отзывались о нихъ съ пренебреженіемъ, называя ихъ слѣпымъ случаемъ; истинную же причину видѣли не въ нихъ. «Не случайно произошло это, а съ таинственною цѣлью», и т. д. — вотъ обычное въ то время объясненіе событій. Даже Теофанъ Прокоровичъ, обвиняемый въ свободомысліи, говоря о русскомъ флотѣ, доказываетъ, что Петръ не случайно увидѣлъ ботикъ, какъ не случайно у персидскаго царя, осудившаго на казнь невиннаго, сдѣлалась бессонница и т. д. На общемъ, безразличномъ объясненіи всего посредствомъ *непостижимыхъ* путей Промысла, безъ изслѣдованія причинъ ближайшихъ, остановились неглубокіе люди, и съ труднѣйшими вопросами науки и жизни порѣшили коротко, хотя и не ясно: «чему быть, тому не миновать», или еще смиреннѣе: «это не нашего

ума дѣло». При подобномъ взглядѣ, философскій законъ *достаточнаго основанія*, возведенный въ принципъ Лейбницемъ и Вольфомъ, былъ для тогдашняго русскаго общества смѣлою новостью, и за постоянное обращеніе къ логическому закону Ломоносовъ подвергался укорамъ и даже преслѣдованіямъ. Этотъ законъ получаетъ новый, жизненный смыслъ въ возрѣніи Ломоносова, искавшаго разгадки непостижимыхъ вещей въ творческой силѣ природы. Въ сочиненіяхъ своихъ, гдѣ рѣчь идетъ о силахъ природы, онъ считаетъ нужнымъ успокоивать умы слушателей и читателей, готовыхъ обвинять его въ посягательствѣ на вѣру и чуть не въ атеизмъ. Всего нагляднѣе обнаруживается тогдашнее настроеніе во взглядѣ на электрическіе опыты: объясненіе грома и молніи посредствомъ электричества и употребленіе громоотводовъ считали «продерзостнымъ сопротивленіемъ гнѣву Божию»; Ломоносовъ подробно доказываетъ, что защищаться отъ громовыхъ ударовъ такъ же безгрѣшно, какъ и строить прочныя зданія для защиты отъ бурь, или дѣлать плотины для защиты отъ наводненій. Говоря о прохожденіи Венеры черезъ солнце, онъ доказываетъ, что изученіе астрономіи нисколько не подрываетъ религіи, какъ полагали многіе изъ его современниковъ.

Не отрицая воли Божіей, правящей міромъ, Ломоносовъ считалъ необходимымъ объясненіе естественныхъ явленій посредствомъ закона достаточнаго основанія—дѣйствіемъ силъ природы. Не только по мыслямъ, но и по формѣ ихъ, Ломоносовъ напоминаетъ Вольфа, превосходя его энергіей выраженія. Весьма любопытно въ этомъ отношеніи «Посланіе о пользѣ стекла», выражающее новый для того времени взглядъ на отношеніе человѣка къ природѣ. Стихотворная форма выбрана по тогдашнему литературному обычаю, а можетъ быть и по примѣру поэмы Лукреція *de rerum natura*, въ которой говорится стихами о естественныхъ явленіяхъ, подлежащихъ наблюденію натуралиста. Ломоносовъ говоритъ о «слабомъ умѣ»:

Дабы столковать, что молнія и громъ —
 Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ:
 На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
 Когда грозить Отецъ намъ яростью своею.
 Но какъ Онъ насъ казнить, поднявъ въ пучинѣ валь,
 То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
 Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
 То грѣхъ ли то сказать, что Ниль тамъ не разлился?

Какъ Вольфъ признавалъ истиннымъ только то откровеніе, которое въ ладу съ законами природы, такъ и для Ломоносова права природы священны, и всякое уклоненіе отъ нихъ онъ почиталъ несообразнымъ съ волей Божіей, хотя бы оно и утверждено было преданіемъ. Онъ называетъ смѣшною неосторожностью то, что противно природѣ человѣка, но вошло въ обычай подъ вліяніемъ авторитета.

Какъ въ западной Европѣ, гдѣ долгое время занятіе физикой считалось грѣховнымъ, Альбертъ Великій и Роджеръ Беконъ дерз-

нули «очистить природу отъ грѣха», такъ въ Россіи Ломоносовъ энергически возставалъ противъ обвиненій въ грѣховности науки о природѣ и утверждалъ, что «испытаніе природы трудно, однако полезно, *свѣто*». Раздѣляя съ Вольфомъ благоговѣніе къ природѣ, Ломоносовъ отличался отъ него поэтическимъ воззрѣніемъ на космосъ. Вольфъ былъ холоднымъ систематикомъ, и права природы доказывалъ математическими теоремами, Ломоносовъ чувствовалъ ихъ всѣмъ существомъ своимъ. Его душа понимала поэзію природы, и если природа не была къ нему мачехой, то и онъ, съ своей стороны, не былъ къ ней пасынкомъ; она давала художническому чувству его высокое наслажденіе и служила для разума неисчерпаемымъ источникомъ познанія. Для полноты знанія Вольфъ считалъ необходимымъ изучать священное писаніе и книгу природы; Ломоносовъ говоритъ: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой — свою волю; первая — видимый сей міръ, вторая — священное писаніе». Въ священномъ писаніи онъ живо сочувствовалъ изображеніямъ величія и красоты природы, какъ можно судить по его переложеніямъ, выбраннымъ изъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя всего болѣе проникнуты чувствомъ природы, какъ напр. изъ книги Іова и псалмовъ. Ломоносовымъ переложень и сто третій псаломъ, изображающій картину цѣлаго космоса: «Должно дивиться, говоритъ Гумбольдъ, какъ въ такомъ незначительномъ по своему объему лирическомъ произведеніи немногими великими чертами изображена вселенная, и небо, и земля! Подвижной, стихійной жизни природы противопоставлена тихая, тяжкая работа человѣка отъ восхода солнечнаго до окончанія денного труда вечеромъ. Эта противоположность, этотъ всеобъемлющій взглядъ на взаимное отношеніе между явленіями, это обращеніе къ вездѣ присутствующей невидимой силѣ, которая можетъ обновить землю или разбить ее въ прахъ, придають торжественность этой не столько кипящей жизни, сколько возвышенной поэзіи». Чувство природы было жизненнымъ элементомъ въ произведеніяхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства. «Христіанское настроеніе сердца, замѣчаетъ Гумбольдъ въ своемъ «Космосѣ», заставило доказывать величіе и благодать Создателя на основаніи всемірнаго порядка и красоты природы; подобное направленіе мыслей къ прославленію Божества въ его твореніи возбудило вкусъ къ описаніямъ природы». Въ писаніяхъ отцовъ церкви Ломоносовъ высоко цѣнитъ сочувствіе къ природѣ и стремленіе сдружить познаніе ея съ вѣрой: «о, если бы въ ихъ время, говоритъ онъ, извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ, съ какимъ бы восторгомъ проповѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣтельствахъ величія, мудрости и могущества Творца! Въ этомъ сдруженіи науки съ вѣрой полагалъ свое призваніе Ломоносовъ; къ той же цѣли стремилась и философія Вольфа. Особенность Ломоносова въ постановкѣ вопроса объ отно-

шеніяхъ естественныхъ причинъ къ сверхъестественнымъ можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ. До него, по крайней мѣрѣ, въ понятіи большинства, наука была не болѣе какъ *служанкою*, и притомъ опасною, вѣры; Ломоносовъ признавалъ науку и вѣру *двумя родными сестрами*. Природа, говоритъ онъ, есть «евангеліе», благовѣствующее творческую силу, премудрость и величество; не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божию».

Примиреніе науки съ вѣрой, или точнѣе, вѣры съ наукою было живою потребностью тогдашняго русскаго общества. Чтобы начать движеніе по пути умственнаго развитія, необходимо было уничтожить преграду, останавливающую умы въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности, и довести ихъ до сознанія, что новый путь вель къ истинѣ, а не къ пагубѣ. Большинство нуждалось въ ободряющемъ голосѣ, и Ломоносовъ угадалъ эту потребность общества, какъ вѣрно угадывалъ и всѣ другія его нужды. Сочувствіе къ интересамъ общественнымъ есть одна изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности Ломоносова. Въ этомъ онъ также сближается съ Вольфомъ. Съ именемъ Вольфа связано воспоминаніе о замѣчательной въ исторіи нѣмецкой литературы и образованности эпохи «просвѣщенія» (*Aufklärung*). Задача такъ называемыхъ «просвѣтителей» состояла въ освобожденіи личности человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, въ свободѣ изслѣдованія и въ борьбѣ съ предрасудками и школьнымъ авторитетомъ. Содѣйствуя просвѣщенію своихъ соотечественниковъ, Вольфъ говорилъ и писалъ на родномъ языкѣ о важнѣйшихъ предметахъ человѣческой мысли, и первый ввелъ нѣмецкій языкъ въ область философіи, гдѣ до того владычествовалъ латинскій языкъ исключительно. До Вольфа философія была достояніемъ кружка; ею занимались немногіе спеціалисты; Вольфъ возбудилъ интересъ къ ней въ образованномъ мірѣ вообще; для содѣйствія занятіямъ философскими науками составились въ различныхъ мѣстахъ цѣлыя общества. Система самого Вольфа была излагаема въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ строгаго догматическаго трактата до легкаго популярнаго очерка; даже дамы принялись за изученіе философіи: девятнадцатилѣтняя дочь обитателя Шарлотенбурга, близъ Берлина, до того была восхищена системой Вольфа, что пожелала имѣть подробное ея изложеніе, которое и вышло въ свѣтъ подъ именемъ «прекрасной вольфیانки» — *la belle Wolfiene*. Какова бы ни была степень таланта Вольфа, критики девятнадцатаго вѣка особенно цѣнятъ въ немъ «просвѣтителя» тогдашней Германіи.

Ломоносовъ былъ также «просвѣтителемъ» современнаго ему русскаго общества. Подвигъ его, какъ просвѣтителя, состоялъ въ отверженіи того, что вело въ апатіи и застою, и въ общедоступномъ изложеніи того, въ чемъ видѣлъ онъ плодотворное, жизненное начало. Несравненно смѣлѣе Вольфа возставалъ онъ противъ авторитетовъ; по его мнѣнію, одною изъ главныхъ причинъ умственнаго застоя въ средніе вѣка была слѣпая вѣра въ Аристотеля: «я не презираю

сего славнаго философа, говорить онъ, но тѣмъ не безъ сожалѣнія удивляюсь, которые про смертнаго человѣка думали, будто бы онъ въ своихъ мнѣніяхъ не имѣлъ никакого погрѣшенія, что было главнымъ препятствіемъ къ приращенію философіи и прочихъ наукъ». Независимое отношеніе къ авторитетамъ нестерпимо для малодушія и скудоумія, и на Ломоносова сыпались нападки: «не великъ, говорили, передъ нимъ Картезій, Невтонъ и Лейбницъ со всѣми новыми ихъ изысканіями». Ломоносовъ былъ горячимъ защитникомъ прогресса, утверждалъ, что въ нынѣшнія времена науки достигли такого развитія, о которомъ и не мечтали люди, жившіе не только за тысячу, но и за сто лѣтъ; вѣра его въ прогрессъ доходила до энтузіазма, и онъ весьма неблагосклонно отзывался о добромъ старомъ времени. Защитники старины, въ свою очередь, не оставались въ долгу передъ смѣлымъ обличителемъ, но бой былъ далеко не равный: на правдивый укоръ просвѣтителя отвѣчали клеветами и доносами. Въ шутиломъ гимнѣ Ломоносовъ обращается къ бородѣ съ званіемъ:

О прикраса золотая,
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О завѣса мнѣній ложныхъ.

За такое обращеніе усердные защитники бороды и блюстители нравственности предлагали: «къ отвращенію такихъ продерзостей *удостоить* сего ругателя *публичнымъ наказаніемъ*». Дѣятельность русскаго просвѣтителя не ограничивалась энергическимъ отрицаніемъ: она стремилась къ положительной цѣли, открывала положительные истины и вносила въ доступную ей среду ясныя и благородныя убѣжденія. Подобно Вольфу, Ломоносовъ не былъ специалистомъ, а стремился объять всѣ отрасли знанія и проводить ихъ благотворное, цивилизующее вліяніе въ общество; даже въ специальныхъ изслѣдованіяхъ онъ имѣлъ въ виду не только передачу фактовъ, но и просвѣщеніе своихъ читателей и слушателей, и истины науки старался объяснить общедоступно. Справедливо замѣчаютъ, что призваніемъ Ломоносова было провести результаты европейской науки черезъ складъ русскаго ума и сдѣлать ихъ составною частью нашей умственной атмосферы. Науку для пользы и просвѣщенія общества признавалъ онъ вопіющею потребностью.

На основаніи всего сказаннаго нами о Ломоносовѣ и Вольфѣ, можно сдѣлать слѣдующій выводъ объ отношеніи одного къ другому. Вольфъ имѣлъ вліяніе на Ломоносова, но оно не было такъ глубоко, чтобы Ломоносова можно было назвать вольфіанцемъ: по самой природѣ своей, онъ былъ очень неподатливъ и не могъ быть безотвѣтнымъ органомъ чужого образа мыслей. Сходство и различіе между Ломоносовымъ и Вольфомъ обнаруживается въ методѣ, въ ихъ воз-

зрѣніи и въ характерѣ ихъ дѣятельности. Строгость математической
методы Вольфа справедливо цѣнились Ломоносовымъ, но онъ самъ
обращался къ ней рѣдко: въ мысляхъ его было такъ много жизни
и свѣжести, что нельзя было заключать ихъ въ рамку теоремъ;
когда дѣло идетъ о могуществѣ науки или творческой силѣ при-
роды, прозаическая послѣдовательность доводовъ уступаетъ мѣсто
лирическимъ отступленіямъ. Въ общемъ воззрѣніи на космосъ они
сходятся. По ихъ убѣжденію, вѣчный порядокъ вселенной свидѣ-
тельствуемъ о мудрости и о величіи Творца; но чтобы познать Его,
необходимо изучать твореніе, и изучать безъ всякой задней мысли,
вести изслѣдованіе вполнѣ свободно, не дѣлая изъ науки раба за-
ранѣе составленной системы. Въ объясненіи всего существующаго
долженъ быть строго наблюдаемъ неумолимый законъ достаточнаго
основанія. Разумнаго основанія Ломоносовъ искалъ въ силахъ при-
роды, и этимъ указывалъ новую точку зрѣнія, открывалъ путь сво-
бодному изслѣдованію, вносилъ въ мышленіе тотъ жизненный эле-
ментъ, которымъ европейская наука отличается отъ апатическаго
ученія Востока. Чувство природы такъ сильно развито было въ Ло-
моносовѣ, что, защищая права ея, онъ изъ мыслителя переходилъ
въ поэта и «слагалъ гимны матери-природѣ». Поэтическое настроеніе
было вовсе чуждо Вольфу; самому чувству изящнаго послѣдователя
Вольфа давали мѣсто между низшими способностями души.

По характеру своей дѣятельности, и Вольфъ и Ломоносовъ были
просвѣтителями своего общества; трудъ просвѣтителя слагался изъ
борьбы съ отживающею стариною и съ водвореніемъ новаго, сози-
дающаго. Въ первомъ отношеніи Ломоносовъ расходится съ Воль-
фомъ: послѣдній находился подъ сильнымъ вліяніемъ Лейбница, такъ
что и самая философія его называется обыкновенно лейбнице-воль-
фианскою. Ломоносовъ, напротивъ, былъ слишкомъ независимъ,
и не только передъ Вольфомъ, но и передъ самимъ Аристотелемъ
не желалъ быть покорнымъ ученикомъ, повторяющимъ: «такъ ска-
залъ учитель». Вольфъ былъ однимъ изъ многихъ ревнителей про-
свѣщенія въ Германіи, Ломоносовъ — однимъ изъ немногихъ и
притомъ во главѣ этихъ немногихъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ
весь трудъ реформатора заключался собственно въ немъ одномъ.
Наука была явленіемъ новымъ въ русскомъ обществѣ, и онъ ра-
товалъ за права ея со всѣмъ воодушевленіемъ и жаромъ ново-
обращеннаго. «Наука должна быть полезна *обществу*», въ этомъ
убѣжденіи сходились между собою Вольфъ и Ломоносовъ, и оно
даетъ имъ право на имя просвѣтителей современнаго имъ общества.
По основному характеру своихъ стремленій, по складу своего ума
и оригинальности дарованія, Ломоносовъ гораздо ближе къ Декарту,
нежели къ Вольфу. Вліяніе Вольфа подѣйствовало на Ломоносова
благоотворно въ томъ отношеніи, что сдержало нѣсколько его по-
рывы, сгладило неровности, приучило къ системѣ и методѣ его жи-
вое и увлекающееся мышленіе. Не подчиняясь формальностямъ и

педантизму, Ломоносовъ оцѣнилъ свѣтлую сторону философіи Вольфа и ея рѣшительное преимущество передъ схоластикой, господствовавшей тогда въ русскихъ училищахъ, въ которыхъ онъ получилъ первое понятіе о философскихъ наукахъ. *Сухомлиновъ.*

Ломоносовъ въ Фрейбергѣ и возвращеніе на родину.

Въ горномъ саксонскомъ городѣ Фрейбергѣ, куда по назначенію русскіе студенты прибыли изъ Марберга черезъ пять дней, 28 іюля 1739 года, безъ гроша въ карманѣ, Ломоносова окружили иные люди и новая обстановка. Въмѣсто уважаемаго и славнаго учителя, судьба соединяетъ его теперь съ мелкою, грубою и вообще очень мало симпатичною личностію саксонскаго бергъ-физика Генкеля, у котораго студенты, согласно заключенному съ нимъ Академіей условію, должны были за 1000 рублей два года учиться металлургіи, находясь въ полной отъ него зависимости. Корфъ предупреждалъ Генкеля, что молодые люди очень различныхъ качествъ, и по способностямъ и по прилежанію, но въ расточительности не уступятъ другъ другу. Ихъ ожидала трудная жизнь въ Фрейбергѣ, который не представлялъ, съ другой стороны, той болѣе широкой умственной и научной атмосферы, какую всегда можно найти во всякомъ небольшомъ университетскомъ городѣ Германіи. Матеріальныя средства для жизни были чрезвычайно скудны. Въмѣсто получаемыхъ прежде 300 рублей въ годъ, Ломоносовъ и его товарищи должны были довольствоваться половиною, и Академія, напуганная ихъ расточительностію и долгами въ Марбургѣ, въ своихъ письмахъ къ Генкелю и въ приказаніяхъ къ студентамъ, старалась еще ограничить ихъ ежедневныя издержки, требовала, напр., самаго дешеваго стола и не позволяла имѣть новаго платья. О прежнемъ широкомъ кредитѣ нечего было и думать. Генкеля просили давать въ полное распоряженіе студентовъ, на ихъ мелочные расходы, только по талеру въ мѣсяцъ. Эта бѣдная жизнь и полная зависимость отъ Генкеля, думавшаго болѣе о своихъ барышахъ, чѣмъ объ урокахъ студентамъ, были источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ непріятностей Ломоносова въ Фрейбергѣ и его бѣгства изъ этого города.

Но въ началѣ его пребыванія въ Фрейбергѣ, отношенія къ Генкелю были самыя мирныя. Тотчасъ по приѣздѣ студентовъ, Генкель началъ съ ними свои *operaciones* и *lectiones metallurgicas*. Онъ былъ очень доволенъ студентами, называя ихъ *liebes Jugend* и отзываясь о нихъ съ самой лучшей стороны. Онъ вѣритъ въ искренность ихъ раскаянія въ беспорядочной марбургской жизни, онъ не сомнѣвается ни въ способностяхъ, ни въ прилежаніи студентовъ, ни въ уваженіи ихъ къ нему, какъ къ наставнику. Генкель такъ хорошо настроенъ, такъ расположенъ къ студентамъ, что является даже ходатаемъ

за нихъ передъ Академіей. Онъ почти укоряетъ послѣднюю въ жестокомъ обращеніи съ студентами, пишетъ, что назначеннаго имъ содержанія весьма недостаточно, пишетъ, что имъ необходимо новое платье и указываетъ на другіе неизбѣжные расходы, которые прежде не предвидѣлись, какъ, напр., преподаваніе его товарища по службѣ Керна, учившаго студентовъ рисованію машинъ и разныхъ зданій, приспособленныхъ къ горному дѣлу. Генкель просилъ Академію назначить Керну 100 рейхсталеровъ въ годъ, а студентамъ прибавить по 50 на каждого.

Свидѣтелемъ этихъ первыхъ мирныхъ отношеній Генкеля къ студентамъ и успѣховъ ихъ въ занятіяхъ горными науками въ Фрейбергѣ былъ членъ Академіи Нукъ Юнкеръ, прикомандированный ею къ фельдмаршалу Миниху «для веденія журнала». Въ Фрейбергѣ Юнкеръ встрѣтился съ Ломоносовымъ и нашелъ въ немъ помощника. Послѣдній, припоминая свои юношескія поѣздки съ отцомъ къ бѣломорскимъ солоньямъ для закупки соли, по порученію Юнкера, переводилъ для него съ нѣмецкаго рапорты въ Академію и разные экстракты о соляномъ дѣлѣ. Юнкеръ счелъ своею обязанностью писать къ борону Корфу о своей встрѣчѣ съ русскими студентами. Въ этомъ письмѣ онъ хвалитъ и поведеніе и успѣхи студентовъ. Принимая участіе въ ихъ занятіяхъ, онъ высказываетъ свои предположенія о тѣхъ спеціальныхъ занятіяхъ въ области горнаго дѣла, которыя согласны были бы съ способностями самихъ студентовъ. По его наблюденію, Ломоносову слѣдовало бы въ особенности заняться изученіемъ рудокопнаго дѣла и машинъ. Вообще, кажется, Юнкеръ близко сошелся съ Ломоносовымъ и чаще видѣлся съ нимъ, чѣмъ съ прочими. Есть даже большое основаніе думать, что Юнкеръ, составитель походнаго журнала Миниха, и безъ всякаго сомнѣнія, поклонникъ военныхъ подвиговъ фельдмаршала, кромѣ того самъ поэтъ, разившійся подъ вліяніемъ единственнаго замѣчательнаго нѣмецкаго поэта того времени — Гюнтера, составитель придворныхъ и похвальныхъ одъ въ Петербургѣ, которыя доставляли ему протекцію сильныхъ людей и переводчикъ извѣстной оды Тредіаковскаго «На взятіе Данцита», находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Ломоносову въ Фрейбергѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, — далъ первый поводъ къ сочиненію оды «На взятіе Хотина», и, безъ всякаго сомнѣнія, онъ же и отвезъ эту оду въ Петербургъ.

Знаменитая ода эта, которою началась русская поэзія и въ которой заговорила она языкомъ и звуками, до тѣхъ поръ неслыханными, обязана, какъ извѣстно, своимъ происхожденіемъ побѣдѣ Миниха при Ставучанахъ (18 августа 1739 г.) и вслѣдъ за нею взятію Хотина. Ломоносовъ, отправляя свое поэтическое произведеніе въ Петербургъ, въ то отдѣленіе Академіи Наукъ, которое образовалось въ ней въ началѣ 1735 года, подъ именемъ «Россійскаго собранія», и гдѣ самымъ усерднымъ членомъ былъ Тредіаковскій, писалъ, что ода эта «не что иное есть, какъ только превеликія оныя радости

плодь, которую непобѣдимѣйшія наша монархиня преславная надъ непріятелями побѣда, въ вѣрномъ моемъ сердцѣ возбудила», а въ концѣ оды онъ говоритъ о ней, что его «некрасной стихъ» есть «знакъ подданства». Мы и не можемъ ожидать отъ Ломоносова глубокаго патріотическаго чувства, какъ вдохновенія. Между этимъ чувствомъ и громкими, совершенно внѣшними одами, вызываемыми громомъ современныхъ викторій и всею ослѣпительною внѣшностію XVIII вѣка, — не было ничего общаго. Ломоносову уже извѣстно было, изъ примѣровъ Юнкера и Тредіаковскаго, что официальные стихи похвальныхъ одъ ведутъ въ Петербургъ къ почестямъ и наградамъ поэтовъ; съ другой стороны, Академія требовала отъ него образчиковъ занятій и упражненія въ русскомъ языкѣ; притомъ, посылая оду, въ приложенномъ къ ней письмѣ, онъ заговорилъ о правилахъ русской версификаціи и такимъ образомъ придалъ своему произведенію характеръ научный, на что Академія должна была обратить вниманіе. Онъ просилъ у академикомъ мнѣнія насчетъ нововведенія, сдѣланнаго имъ въ русскомъ стихосложеніи. «Я не могу довольно о томъ нарадоваться», пишетъ онъ, «что російскій нашъ языкъ не только бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ; но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ». «Россійское Собраніе», впрочемъ, не удостоило фрейбергскаго студента своимъ отвѣтомъ; только одинъ Тредіаковскій, видѣвшій въ письмѣ Ломоносова, не безъ основанія, полемику противъ его «Способа къ сложенію російскихъ стиховъ», изданнаго въ 1735 году, написалъ ему отвѣтъ въ Фрейбергъ отъ 11 февраля 1740 года «для защищенія правилъ» своихъ, но письмо это Академіей не было отправлено, чтобъ «на платежъ за почту денегъ напрасно не терять», такъ какъ оно было наполнено исключительно полемикой Тредіаковскаго, а о немъ уже и тогда Академія составила опредѣленное представленіе. Съ этихъ поръ начинается постоянный антагонизмъ между нимъ и Ломоносовымъ.

Самая ода Ломоносова не произвела въ Петербургъ никакого дѣйствія. Академики-нѣмцы, естественно, не могли обратить на нее вниманіе, а Тредіаковскій тѣмъ болѣе долженъ былъ помѣшать ея распространенію, что видѣлъ въ ней наглядное доказательство ложности своихъ теорій, а въ Ломоносовѣ — опаснаго соперника. Безъ всякаго сомнѣнія она осталась въ архивѣ академическомъ и была пришта къ дѣлу объ отправкѣ трехъ студентовъ за границу. Академія не могла же печатать ихъ ученическія сресіміна, а понятъ историческое значеніе оды было некому.

Содержаніе первой оды Ломоносова, имѣвшей такое сильное вліяніе на всю нашу лирическую поэзію въ XVIII вѣкѣ, есть придуманный восторгъ, который обыкновенно сочиняли себѣ поэты того времени. «Русская побѣда» выставляется въ рамкѣ забытаго греческаго пѣснопѣнія, и представленія античной фантазіи, когда-то жи-

вые и свѣжія, а теперь отъ долгаго употребленія у новыхъ народовъ Европы, съ эпохи возрожденія, совершенно опошленные, тяжелымъ аппаратомъ вошли въ языкъ русской поэзіи. Съ легкой руки Ломоносова они усвоились нашими поэтами, вводящими къ намъ образцы ложно-классической литературы. Если есть сколько-нибудь жизни въ этой одѣ Ломоносова, то слѣдовъ ея надобно искать развѣ въ явленіи Петра В. «съ горящимъ лицомъ» и съ «мечемъ, умытымъ кровію», этого идеала Ломоносова, передъ русскимъ войскомъ. Все остальное въ одѣ, — и описаніе сраженія, и угрозы Портѣ, и блаженство Россіи:

Россія, какъ прекрасный кринь,
Цвѣтетъ подь АННИНОЙ державой.
Въ Китайскихъ чтуть ее стѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ россовъ славою—

выраженія сочиненнаго восторга и раболѣпной лести, составлявшихъ общій характеръ поэзіи XVIII вѣка. Этотъ вѣкъ, полный въ наукѣ и вообще въ прозѣ идеями великой просвѣтительной борьбы, въ поэзіи не ушелъ далеко.

Занятія металлургіей и поэзіей въ Фрейбергѣ были прерваны неприятными отношеніями къ Генкелю; вскорѣ напряженность между учителемъ и ученикомъ дошла до такой степени, что Ломоносовъ былъ принужденъ самовольно оставить Фрейбергъ и искать средствъ для возвращенія на родину.

Между Ломоносовымъ и Генкелемъ начались самыя неприятныя сцены, не дѣлающія чести обоимъ, слѣдствіемъ которыхъ были взаимныя обвиненія передъ петербургской Академіей.

Ломоносову, разумѣется, нельзя было оставаться въ Фрейбергѣ, и онъ отправился въ Лейпцигъ искать защиты и помощи у русскаго посланника при саксонскомъ дворѣ, графа Кайзерлинга.

Ломоносовъ выѣхалъ изъ Фрейберга въ половинѣ мая 1740 года; 6 іюня была его свадьба въ Марбургѣ, который онъ оставилъ тотчасъ же послѣ свадьбы и, не имѣя средствъ для жизни, отправился искать возможности возвратиться на родину. Въ концѣ октября того же года, послѣ попытки вернуться въ Россію, онъ былъ опять въ Марбургѣ, откуда написалъ большое и замѣчательное письмо къ Шумахеру, въ которомъ, съ своей стороны, объясняетъ всѣ свои поступки, съ ихъ побудительными причинами, свои отношенія къ Генкелю и бѣгство изъ Фрейберга. Письмо это отличается самостоятельностью и искренностью.

Ломоносовъ рѣшился отправиться къ нашему посланнику при саксонскомъ дворѣ, графу Кайзерлингу, который въ это время былъ въ Лейпцигѣ на ярмаркѣ, но не засталъ его здѣсь: посланникъ уѣхалъ въ Кассель для присутствованія на какой-то придворной свадьбѣ. Добрые марбургскіе знакомые, встрѣченные имъ въ Лейпцигѣ, предложили Ломоносову довести его до Касселя.

Возвращаться назадъ въ Фрейбергъ Ломоносовъ не хотѣлъ. Тамъ, по словамъ его, и ѣсть нечего и учиться нечему. Пробирное искусство Ломоносовъ уже зналъ, химію закончилъ, а инспекторъ Кернъ не начиналъ своихъ уроковъ съ студентами, потому что Генкель и изъ его вознагражденія, назначеннаго Академіей, хотѣлъ много выдѣлить въ свою пользу. Въ Касселѣ, къ крайнему сожалѣнію, своему, онъ снова не нашелъ Кайзерлинга.

Въ полномъ отчаяніи, Ломоносовъ рѣшился отправиться въ Голландію и оттуда, какъ-нибудь, если не найдетъ помощи у русскаго посланника въ этой странѣ, графа Головкина, — въ Петербургъ. Въ Марбургъ заѣхалъ онъ для того, чтобъ у старыхъ друзей своихъ приобрести какія-либо средства для предстоящаго странствованія. Эти старые друзья Ломоносова могли быть родственниками его молодой жены, если только они были зажиточны. Обратиться къ Вольфу за помощью онъ не рѣшился, замѣтивъ, что послѣдній не желалъ вмѣшиваться въ это дѣло. Денежные счета его съ петербургской Академіей были кончены.

Странствованіе Ломоносова началось съ Франкфурта. Отсюда водою отправился онъ въ Роттердамъ и Гагю. Русскій посланникъ, представитель придворныхъ интересовъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказалъ въ помощи Ломоносову и объявилъ наотрѣзъ, что онъ не желаетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Изъ Гаги Ломоносовъ отправился въ Амстердамъ. Здѣсь встрѣченные имъ знакомые архангельскіе купцы положительно не совѣтовали ему возвращаться безъ разрѣшенія въ Петербургъ, и Ломоносовъ рѣшился повернуть обратно въ Германію. «Сколько опасностей и сколько нужды вытерпѣлъ я дорогою, — говоритъ Ломоносовъ, — мнѣ самому страшно вспомнить». Онъ не хочетъ говорить о своихъ страданіяхъ въ письмѣ, желая быть короткимъ.

Сообщая о томъ, что онъ воротился въ Марбургъ и живетъ у друзей *инкогнито*, Ломоносовъ пишетъ, что не теряетъ даромъ времени, а занимается алгеброй, съ цѣлю примѣненія ея къ химіи и физикѣ. Путешествіе также принесло ему пользу, и Ломоносовъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что видѣлъ знаменитые города, имѣлъ въ нихъ случай говорить съ нѣкоторыми опытными химиками, посѣтилъ ихъ лабораторіи и лично обозрѣлъ горныя работы въ Гессенѣ и Зигенѣ. Въ письмѣ выражается замѣчательная самостоятельность, образованная трудомъ, лишеніями и несчастіями. Постепенно вырастаетъ въ духѣ Ломоносова гордое сознаніе своихъ достоинствъ и умственной силы, которое не покидало его никогда. «Я увѣренъ, — пишетъ онъ къ Шумахеру, — что вы, по естественной добротѣ своей, не отвергнете меня, несчастнаго, и не погубите во мнѣ человѣка, который уже въ состояніи служить Ея Величеству и быть полезнымъ отечеству». Онъ ставитъ себя гораздо выше недавняго своего учителя Генкеля, котораго могутъ считать глубокимъ ученымъ только не знающіе его близко. «Я не желаю, говоритъ онъ, — мое

незначительное, но основательное знаніе промѣнять на его науку». Онъ, по словамъ его, дѣлаеть тайну изъ самыхъ обыкновенныхъ химическихъ процессовъ, которые можно найти въ любомъ учебникѣ, а строеніе горъ можно гораздо лучше узнать отъ простаго штейгера, который всю жизнь проводитъ въ минахъ, чѣмъ отъ него. «Естественную исторію, — продолжаетъ Ломоносовъ, — надо изучать не въ комнатѣ Генкеля, изъ его ящичковъ и коробочекъ, но нужно самому посѣтить различные горные заводы и рудники, самому изучать на мѣстѣ положенія и свойства горъ и земли и отношенія другъ къ другу находящихся въ нихъ минераловъ». Съ этою цѣлію онъ просилъ Шумахера освободить его отъ тиранской власти его преслѣдователя и, продолжая еще нѣсколько времени высылку стипендіи, позволить ему еще пробыть въ Гарцѣ или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ усовершенствовать свое знакомство съ горнымъ дѣломъ. Если онъ даромъ истратитъ деньги и на этотъ разъ не оправдаетъ довѣрія Академіи, Ломоносовъ рѣшался подвергнуться всякому наказанію и въ самое короткое время обѣщаль доставить надлежащія свидѣтельства въ своихъ познаніяхъ и трудахъ свои.

Шумахеръ, письмомъ отъ 28 февраля 1741 г. къ Вольфу, переселившемуся въ это время, по вступленіи на прусскій престолъ Фридриха II, въ Галле, прилагая вексель въ 100 руб., требоваль немедленнаго отправленія Ломоносова въ Петербургъ. Того же числа писалъ онъ Ломоносову, чтобъ по полученіи денегъ, онъ ѣхаль въ Любекъ и оттуда отправлялся въ Петербургъ, какъ только вскрыется море. Вольфъ въ отвѣтъ на это, отъ 25 апрѣля, увѣдомляль Академію, что письмо и вексель онъ переслалъ въ Марбургъ къ одному изъ своихъ друзей для передачи Ломоносову съ подтвержденіемъ торопиться въ Россію. Онъ поручилъ даже въ долгахъ Ломоносова, около ста талеровъ. Черезъ два мѣсяца послѣ этой переписки 8 іюня 1741 года, Ломоносовъ былъ уже въ Петербургѣ.

Наконецъ, Ломоносовъ на родинѣ, въ Петербургѣ. Собираніе силъ кончилось. Начинается его дѣйствительное служеніе отечеству, служеніе наукѣ, для которой онъ готовился, примѣненіе къ окружающей его дѣйствительности запаса силъ нравственныхъ и умственныхъ, запаса воли и талантовъ, запаса свѣдѣній, вынесенныхъ имъ изъ европейской школы. Успѣхъ служенія Ломоносова во многомъ зависѣль отъ того общества, въ которомъ онъ жилъ, и отъ ближайшей среды, гдѣ онъ дѣйствовалъ. Двадцать четыре года длится эта жизнь, порывающаяся безостановочно во всѣ стороны, жизнь, полная лихорадочной тревоги и самой неутомимой, порывистой дѣятельности. Въ этой жизни сгорѣль Ломоносовъ и, представляя себѣ эту жизнь, исполненную борьбы и тревоги, вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя она была поставлена, позднему біографу Ломоносова остается только напряженно искать: гдѣ же результаты этой борьбы, гдѣ же плодъ этой тревожной жизни? Послѣдующая

жизнь Ломоносова выставляется передъ нами тяжелымъ подвигомъ и безостановочною борьбою, на которую потрачено много силъ и душевныхъ и тѣлесныхъ.

Буличъ.

Источники вдохновенія Ломоносова.

Чувство религиозное и патриотическое, любовь къ природѣ и наукѣ были источниками поэтического одушевленія Ломоносова. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ своей жизни, исполненной борьбы и всякаго рода лишений и страданій, физическихъ и нравственныхъ, Ломоносовъ любилъ обращаться за утѣшеніемъ къ вѣрѣ и искалъ облегченія въ пѣснопѣніяхъ Давида, въ страдальческой жизни Іова; онъ переложилъ нѣсколько псалмовъ въ стихи и написалъ оду изъ книги Іова. Нѣкоторые его псалмы, какъ-то: Псал. XIV: «Господи, кто обитаетъ въ свѣтломъ домѣ, выше звѣздъ...» и Псал. CXLV: «Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися, духъ мой, возсылатъ...» приобрѣли особенную популярность, были переложены на ноты и долго распѣвались даже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ «Одѣ изъ книги Іова» (гл. XXXVIII—XLI) содержится свободное, съ нѣкоторыми пропусками, переложеніе рѣчи Божіей къ Іову, въ которой изображается, съ одной стороны, божественное всемогущество, а съ другой—бессиліе и ничтожество человѣка. Въ началѣ оды прибавлено Ломоносовымъ обращеніе къ человѣку, рошущему въ несчастіи на Бога:

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропчешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь
градъ блистая

И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебаль,
И такъ его на распрю звалъ:
«Сбери свои всѣ силы нынѣ.
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ
чинѣ

Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

«Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,

Моей возженныхъ вдругъ рукою,
Въ обширности безмѣрныхъ мѣсть,
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣль,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

«Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить.

А въ концѣ оды присоединено наставленіе переносить несчастія съ терпѣніемъ и надеждою на Бога:

Сие, о смертный, разсуждая,
Представъ Зиждигителю власть
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть!

Онъ все на пользу нашу строить:
Казнить кого, или покоить,
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси!

Какъ въ молодыхъ годахъ наблюденіе надъ явленіями природы, такъ и впослѣдствіи ученое ихъ изслѣдованіе возбуждали въ Ломоносовѣ глубокое чувство благоговѣнія и удивленія къ величію и премудрости Божіей. Это чувство онъ выразилъ въ двухъ одахъ: «Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ» и «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», по случаю сѣвернаго сіянія», которыя, справедливо, считаются лучшими его поэтическими произведеніями. Онѣ проникнуты неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, исполнены прекрасными картинами природы и написаны легкими, гармоническими ямбами. Вотъ въ какой картинѣ изображены восходъ солнца и озареніе имъ всей природы въ «Утреннемъ размышленіи о Божіемъ величествѣ»:

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по землѣ
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу брэнно наше око
Могло, приблизившись, возрѣть:
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Особенно замѣчательно «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ» по великолѣпному изображенію сѣвернаго сіянія, которое Ломоносовъ еще въ дѣтствѣ наблюдалъ въ Сѣверномъ океанѣ, и которое потомъ, какъ ученый, объяснялъ въ «Словѣ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ».

Лицо свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мыслями утомленъ!
Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огонь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющіе множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада,
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!

Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Является естества уставъ,
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятеть!

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разить?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ,
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣтамъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ!

Другимъ источникомъ поэтическаго одушевленія Ломоносова было чувство патріотическое. Это чувство его въ первый разъ вы-

разилось въ «Одѣ на взятіе Хотина въ 1739 г.», потомъ въ «Одѣ на восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны», и выражалось въ продолженіе всего ея царствованія въ похвальныхъ словахъ и одахъ, которыя и дали Ломоносову имя пѣвца Елизаветы. Послѣ непомѣрно тяжкаго положенія во время гнета Бирона и господства нѣмецкой партіи вообще при Аннѣ Иоанновнѣ, краткое царствованіе Елизаветы, возстановившей въ Россіи просвѣщеніе, начатое Петромъ В., и покровительствовавшей все́мъ русскимъ людямъ, трудившимся на пользу Россіи, казалось современникамъ чуть не золотымъ вѣкомъ. Мы видѣли, что въ похвальномъ словѣ Елизаветѣ Ломоносовъ представляетъ ее наслѣдницей и продолжательницей славныхъ дѣлъ Петра и покровительницей русской науки и русскаго просвѣщенія. Это же выражается и въ похвальныхъ его одахъ. Лучшею изъ этихъ одъ въ художественномъ отношеніи считается ода на восшествіе на престолъ императрицы, написанная въ 1747 году. Ода начинается прославленіемъ тишины, или мира, который Елизавета своимъ мудрымъ и кроткимъ правленіемъ доставила Россіи. Этотъ миръ служитъ источникомъ благоденствія народнаго вообще и въ частности причиною процвѣтанія наукъ.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыпleshъ щедрою рукою

Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блестящая съ вѣчной высоты
На бисерь, злато и порфиру,
На все́ земныя красоты,
Во все́ страны свой взоръ возводитъ,
Но краше въ свѣтѣ не находить
Елизаветы и тебя.

Изображая пользу наукъ, Ломоносовъ и здѣсь, такъ же, какъ въ Похвальномъ словѣ Елизаветѣ, обращается къ учащемуся русскому юношеству:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!

Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Оканчивается ода извѣстными стихами въ похвалу наукъ, составляющими переводъ одного мѣста изъ рѣчи Цицерона *pro Archia poëta*:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,

И въ дальнихъ странствахъ не помѣха
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынь,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладкомъ и трудѣ.

Но и въ этой лучшей похвальной одѣ Ломоносова отразилось, какъ въ построеніи ея (по образцу одъ Пиндара и Горація, такъ

особенно въ употребленіи миеологическихъ образовъ, греческихъ музъ, боговъ и богинь, то ложноклассическое направленіе, которому онъ слѣдовалъ въ своихъ стихотвореніяхъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ стра-	. . . . .
шилса,	И се Минерва ударяетъ
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,	Въ верхи рифейски копіемъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,	Сребро и злато истекаетъ
Взирая на російскій флагъ.	Во всемъ наслѣдїи твоемъ.
. . . . .	Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Верхи парнаски возстали,	Что россамъ въ руки предается
И музы воплемъ провожали	Драгой его металлъ изъ горъ.
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ...	

Любовь къ наукѣ, замѣтилъ Пушкинъ, была главною страстію страстной души Ломоносова. Чувство любви къ ней, выражавшееся во всей его жизни и во всѣхъ его сочиненіяхъ, съ особенною силою обнаруживалось тогда, когда онъ видѣлъ неуваженіе къ наукѣ или нападеніе на нее. Съ такимъ чувствомъ написано его посланіе о пользѣ стекла. По характеру своему, оно принадлежитъ къ такъ называемымъ дидактическимъ произведеніямъ, въ которыхъ поэты XVIII в. любили излагать стихами иногда совсѣмъ не поэтическіе предметы. Но Ломоносовъ, съ увлеченіемъ занимавшійся въ это время мозаикой, на которую другіе нападали, какъ на бесполезное искусство, написалъ свое посланіе о стеклѣ съ истинно-поэтическимъ одушевленіемъ. Ближайшимъ поводомъ къ нему былъ слѣдующій случай. На обѣдѣ у Шувалова, на которомъ Ломоносовъ былъ въ кафтанѣ со стеклянными пуговицами, кто-то замѣтилъ ему, что стеклянные пуговицы нынѣ уже не въ модѣ. Ломоносовъ отвѣчалъ, что носить такія пуговицы не по модѣ, а изъ уваженія къ стеклу, и съ одушевленіемъ началъ ему объяснять пользу стекла въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ и наукахъ. Эти объясненія такъ понравились Шувалову, что онъ посовѣтовалъ Ломоносову изложить ихъ въ стихахъ. На этотъ случай и указываетъ начало «Посланія», заключающее обращеніе къ Шувалову:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
 Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
 Приманчивымъ лучомъ блистающихъ въ глаза:
 Не меньше пользы въ немъ, не меньше въ немъ краса.
 Нерѣдко я для той съ Парнаскихъ горъ спускаюсь
 И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
 Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
 Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу.
 И какъ я оное хвала воспоминаю,
 Не ломкость лживаго я счастья представляю.
 Не должно тѣнности примѣромъ тое быть,
 Чего и сильный огонь не можетъ разрушить,
 Другихъ вещей конечный раздѣлитель;
 Стекло имъ рождено: огонь его родитель.

Загѣмъ Ломоносовъ указываетъ на тѣ предметы, которые приготавливаются изъ стекла — на разные сосуды, употребляемые въ разныхъ случаяхъ, на стекла, зеркала, бисеръ, очки зрительныя трубы, микроскопъ, барометръ, электрическія машины и прочее.

Когда неистовый свирѣпствуя Борей
 Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей,
 Великою не терпя и строгой перемѣны,
 Скрываетъ человекъ себя въ толстыя стѣны:
 Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
 Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть.
 Но солнечны лучи онъ сквозь стекло пропускаетъ
 И лютость холода чрезъ то же отвращаетъ.

По долговременномъ теченіи нашихъ дней,
 Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
 Померкшее того не представляетъ чувство,
 Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
 Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
 Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
 Тогда противень день, веселіе досада!
 Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
 Оно способствіемъ искусныя руки
 Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.

Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
 Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
 Кромѣ, что вдалькѣ, не кажетъ намъ вещей
 И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
 Коль многихъ тварей онъ еще не достигаетъ,
 Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
 Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,
 Что Богъ невидимыхъ животныхъ сотворилъ.
 Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
 И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы.
 Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
 Насъ малый червь частей сложениемъ дивитъ.
 Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
 Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
 Стекломъ познали мы толики чудеса,
 Чѣмъ онъ наполнилъ понть, и воздухъ, и лѣса.
 Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
 Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
 Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
 Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
 Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры.
 Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
 Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
 Надежда наша въ томъ обманами не лѣтится;
 Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
 Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
 Чрезъ то жъ откроется въ погодахъ разность силъ.

Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
 Когда не будетъ зной ни дождь опасенъ въ полѣ!
 Какой способности ждаты должно кораблямъ,
 Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
 И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
 Велико дѣло въ семь и горь златыхъ достойно.

Такимъ образомъ Ломоносовъ проникался высокимъ поэтическимъ одушевленіемъ, когда приводилось ему писать о предметахъ, близкихъ его сердцу, хотя бы эти предметы для другихъ и не казались важными и поэтическими.

Порфирьевъ.

Ломоносовъ — подвижникъ за русскую мысль и науку.

Человѣку, который, подобно Ломоносову, возвратился домой послѣ долгаго пребыванія въ чужой землѣ, гдѣ посреди устроенной жизни онъ готовился къ умственному труду, весьма было бы трудно найтись въ кругу родной жизни. Германія и Россія въ XVIII вѣкѣ въ умственномъ отношеніи представляются странами, крайне противоположными. Въ первой давно уже видна наука, постепенно развивающаяся, постепенно проникающая государство, близкая къ жизни и помогающая ей. Въ ней создалась уже литература, богатая мыслию и внѣшними формами, далекая, правда, еще отъ того, чтобъ быть выразительницею общественнаго мнѣнія, но и послѣднее еще робко и неясно. Еще не создалось то богатство — *духовное единство* страны, замѣнившее *единство политическое*, уничтожившее разрозненность и какъ бы восполнившее печальныя послѣдствія Вестфальскаго договора. Но уже и теперь, въ ту пору, какъ нашъ великій человѣкъ сидѣлъ на скамейкѣ Магдебургскаго университета, предвидѣлось будущее духовное значеніе Германіи. Ломоносовъ, приглядываясь и прислушиваясь къ окружающей его жизни, которой многимъ былъ обязанъ, могъ понимать значеніе мысли и знанія, какъ силы двигающей, могъ сознать въ себѣ самомъ силу таланта и достоинство духа. Его сильный характеръ желалъ примѣненія приобрѣтеннаго имъ духовнаго запаса къ дѣйствительности и стремился къ дѣятельности. Происходя изъ простаго народа, онъ, безъ сомнѣнія, любилъ этотъ народъ, желалъ ему добра и готовился принести на пользу ему и свои таланты и свои приобрѣтенія въ чужой землѣ. Къ сожалѣнію, встрѣченное имъ на родинѣ имѣло такія свойства, которыя должны были скорѣе помѣшать его духовной дѣятельности, чѣмъ вызвать ее, или, по крайней мѣрѣ, направить ее по ложной дорогѣ, условливаемой общимъ характеромъ русской исторіи XVIII вѣка. Прикосновеніе родной земли, казалось, должно было не придать ему силу, какъ баснословному Антею, а парализовать ее.

Взволнованная на поверхности революціоннымъ движеніемъ формы и страдательно спокойная въ глубинѣ, Россія представляла

во время Ломоносова зрѣлище страны, въ которой хладнокровный наблюдатель нашель бы много печальныхъ сторонъ. Вся жизнь ея была чѣмъ-то искусственнымъ, потому что насильно стягивалась въ одну сторону, къ одному незначительному по числу петербургскому обществу. Въ этомъ обществѣ желѣзною волею Петра Великаго, собравшемся посреди ингерманландскихъ болотъ, долго и могущественно господствовали западные пришельцы, которымъ покровительствовалъ дворъ. Не имѣя органическихъ связей съ страной, они думали только о себѣ и, добиваясь придворной власти и значенія, — а въ этомъ только и понималась тогда служба, — они старались выжимать побольше изъ народа. Эгоизмъ, гордость, презрѣніе къ народу и низкопоклонство во дворцѣ, безумная роскошь и жестокое насиліе для добыванія средствъ этой роскоши, — вотъ общая характеристика иноземныхъ властителей Россіи. Но и русскіе, выигравшіе преобладаніе послѣ государственнаго переворота, возведшаго на престолъ дочь Петра Великаго, не могли похвалиться лучшими свойствами. Борьба ихъ съ нѣмцами не была сознательно патріотическою борьбою изъ-за народныхъ началъ. Мотивъ ея былъ только власть, придворное значеніе, а, слѣдовательно, и деньги. Большая часть людей, участвовавшихъ въ переворотѣ или заснули въ роскоши, посреди свалившихся съ неба богатствъ, или употребляли всю свою энергію на ихъ приобрѣтеніе притѣсненіями и монополіями. Если и выдавались въ этомъ печальномъ царствѣ отдѣльныя личности, болѣе свѣтлыя, болѣе чистыя и нѣсколько безкорыстныя, то явленіе ихъ было случайно. Ихъ жизни, какъ и жизни И. И. Шувалова, знаменитаго покровителя Ломоносова, придавалъ еще нѣкоторыя хорошія стороны тотъ лоскъ, который они случайно приобрѣтали, вращаясь въ европейскихъ салонахъ и прислушиваясь къ эстетико-литературнымъ вопросамъ, выдвинувшимся впереди тогда въ европейскомъ обществѣ. Но такіе люди были рѣдкими исключениями. И они, подобно всѣмъ прочимъ, связаны были съ родиною только придворнымъ значеніемъ и большимъ или меньшимъ количествомъ крѣпостныхъ душъ, дававшихъ имъ средства для роскошной жизни.

При такомъ эгоистическомъ отношеніи въ государствѣ лицъ, имѣвшихъ въ рукахъ власть, напоминающемъ отношеніе завоевателей въ странѣ покоренной, естественно было, что развитіе Россіи не имѣло опредѣленнаго характера и послѣдовательной исторіи. Это была страна, въ которой очень легко было дѣлать всевозможныя административныя попытки и опыты; являясь случайно, они смѣнялись по прихоти и ложились не глубоко въ народной жизни. Народная масса, неподвижная и страдательная, насильственно вышедшая изъ кочевого быта въ бытъ земледѣльческій, оставалась нетронутою. Она участвовала только матеріальнымъ образомъ, натурою, тяжелыми жертвами въ тѣхъ продолжительныхъ и дорогихъ войнахъ, которыя приходилось вести Россіи; войны эти и по-

бѣды издалека принимали баснословные размѣры. Генералы и адъютанты часто скакали по безграничнымъ пространствамъ въ Петербургъ съ радостной вѣстью о побѣдѣ или о мирѣ, и придворныя пиршества во славу военныхъ событій смѣнялись иллюминаціями, народными гуляньями, громомъ музыки и похвальными одами, этою неизбѣжною обстановкою мишурной и внѣшней жизни.

Напрасно искать въ подобной жизни умственной дѣятельности, для которой готовился Ломоносовъ за границу. Наука дѣйствительно составляла насущную потребность нашего отечества; она давно нуждалась въ ней, чтобъ на дѣлѣ принадлежать къ европейскимъ государствамъ, въ жизнь которыхъ вошла довольно насильственнымъ образомъ. Но наука эта должна была получить совершенно практической характеръ, условленный реформою Петра Великаго. Россія не знала средствъ, зарытыхъ въ ея громадныхъ и почти дикихъ пространствахъ, а между тѣмъ средства эти требовались на каждомъ шагу. Ни дорогъ, ни капиталовъ, ни торговли, ни промышленности, и только одно земледѣліе, въ своемъ первобытномъ, патріархальномъ видѣ, едва дававшее крестьянину возможность не умереть съ голоду. Надъ этимъ бѣднымъ міромъ царила позолоченая, блестящая внѣшность. вмѣсто науки мы видимъ реторику, оды, фразы или пустую и бесплодную ученость. Рѣзкимъ доказательствомъ крайностей, существовавшихъ въ то время въ русскомъ обществѣ, можетъ служить то обстоятельство, что даже такой положительный умъ, какимъ былъ Ломоносовъ, хорошо понимавшій нужды Россіи, заводитъ въ странѣ, гдѣ $\frac{9}{10}$ народонаселенія ходитъ безъ сапогъ, — бисерную фабрику и думаетъ ея принести общественную пользу. Многое нужно было Россіи въ ту пору; задача подымалась за задачу. Россія нуждалась въ людяхъ, въ ихъ умственной дѣятельности, а между тѣмъ, изучая общество, окружавшее Ломоносова, мы видимъ, что онъ одинъ только выходитъ впередъ посреди множества блѣдныхъ своекорыстныхъ личностей, что только одинъ онъ является борцомъ за русскую мысль и за русскую науку, которая любитъ больше всего. Повидимому, вся тяжесть работы и громадность задачъ падаетъ только на одни его выносливыя плечи. Онъ ни отъ чего не отказываться и за все беретъ, и дѣятельность его, не сосредоточенная ни на чемъ долго, невольно раздробляется. Намъ, позднимъ потомкамъ, она представляется почти неуловимою. Ломоносовъ становится въ положеніе работника, которому данъ заказъ извнѣ и назначенъ срокъ исполненія. Въ этой дѣятельности мы почти вовсе не видимъ свободнаго участія воли. Съ другой стороны, ничтожность всего его окружавшаго и богатая, геніальная способности, которыми онъ былъ одаренъ, невольно возбуждали его гордость, давали ему высокое о себѣ мнѣніе и заставляли его браться за рѣшеніе самыхъ разнообразныхъ задачъ, что не давало ему возможности успѣха. Такое невыгодное положеніе Ломоносова понимали уже и современники его.

Ломоносовъ, какъ человѣкъ науки и постояннаго труда.

Время, посреди котораго жилъ и дѣйствовалъ Ломоносовъ, въ умственномъ отношеніи было то время, когда въ государствѣ и обществѣ разрабатывались начала, указанныя Петромъ Великимъ и самодержавно вводимыя имъ самимъ въ русскую жизнь. Начала эти заключались въ признаніи несостоятельности старыхъ формъ жизни, сложившихся прежнею, почти тысячелѣтнею исторіею народа, въ отрицаніи ихъ и въ ускоренной погонѣ за чужимъ, за плодами чужого развитія, за формами Европы. Все, что въ тогдашнемъ обществѣ было лучшаго, свѣжаго и развитого, все, что смотрѣло впередъ, — было на сторонѣ Петровой реформы, особенно потому, что она отвѣчала дѣйствительнымъ нуждамъ нашего отечества и давала то, чего не доставало намъ. Отсюда уваженіе въ тогдашнемъ обществѣ всего иностраннаго, высокое значеніе иностранцевъ, явившихся учителями, легкая для нихъ возможность сдѣлать быструю и блестящую карьеру въ жизни. Отсюда также и та глубокая и искренняя вѣра въ примѣнимость европейскихъ началъ и формъ въ русской жизни, которая не покидала представителей того времени. Въ ихъ дѣятельности и убѣжденіяхъ не могло быть болѣзненнаго разлада, составившаго умственное содержаніе цѣлой школы, намъ современной. Ломоносовъ искренно вѣрилъ въ свое дѣло и въ современность, его окружавшую. Безусловно признавая совершившійся историческій фактъ реформы, онъ не задумывался надъ своимъ призваніемъ, бодро смотрѣлъ впередъ, опираясь на силу духа, на знаніе, которое тревожно, какъ бы не надѣясь на долгую жизнь, хотѣлъ примѣнить къ дѣйствительности, къ дѣлу успѣха горячей любимой имъ родины. Онъ вѣрилъ, что посѣянное имъ взойдетъ богатою жатвою, что ему найдутся прямые наслѣдники, и не могло ему притти въ голову, что русскіе только черезъ сто лѣтъ станутъ уяснять себѣ смыслъ его труда, примутся изучать его. Онъ не зналъ, что заимствованное насильственнымъ образомъ не имѣетъ *корней* въ жизни и, приводя слова Петра, что «въ пространномъ семъ государствѣ высокія науки изберуть себѣ жилище и въ россійскомъ народѣ получатъ къ себѣ любовь и усердіе», Ломоносовъ утверждалъ, что это предсказаніе царя-преобразователя уже въ его время начинаетъ приходить въ исполненіе. «Збытіе премудраго его предсказанія», говоритъ онъ, пріемлетъ уже свое начало не токмо въ тѣхъ, которыхъ должность есть въ наукахъ упражняться; но и въ оныхъ явно себя показываетъ, которые отягощены бременемъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Уже знатныхъ военныхъ, статскихъ и придворныхъ особъ, бесѣды рѣдко проходятъ, чтобы притомъ о наукахъ разсужденія съ похвалою не было». Завидная вѣра въ окружающую дѣйствительность, которую мы даже не можемъ имѣть, если только она не была со стороны Ломоносова условною лестью.

Разсматривая общій характеръ дѣятельности Ломоносова, мы убѣждаемся, что выше всего въ этой дѣятельности стояла для него наука, вызвавшая его изъ отдаленной родины и выдвинувшая его впередъ. Наука была новымъ явленіемъ въ русской жизни; она была плодомъ реформы, и поколѣніе, слѣдовавшее за временемъ переворота, въ людяхъ мысли и умственного труда, не могло не благодарить Петра за это благодѣяніе. Воспитанникъ европейской науки, Ломоносовъ понималъ ея значеніе для своей родины, призванной къ новой жизни; онъ говорилъ, что наука со временемъ должна раскрыть тайныя и пока еще никому незнакомыя богатства Россіи, онъ понималъ, что обширная страна нуждается въ дѣятеляхъ, ученыхъ и образованныхъ; онъ вѣрилъ

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Онъ утверждалъ, что «нѣтъ ни единого мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣ бы плоды своихъ не могли принести науки». Такое убѣжденіе, развившееся въ Ломоносовѣ историческимъ характеромъ новой Россіи и знакомствомъ его съ западною наукою, было дѣломъ всей его жизни, и всю эту жизнь онъ принесъ наукѣ и постоянному труду. Первый изъ русскихъ, подъ вліяніемъ преобразованія, съ энергіей и увлеченіемъ, онъ взялся за науку и не испугался того громаднаго развитія, которое она представляла въ Европѣ уже и въ его время и, — за что въ особенности поздніе потомки должны поминать его съ благодарностію, — онъ смотрѣлъ на науку съ точки зрѣнія пользы, какую она можетъ принести его отечеству. Онъ ждалъ отъ нея непосредственныхъ результатовъ и прямого блага и желалъ поэтому, чтобъ она имѣла у насъ своихъ національныхъ представителей, лучше понимающихъ Россію, чѣмъ иностранные наемники. Но дѣйствительность не соотвѣтствовала ни его вѣрѣ ни его желаніямъ, и этимъ можно объяснить его бесполезную академическую борьбу съ нѣмцами, на которую онъ растратилъ очень много времени и силъ. Чтобы ни примѣшивалось къ этой борьбѣ изъ времени и изъ обстановки Ломоносова, все-таки она, какъ національный порывъ, должна быть дорога намъ, и одно желаніе Ломоносова: «я видѣть россійскую академію и сыновъ россійскихъ желаю» — оправдываетъ Ломоносова.

Но перенесенная изъ чужбины не путемъ свободнаго странствованія, какъ обыкновенно переходятъ науки изъ одной страны въ другую, а волею царя-преобразователя, насильно двинувшаго свой народъ, наука должна была получить у насъ своеобразный характеръ и форму, не совсѣмъ выгодную для дальнѣйшаго, прочнаго и полезнаго существованія. Жизнь Ломоносова, съ его жаждою знанія и съ любовью къ наукѣ, человѣка, полного силы духовной и воли, представляетъ намъ поучительное зрѣлище. Точно стоитъ онъ

въ дремучемъ лѣсу, гдѣ ему приходится одному, безъ помощи и сочувствія, напряженно прокладывать дорогу къ свѣту. Жизнь требуетъ отъ него самой усиленной и разнообразной дѣятельности, требуетъ борьбы съ ея волненіемъ, и ему некогда успокоиться, некогда отдаться по свободному выбору одному какому-либо труду, которому бы онъ могъ посвятить себя всецѣло, не развлекаясь ничѣмъ другимъ. Ломоносовъ вноситъ въ науку свой страстный характеръ, смѣло берясь разомъ за многое, не удовлетворяясь ничѣмъ и вѣчно порываясь впередъ, по мѣрѣ того, какъ въ душѣ его подымались вопросы за вопросами. Любопытно послушать въ этомъ отношеніи собственныя его признанія. «По разнымъ наукамъ», говоритъ онъ, «у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ кампаній»... Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ опредѣляетъ свою дѣятельность: «Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаци и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъясненіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю»... «Голова моя много зачинаетъ, да руки однѣ» — жаловался онъ. Иногда, увлеченный однимъ дѣломъ болѣе прочаго, онъ какъ бы забываетъ прежнюю работу и смотритъ на нее, какъ на что-то второстепенное. Занятый особенно сочиненіемъ русской исторіи, на опасеніе покровителя своего Шувалова, чтобы она не отвлекла его отъ главнаго дѣла, Ломоносовъ отвѣчаетъ ему слѣдующимъ образомъ: «Чтожь до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды ни возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія: для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостями или домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильярдъ употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ и сворхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва ли меньше первой».

Трудъ по заказу, а не по свободному выбору, составляетъ другую невыгодную сторону научной дѣятельности Ломоносова, и по внѣшней волѣ онъ переходитъ отъ одного дѣла къ другому. За границу онъ готовился быть горнымъ практикомъ и металлургомъ; по возвращеніи на родину, онъ получаетъ въ академіи кафедру химіи. Онъ химикъ, заваленный работою въ лабораторіи, кромѣ упражненій для лекцій, по поводу присылокъ изъ разныхъ вѣ-

домствъ, образчиковъ то рудъ, то минераловъ, а между тѣмъ штатсъ-контора только ему одному считаетъ возможнымъ заказывать постоянно стихи на иллюминаціи, которыя любилъ тогда дворъ. Ломоносовъ обязанъ, согласно господствовавшему тогда обычаю въ академіи, доставить къ каждому торжественному дню оду, и онъ составляетъ ихъ тремъ императрицамъ и двумъ императорамъ. Въ тѣ же празднества онъ одинъ является ораторомъ въ академіи. Меценаты, которымъ онъ кланяется, рвутъ на части Ломоносова. Воронцовъ требуетъ отъ него мозаическихъ картинъ; Разумовскій — эмпирическихъ опытовъ и публичныхъ лекцій по физикѣ; Шуваловъ — русской исторіи и проекта московскаго университета. Въ то время какъ у него множество работы въ академіи, онъ получаетъ Высочайшее повелѣніе поставить въ срокъ для императорскаго театра двѣ трагедіи. Ломоносовъ печатаетъ грамматику и металлургію, реторику и физику, переводитъ Анакреона и пишетъ глубокія замѣчанія о нравственномъ и физическомъ состояніи народа, быть котораго ему вполнѣ извѣстенъ. Трудно представить, чтобъ посреди этихъ странныхъ контрастовъ, изъ которыхъ сложилась дѣятельность Ломоносова, онъ могъ создать что-либо долговѣчное, спокойно задуманное и спокойно выполненное. Честь и слава ему, если, несмотря на перекрестныя требованія, онъ сохранилъ въ трудахъ своихъ и умъ и гениальныя способности.

Самая форма научныхъ произведеній Ломоносова была такова, что указывала на спѣшную работу. Это — или академическія рѣчи, написанныя къ срочному дню, или простыя, короткія записки, приготовленныя частію для помѣщенія въ мемуарахъ академіи, частію для подачи разнымъ знатымъ покровителямъ, которыхъ Ломоносовъ хотѣлъ заинтересовать въ пользу науки, и, наконецъ, учебники по разнымъ наукамъ, составленные и изданные въ виду настоящей потребности русскаго общества, которой Ломоносовъ торопился удовлетворить. Изъ этихъ разнообразныхъ трудовъ, раскрывающихъ разностороннія способности Ломоносова, трудно составить изслѣдователю цѣльное и ясное понятіе объ общемъ научномъ ихъ содержаніи. Ломоносовъ не представлялъ собою ученаго, который постоянно и спокойно работаетъ въ одной избранной имъ области научной, когда рядомъ съ нимъ работаютъ также и другіе, посвящая силы отдѣльному труду и сознавая, что послѣдній имѣетъ связь съ цѣлымъ, что общими условіями создается наука и цивилизація цѣлой страны. Ломоносовъ былъ, къ сожалѣнію, одинъ: вокругъ него были или враги или бездарные завистники и своекоростные и равнодушные покровители. Въ странѣ не было ничего приготовлено для свободной научной дѣятельности, и Ломоносовъ самъ долженъ былъ взяться за черную работу, въ то время, когда мысль его работала надъ общими представленіями, бралась за разрѣшеніе самыхъ спорныхъ вопросовъ науки, надъ которыми давно ломали голову европейскіе ученые и создавали смѣлыя теоріи. Можно было успѣть

въ чемъ-нибудь . однимъ, но разомъ братья за оба дѣла, за трудъ синтеза въ наукѣ и за аналитическую разработку подробностей — едва ли можно было съ успѣхомъ. А между тѣмъ Ломоносовъ былъ поставленъ въ это невыгодное, двойное отношеніе къ научной дѣятельности, и на его трудахъ должны были отразиться слѣдствія его невыгоднаго положенія.

Буличъ.

Ломоносовъ, какъ ученый.

Ломоносовъ представляетъ намъ первый образецъ русскаго ученаго: потому для насъ особенно важно разсмотрѣть, какъ онъ разумѣлъ отношеніе науки къ религіи, къ жизни практической, какъ разумѣлъ связь наукъ между собою, какъ соединялъ науку съ искусствомъ.

Мысли свои объ отношеніи науки къ вѣрѣ выразилъ онъ по случаю астрономическихъ наблюденій своихъ надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце, которыя, какъ видно, подали поводъ суевѣрнымъ невѣждамъ къ нападкамъ на науку. Правду и вѣру Ломоносовъ называетъ родными сестрами, «дщерями одного Всевышняго родителя»: потому, говоритъ онъ, «въ распрю между собою онѣ и итти не могутъ, развѣ кто изъ показанія своего ложнаго мудрованія и тщеславія вражду на нихъ восплеплетъ». Превосходные образцы умѣнья соединять науку съ вѣрою показываетъ Ломоносовъ въ Василіи Великомъ, «Шестодневъ» котораго онъ изучилъ въ особенности, и въ Іоаннѣ Дамаскинѣ. «Двѣ книги далъ намъ Всевышній», говоритъ Ломоносовъ въ другомъ мѣстѣ; «въ первой показалъ Свою премудрость, во второй обнаружилъ волю Свою; первая книга — природа; вторая — священное писаніе; толкователи второй — святые отцы и учителя Церкви; толкователи первой — ученые. Не здраво разсудителенъ математикъ, который захотѣлъ бы мѣрять волю Божию циркулемъ; таковъ же и богословія учитель, который захотѣлъ бы по псалтырю учиться астрономіи и химіи». Тѣхъ, которые нарушаютъ миръ науки съ религіей, называетъ Ломоносовъ именемъ ссорщиковъ и клеветниковъ. Тѣ же теплыя чувства вѣры выражалъ онъ и въ лучшихъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ. Да, первый нашъ ученый, вынесшій всю глубину изъ древней русскаго жизни, не измѣнилъ ей — и самымъ яснымъ образомъ, еще въ то время, понималъ связь, какая можетъ и должна существовать между религіею и наукою.

Отношеніе наукъ къ жизни практической также превосходно разумѣлъ Ломоносовъ. Онъ не могъ заниматься наукою въ ея отвлеченности, отрѣшенной отъ жизни, какъ занимается ею германецъ; но умѣлъ тотчасъ обращать ее въ дѣло жизни. Извѣстны государственные проекты Ломоносова, свидѣтельствующіе практическую сторону нашего ученаго. Академія являлась ему центральнымъ

государственнымъ мѣстомъ, откуда разныя части государственнаго управленія должны почерпать разумныя совѣты: эту мысль нерѣдко выражалъ онъ въ своихъ академическихъ рѣчахъ. Науки, которыми онъ занимался, имѣли прямое отношеніе къ жизни его отечества. Но, признавая необходимость связи между наукою и жизнію, Ломоносовъ чуждался и другой крайности: онъ не низводилъ науки до практическаго ремесла; онъ понималъ все ея высокое и самостоятельное достоинство. Онъ жаловался на мореплаваніе, что оно слишкомъ чуждо науки, и хотѣлъ возвести его и утвердить на ученомъ основаніи.

Связь наукъ между собою разумѣлъ онъ такъ правильно, какъ немногіе разумѣютъ. Два факультета, словесный и физико-математическій, спорять объ немъ, но напрасно: гениемъ своимъ онъ равно принадлежалъ обоимъ, и примѣромъ показалъ, какъ можно дружить и совмѣщать математическія и естественныя науки съ словесными. У насъ существуетъ несправедливое повѣрье, что будто бы Ломоносовъ занимался словесными науками только изъ угожденія Шувалову и писалъ стихи по заказу: безъ особеннаго призванія и любви къ слову нельзя было создать гармоніи стиха русскаго, какъ онъ ее создалъ.

Ломоносовъ также превосходно постигалъ связь между наукою и искусствомъ и соединялъ въ себѣ перваго русскаго ученаго съ первымъ русскимъ художникомъ. Мы знаемъ его особенныя занятія мозаикою, изъ которыхъ замѣтно и рисовальное его мастерство. Иные видятъ въ немъ, какъ поэта ученаго: можно обратить вопросъ и разсматривать въ немъ, какъ ученомъ, поэта. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ умѣлъ роднить и дружить науку съ поэзіею. Въ естественныхъ наукахъ величавыя поэтическія явленія природы привлекали особенно его вниманіе, какъ напримѣръ: рожденіе металловъ въ нѣдрахъ земли, громъ, огонь, происхожденіе свѣта. Я могъ бы привести изъ его ученыхъ сочиненій множество мѣстъ, въ которыхъ ученый граничитъ съ поэтомъ: таковы — изображеніе огня, грома, описаніе землетрясенія, червячки, говорящіе изъ янтарныхъ гробницъ своихъ... Его художественный даръ сообщаетъ языку его эту живописность, эту отчетливую чистоту, которая особенно важны въ изложеніи наукъ естественныхъ. Языкъ его металлургіи отличается какою-то мастерскою пластикой, которая такъ идетъ къ этому предмету. Ломоносовъ, какъ первый русскій излагатель науки, завѣщалъ всѣмъ намъ преподаваніе не сухое, не мертвое, не бездушное, а живое, одушевленное, изящное, по возможности, каждаяго, — и всѣ даровитые двигатели русской науки всегда слѣдовали и слѣдуютъ его примѣру.

Ломоносовъ, какъ ученый и художникъ, соединялъ въ себѣ филолога и поэта, создателя языка. Непостижимо въ самомъ дѣлѣ кажется, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ сочинить первую русскую грамматику и создать первый гармоническій русскій стихъ.

Предѣлы времени не позволяютъ распространяться объ этой дѣятельности Ломоносова, которая требовала бы особаго чтенія. Заклучо двумя замѣчаніями о Ломоносовѣ, какъ творцѣ новаго литературнаго языка и поэтѣ.

Въ созданіи языка онъ дополнилъ, можно сказать, дѣло Петрово и возобновилъ еще сильнѣе связь между Россією древнею и новою: онъ глубоко постигъ необходимость соединенія стихіи словенно-церковной съ русскою народною.

Ломоносова, какъ поэта, одни безсознательно назвали Пиндаромъ, другіе смѣялись и еще смѣются надъ этимъ названіемъ. Но, вѣроятно, ни тѣ ни другіе Пиндара не читали. Между тѣмъ это возрѣніе совершенно примѣняется къ его торжественнымъ одамъ: ода Ломоносова, какъ и Пиндарова, носить характеръ оды государственной, монументальной. Въ нее входятъ всѣ стихіи народной и особенно государственной жизни нашего отечества. Въ ней встрѣчаете вы разнообразныя картины русскаго царства; тутъ плещутъ и наши моря, и разливаются рѣки, и стелются долины, и высятся горы, и блещетъ все изобиліе русской природы, и проходятъ всѣ разнообразныя племена, и отдаются всѣ важнѣйшія событія русской исторіи, и проносятся всѣ ея герои; но надъ всѣми возвышается одинъ: онъ поглощаетъ всѣ поэтическія думы Ломоносова, онъ любимый идеалъ его; этотъ герой — Петръ Великій. Онъ хотѣлъ посвятить ему особенную поэму, но напрасно: въ одахъ онъ уже изобразилъ намъ апоѳеозу Петра. Иные представляли Ломоносова льстивымъ поэтомъ-царедворцемъ: это не вѣрно. Онъ славить въ Петрѣ не власть, но насадителя его любимой науки; въ Елисаветѣ — его достойную, по крови и духу, продолжительницу той же мысли. — Эта мысль о наукѣ — задушевная мысль всей его жизни, является такою же и въ его одахъ. Онъ часто къ ней возвращается и воспѣваетъ ее въ разныхъ видахъ.

Любимая мысль Ломоносова стала господствующею мыслию нашего времени. Періодъ его возвратился къ намъ снова — Ломоносовъ болѣе чѣмъ когда-нибудь есть герой поколѣній, дѣйствующихъ у насъ въ современной умственной жизни.

Шевыревъ.

Общій ходъ учено-литературной дѣятельности Ломоносова.

Когда въ 1765 году Ломоносовъ сошелъ въ могилу, даже самые образованные люди изъ русскихъ его современниковъ видѣли въ немъ почти исключительно поэта и оратора. Ученое образованіе такъ было ничтожно въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, что никто не былъ въ состояніи оцѣнить его труды въ области естествовѣдѣнія и филологіи, и даже къ его «Россійской исторіи» относились съ интересомъ не научнымъ, а только художественнымъ: императрица Елизавета, высказавшая желаніе видѣть россійскую исторію,

«его штилемъ написанную», вѣрно выразила мысль вѣка. Въ обществѣ существовало только смутное сознаніе, что среди его прошель великій геній, воплотившій въ себѣ могучія духовныя силы русскаго народа. И въ послѣдующее время медленно развивалось это сознаніе: между тѣмъ какъ художественная русская литература охотно вела свое преданіе отъ образцовъ, завѣщанныхъ Ломоносовымъ, наука русская сошла съ пути, который ей указанъ былъ ея основателемъ; многія научныя идеи, высказанныя Ломоносовымъ, не получили дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія въ трудахъ русскихъ ученыхъ и затѣмъ явились къ намъ, какъ бы впервые заявленные, въ произведеніяхъ западной ученой литературы. Только около второй четверти прошедшаго столѣтія начинается у насъ серьезная оцѣнка ученыхъ трудовъ Ломоносова, и только празднованіе Ломоносовскаго юбилея въ 1865 году, снова обративъ вниманіе общества на личность великаго двигателя русскаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ и послуживъ поводомъ къ изданію различныхъ сохранившихся въ архивахъ матеріаловъ для біографіи Ломоносова, вызвало цѣлый рядъ специальныхъ разсужденій о разныхъ отрасляхъ его дѣятельности, въ томъ числѣ и научной. Авторы этихъ разсужденій, единодушно высказывая удивленіе къ поразительной проницательности Ломоносова въ вопросахъ науки и свидѣтельствуя, что его ученныя наблюденія и догадки понынѣ сохраняютъ свою свѣжесть и находятъ свое оправданіе въ дальнѣйшихъ успѣхахъ науки, тѣмъ самымъ платятъ поздній долгъ признательности, которою наше ученое образованіе оставалось обязаннымъ своему основателю.

Но понятно, что вопросъ о научной дѣятельности Ломоносова не могъ быть вполне исчерпанъ помянутыми разсужденіями, какъ по самому свойству этихъ все-таки юбилейныхъ рѣчей, такъ и потому, что нѣкоторые важные матеріалы по обсуждавшемуся предмету не были доступны ораторамъ. И послѣ 1865 года дальнѣйшая разработка вопроса осталась впереди. С.-Петербургскій университетъ воспользовался юбилеемъ, чтобы предложить эту задачу своимъ студентамъ, какъ тему на соисканіе медалей. Книга Будиловича есть отвѣтъ на эту тему. Трудъ Будиловича есть плодъ занятій весьма усидчивыхъ, сочиненіе зрѣло обдуманное и прекрасно изложенное. Кромѣ общеизвѣстныхъ печатныхъ источниковъ, Будиловичъ воспользовался двумя фоліантами, составленными изъ черновыхъ бумагъ Ломоносова и хранящихся въ бібліотекѣ Академіи Наукъ, и разработкой этихъ драгоценныхъ матеріаловъ значительно подвинулъ раскрытіе характера ученыхъ трудовъ Ломоносова, самыхъ приемовъ его изслѣдованія и главныхъ научныхъ вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ онъ стремился.

«Ежели Богъ велить, покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ... Я самъ и не совершу, однако начну, — то будетъ другимъ послѣ меня легко сдѣлать» (стр. 7). Такъ говоритъ Ломоносовъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ, найденной и впервые

обнародованной Будиловичемъ. Мысль, высказанную въ приведенныхъ словахъ, Будиловичъ считаетъ именно за ту опредѣленную цѣль, которая руководила Ломоносовымъ въ его безконечной разносторонней дѣятельности. Рядомъ же съ этою мыслью Будиловичъ ставитъ другую, также извлеченную изъ рукописей замѣтку Ломоносова, и также ясно выражающую его основное стремленіе: «Докажу, вопреки мнѣнію иныхъ заблуждающихся людей, что и съверъ богатъ дарованіями»¹⁾. «Итакъ», заключаетъ нашъ авторъ, — «во-первыхъ, цѣлью Ломоносова было вызвать къ умственной дѣятельности прозябающія и еще не сознавшія себя народныя силы, и во-вторыхъ, показать, что Богъ

Межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами,

вызвать изъ устъ высокоумныхъ въ своемъ знаніи западныхъ народовъ невольное признаніе гениальности русскаго народа» (стр. 7). Такимъ образомъ, по самой сущности своей дѣятельности, Ломоносовъ долженъ былъ быть полигисторомъ. Но эту-то широту его дѣятельности враги Ломоносова и обрацали ему въ укоръ, называя его шарлатаномъ и безпутнымъ Діонисовымъ сыномъ. Будиловичъ съ полною очевидностью опровергаетъ эту клевету; онъ вчерчиваетъ кругъ дѣятельности Ломоносова во всемъ ея объемѣ, указываетъ на разнообразіе книгъ, которыя были въ его рукахъ — отъ Монтескье до «Brandenburgisches Kochbuch», — и даже приводитъ, изъ таблицы наблюденій его надъ маятникомъ, указанія на часы его ученыхъ работъ во всякую пору дня и ночи (стр. 7). Эти подробности о неустанныхъ трудахъ Ломоносова живописно дополняются простодушнымъ разсказомъ его племянницы о своемъ дядѣ: «Бывало, сердечный мой, такъ зачитается да запишется, что цѣлую недѣлю не пьетъ, не ѣстъ ничего, кромѣ мартовскаго пива съ кускомъ хлѣба и масла»²⁾.

Но эта страсть Ломоносова къ наукѣ была бы только чудачествомъ, если бъ ей не соответствовали огромные размѣры его дарованій. Будиловичъ дѣлаетъ мастерскую ихъ характеристику. То былъ «умъ всегда равный себѣ, ясный и основательный, сосредоточенный и одаренный самообладаніемъ, умъ систематическій и организующій, твердый и упругій, но достаточно тонкій для того, чтобы схватывать самыя отдаленныя аналогіи, умъ, равно способный для механической изобрѣтательности и къ философскимъ обобщеніямъ, въ высокой степени оригинальный и независимый» (стр. 9—10). Развивая далѣе эту характеристику, Будиловичъ приводитъ, между прочимъ, замѣчательное изреченіе Ломоносова: «изъ наблюденій устанавливать теорію, черезъ теорію исправлять наблюденія — есть лучший всѣхъ способъ

¹⁾ Эта замѣтка была набросана Ломоносовымъ по-латыни и въ такомъ видѣ приведена Будиловичемъ (стр. 7); представляемъ ее въ переводѣ, нѣсколько распространенномъ для ясности.

²⁾ См. статью П. П. Свинына: «Потомки и современники Ломоносова» въ библиотекѣ для чтенія 1834 г., т. II, стр. 214.

къ изысканію истины»; указываетъ далѣе на его возраженіе противъ крайняго эмпиризма въ наукѣ и, наконецъ, даетъ понятіе объ отношеніяхъ Ломоносова къ научнымъ авторитетамъ: онъ дорожилъ свободою сужденія въ области знанія, но въ то же время не былъ зараженъ ни заносчивою самоувѣренностью ни брюзгливымъ скептицизмомъ; онъ требовалъ только, чтобы чужое принималось съ выборомъ и подвергалось критикѣ.

Въ общемъ ходѣ учено-литературной дѣятельности Ломоносова Будиловичъ признаетъ замѣтную постепенность развитія. Направленный измлада къ естественнымъ наукамъ, Ломоносовъ рано началъ заниматься и стихотворствомъ, затѣмъ пріобрѣлъ къ этимъ занятіямъ сперва теорію словесности, потомъ русскую исторію и филологію. Въ молодости только форма такъ называемой похвальной оды давала ему возможность высказывать тѣ плодотворныя мысли о русскомъ просвѣщеніи, объ осуществленіи которыхъ онъ мечталъ. Когда же улучшилось его общественное положеніе и упрочилось его отношеніе къ И. И. Шувалову, учено-литературные труды его замедляются и уступаютъ мѣсто разработкѣ вопросовъ общественныхъ: «съ этого времени является цѣлая масса его мнѣній, проектовъ, уставовъ для устроенія учебныхъ и ученыхъ заведеній въ Россіи, для ея научнаго изученія, и, наконецъ, предлагаются имъ разныя государственныя мѣры по предмету народнаго благоустройства, въ отношеніяхъ экономическомъ, сельско-хозяйственномъ и другихъ». (стр. 17).

Л. Майковъ.

Изображеніе Россіи — основное содержаніе торжественной поэзіи Ломоносова.

Что давало внутреннее содержаніе торжественной поэзіи Ломоносова? Кто былъ ея главнымъ героемъ? Въ чемъ заключалась ея единая, органическая мысль? То была — Россія.

Но пусть Ломоносовъ самъ, своими словами, познакомитъ насъ съ внутреннимъ содержаніемъ своей лирики. Между его произведеніями есть анакреонтическія оды, извѣстныя подъ названіемъ «Разговоры съ Анакреономъ». Въ нихъ мы можемъ найти его же отвѣтъ на нашъ вопросъ. Анакреонъ предлагаетъ художнику написать портретъ любимой женщины слѣдующими чертами:

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови,
И какъ свѣгъ представъ бѣлу.
Проведи дугами брови
По высокому челу.

Не сведи одну съ другою,
Не разставъ ихъ межъ собою,
Сдѣлай хитростью своей,
Какъ у дѣвушки моей.

Ломоносовъ, въ отвѣтъ на предложеніе Анакреоново, обращается къ художнику съ другою мыслью и предлагаетъ ему изобразить его возлюбленную мать. Эта мать — Россія. Ломоносовъ говорить:

Изобрази Россію мнѣ:
 Изобрази ей возрастъ зрѣлой,
 И видъ въ довольствіи веселой,
 Отрады ясность по челу
 И вознесенную главу.
 Потщись представить члены здравы,
 Какъ должны у богини быть,
 По плечамъ волосы кудрявы
 Признакомъ бодрости завить.
 Огонь вложи въ небесны очи
 Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
 И брови выведи дугой,
 Что кажетъ послѣ тучъ покой.
 Возвысь сосцы млекою обильны,
 И чтобъ созрѣвши красота

Являла мышцы, руки сильны,
 И полны живости уста.
 Въ бесѣдѣ бѣ важность общали
 И такъ бы слухъ нашъ ободряли,
 Какъ чистый голосъ лебедей,
 Коль можно, хитростью твоей.
 Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
 Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
 Какъ должно ей законы міру
 И распрямь подписать конецъ.
 О, коль изображеніе сходно,
 Красно, любезно, благородно!
 Великая промовли Мать
 И повели войнамъ престать!

Ломоносовъ былъ въ новой Россіи еще древнимъ русскимъ человѣкомъ и не могъ въ своей поэзіи воспѣвать личныхъ своихъ чувствъ красавицамъ чувственнымъ, а приносилъ ихъ въ жертву великой общинѣ своего народа, которую называлъ своею матерью, — Россіи.

Вотъ съ какой точки зрѣнія взглянемъ мы на его государственную лирику, и тогда предстанетъ намъ ясно все богатство ея содержанія. Здѣсь на первомъ планѣ мы встрѣтимъ это монументальное, исполинское изображеніе Россіи, изваянное пластическимъ словомъ Ломоносова:

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
 Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
 Своими чистыми струями
 Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
 Сидитъ и ноги простираетъ

На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
 Пространная стѣна отъ насъ;
 Веселый взоръ свой обращаетъ,
 И вокругъ довольство исчисляетъ,
 Возлегли локтемъ на Кавказъ.

Этотъ исполинскій образъ Россіи, локтемъ опершейся на Кавказъ, свидѣтельствующій особенную силу пластическаго слова въ Ломоносовѣ, невольно напоминаетъ намъ мраморное колоссальное изваяніе Нила, усѣянное младенцами-народами, которые онъ питаетъ. Его совершили Римляне во времена своей славы, когда завоевали Египетъ. Оно украшаетъ одну изъ залъ Ватикана.

Неизмѣримость пространства, занимаемаго Россією, такъ изображаетъ Ломоносовъ, обращаясь къ солнцу:

Въ Россійской ты державѣ всходишь,
 Надъ нею дневный путь преводишь
 И въ волны кроешь пламень свой.

А вотъ картина изобилія русской природы, особенно хлѣбородной:

Хребты полей прекрасныхъ, тучныхъ,
 Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ,
 Дѣль послухи Петровыхъ звучныхъ,
 Съ весельемъ поминая трудъ,
 Тебѣ обильны движутъ воды,

Тебѣ, Монархъ, плодятъ народы,
 Несутъ довольство вѣхъ потребъ,
 Что воздухъ и вода рождаетъ,
 Что мягкая земля питаетъ,
 И жизни главну крѣпость хлѣбъ.

Среди городов русских возвышается Москва. Вотъ какъ сочувственно Ломоносовъ изображаетъ ее:

Москва, стоя въ срединѣ всѣхъ,
Главу великими стѣнами
Вѣнчану взводитъ къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Новую столицу Ломоносовъ славить особенно за ея прекрасную Неву.

Державные двигатели историческихъ судьбъ Россіи нерѣдко являются въ одахъ Ломоносова: Дмитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ IV, Михаилъ, Алексѣй, и особенно Петръ, какъ его любимый герой, какъ насадитель науки въ Россіи. Эти явленія можно сравнить съ тѣнями воинственныхъ героевъ въ поэмахъ Оссіановыхъ, которыя проносятся въ облакахъ. Иногда отверзутся небеса, и герои вступаютъ въ бесѣду между собою: такъ, напримѣръ, Іоаннъ Грозный съ Петромъ въ самой первой одѣ. Иногда раздается изъ облаковъ громозвучный голосъ Петра. За Петромъ слѣдуетъ Елизавета, любимая его дочь. Она родилась въ годъ Полтавской битвы. Петръ получилъ извѣстіе о ея рожденіи, когда праздновалъ въ Москвѣ свою славную побѣду.

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды русской звукъ гремѣлъ,
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣлы;

Тогда Вандалы побѣждены
Главы имѣли преклоненны
Еще при пеленахъ твоихъ...

Елизавета была русская красавица на русскомъ престолѣ. Ломоносовъ такъ воспѣлъ ея голубые глаза

Въ тебѣ прекрасный домъ создали
Души великой небеса,
Свое блистанье изліяли
Въ твои пресвѣтлы очеса...

Она была мастерица ѣздить верхомъ. Въ одной изъ одъ встрѣчаемъ изображеніе императрицы на рѣзвомъ скакунѣ:

Коню бѣжать не воспрещаютъ
Ни рвы ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутить главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясъ!

Но особенно славить поэтъ въ царицѣ кроткій духъ, побудившій ее къ уничтоженію смертной казни, и влагаетъ ей въ уста такія слова;

Моей державы кратка мочь
Отвергнетъ смертной казни ночь:
Владѣть хочу зефира тише;

Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная мнѣ свыше
Въ уста прощенье, въ сердце Богъ!

Славить лирикъ неизмѣримыя физическія силы Россіи, славить и ея воинскіе подвиги. Въ одахъ его встрѣчаемъ Донскую битву,

завоеваніе Казани и Астрахани, взятіе Азова, Полтавскую побѣду, взятіе Хотина, Семилѣтнюю войну и сдачу намъ Берлина. Но выше всѣхъ военныхъ дѣлъ Ломоносовъ полагаетъ мирное призваніе Россіи водворять повсюду тишину, и среди ея распространять науки и просвѣщеніе:

И выше какъ военный звукъ
Поставить красоту наукъ.

Отъ той Европа ожидаетъ,
Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

Россійска тишина предѣлы превосходить
И леть избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюеть воинство твое противъ войны,
Оружіе твое Европѣ миръ приводитъ.

Государство, наслаждающееся тишиною и спокойно развивающее свои внутреннія силы, — любимая мечта поэта. Вотъ двѣ такія строфы изъ одъ 8-й и 9-й.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ отрада,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ себѣ цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огонь и мечъ да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякій вредъ;
Весна да размѣется вѣжно,
И ратаи въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да собереть.

Это богатое патріотическое содержаніе государственной лирики Ломоносова, подобно, какъ Пиндарово, усѣяно множествомъ отдѣльных мыслей, которыя связываютъ его въ одно органическое цѣлое. Эти мысли являются иногда въ видѣ поэтическихъ образовъ, взятыхъ изъ природы: то рѣки, несущей воды къ морю, то Этны, извергающей лаву, то рои пчелъ, вылетающихъ въ луга, усыпанные цвѣтами. Иногда же онѣ являются въ видѣ глубокихъ размышленій: такова мысль о необходимости войны, которая назначена къ тому, чтобы оживлять народы къ дѣятельности противъ вреднаго для нихъ застоя.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Увнылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины

Не зацвѣли водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнными листьями,
Презрѣнныхъ производятъ гадь.

Лирикъ, преимущественно, почерпаетъ такія сочувственныя размышленія изъ главной мысли своей жизни — науки. Онъ указываетъ на общее назначеніе наукъ въ жизни человѣческой словами Цицерона:

Науки юношей питають,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ
Въ несчастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,

И въ дальнихъ странствахъ не по-
мѣха.

Науки пользуют вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градекомъ шуму и на еденѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Эпоха преобразованій Петра имѣеть для Ломоносова особенное значеніе потому, что съ нея началось введеніе наукъ въ Россіи:

Тогда божественны науки
Черезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки
Къ сему монарху, говоря:
«Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы

Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Частѣйшаго ума плоды».
Монархъ съ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Похвалы Елизаветѣ сосредоточены преимущественно въ томъ, что она назначена

Златой наукамъ вѣкъ возставить!

При вступленіи на престолъ Екатерины II, Ломоносовъ восклицаетъ:

Науки, нынѣ торжествуйте!
.....
Скажите, что для просвѣщенья

Повсюду утвердить ученья,
Создавъ прекрасны храмы вамъ.

Онъ предсказываетъ, что она превзойдетъ Петра тѣми дѣлами, въ чемъ власть господствуетъ ума:
По ясныхъ знанія восходахъ,

Въ повѣренныхъ тебѣ народахъ
Невѣжества исчезнетъ тьма.

Онъ ненавидитъ односторонность Китая, окруженнаго толстыми стѣнами и вмѣняющаго въ ничто остальной свѣтъ,

Не зная, что обширны силы
Безъ храбраго искусства гнилы,
Какимъ Европы край цвѣтетъ.

Вотъ почему, съ восторгомъ любви къ просвѣщенію, онъ призываетъ науки природы въ отечество для изслѣдованія тѣхъ богатствъ, которыми она его подарила:

О вы, счастливыя науки
Прилежны просирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣсть.
Пройдите землю и пучину,

И степи, и глубокой лѣсъ,
И нутрь Рифейскій, и вершину,
И саму высоту небесъ.

Каждой наукѣ поэтъ задаетъ особенную задачу въ Россіи и, между прочимъ, вотъ какой урокъ данъ механикѣ:

Наполни воды корабли,
Моря соедини рѣками,
И рвами блага изсуши,

Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ Дщери соверши.

Но Ломоносовъ занимался науками не съ эгоизмомъ тѣхъ со-временныхъ ученыхъ, которые довольствуются или кабинетнымъ знаніемъ наукъ, удовлетворяющимъ ихъ собственной личной жаждѣ

Мысль и чувство составляютъ два существенныхъ элемента лирической поэзіи, какъ болѣе субъективной. Изъ этихъ элементовъ въ лирикѣ Ломоносова господствуетъ первый—мысль. Такое явленіе согласно было съ его особеннымъ призваніемъ къ наукѣ. Лирику Ломоносова можно справедливо назвать размышляющею, философскою. Этотъ элементъ находимъ во всѣхъ его произведеніяхъ, къ какому бы роду они ни относились.

Изъ художественныхъ элементовъ поэзіи, какъ искусства слова, господствуетъ въ Ломоносовѣ элементъ пластическій, ваятельный. Его слово можно сравнить съ рѣзцомъ художника. Въ его одахъ, надписяхъ, поэмкахъ, трагедіяхъ, посланіи, вездѣ разсѣяны эти образы, какъ бы изваянные изъ русскаго слова рѣзцомъ искуснаго мастера. Такое преобладаніе пластическаго элемента первоначальной поэзіи русской, ея художественнаго періода — явленіе вполне правильное, законное, а потому весьма осязаемое. Изъ элементовъ изящнаго, развиваемыхъ Ломоносовымъ, преобладаетъ элементъ высокаго. Вспомнимъ ли звѣздное небо, или Россію, опершуюся локтемъ на Кавказъ, или переложеніе изъ Іова,— вездѣ видимъ тому подтвержденіе. И это опять таки явленіе правильное: поэзія, какъ и природа, начинается высокими созданіями; свѣтило въ небѣ, океанъ и горы на землѣ предшествуютъ растеніямъ и цвѣтамъ.

Шевыревъ.

Духовныя оды Ломоносова.

Главнымъ источникомъ духовныхъ одъ Ломоносова служили псалмы Давидовы. Псалтырь съ самыхъ древнихъ временъ нашей христіанской жизни была любимую настольною книгою русскаго человѣка. У него было въ обычаѣ въ тяжкія минуты жизни прибѣгать къ псалтырю, какъ къ другу и совѣтнику и, развертывая его страницы, искать въ нихъ утѣшенія въ горѣ и наставленія своихъ дѣйствій... Мы знаемъ въ этомъ обычаѣ изъ «поученія Владимира Мономаха». Этого обычая держались и наши славные русскіе лирики, жизнь которыхъ не была еще оторвана отъ древнихъ корней своихъ. Конечно, въ одну изъ горькихъ минутъ жизни Ломоносова, подъ наитіемъ псаломскаго стиха, вылилась изъ устъ его слѣдующая строфа:

Никто не уповай во вѣки	Ихъ тѣ радили человѣки,
На тщетну власть князей земныхъ, ⁷	И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

Согласно съ влеченіемъ къ природѣ и ея явленіямъ, Ломоносовъ любилъ перелаживать особенно тѣ псалмы, которые называются псалмами премудрости и въ которыхъ псалмопѣвецъ исповѣдуетъ Бога въ величій его созданій. Такъ, и Державинъ, согласно съ особенностію своего призванія, любилъ въ псалмахъ пѣсни правды. Особенно прекрасно у Ломоносова, къ сожалѣнію, недоконченное, переложеніе 103-го псалма, въ которомъ такъ великолѣпно изобра-

жается картина всего созданія. Въ этомъ переложеніи Ломоносовъ побѣдоносно состязался съ Сумароковымъ и Тредьяковскимъ. Прочтемъ хоть двѣ послѣднія строфы:

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ.

Вино въ печали утѣшаетъ
И сердце радостью живитъ.

* *
*

Древамъ даешь обильный тукъ:
Поля вѣнчаешь ими, Щедрый!

Насаждены въ Ливанѣ кедры
Могуществомъ всесильныхъ рукъ.

Сюда же относится столь извѣстное переложеніе изъ книги Іова, гдѣ Самъ творецъ природы словомъ устъ Своихъ развиваетъ великолѣпную картину ея. Кромѣ переложеній, Ломоносовъ, въ подражаніе пѣснямъ премудрости, сложилъ самъ два размышленія о Божіемъ величествѣ—утреннее и вечернее. Послѣднее, написанное по случаю сѣвернаго сіянія, внушено было ему тѣми явленіями природы, которыхъ онъ нерѣдко бывалъ изумленнымъ свидѣтелемъ съ самаго дѣтства. Первая строфа этого размышленія, и въ ней особенно два заключительные стиха, останутся навсегда однимъ изъ высокыхъ созданій нашей первоначальной лирики въ художественномъ періодѣ словесности.

Шевыревъ.

Переложеніе изъ книги Іова.

Ода написана четырехстопнымъ ямбомъ; стихи въ ней раздѣлены на строфы, изъ которыхъ каждая заключаетъ по 8-ми стиховъ. Стихи мужскіе и женскіе постоянно чередуются между собою. Всѣхъ строфъ въ одѣ 14.

Порядокъ частныхъ мыслей въ одѣ слѣдующій: ода начинается обращеніемъ къ ропщущему въ горѣ человеку и указаніемъ ему на примѣръ Іова, съ которымъ бесѣдовалъ Богъ сквозь громовую тучу. Слѣдуетъ указаніе на различныя дѣла Божіи при міротвореніи: сначала на совокупность всѣхъ твореній, составляющихъ вселенную, на стройность ихъ, — потомъ на свѣтила небесныя, въ отдѣльности на солнце и луну. Далѣе слѣдуетъ переходъ къ землѣ, къ частнымъ явленіямъ на ней: обращается вниманіе на море и сушу, на явленія утра, дождя вѣтра, на безконечное разнообразіе морскихъ животныхъ, — и къ мысли о безднѣ морской, сообразно съ понятіями древнихъ, здѣсь же представлена мысль объ адѣ. Далѣе слѣдуютъ указанія на воздушныя физическія явленія, на тучи, громъ и молнію. Отъ этихъ явленій авторъ переходитъ къ воздушнымъ животнымъ, при чемъ обращаетъ исключительное вниманіе на одного орла, какъ царя этихъ животныхъ. Далѣе мысль автора переходитъ къ животнымъ, обитающимъ на сушѣ, и такимъ, которыя попеременно живутъ то на сушѣ, то въ водѣ; изъ числа первыхъ онъ упоминаетъ о бегемотѣ, а изъ рода вторыхъ — о крокодилѣ. Въ концѣ

оды авторъ еще разъ обращаетъ вниманіе несчастнаго человѣка на «всю громаду свѣта» и на сотвореніе самого человѣка. Послѣдняя строфа заключаетъ въ себѣ общій выводъ изъ всей оды.

Главная мысль, которая раскрывается во всѣхъ этихъ частныхъ мысляхъ оды, слѣдующая: всемогущество и премудрость Божія, открывающіяся въ видимыхъ твореніяхъ, непостижимы для человѣка. Эта мысль невольно должна привести каждаго изъ насъ къ другой, близко подходящей къ ней мысли: точно такъ же мнѣго невѣдомаго должно быть для насъ и въ дѣйствіяхъ Промысла Божія, устрояющаго различныя обстоятельства нашей жизни. Отсюда само собою вытекаетъ слѣдующее заключеніе:

Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Звждителю власть,
Свягую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣнны часть.

Онъ все на пользу нашу строить,
Казнить кого, или поконить.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси.

Изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1868 г., № 1.

Содержаніе и планъ оды Ломоносова: „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“.

Планъ оды простъ и натураленъ. Солнце взошло и освѣтило вселенную. Такое начало, величественное въ самой простотѣ своей, даетъ тонъ цѣлому стихотворенію. Въ этомъ господствуетъ умѣренный восторгъ и благоговѣйное чувство поэта, разсматривающаго природу наблюдательнымъ окомъ мудреца глубокомысленнаго. Удивленіе, произведенное въ немъ красотою солнца, рождаетъ мысль, которая всегда весьма натуральнымъ образомъ должна представиться уму: ежели твореніе блистаетъ толикою смѣлостію и великолѣпіемъ, то каковъ долженъ быть самъ Творецъ! Воображеніе возноситъ поэта къ тому горнему предѣлу, откуда изливается на землю благодѣтельный огонь и свѣтъ — и что же представляется изумленному его взору?

Горящій вѣчно океанъ.

Описаніе сего огненнаго моря, безбрежнаго, вѣчно волнующагося, обуреваемого пламенными вихрями, ужасно и величественно. Но какой священнѣйшій трепеть объемлетъ душу, когда Ломоносовъ произноситъ слово искра! «Сей океанъ вѣчнаго огня и свѣта есть искра предъ Тобою, о Боже!» Это слово тѣмъ поразительнѣе, что слѣдуетъ тотчасъ послѣ великолѣпнаго изображенія солнца. Какъ! ужели сіе лучезарное свѣтило, изливающее жизнь на милліоны тварей, есть искра?... Нельзя лучше изобразить величества Божія: одною чертою Ломоносовъ описалъ непостижимаго Творца вселенной! У Державина находится подобное мѣсто, превосходное подражаніе превосходному оригиналу:

Какъ въ ясный мразный день зимой
Пылинки инея сверкають,

Вратятся, зыблются, сіяють —
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой

Но для кого Творецъ возжегъ въ небесахъ сіе свѣтило? Для насъ,

Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ.

О, какую благодарностію исполняется сердце наше за толикія благодѣянія всецедраго Бога!

Пятая строфа представляетъ образецъ искусственного безпорядка, свойственнаго лирической поэзіи. Поля, горы, моря, лѣса, вышедшіе изъ ночного мрака, являются взору, исполненные чудесъ Божіихъ. Казалось бы, сія картина должна помѣщена быть послѣ первыхъ стиховъ оды:

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли —
И Божія дѣла открыло.

Но Ломоносову земная поверхность не могла открыться иначе, какъ съ той высоты, до которой вознесло его воображеніе. Онъ обращаетъ свой взоръ отъ солнца на дольний міръ и видитъ подъ собою разнообразную картину чудесъ Божіихъ — пространныя равнины, высокія горы, обширныя моря, великіе лѣса, озаренные лучами небснаго свѣтила, слышитъ ликованіе подсолнечныхъ тварей, радостно празднующихъ новое утро. Ихъ благодарственные гласы сливаются въ одинъ торжественный кликъ благоговѣйнаго восторга:

Великъ Зиждитель нашъ, Господь!

Погруженный въ священныя размышленія о величествѣ Творца вселенной, стихотворецъ сравниваетъ сіе солнце, изъ небытія рожденное и долженствующее нѣкогда обратиться паки въ прежнее ничтожество, съ Онимъ предвѣчнымъ Солнцемъ, отъ единаго луча Котораго зажглись безчисленные міры, украшающіе твердь небсную. Сравненіе кратко, сильно и разительно. Свѣтило дневное озаряетъ только поверхность тѣлъ, но взоръ Твой, о Боже! проникаетъ въ сокровенную глубину и безпредѣльную бездну. Нельзя не замѣтить сихъ прекрасныхъ и трогательныхъ стиховъ:

Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.

Это языкъ сыновней любви, изъявляющей свои чувства чадолюбивому отцу въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ.

Ода заключается молитвою къ Богу, къ Солнцу правды, да озаритъ Оно нашу душу, помраченную тьмою невѣдѣнія, лучомъ божественнаго свѣта, небснаго мудрости. Молитва имѣетъ весьма близкое и натуральное отношеніе къ главному предмету, къ солнцу. Стихотворецъ описываетъ утро: природа вышла изъ ночного мрака и сіяетъ красотою. Озари и меня, о Боже! свѣтомъ истины, да съ чистою обновленною душою буду удивляться чуднымъ дѣламъ рукъ Твоихъ и прославлять Твою премудрость, всемогущество и благодать!

Одно изъ главныхъ достоинствъ сей оды есть единство, которое строжайшимъ образомъ соблюдено въ цѣломъ и въ частяхъ. Нѣтъ ни одной посторонней идеи, ни одной мысли далекой, ни одной черты лишней. Всѣ описанія, всѣ изображенія клонятся къ одной цѣли — представить величество Бога. Предметъ оды есть солнце: отъ начала до конца оно въ глазахъ нашихъ. По мѣрѣ восхожденія его на высоту горизонта, земная поверхность болѣе и болѣе озаряется свѣтомъ: такъ и величество Божіе постепенно возвышается въ продолженіе оды; благоговѣніе поэта возрастаетъ, восторгъ усиливается и, наконецъ, изливается молитвою.

Другое достоинство оды состоитъ въ соблюденіи степени восторга. Я замѣтилъ выше, что въ ней господствуетъ благоговѣйное чувство, которое по натурѣ своей должно родить восторгъ тихій, умѣренный, и потому Ломоносовъ назвалъ свою оду размышленіемъ. Отъ начала до конца соблюдено единство чувства: восторгъ нигдѣ не ослабѣваетъ и нигдѣ не доходитъ до изступленія; ходъ его ровный, величественный, постепенно возвышающійся; нѣтъ сильныхъ порывовъ страсти и полета стремительнаго. Стихотворецъ спокойно удивляется величію Бога и восхищается красою утра. Такой тонъ весьма приличенъ утреннему гимну. — Ода есть изліаніе восторга отъ полноты и избытка чувствъ. Сіе состояніе духа продолжительно быть не можетъ: *animorum incendia*, говоритъ Цицеронъ, *celeriter restinguntur*. Какъ скоро истощился восторгъ, и ода должна кончиться. Ничѣмъ лучше нельзя заключить утренняго размышленія о Божіемъ величествѣ, какъ молитвою; вся ода настраиваетъ, приготовляетъ къ ней душу. Притомъ строго соблюдена должная связь съ предыдущимъ. Взоръ Твой проникаетъ во внутренность существъ: проникни и мою душу премудрости, и проч.

Калайдовичъ.

Достоинство оды — „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ и время ея появленія.

Ода сія принадлежитъ лучшимъ лирическимъ произведеніямъ нашего поэта; а по своему высокому предмету, богатству воображенія, силѣ чувства, строгому соблюденію единства и восторга, занимаетъ первое мѣсто въ его стихотвореніяхъ. Единство строжайшимъ образомъ соблюдено въ цѣломъ и частяхъ. Всѣ отношенія, всѣ изображенія клонятся къ одной цѣли — представить величество Бога. Предметъ оды — солнце: отъ начала до конца оно въ нашихъ глазахъ. Другое достоинство оды состоитъ въ соблюденіи степени восторга. Въ ней господствуетъ благоговѣйное чувство, которое по натурѣ своей должно родить восторгъ тихій, умѣренный, и потому Ломоносовъ назвалъ свою оду «размышленіемъ».

Пекарскій.

Не сохранилось точныхъ указаній о времени написанія «Утренняго размышленія». Въ первый разъ оно было напечатано въ со-

брани сочиненій Ломоносова 1751 года и съ тѣхъ поръ постоянно помѣщалось непосредственно предъ «Вечернимъ размышленіемъ». Оба «Размышленія» составляли какъ бы одно цѣлое, и второе изъ нихъ составляло *pendant* къ первому—по буквальному выраженію современника и почитателя Ломоносова. Предполагаютъ, что «Утреннее размышленіе» относится къ тому же времени, какъ и «Вечернее»: по содержанію и формѣ это одинъ изъ раннихъ поэтическихъ стиховъ Ломоносова».

Сухомлиновъ.

„Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ“.

«Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія»—одно изъ немногихъ самобытныхъ стихотвореній Ломоносова и при томъ—плодъ собственнаго творчества, справедливо считается однимъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ произведеній нашего писателя. Здѣсь въ началѣ описывается ночь:

Лицо свое скрываетъ день,	Лучи отъ насъ прогнала прочь.
Поля покрыла влажна ночь,	Открылась бездна звѣздъ полна;
Взошла на горы черна тѣнь,	Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Потомъ показано все ничтожество ума при созерцаніи множества міровъ, и, наконецъ, описывается сѣверное сіяніе, при чемъ поэтъ пытается объяснить себѣ это величественное явленіе:

Что зыблеть ясный ночью лучъ?	Иль солнечны лучи блестятъ,
Что тонкій пламень въ твердь разить?	Склонясь сквозъ воздухъ къ намъ
Какъ молнія безгрозныхъ тучъ	густой;
Стремится отъ земли въ Зенитъ?	Иль тучныхъ горъ верхи горятъ;
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ	Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ.
Средь зимы рождаль пожаръ?	И гладки волны бьютъ въ эфиръ.

* * *

* * *

Тамъ спорить жирна мгла съ водой; Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ...

Замѣчательно это стихотвореніе и тѣмъ еще, что въ «Словѣ явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ» въ 1753 году Ломоносовъ, стараясь доказать, что его теорія о причинѣ сѣверныхъ сіяній разнится отъ той, которая высказана была Франклиномъ, прибавляетъ: «сверхъ сего ода моя о сѣверномъ сіяніи, которая сочинена 1743 года, а въ 1747 году (вѣрнѣе въ 1748 году) въ Риторикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе, что сѣверное сіяніе движеніемъ Ефира произведено быть можетъ»...

«Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ» внушило впоследствии Мартосу мысль представить Ломоносова на памятникѣ, воздвигнутомъ ему въ Архангельскѣ, созерцающимъ съ восторгомъ и удивленіемъ сѣверное сіяніе и принимающимъ лиру изъ рукъ генія, чтобы воспѣть это величественное явленіе. Этой мысли Мартоса нельзя отказать въ поэтическомъ отбѣнкѣ тѣмъ болѣе, что она напоминаетъ самое блестящее стихотвореніе нашего поэта.

Пекарскій.

Идею для составленія сего монумента художникъ почерпнулъ изъ оды Ломоносова: «Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія». По словамъ Мартоса, Ломоносовъ представленъ стоящимъ на сѣверномъ полушаріи для означенія, что есть сѣверный поэтъ, и взирающимъ на величественное небесное явленіе съ восторгомъ и удивленіемъ. Геній или ангелъ разума подаетъ ему лиру для воспѣтія сихъ безсмертныхъ стиховъ:

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,   Въ свирѣпомъ, какъ перо, огнѣ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,   Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,   Теряясь, мыслями утомленъ!

Сухомлиновъ.

Наблюденіе сѣверныхъ сіяній интересовало Ломоносова во все время его ученой дѣятельности, и въ маѣ 1764 года, за годъ до своей смерти онъ представилъ въ Академію тринадцать рисунковъ «сѣверныхъ сіяній, наблюденныхъ имъ въ разныя времена въ С.-Петербургѣ», и «требовалъ о вырѣзаниі оныхъ на мѣди, которыя по резолюціи академической канцеляріи вырѣзать было и велѣно въ гридоровальной палатѣ». Пять рисунковъ вольнымъ мастеромъ Штенглинымъ были доставлены въ декабрѣ 1864 года одобрены Ломоносовымъ. Съ какимъ вниманіемъ Ломоносовъ производилъ свои наблюденія, можно видѣть изъ слѣдующаго описанія сіянія 23 января 1750 года, помѣщеннаго въ рѣчи «О воздушныхъ явленіяхъ» и замѣчательнаго по отчетливости и наглядности изображенія.

«По прошествіи шести часовъ послѣ полудни и по вскрытіи вечерней зори, показалось тотчасъ на сѣверѣ порядочное сіяніе весьма ясно. Надъ мрачною хлябію бѣлая дуга сіяла, надъ которою, за синею полосою неба, появилась другая дуга, того же съ нижнею центра, цвѣту алаго весьма чистаго. Отъ горизонта, что къ лѣтнему западу, поднялся столпъ того же цвѣту и простирался бизко къ зениту. Между тѣмъ все небо свѣтлыми полосами горѣло. Но какъ я взглянулъ на полдень, равную дугу на противной сторонѣ сѣвера увидѣлъ съ такою разностію, что на алой верхней полосѣ розовые столпы возвышались, которые сперва на востокѣ, послѣ на западѣ многочисленнѣе были. Вскорѣ послѣ того между бѣлою и алою дугою южнаго сіянія небо покрылось травѣ подобною зеленью: и пріятной видъ на подобіе радуги представлялся; послѣ чего алые столпы помалу исчезли; дуги еще сіяли; и не подалеку отъ зенита бѣлое сіяніе, величиною съ солнце, расходящіяся лучи испускало, къ которому отъ лѣтняго запада вставали столпы, и почти онаго касались. Послѣ сего между лучами онаго сіянія, къ западу, алое пятно появилось. Между симъ временемъ осьмь часовъ било, и небо алыми и муроваго цвѣту полосами беспорядочной фигуры горѣло; муроваго цвѣту больше было, нежели алаго. Въ зенитѣ, вмѣсто лучи испускающаго сіянія, двѣ дуги показались, одна другую взаимно

пересѣкающія. Которая вогнутою стороною обращена была на полдень, имѣла струи поперечныя, къ центру склоняющіеся, а то что вогнутою стороною обращена была на полдень имѣла струи продольныя, параллельныя съ периферією. Обѣихъ концы около пяти градусовъ отъ взаимнаго пересѣченія и отъ зенита отстояли. Всѣ сіи перемѣны съ девятымъ часомъ окончались, и осталось одно порядочное сіяніе на сѣверѣ, каковы здѣсь часто бывають».

Любимовъ.

Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель-поэтъ по одамъ „Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“.

Замѣчательнѣйшія изъ лирическихъ стихотвореній Ломоносова, удостоверяющія въ несомнѣнномъ его поэтическомъ одушевленіи, суть тѣ, гдѣ господствуетъ релігиозное чувство, или воззрѣніе на природу, къ которому приводитъ мыслящій умъ человѣческой глубокое изученіе ея законовъ. Священное писаніе даетъ содержаніе для произведенія перваго рода. Изъ боговдохновенныхъ пѣснопѣній Давида и книги Іова онъ почерпнулъ, къ сожалѣнію, немногіе отрывки, въ которыхъ ясное пониманіе духа этихъ возвышенныхъ созданій онъ соединилъ съ прелестію языка свѣжаго, богатаго оборотами поразительной силы, блестящаго колорита. Но вниманіе изслѣдователя литературы обращается, преимущественно, на два оригинальныя небольшія стихотворенія его: «Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», послѣднее при *случаѣ сѣвернаго сіянія* не разъ, вѣроятно, останавливавшаго на себѣ задумчивый взоръ будущаго своего наблюдателя на дальнемъ сѣверѣ еще въ дѣтствѣ. Здѣсь естествоиспытатель, изъ круга опытныхъ изслѣдованій, поднимается до той высоты идей, гдѣ добытыя имъ истины открываютъ передъ нимъ зрѣлище величія, красоты и гармоніи въ божественномъ міроустройствѣ. Нашъ изслѣдователь и ученый становится истиннымъ поэтомъ, подобно Гумбольдту, который въ своихъ созерцаніяхъ природы проникается поэтическимъ чувствомъ всегда, когда взоръ его обнимаетъ въ цѣломъ поприще пройденныхъ имъ наблюдений, когда космосъ является предъ нимъ въ значеніи мірозданія и въ значеніи благоустройства, красоты. Я приведу здѣсь часть одной изъ пѣсень Ломоносова и другую вполнѣ. Вотъ изображеніе солнца, гдѣ въ тѣсной рамѣ онъ мастерски сгруппировалъ понятія о физическихъ свойствахъ солнца, какъ представлялись они въ современной ему наукѣ. Достоинство картины не теряется и теперь при расширившихся наблюденіяхъ и новомъ взглядѣ на предметъ.

Когда бы смертнымъ столь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть:
Тогда бъ отъ вѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Вотъ «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ» въ изображеніи сѣвернаго сіянія:

Лицо свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы мрачна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ вна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ лѣдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мыслями утомленъ.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество міровъ,
Несчетны солнца тамъ горять,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря;
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

О вы, которыхъ быстрый зракъ

Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ вѣхъ планетъ!
Скажите, что насъ такъ мятеть?

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разить?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой,
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склоняясь сквозь воздухъ къ намъ гу-
стой;

Иль тучныхъ горъ верхи горятъ;
Иль въ море дуть престалъ зефиръ
И гладки волны бьютъ въ эфиръ.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, сколь пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Невѣдомъ тварей вамъ конецъ
Скажите жъ, коль великъ Творецъ!

Никитенко.

Въ одахъ Ломоносова встрѣчаются истинно поэтическія, полныя глубины чувства и силы воображенія, особенно тамъ, гдѣ онъ касается «любезныхъ» ему наукъ, какъ лучшаго условія блага и счастья російскаго народа, но по преимуществу въ одахъ религіозныхъ, въ которыхъ говорить о природѣ и ея явленіяхъ и гдѣ изображаетъ величіе и премудрость Создателя и стройную гармонию вселенной. «Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ» представляютъ собою высокопоэтическіе диѳирамбы вдохновеннаго поэта-естествоиспытателя, понимающаго «пути планетъ» и воодушевленнаго грандіозными явленіями природы, какъ отраженіемъ величія ея Творца. Ученый естествоиспытатель, плѣненный поэтическою стороною природы, слился здѣсь въ гармоническомъ единствѣ съ вдохновеннымъ поэтомъ, не просто любующимся поразительными картинами природы, но понимающимъ ихъ смыслъ и значеніе. Наука одухотворяется здѣсь пламенемъ поэзіи, а поэзія отрезвляется реальною правдою науки.

Орловъ.

Похвальные оды Ломоносова.

Въ свое время похвальные оды эти имѣли большое значеніе и послужили однимъ изъ главныхъ основаній славы Ломоносова, какъ перваго русскаго поэта.

Быть можетъ наиболѣе точная характеристика Ломоносова, какъ пѣвца торжествъ, заключается въ наименованіи его поэтомъ *высокопарнымъ*, если употреблять это слово въ томъ смыслѣ, какой давалъ ему самъ Ломоносовъ, а не въ смыслѣ неестественной напыщенности, какую нынѣ обыкновенно соединяютъ съ этимъ названіемъ. Говоря въ письмѣ къ Шувалову о своихъ «ненавистникахъ», которые его «своей хулой хвалятъ» и къ большому приращенію малой его славы не пожалѣли себя опредѣлить въ зоилы, Ломоносовъ замѣчаетъ: «они стихи мои осуждаютъ и находятъ въ нихъ надутыя изображенія для того что они самыхъ великихъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ высокопарныя мысли, похвальные во все вѣки и отъ всехъ народовъ почитаемыя, унижить хотятъ». Ломоносовъ приводитъ затѣмъ примѣры изъ «Иліады», «Энеиды» и Овидія. Въ одѣ 1742 года на восшествіе Елизаветы на престолъ Ломоносовъ говорилъ, обращаясь къ своей музѣ:

Блудись спустить свой въ доли взоръ,
Надъ тучи онымъ простирайся

И выше облакъ возвышайся;
Спѣши звучащей славъ въ слѣдъ!

И Ломоносовъ былъ вѣренъ этому правилу. Оставаясь на отвлеченной высотѣ Парнасса, о которомъ не мало говорится въ его стихахъ, онъ обыкновенно лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ касается текущихъ событій и вовсе не рисуетъ живыхъ лицъ. Его похвальные оды заключаютъ въ себѣ очень мало историческихъ намековъ и указаній. Лишь изрѣдка встрѣчая живое изображеніе, прочувствованное слово, современный читатель утомляется однообразіемъ картинъ, тяжелымъ складомъ выраженія, не всегда яснаго, отсутствіемъ естественности въ тонѣ, его непрерывною торжественностію, о которой Ломоносовъ говорилъ въ одной изъ одъ:

Какая бодрая дремота
Открыла мысли дивный сонъ!

Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвыситъ тонъ.

Но не забудемъ напомнить, что «похвальные оды» въ большинствѣ своемъ не были произведеніемъ свободной фантазіи художника, а скорѣе исполненіемъ обязанности официальнаго пѣвца празднествъ, для которыхъ ода и иллюминація были тогда необходимою принадлежностію. Кому естественнѣе было поручить составленіе оды и аллегорическихъ надписей на дни государственныхъ торжествъ какъ не первому русскому поэту и ученому? И Ломоносовъ усердно исполнялъ обязанность, которую не могъ не считать для себя лестною.

Большинство одъ Ломоносова относятся къ царствованію Елизаветы, прославленію котораго онъ посвятилъ, кромѣ того «Похвальное слово», читанное въ академическомъ собраніи 1749 года. Многое вы-

сказанное въ ораторской формѣ въ «Словѣ» выражено въ поэтической формѣ въ одахъ.

Какъ въ рѣчи, такъ не разъ и въ одахъ Ломоносовъ обращается, напримѣръ, къ событіямъ, сопровождавшимъ вступленіе Елизаветы на престолъ. Въ рѣчи онъ говорилъ объ этомъ такъ:

«Богомъ предводимая героиня наша, съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества, презираетъ всѣ препятства, безъ пролитія крови торжествуетъ, и къ общей нашей радости пріемлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что предходитъ со крестомъ дѣвица, послѣдуютъ вооруженные воины... Омертвѣли стрегущіе, видя пришествіе Петровой дщери, и безчувственное оружіе предъ законною своею государынею изъ трепещущихъ рукъ падши преклонилось».

Въ одѣ 1746 года на день восшествія императрицы Елизаветы читаемъ:

О утра часъ благословенный ..... Мы въ скорбной темнотѣ заснули, Но въ радости отъ сна вспрынули.	По стогнамъ шумный гласъ несется Елисаветиныхъ похвалъ, Въ полкахъ стократно раздается: Великій Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
--	---

Въ рѣчи онъ упоминаетъ объ отмѣнѣ смертной казни и говоритъ:

«Приносится благодареніе государынѣ милосердой: свидѣтельствуешь безчисленное множество свободенныхъ отъ смерти и данный ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ кровію еще необагранный».

Въ одѣ 1746 года на день рожденія императрицы находимъ:

Ты судъ и милость сопрягаешь, Повинныхъ съ кротостью казнишь,	Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь, Ты осужденныхъ кровь щадишь.
--	--

Особенно замѣчательна ода 1747 года на день восшествія на престолъ, которой многія строфы сдѣлались общимъ мѣстомъ и знакомы каждому русскому читателю. Кому неизвѣстны, напримѣръ, стихи:

О вы, которыхъ ожидаетъ Отечество отъ нѣдръ своихъ, И видѣть таковыхъ желаетъ, Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ. О ваши дни благословенны!	Держайте нынѣ ободренны Раченьемъ вашимъ показать, Что можетъ собственныхъ Платоновъ И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ Россійская земля раждать.
---	--

Приведемъ для сравненія мѣсто изъ «Похвального слова». Ломоносовъ влагаетъ въ уста Елизаветѣ слова:

«Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слова отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненные сокровища, которыя нагура обильно произносить, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь, заслужить мою милость».

Кому не памятно также переложеніе изъ Цицерона (изъ рѣчи *pro Archia poeta*)?

Науки юношей питають,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,

И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынь,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ¹⁾.

Ода 1747 года, подобно «Похвальному слову», начинается картиною мира и тишины:

Царей и ханствъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ

И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Держають въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великій преобразователь Россіи не забыть, конечно, и въ этой одѣ. Ему посвящаетъ Ломоносовъ строфы:

Тогда божественны науки
Черезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирая руки,
Къ сему монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,

Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторжень рокомъ...

Указывая естественныя богатства Россіи, поэтъ говоритъ, обращаясь къ императрицѣ:

Возри на горы превысоки!
Возри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Чтѣ щедростью Твоей цвѣтеть.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.

Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствовавъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои звѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдыстыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Ниль народы наполяетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной...

Естественно, что оды наиболѣе риторическія тѣ, которыя посвящены воспѣванію событій, представлявшихъ мало способнаго вдохновить поэта. Бывали даже случаи, когда приходилось слагать похвальные стихи дѣйствіямъ, возмущавшимъ патріотическое чувство. Елизавета скончалась; на престолъ взошелъ Петръ III, принесшій на русскій тронъ качества прусскаго капрала. Онъ поспѣшилъ насмѣяться надъ успѣхами, купленными русскою кровью въ войнѣ съ Пруссіей и предалъ, по выраженію Ломоносова, побѣдителей подъ иго по-

¹⁾ «Studia adolescentiam agunt, senectutem oblectant, secunda res ornant, adversis per fugium ac solatium praebent; delectant domi, non impediunt foris, pernoscant nobiscum, peregrinantur, rusticantur.» (Cap. VII, 16.)

бѣжденныхъ. Ломоносовъ принужденъ изображать, какъ Германія, «не вѣрившая концу бѣдѣ», нашла избавителя и нынѣ —

На Фарось силу твоихъ взираетъ;
Къ тебѣ дорогу направляетъ,
Тебѣ себя въ покровъ отдать

Въ согласіи желаетъ стройномъ;
Въ твоёмъ пристанищѣ спокойномъ,
Оливны вѣтви цѣловать.

Но вотъ, отважная царица, принимая на себя великую отвѣтственность предъ лицомъ исторіи, рѣшается положить конецъ порядку дѣлъ, грозившихъ конечнымъ разореніемъ въ странѣ, чтò составляетъ внутреннюю силу народа, становится во главѣ своихъ многочисленныхъ приверженцевъ и свершаетъ государственный переворотъ. Ломоносовъ пишетъ оду «на торжественный день восшествія на Всероссійскій престолъ ея величества государыни императрицы Екатерины Вторыя, іюня 28 дня, 1762 года». Эта ода рѣзко отличается отъ другихъ похвальныхъ стихотвореній Ломоносова силою содержащихся въ ней политическихъ намековъ, вылившихся, очевидно, изъ глубоко потрясеннаго патріотическаго чувства. Ода начинается словами:

Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,
И вѣдайте чтò можетъ Богъ!
Воскресла намъ Елисавета:
Ликуетъ церковь и чертогъ.
Она, или Екатерина?

Она изъ обѣихъ едина!
Ея и бодрость и восходъ
Златой наукамъ вѣкъ возставитъ,
И отъ презрѣнія избавитъ
Возлюбленный Россійскій родъ.

Уже въ одѣ Петру III Ломоносовъ, указывая на популярность, какую успѣла пріобрѣсти Екатерина, влагаетъ въ уста Петра Великаго слова, обращенныя къ Елизаветѣ:

Но больше чту сію заслугу,
Что ты, усердствуя къ нему,

Достойную дала супругу
Любезну отчеству всему.

Въ одѣ 1762 года, упоминая о печальныхъ временахъ, наступившихъ по кончинѣ Елизаветы, Ломоносовъ говорить:

Въ сіи прискорбны дни природнымъ
Россійскимъ истиннымъ сынамъ,
Ослабу духомъ благороднымъ
Даешь Екатерина намъ...

О стыдъ, о странной оборотъ!
Чтобъ кровью купленны трофеи
И побѣдителей злодѣи
Пріобрѣли въ напрасный даръ,
И данную залогомъ вѣру.
Въ тебѣ Россія нѣтъ примѣру;
И нынѣ отвращень ударъ.

Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожден-
Чтобъ тожествующій народъ [ныхъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?

Поэтъ заставляетъ далѣе говорить величаваго преобразователя Россіи. Онъ пишетъ:

О коль мечтаніе ужасно!
Что смотритъ сей, что слышитъ градъ?
Не мракъ ли въ облакахъ развился?
Или открылся гробъ Петровъ?
Онъ взоромъ смутенъ пробудился
И провозноситъ гласъ таковъ:
«Я мертвъ терплю несносну рану!

На то ли вселюбезну Анну
Въ супружество Я поручилъ,
Дабы чрезъ то моя Россія
Подъ игомъ власти чужія
Лишилась власти, славы, силъ?
На толь, чтобъ всѣ труды несчетны
И пріобрѣтены плоды

Разрушились и были тщетны,
И новы возрасли бѣды?
На то ль воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный

Россіянамъ ужасенъ былъ,
И вмѣсто радостной столицы
Тревожилъ дальняя границы,
Которы я распространилъ?

«О тѣнь великая, покойся», продолжаетъ Ломоносовъ и, изобразивъ отважный восходъ Екатерины, шедшей на тронъ какъ «шла на тронъ Елизавета», привѣтствуетъ царицу:

Гряди, Россійская отрада,
Гряди, желаніе сердцеъ,
И буди отъ враговъ ограда,
Поставь опасностямъ конецъ;
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свѣту,
Что полная триумфовъ брань
Постыжена поноснымъ миромъ,
И сопостать почтенъ кумиромъ,
Отъ насъ пріемлетъ въ жертву дань.

Въ удвоенномъ Петрополь блескъ
Торжественный подьметъ шумъ,
При громкомъ восхищаньи плескъ
Отрадой возвышаетъ умъ.
Взирая на свою избаву,
На мысль проводить прежню славу.
Въ церквахъ, по стогнамъ, по домамъ,
Несчетно множеству народу
Гремящу представляеть воду,
Что гласъ возноситъ къ небесамъ.

Теперь злоумышленье въ ямѣ
За гордость свержено лежитъ;
Екатерина въ Божьемъ храмѣ
Съ благоговѣніемъ стоитъ.
Хвалу на Небо возсылаеть
И купно сердце всѣхъ пылаеть
О цѣлости ея и насъ;
Что Вышній крѣпкою десницей,

Богиню намъ подавъ царицей,
Отъ гибели невинныхъ спасъ.

Услыште, судии земные
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые,
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте;
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.
А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдамъ дружбу
Позволила по вѣрѣ службу
Безпреткновенно приносить:
На толь склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?

И вмѣсто чтобъ вамъ бытъ межъ
нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей...

Екатеринѣ посвящена и послѣдняя ода Ломоносова «на новый 1764 годъ». Удрученный недугомъ Ломоносовъ писалъ, обращаясь къ Парнассу:

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ чтя Петрову внуку
Пою, какъ пѣлъ Петрову дщерь.
Ни моего преклонность вѣка
Что слабитъ духъ у человѣка
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,

Ниже завистливы злодѣи
Черезъ вредны воспятыя затѣи
Почтительный къ монархамъ духъ.
Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
Твой разумъ наше просвѣщенье
И неуспѣшность нашъ покой.

Любимовъ.

Основная идея „Оды на день восшествія на престоль Елизаветы Петровны“, ея размѣръ и отношеніе къ правиламъ критики.

Главная мысль оды. Разсматриваемая ода написана на восшествіе на престоль императрицы Елисаветы, въ 7-й годъ ея царствованія. Чтобы опредѣлить главную мысль оды, нужно предварительно опредѣлить ея матеріалъ, указать на какихъ сторонахъ и вопросахъ останавливается поэтъ. Первая половина царствованія императрицы Елисаветы отличается мирнымъ характеромъ. Шведская война была вызвана не Елизаветою и кончилась миромъ въ 1743 году, а затѣмъ до Прусскихъ походовъ (1756) войнъ не было, несмотря на усиленныя попытки западныхъ державъ втянуть Россію въ войну за австрійское наслѣдство. Но одного миролюбія Елизаветы—слишкомъ мало для похвальной оды, какъ стихотворенія лирическаго, предполагающаго вдохновеніе, увлеченіе своимъ предметомъ. Ода, по опредѣленію пѣтики, есть изображеніе сильнаго чувствованія, возбужденнаго предметомъ высокимъ.

Одно устраненіе отъ войны — ничего высокаго въ себѣ не заключаетъ; къ тому же и въ предшествовавшія Елизаветѣ царствованія войны были не часты и не столь значительны, чтобы *въ тишинѣ* Елизаветина правленія можно было видѣть что-то новое, необыкновенное. Тишинѣ Ломоносовъ придаетъ иное значеніе, а не полагаетъ ея въ одномъ устраненіи отъ войны. Имя Елизаветы было для современниковъ Ломоносова дорого по одному тому, что она была дочь Петра Великаго, что съ ея восшествіемъ въ судьбахъ Россіи произошла рѣзкій оборотъ къ лучшему. Не отличаясь внѣшними войнами, время отъ Екатерины до Елизаветы было временемъ внутренней неурядицы, губительной для Россіи. Одинъ за другимъ въ самое короткое время возвышались и падали временщики. Россія пережила время Бироновщины, разорительной хуже всякой внѣшней войны. Будущее Россіи было мрачно, ей предстоялъ длинный рядъ постыдныхъ униженій. Восшествіе Елизаветы, законной наслѣдницы и дочери Петра, разомъ положило конецъ внутреннимъ беспорядкамъ. Современники, а тѣмъ болѣе Ломоносовъ, должны были живо чувствовать всю важность совершившагося событія. Каково бы ни было правленіе самой Елизаветы, одно уже ея восшествіе на престоль обезпечивало Россіи внутренней миръ, тишину. Но правленіе Елизаветы было во многомъ возвращеніемъ ко временамъ Великаго Петра. Ея мѣры клонились къ утвержденію порядка и просвѣщенія. Дочь Петра Великаго, заботящаяся о возрожденіи просвѣщенія, забытаго со времени Петра—вотъ источникъ вдохновенія Ломоносова. Просвѣщеніе Россіи было слишкомъ слабо, самая важная мѣра Елизаветы — основаніе Московскаго университета — произошла послѣ написанія разсматриваемой оды. Ломоносовъ, всю жизнь свою посвя-

тившій наукѣ, хорошо зная ея состояніе въ Россіи, и форма похвальной оды не заставляеть его вдаваться въ общія мѣста. Воображая себѣ могущество Россіи, ея колоссальное пространство, ея нетронутыя богатства, Ломоносовъ видитъ, съ другой стороны, что нравственныя силы Россіи не соотвѣтствуютъ физическимъ. Все въ избыткѣ въ Россіи,—нѣтъ лишь науки, нѣтъ искусныхъ рукъ, нѣтъ людей, которые силою науки открыли бы Россіи ея богатства, вызвали къ жизни ея дремлющія силы. Мысль о наукѣ, о ея пользѣ, о предстоящемъ ей развитіи въ Россіи овладѣваетъ воображеніемъ Ломоносова и составляетъ одну изъ главныхъ частей всей оды. Такимъ образомъ, тишина царствованія Елизаветы и предстоящее развитіе наукъ — составляютъ содержаніе оды Ломоносова. Главная мысль оды — въ прославленіи мира, среди котораго Россіи предстоитъ развить внутреннія силы до соотвѣтствованія съ своимъ внѣшнимъ величіемъ и богатствомъ.

Размѣръ оды. Ода написана тоническимъ размѣромъ, именно четырехстопнымъ ямбомъ. Рiemы въ ней мужскія и женскія, то-есть съ удареніемъ на послѣднемъ и предпослѣднемъ слогѣ. Сочетаніе rиемъ различно: женскія и мужскія чередуются между собою, или за двумя женскими слѣдуетъ одна мужская.

Тоническій размѣръ стиховъ, т.-е. размѣръ, основанный на удареніи словъ, въ приложеніи къ нашему языку, впервые употребленъ былъ Тредьяковскимъ, который въ 1735 году составилъ «Новый и краткій способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ». До того времени употреблялись у насъ размѣры, несвойственные нашему языку: метрической, основанный на долготѣ и краткости звуковъ, и силлабическій, основанный на количествѣ слоговъ и свойственный языкамъ, въ которыхъ удареніе приковано къ одному мѣсту.

Основное положеніе теоріи Тредьяковскаго вѣрно: «долгота и краткость слоговъ въ Русскомъ языкѣ *тоническая*, т.-е. въ единомъ удареніи состоящая». Первую мысль основать русское стихосложеніе на удареніи подала Тредьяковскому «поэзія простаго народа», то-есть народныя пѣсни. Развивая свою основную мысль въ частныхъ правилахъ, Тредьяковскій не могъ вполне отрѣшиться отъ русской теоріи силлабическаго размѣра. Такъ, разбирая вопросы о rиемѣ и сочетаніи стиховъ, Тредьяковскій разсуждаетъ такъ: «Во Французской поэзіи различаются стихи мужскаго и женскаго рода. Сочетаніе стиховъ французы называютъ *Mariage des vers*. Въ стихѣ мужскаго рода удареніе на послѣднемъ слогѣ; въ стихѣ женскаго рода — удареніе на предпослѣднемъ. Вся сила ихъ сочетанія состоитъ въ различномъ расположеніи. Но такое сочетаніе не можетъ быть введено въ наше стихосложеніе; *свойство нашихъ стиховъ всегда требуетъ ударенія rиемы на предпослѣднемъ слогѣ, въ чемъ почти главная сладость нашихъ состоитъ стиховъ.* Удареніе въ rиемѣ на послѣднемъ слогѣ можетъ быть допущено въ маловажныхъ, или шуточныхъ стихахъ, но и то по нуждѣ и весьма долженствуетъ быть рѣдко.

Сочетаніе мужскихъ и женскихъ стиховъ также бы гнусно и мерзко было, когда бы кто наипокланяемую, наинѣжнюю и самымъ цвѣтомъ младости сіяющую Европейскую красавицу выдалъ за дряхлаго, чернаго и 90 лѣтъ имѣющаго Арапа». Такихъ образомъ, Тредьяковскій относительно риѣмы остался вѣренъ теоріи силлабическаго размѣра. Въ приложенныхъ къ способу Тредьяковскаго образцахъ дѣйствительно встрѣчаемъ однѣ женскія риѣмы: отдавати, начинати, дружися, лѣстися, мало, казало, и т. п. Спустя три года послѣ выхода въ свѣтъ «Новаго способа» Ломоносовъ въ бытность свою за границею написалъ тоническимъ размѣромъ оду на взятіе Хотина (1739) и приложилъ въ ней «Письмо о правилахъ Россійскаго Стихотворства». Ломоносовъ зналъ новый способъ Тредьяковскаго, но приложилъ его къ русскому стиху болѣе счастливо, такъ что превосходство тоническаго размѣра стало выше всякаго сомнѣнія. Основанія тоническаго размѣра Ломоносовъ объясняетъ такъ: «Русскіе стихи надлежитъ сочинять по природному свойству нашего языка, а того, что ему весьма несвойственно, изъ другихъ языковъ не вносить». Этимъ положеніемъ навсегда отстранились для русскаго языка метрической и силлабической размѣры. «Въ русскомъ языкѣ только тѣ слоги долгіе, надъ которыми стоитъ удареніе, а прочіе всѣ коротки. Долгіе и краткіе слоги, т.-е. съ удареніемъ и безъ ударенія, должно располагать въ свойственныя нашему языку стопы, а не ограничивать стихъ извѣстнымъ количествомъ слоговъ, какъ это встрѣчаемъ во французскомъ языкѣ и въ нашемъ силлабическомъ размѣрѣ, взятомъ съ Польскаго».

Главные стопы по теоріи Ломоносова: 1) ямбъ, 2) хорей, 3) дактиль, 4) анапестъ, 5) смѣшанныя стопы изъ ямбовъ и анапестовъ, 6) изъ хореевъ и дактилей. *Ямбу* Ломоносовъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе предъ прочими: «часто ямбическіе стихи хотя и трудновато сочинять, однако поднимаясь въ верхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ. Оныхъ нигдѣ не можно лучше употреблять, какъ въ торжественныхъ одахъ». Относительно риѣмы и сочетаній ихъ Ломоносовъ превосходно опровергъ приведенное выше мнѣніе Тредьяковскаго: «хотя до сего времени однѣ женскія риѣмы въ Россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужскія и отъ 3-го слога начинающіяся заказаны, однако сей заказъ толь праведенъ и нашей версификаціи такъ свойственъ и природенъ, какъ ежели бы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакать велѣлъ... и чѣмъ бы святѣ сіи женскія риѣмы: красовуляхъ, ходуляхъ, слѣдующихъ мужскихъ: востокъ, высокъ, были? По моему мнѣнію подлость риѣмовъ не въ томъ, что онѣ больше или меньше слоговъ имѣютъ; но что оныхъ слова подлое или простое что значить». Оканчивая свое разсужденіе о риѣмахъ, Ломоносовъ возражаетъ Тредьяковскому: «подлинно, что всякому, кто однѣ женскія риѣмы употребляетъ, сочетаніе и перемѣшка стиховъ странны кажутся; однако ежели бы онъ къ сему только примѣнился,

то скоро бѣ увидѣль, что оное столь же пріятно и красно, коль въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужская риѣма предѣ женскою не показалась какъ дряхлой, черной, и девяностолѣтъ старой арапъ, передѣ наипоклоняемой, наинѣжною, и самымъ цвѣтомъ младости сіяющею Европейскою красавицею.

Отношеніе оды къ правиламъ піитики и реторики. Ода, по опредѣленію старинной піитики, есть изображеніе сильнаго чувства, возбужденнаго предметомъ высокимъ. Содержаніемъ оды должны быть предметы, выходящіе изъ округа обыкновенныхъ: торжества, радости, похвалы мужей и другихъ вещей, времянь, праздниковъ, публичныхъ мѣствъ и т. п. Сообразно съ предметомъ языкъ оды долженъ быть высокопаренъ. Существенными частями оды считались: приступъ, отступление и заключеніе. Приступъ дѣлился на стремительный и тихій, стремительный состоялъ въ выраженіи восторга и начинался фігурою восклицанія. Въ разсматриваемой одѣ приступъ тихій, потому что самый предметъ оды — тишина Елизаветина царствованія. Въ отступленіи заключалась повѣствовательная часть оды: напр. у Ломоносова о Петрѣ Великомъ и о значеніи наукъ. Въ заключеніи должны быть мысли разительныя; напр. у Ломоносова въ послѣдней строфѣ призывается кара Божія на того, кто дерзаетъ нарушить покой Россіи. Кромѣ этихъ частей ода должна имѣть слѣдующія свойства или достоинства: 1) вдохновеніе или восторгъ, 2) лирической безпорядокъ, 3) разнообразіе, 4) единство. Безъ вдохновенія невозможна самая ода. Сообразно съ своимъ предметомъ поэтъ долженъ располагать свой восторгъ: начинать имъ и тогда происходитъ стремительный приступъ, или начавъ спокойно, постепенно вдохновляться своимъ предметомъ. Лирической безпорядокъ считался слѣдствіемъ сильно напряженнаго чувства, наплывомъ мыслей, не укладывающихся въ строгомъ, логическомъ порядкѣ. Разнообразіе полагалось въ умѣнши совмѣстить въ двухъ строфахъ самые разнообразные образы и картины¹⁾. Единство должно состоять въ томъ, чтобы во всей одѣ преобладало одно чувство. У Ломоносова единство чувства — чувство благоговѣнія къ императрицѣ Елизаветѣ. Для того, чтобы соблюсти всѣ указанная свойства, поэтъ долженъ пользоваться внѣшними средствами, риторическими фигурами. Изъ простыхъ фигуръ предложенія въ одѣ Ломоносова встрѣчаются: 1) фигура восклицанія (строфа 10). 2) Три фигуры указанія въ стр. 19 и 21. 3) Фигуры заимословія въ стр. 3, 8, 9. Смѣшанныя фигуры: 1) фигура вопрошенія съ восклицаніемъ въ стр. 12. 2) Фигура восклицанія съ вопрошеніемъ въ стр. 18. 3) Фигура обращенія съ восклицаніемъ, — стр. 22. 4) Фигура обращенія съ фигурами указанія и восклицанія — стр. 14.

Къ числу украшеній оды слѣдуетъ отнести и *олицетвореніе*, составляющее, по мнѣнію Ломоносова, душу оды «Олицетвореніе ожи-

¹⁾ См. въ одѣ Ломоносова строфы 20 и 21.

вляеть отвлеченныя понятія и предметы, не имѣющіе чувствъ, гласа и движеній». Происхожденіе олицетвореній въ одѣ объясняется вліаніемъ ложноклассической теоріи. Древнеклассическіе поэты имѣли богатый источникъ для оживленія поэтической рѣчи: народную миѳологію. Пользуясь готовыми образами родныхъ преданій, поэты постоянно обращались къ нимъ въ своихъ произведеніяхъ. Ложноклассическая литература, стремясь по духу и формѣ приблизиться къ классической, заимствовала изъ нея имена языческихъ божествъ и пользовалась ими какъ условнымъ украшеніемъ.

Такъ въ одѣ Ломоносова Марсъ и Нептунъ дивятся Петру, вмѣсто того чтобы сказать, что Петръ былъ непобѣдимъ на сушѣ и на морѣ; Минерва ударяеть копьемъ въ Рифейскія горы, и Плутонъ мятется въ ужасѣ, вмѣсто того — горныя науки раскроютъ богатства Россіи; — науки и искусства представляются въ образѣ музъ.

Поповъ.

Петръ Великій въ сознаніи Ломоносова.

Историческая дѣйствительность русской жизни, новая жизнь, въ которую вступила страна съ реформою Петра, очень рано и могущественно поразила Ломоносова. Царь, добываясь моря и пути въ Европу, нѣсколько разъ посѣщаль далекую родину Ломоносова въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка, окруженный всею военною помпою, кораблями, войскомъ, пушками. Онъ строилъ верфи, закладывалъ корабли, ласкалъ моряковъ-промышленниковъ. Ломоносовъ не могъ видѣть самъ Петра, но онъ видѣлъ свѣжіе слѣды его пребыванія въ Архангельскѣ, на Двинѣ, на Соловецкомъ островѣ; онъ видѣлъ собственноручно сдѣланные царемъ громадныя кресты изъ лиственницы, поставленные имъ, по обычаю прибрежныхъ жителей Бѣлаго моря, на утесахъ и въ глухихъ тундрахъ, гдѣ проходилъ царь; онъ слышалъ кругомъ себя одушевленные воспоминанія о царѣ — и величавый, строгій образъ Петра остался въ его умѣ навсегда, подобно образу миѳическаго Геркулеса въ борьбѣ съ первобытными силами природы. Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ раздѣлялъ убѣжденія всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ современниковъ своихъ въ царствованіе Елизаветы. Не видавъ никогда царя, онъ сердечно жалѣлъ о томъ. «Блаженны тѣ очи, — говоритъ онъ, — которыя божественнаго сего мужа на землѣ видѣли! Блаженны и трблаженны тѣ, которые плоть и кровь свою съ нимъ и за него проливали и которыхъ онъ за вѣрную службу въ главу и очи цѣловалъ помазанными своими устами». Петръ, по убѣженію Ломоносова, уничтожилъ въ Россіи «ночь варварства»; онъ поставилъ ее «на пути яснаго познанія». Петръ неотразимо властвовалъ надъ душою Ломоносова. Онъ слился для него въ одно съ народомъ, и вездѣ онъ видѣлъ царя. «Я въ полѣ межъ огнемъ», говоритъ онъ; «я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ раз-

ныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строе-
ніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа
множествомъ; я межъ стenanіемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтій-
скаго, Каспійскаго моря и самого Океана духомъ обращаюсь; *вездѣ*
Петра Великаго вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени;
и не могу самъ себя увѣрить, что *одинъ вездѣ Петръ*, но многіе;
и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча!» Нѣтъ ни одной рѣчи Ломо-
носова, въ которой бы съ восторгомъ не упоминалось о Петрѣ, и
о томъ, что онъ сдѣлалъ для Россіи. Вся исторія Россіи возводится
къ нему, и всею душою Ломоносовъ сдѣлался сыномъ реформы,
проводя въ жизнь ея идеи. Онъ никогда не видѣлъ черныхъ сторонъ
преобразованія.

Буличъ.

Похвальное слово Петру Великому.

Похвальное слово Петру Великому Ломоносова есть произведе-
ніе риторическое и потому должно быть разбираемо на основаніи пра-
вилъ ретирики. Похвальное слово, какъ и вообще всякая ораторская
рѣчь въ ея полномъ составѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія со-
ставныя части: 1) приступъ, 2) предложеніе, 3) раздѣленіе, 4) по-
вѣствованіе съ доводами, 5) патетическую часть и 6) заключеніе.
Приступъ всегда считался необходимою принадлежностью ораторскаго
слова. Онъ имѣлъ цѣлью возбудить вниманіе слушателей и указать
на поводъ, вызвавшій появленіе слова. По свойству рѣчи приступы
были: естественный, искусственный, историческій, внезапный.

Въ *предложеніи* кратко указывались предметъ и содержаніе
слова. Въ *раздѣленіи* устанавливался порядокъ, въ какомъ будетъ
слѣдовать изложеніе рѣчи. Часть эта считалась необходимою для
облегченія вниманія слушателей. Дѣленіе не должно быть слишкомъ
дробно, члены его должны рѣзко разграничиваться другъ отъ друга
и соответствовать предмету. *Патетическая часть* имѣла цѣлью по-
дѣйствовать на воображеніе и сердце слушателей. *Заключеніе* должно
было замыкать собою рѣчь, или заключать въ себѣ воззваніе, сли-
ваясь въ послѣднемъ случаѣ съ патетическою частью.

Каждая изъ указанныхъ частей похвальнаго слова имѣетъ свой
собственный порядокъ, а всѣ вмѣстѣ состоятъ въ ближайшей связи
между собою. Такъ какъ похвальное слово произносилось въ день
празднованія коронаціи императрицы Елизаветы, то приступъ посвя-
щенъ событію дня, императрицѣ Елизаветѣ. Главная мысль, разви-
ваемая въ приступѣ — доказать, что Елизавета истинная преемница
славы и дѣяній Петра. Доводы свои Ломоносовъ располагаетъ
въ трехъ группахъ: 1) *рожденіе Елизаветы* случилось въ годъ Пол-
тавской битвы: Провидѣніе предвѣщало этимъ новорожденной тронъ
и отческую славу. 2) *Восшествіе на престолъ Елизаветы* — а) при-
несло съ собою спасеніе и обновленіе великимъ дѣламъ Петра и

вообще Россіи, — b) избавило Россію отъ презрѣнія, съ какимъ имѣли право относиться къ Россіи иностранцы, видя, что Россіяне забыли Петра и не возводятъ дочь его на престолъ. 3) *Дѣянія Елизаветы на престолъ* соотвѣтствуютъ дѣяніямъ Петра. По примѣру ея она раздастъ государямъ короны, успокоиваетъ Европу, утверждаетъ руссійское наслѣдство. Отсюда общій выводъ: Елизавета истинная преемница Петра. *Слѣдовательно, похваляя Петра, похвалимъ и Елизавету.*

Вторая и третья часть слова — предложеніе и раздѣленіе сообразно съ своимъ назначеніемъ кратки. Предложивъ свою главную мысль — *представить ясными изображеніями славу и дѣла Петра* — и раздѣливъ ее на частныя мысли, Ломоносовъ устанавливаетъ такой порядокъ въ повѣствовательной части: 1) изображеніе дѣлъ Петра, 2) о преодолѣнныхъ имъ препятствіяхъ, 3) о добродѣтеляхъ Петра. Въ этомъ дѣленіи соблюдено правило реторики: располагать части предмета по степени занимательности и важности, переходя отъ простѣйшаго къ труднѣйшему.

Первая часть повѣствованія, *дѣла Петра*: 1) распространеніе знаний и наукъ въ Россіи, 2) устройство войска и побѣды на сушѣ, 3) устройство флота, 4) внутреннія учрежденія: приращеніе доходовъ, учушеніе путей сообщенія, учрежденіе Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода и проч. Чтобы связать отдѣльныя части повѣствованія о дѣлахъ Петра, Ломоносовъ пользуется разными приѣмами. Говоря о распространеніи наукъ и полезныхъ знаний Ломоносовъ замѣчаетъ, какъ бы безъ особой цѣли, что до Петра В. у насъ не было даже своего желѣза, съ чѣмъ бы стать противъ едряге ля. Благодаря нахѣ найдены руды, и русское войско могло выступить съ оружіемъ, добытымъ изъ горъ руссійскихъ руссійскими руками. Этимъ и дѣлается переходъ отъ просвѣщенія и науки къ повѣствованію объ устройствѣ войска и о походахъ Петра. Отъ сухопутнаго войска не трудно было оратору перейти къ флоту; но отъ флота къ гражданскимъ учрежденіямъ переходъ былъ не такъ легокъ. Чтобы сдѣлать его простымъ и естественнымъ, Ломоносовъ дѣлаетъ восклицаніе: «Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ, силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ!» Восклицаніе это имѣло цѣлю живѣе представить слушателямъ всю трудность и важность подвиговъ Петра. Но, чтобы совершить все сдѣланное Петромъ, ввести просвѣщеніе, устроить сухопутное войско, флотъ, — для всего этого нужны средства, *требуется великая казна.* Этимъ замѣчаніемъ Ломоносовъ дѣлаетъ переходъ ко внутреннимъ преобразованіямъ Петра, приращенію доходовъ и т. п.

Вторая часть повѣствованія, препятствія, преодоленныя Петромъ, связывается съ первою восклицаніемъ и вопросомъ. Изъ препятствій упоминаются: опасности путешествій, внѣшніе враги (Шведы, Поляки, Крымскіе Татары, Персіяне, Турки), внутренніе непріатели (стрѣльцы, раскольники, казаки, разбойники) и измѣна ближнихъ. Вообще эта

часть, сравнительно съ первой, отличается краткостью. Въ оправданіе этого Ломоносовъ замѣчаетъ въ концѣ: «все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно! къ радости въ радостное время обратимся!»

Третья часть повѣствованія, о добродѣтеляхъ Петра — порядокъ въ ней установленъ въ самомъ началѣ: «споспѣшествовалъ (т.-е. Все-вышній) его *благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительности, трудолюбію*. Каждую упомянутую черту характера Петра Ломоносовъ разсматриваетъ отдѣльно, приводя или указывая доводы и примѣры. Благочестіе доказывается усердіемъ къ храмамъ Божиимъ и торжественнымъ срѣтеніемъ мощей св. Александра Невского; премудрость указывается въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ; геройство — въ презрѣніи опасностей, въ морскихъ плаваніяхъ, Полтавской битвѣ; великодушіе — въ обращеніи съ побѣжденными; правосудіе — въ поступкахъ, въ казни стрѣльцовъ; снисходительность — въ обращеніи съ подданными; трудолюбіе послѣдняя черта, представляется какъ вѣнецъ всего, и на изображеніе ея употреблено особенно много риторическихъ украшеній.

Патетическая часть начинается восклицаніемъ: «съ кѣмъ сравню великаго государя!» Остановившись на мысли о богоподобіи Петра, Ломоносовъ дѣлаетъ заключеніе слова обращеніемъ къ Богу и воззваніемъ къ духу Петра.

Похвальное слово Ломоносова написано за небольшими исключеніями періодическою рѣчью. Основываясь на различіи стилей, установленномъ самимъ Ломоносовымъ, въ Похвальномъ словѣ, какъ «въ прозаической рѣчи о важной матеріи» должно видѣть образецъ высокаго слога. Высокій стиль долженъ состоять изъ словъ *славянорусскіихъ* (т.-е. употребительныхъ одинаково и въ славянскомъ языкѣ и въ русскомъ) и изъ славянскихъ, понятныхъ русскимъ и не весьма обветшалыхъ.

Изъ славянскихъ словъ встрѣчаются въ Словѣ: *благодѣнство, бдѣніе, вожделѣнный, воспящать, градъ, гласъ, довлѣть, достоудный, дщерь, единый, паче, приобкшій, препятити, препинательный, препона, позорище, сопостать, сбытіе, стезя, свободиться, яко бы и проч.*

Риторическія украшенія Похвальнаго слова. Украшеніе, по опредѣленію реторики Ломоносова, есть изобрѣтенныхъ идей пристойными и избранными реченіями изображеніе. Украшеніе происходитъ отъ употребленія тропъ (переносныхъ словъ) и фигуръ. Фигурою въ риторикѣ называется употребленіе словъ и предложеній, отступающее отъ обыкновеннаго строя и порядка мыслей. Ломоносовъ различаетъ фигуры словъ и фигуры предложеній.

Изъ фигуръ словъ въ разбираемомъ словѣ встрѣчаются: 1) *Повтореніе*, т.-е. многократное употребленіе слова въ предложеніяхъ; напр. Вѣнчалъ Господь ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтели. 2) *Усубленіе*,

т.-е. когда одно слово дважды повторяется въ одномъ предложеніи: напр. Россіяне, Россіяне Петра Великаго забыли. 3) *Наклоненіе*, когда одно слово повторяется въ разныхъ падежахъ; напр., я вами свидѣтельствуюсь великія російскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь. 4) *Безсоюзіе*, напр. спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ. 5) *Многосоюзіе*, напр. Отряси свои сомнѣнія и страхи; и радости и надежды исполнена.

Фигуръ предложеній Ломоносовъ насчитываетъ 26: 1) опредѣленіе, 2) изреченіе, 3) вопрошеніе, 4) отвѣтствованіе, 5) обращеніе, 6) указаніе, 7) заимословіе, 8) умедленіе, 9) сообщеніе, 10) поправленіе, 11) расположеніе, 12) уступленіе, 13) вольность, 14) прохожденіе, 15) умолчаніе, 16) сомнѣніе, 17) занятіе, 18) напряженіе, 19) премѣненіе, 20) присовокупленіе, 21) желаніе, 22) моленіе, 23) восклицаніе, 24) изображеніе, 25) возвышеніе, 26) восклицаніе.

Сверхъ того существуютъ фигуры смѣшанныя, составленныя изъ разныхъ фигуръ; напр. вопрошеніе съ отвѣтомъ; вопрошеніе съ заимословіемъ; напряженіе съ вопрошеніемъ и др.

Приведемъ Ломоносовское опредѣленіе фигуръ предложеній, встрѣчающихся въ похвальномъ словѣ. Значеніе фигуръ *вопрошенія* и *моленія* понятно изъ самаго ихъ названія. Ими пользуется ораторъ для сильнѣйшаго изображенія вещей. Фигура *отвѣтствованія* — когда сочинитель отвѣчаетъ самъ на предложенный вопросъ. *Обращеніе* — когда обращается слово къ другому лицу или вещи. *Указаніе* — когда лицо или вещь представляются какъ бы дѣйствующими и для большаго оживленія употребляются слова указательныя: се, вотъ, возри, здѣсь, тамъ. *Заимословіе* — когда то, что самому автору говорить должно, влагается въ уста другому лицу или вещи. *Поправленіе* — когда рѣчь повторяется для того, чтобы присоединить къ ней другую болѣе сильную. *Присовокупленіе* — когда къ одному подлежащему прилагаются многія сказуемыя, или въ одному сказуемому многія подлежащія. *Прихожденіе* — когда мы притворяемся, будто бы говорить о чемъ не хотѣли, однако тѣмъ самымъ оное живо представляемъ. *Сомнѣніе* — когда себя или кого другого представляемъ, въ затрудненіи, какъ выбрать одну изъ разныхъ вещей. *Напряженіе* — или стеченіе — есть соединеніе въ одномъ періодѣ или членѣ періода многихъ важныхъ мыслей. *Восклицаніе* есть возвышеніе слова, при чемъ употребляются междометія восклицательныя: О Боже мой! Ахъ! О коль!

Поповъ.

Взглядъ Ломоносова на церковно-славянскій языкъ.

Вопреки Тредіаковскому Ломоносовъ положительно отдѣлилъ славянскій языкъ отъ древне-русскаго и назвалъ послѣдній, въ противоположность церковному, «гражданскимъ», сохранившимся съ «печатныхъ и рукописныхъ гражданскихъ книгахъ, великороссіянами сочиненныхъ, каковы суть Уложеніе, указанныя книги и другія печатныя и письменныя права и указы».

При другомъ случаѣ Ломоносовъ говорить еще опредѣленнѣе: «Онъ (т.-е. Шлецеръ) поистинѣ не знаетъ, сколько рѣчи, въ російскихъ лѣтописяхъ находящіяся, разнятся отъ древняго моравскаго языка, на который переведено прежде священное Писаніе; ибо тогда російскій діалектъ былъ другой, какъ видно изъ древнихъ реченій въ Несторѣ, каковы находятся въ договорахъ первыхъ російскихъ князей съ царями греческими. Тому же подобные законы Ярославовы, «Правда Русская» называемые; также прочія историческія книги, въ которыхъ употребительныя рѣчи въ Библии и въ другихъ церковныхъ книгахъ, коихъ премного, по большей части не находятся, иностраннымъ мало знаемы».

Итакъ, по понятію Ломоносова, древне-русскій языкъ былъ очень различенъ отъ церковно-славянскаго. Далѣе Ломоносовъ полагалъ, что славянскій языкъ отъ великороссійскаго ничѣмъ столько не разнится, какъ окончаніями реченій. Напримѣръ, по-славянски единственные прилагательные мужскіе именительные падежи кончаются на *ый* и *ій* (богатый, старшій, синій), по-великороссійски кончаются на *ой* и *ей* (богатой, старшей, синей); по-славянски — *сыновѣмъ*, *дѣломъ*, *руцѣ*, *мене*, *нихомъ*, *кланяхуся*, по-великороссійски — *сыновьямъ*, *дѣламъ*, *руки*, *меня*, (мы) *тили*, (они) *кланялись*. Въ грамматикѣ Ломоносова отмѣчены нѣкоторые славянизмы въ формахъ и сочиненія словъ, въ противоположность соотвѣтствующимъ руссизмамъ: говорится, что въ русскомъ языкѣ только тѣ глаголы могутъ имѣть причастіе на *щій* и *мый*, которые были въ употребленіи и у славянъ (§§ 343, 442, 444, 453); и наоборотъ, что дѣепричастіе на *ючи* употребительнѣе «у точныхъ російскихъ глаголовъ», а дѣепричастія на *я* — у глаголовъ, происходящихъ изъ славянскаго языка (§ 356). Кромѣ того, Ломоносовъ полагаетъ, что причастіе съ окончаніемъ *тищійся* болѣе употребительно въ глаголахъ сваянскихъ (§ 450), а усѣченное, съ окончаніемъ на *нъ* — въ російскихъ (§ 446). Есть у него замѣчаніе, что «славянскія реченія больше позволяютъ употребленіе возвратныхъ (глаголовъ) вмѣсто страдательныхъ (§ 512); высказывается сожалѣніе о томъ, что «изъ обычая и употребленія вышла форма дательнаго самостоятельнаго» (§ 533), и приводится въ видѣ славянизма форма родительнаго восклицательнаго: о, чуднаго Промысла! (§ 570). Но, по мнѣнію Ломоносова, «разность славянскаго языка съ російскимъ» не ограничивается грамматическими формами и различіями фонетическими; она отражается и въ лексикологическомъ составѣ обоихъ языковъ. Ломоносовъ имѣлъ даже въ виду «отмѣтить старыя слова російскія церковныя» въ противоположность «новымъ или гражданскимъ словамъ російскимъ»; отъ преобладающаго участія тѣхъ или другихъ происходитъ, по его мнѣнію, стилистическое различіе въ русской рѣчи.

Ломоносовъ считаетъ церковный языкъ какъ бы уравнильнымъ маятникомъ, который своимъ вліяніемъ сближаетъ расходящіяся діалектическія формы и задерживаетъ слишкомъ быструю измѣнчивость

языка живого: благодаря этому обстоятельству языки славянъ православныхъ сохраняютъ наибольшую близость между собою и древній видъ: современному русскому понятенъ языкъ «Русской Правды» и Нестора. Какъ языкъ Церкви и органъ богатой литературы, съ выработанными и установившимися формами, церковно-славянскій языкъ представляется Ломоносову выше едва зарождающагося новаго литературнаго русскаго языка. Правда, что и древне-русскаго языка имѣлъ нѣкоторую литературную обработку, но она ограничивалась лѣтописями и юридическими памятниками, не возвышаясь до изложенія наукъ отвлеченныхъ, гдѣ церковный языкъ перебилъ ему дорогу. Но такъ какъ, по взгляду Ломоносова, слово и мысль нераздѣльны, то и самыя слова церковно-славянскія получали нѣкоторое освященіе и высоту.

Будиловичъ.

Грамматика Ломоносова.

Обратимся сперва къ тому, что заключаетъ въ себѣ эта грамматика, а потомъ постараемся указать, какими источниками Ломоносовъ пользовался при ея составленіи.

Въ его грамматикѣ вниманію нашему представляются двѣ стороны: во-первыхъ, расположеніе; во-вторыхъ, содержаніе.

Въ первомъ отношеніи она раздѣлена на шесть *наставленій*, изъ которыхъ каждое подраздѣляется на нѣсколько главъ (числомъ отъ пяти до семи).

Первое *наставленіе* озаглавлено: *О человѣческомъ словѣ вообще*. Подъ *словомъ*, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, разумѣется языкъ; это послѣднее названіе часто встрѣчается въ посвященіи грамматики великому князю, которое и начинается извѣстною фразою: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ *россійскій*» и т. д.

Впрочемъ и тамъ Ломоносовъ говоритъ о своемъ долговременномъ въ *россійскомъ словѣ упражненіи*, но за основаніе изученія *своего языка* ставитъ общее философское понятіе *о человѣческомъ словѣ*. Вникая въ различіе, полагаемое имъ въ употребленіи этихъ двухъ терминовъ, мы находимъ, что онъ пользуется ими съ большою разборчивостью, и во всей грамматикѣ пишетъ исключительно *слово*, когда разумѣетъ общую принадлежность человѣческаго рода, способность говорить *языкомъ же* называетъ онъ конкретно достояніе того или другого народа. Оттого и въ заглавіяхъ отдѣльныхъ главъ 1-го наставленія грамматики говорится все о *частяхъ слова*. Этотъ способъ выраженія проведенъ въ грамматикѣ съ большою послѣдовательностью.

Вслѣдствіе такого приема Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, подобно Смотрицкому, уже никогда не употребляетъ *слово* въ смыслѣ звуковаго цѣлаго для выраженія отдѣльнаго понятія: для этого имъ обоемъ постоянно служитъ имя *реченіе*.

Идея и цѣль 1-го наставленія заключается въ томъ, чтобы прежде разсмотрѣнія частныхъ обозрѣвать всю область языка и

уяснить основныя понятія науки о немъ. Оно должно было служить вступленіемъ въ русскую грамматику.

Приведу теперь заголовки отдѣльныхъ главъ, содержащихся въ этомъ наставленіи: но такъ какъ многіе термины Ломоносова въ слѣдствіи замѣнены другими и потому для насъ не совсѣмъ понятны, то я рядомъ съ его заголовками поставлю въ скобкахъ, гдѣ нужно, ихъ переводъ на нынѣшніе термины:

Глава 1. О голосѣ.

- » 2. О выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова (*объ элементарныхъ звукахъ языка*).
- » 3. О сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова (*о сочетаніи элементарныхъ звуковъ, т.-е. слогахъ*).
- » 4. О знаменательныхъ частяхъ слова (*о реченіяхъ, т.-е. отдѣльныхъ словахъ*).
- » 5. О сложеніи знаменательныхъ частей слова (*о сочетаніи словъ или реченій*).

Эти пять отдѣловъ могутъ быть сведены на три, изъ которыхъ виднѣе будетъ правильное и симметрическое расположеніе предмета: 1) о голосѣ и звукахъ языка вообще; 2) объ элементарныхъ звукахъ языка и о соединеніи ихъ въ слоги, а слоговъ въ слова; 3) о словахъ и соединеніи ихъ въ предложенія.

Отступая отъ общепринятаго въ его время порядка, Ломоносовъ начинаетъ свою грамматику размышленіями о *голосѣ*, слѣдовательно уже понимаетъ необходимость итти въ изученіи языка отъ живой рѣчи. Но качества и измѣненія голоса различены имъ не довольно ясно, и главы этой нельзя считать вполне удачной.

Отъ *выговора* онъ, въ началѣ 2-й главы, обращается къ *нераздѣльнымъ частямъ слова*. Такъ называетъ онъ, подобно Смотрицкому, то, что въ наше время разумѣютъ подъ именемъ членораздѣльныхъ элементарныхъ звуковъ и ихъ изображеній, т.-е. буквъ. То и другое можетъ быть соединено подъ общимъ понятіемъ элементовъ языка. Вслѣдъ за симъ начинается у Ломоносова весьма обыкновенное еще и донинѣ смѣшеніе понятій о звукѣ и о буквѣ, смѣшеніе, на которое жаловался еще древній грамматикъ Присцианъ.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, здѣсь тотчасъ выказывается естествоиспытатель «Различность ихъ» (т.-е. нераздѣлимыхъ частей слова), говоритъ Л—въ, «происходитъ отъ разности органовъ отъ разнаго ихъ положенія и движенія». Органы эти тутъ же исчислены имъ вѣрно: губы, зубы, языкъ, нѣбо и гортань съ положенными близъ ея частями, т.-е. съ языкомъ и его скважинами въ ноздри» (№ 14 и 15). Затѣмъ слѣдуетъ различеніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, изъ которыхъ первые Ломоносовъ, по примѣру Смотрицкаго, называетъ иногда и *самогласными*; хотя различіе тѣхъ и другихъ объяснено не совсѣмъ удовлетворительно, однакожъ постоянно обращается вниманіе и на фізіологическую сторону дѣла. Различіе гласныхъ очень остроумно

обозначено характеристическими признаками разныхъ положеній рта, именно расширеніемъ (Е), стисненіемъ (И), округленіемъ (О) и протяженіемъ (У).

Гласные дѣлятся на два разряда, отмѣченные у Ломоносова тѣми же терминами — *дебелые* и *тонкіе*, которые употреблены Смотрицкимъ, а потомъ приняты и Востоковымъ и Павскимъ для обозначенія двоякаго выговора согласныхъ (при з и при ѵ). Иначе Ломоносовъ называетъ ихъ *тупыми* и *острыми*. Но самое респредѣленіе гласныхъ на этомъ основаніи у него невѣрно. Именно онъ принимаетъ (№ 20):

дебелые:	тонкіе:
а	я
е	ѣ
ы	и
о	іо
у	ю

Тутъ смѣшаны звуки съ буквами, простые звуки съ составными и дебелые съ тонкими.

Большею правильностью отличается у Ломоносова таблица согласныхъ по органамъ; въ этомъ отношеніи онъ принимаетъ: *губные*, *зубные*, *язычные*, *поднебные* и *гортанные* (№ 11).

Въ особенной табличкѣ Ломоносовъ представляетъ раздѣленіе буквъ каждаго органа на *мягкія* и *твердыя* (чему, по нашей терминологіи, соотвѣтствуютъ громкія и шопотныя), но о фізіологическомъ различіи изображаемыхъ тѣми и другими звуковъ онъ еще не имѣетъ надлежащаго понятія и объясняетъ его различной мѣрой стремленія воздуха и силы движенія (№ 24). Такъ и раздѣленіе согласныхъ на *миновенные* и *длительные*, хотя бы и подѣ древними названіями *тѣмныхъ* (*mutae*) и *полугласныхъ* (*semivocales*), вовсе еще чуждо сознанію Ломоносова, и онъ полагаетъ, что *всѣ* согласные, въ противоположность гласнымъ, «слышны бываютъ въ нераздѣлимое слухомъ время» (№ 16): отъ вниманія его совершенно ускользнуло, что есть согласные, которые, подобно гласнымъ, также «могутъ дать голосу отмѣну на чувствительное и весьма долгое время, сколько духа человѣческаго станеть», какъ напр. *с, з, ш, ж, ф, в.*

Въ слѣдующей главѣ (3-й) о *сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова* разсматривается образованіе *словъзъ*, которые Ломоносовъ постоянно называетъ *складами*. Послѣ того объяснено значеніе *ударенія* и *количества* съ указаніемъ на различіе языковъ въ этомъ отношеніи. Мы не разъ слышали замѣчаніе, будто Ломоносовъ, раздѣляя слоги на краткіе и долгіе, смѣшивалъ акцентъ съ протяженіемъ; но это несправедливо: называя одни слоги русскихъ стиховъ *долгими*, а другіе *короткими*, онъ употреблялъ эти термины только для удобства выраженія; самую сущность дѣла онъ очень хорошо понималъ. Это отчасти видно уже изъ его *Письма о правилахъ Россійскаго стихотворства*, хотя тамъ сказано: «въ Россійскомъ языкѣ

тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всё коротки». Гораздо яснѣе Ломоносовъ высказалъ свой взглядъ на русскую просодію въ грамматикѣ, писанной годами 15-ю позже означеннаго письма. Здѣсь (№ 32) онъ говоритъ уже не о *долгихъ* слогахъ, а о *повышенныхъ*, или *имѣющихъ на себѣ удареніе*, которое «составляется разностью возвышенія и униженія» (голоса). Какъ вѣрно Ломоносовъ смотрѣлъ на это свойство русской просодіи, доказывается особенно № 34-мъ грамматики: «разность складовъ чрезъ протяженіе была весьма явственна у древнихъ грековъ и римлянъ, такъ что и стихотворство ихъ на томъ основано, не взирая на ударенія, которыя посему не такъ чувствительны были, какъ протяженія. Въ нынѣшнее время у европейскихъ народовъ хотя удареніе на складахъ преимущество одержало; однако протяженіе не токмо не совсѣмъ истребилось; но и нѣкоторую разницу причиняетъ между реченіями одного выговора, напр.: у нѣмцевъ *Stall* краткое, значить конюшню, *Stahl* долгое, сталь». Приведеніе здѣсь примѣра изъ нѣмецкаго языка не оставляетъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію, что Ломоносовъ совершенно понималъ отсутствіе *долгихъ* слоговъ въ русскомъ. Чередованіе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія или свойство голоса, которымъ оно производится, онъ называлъ *выходкой* (музыкальный терминъ) и прибавлялъ: «выходка въ различеніи складовъ примѣчается у всѣхъ извѣстныхъ народовъ; протяженіе у нѣкоторыхъ» (№ 31).

По плану 1-го наставленія грамматики, которая имѣетъ цѣлью дать понятіе о языкѣ независимо отъ письма, глава 3-я должна была ограничиться немногими приведенными мною сокращенно замѣчаніями объ образованіи и произношеніи слоговъ, но здѣсь Ломоносовъ, потерявъ изъ виду свою идею, начинаетъ далѣе говорить о знакахъ ударенія и титлахъ, также о сложныхъ буквахъ (напр. *щ*) и такимъ образомъ преждевременно касается правописанія, составляющаго у него предметъ 2-го наставленія.

Отъ слоговъ онъ переходитъ къ составленію изъ нихъ цѣлыхъ словъ или *реченій*, которыя и разсматриваетъ въ 4-й главѣ, озаглавленной: *О знаменательныхъ частяхъ слова*. Эта глава подала поводъ къ недоразумѣнію, которое долго держалось въ нашей ученой и учебной литературѣ, и произошло единственно отъ не довольно внимательнаго чтенія первыхъ страницъ грамматики Л—ва. Сколько разъ повторялось даже въ специальныхъ трудахъ (не исключая академическаго изданія этой грамматики въ 1885 г.), что подъ знаменательными частями слова онъ разумѣетъ имя и глаголъ въ противоположность остальнымъ, которыя называетъ служебными. Но такъ какъ тутъ же первымъ терминомъ явно означены въ одномъ мѣстѣ всё рѣчи, то находили къ этой главѣ неясность или недоконченность въ отдѣлкѣ. Нельзя дѣйствительно отрицать, что въ изложеніи ея есть нѣкоторая сбивчивость, но если вникнуть въ дѣло, то оно вполне выясняется.

Отъ членораздѣльныхъ звуковъ Ломоносовъ постепенно переходитъ къ болѣе и болѣе развивающимся сочетаніямъ ихъ: изъ нераздѣлимыхъ частей языка образуются *склады* (слоги), которые сами по себѣ въ отдѣльномъ видѣ еще не имѣютъ знаменованія; изъ слоговъ же «рождаются *знаменательныя части слова, т.-е. реченія*» (№ 29); наконецъ, «сложеніе знаменательныхъ частей слова или реченій производитъ *рѣчи*» (по-нынѣшнему, предложенія), «полный разумъ въ себѣ составляющія» (№ 77). Ясно, что реченія, или *слова вообще*, названы у него знаменательными частями языка, какъ такія сочетанія звуковъ, которыя уже сами по себѣ, отдѣльно взяты (не такъ, какъ слоги), имѣютъ значеніе.

Знаменательныя же части слова (терминъ, означающій у него и реченія и то, что мы теперь называемъ частями рѣчи) дѣлитъ онъ на два разряда: *главныя* и *служебныя*. Это съ несомнѣнною опредѣлительностью выражено имъ такъ: «слово человѣческое имѣетъ *осмь частей знаменательныхъ*», и послѣ исчисления этихъ частей рѣчи прибавлено: «сіи части слова, двѣ *главныя* и шесть *вспомогательныхъ* или *служебныхъ*, должны быть по своей необходимости во всякомъ языкѣ». (№№ 46 и 47). Мѣсто, подавшее поводъ къ недоразумѣнію (№ 40), изложено такъ: «слово дано для того человѣку, чтобы свои понятія сообщать другому. И такъ понимаетъ онъ на свѣтѣ и общаетъ другому идеи вещей ихъ дѣяній. Изображенія словесныхъ вещей называются *имена*: напр. *небо, вѣтръ, очи*; изображенія дѣяній, *глаголы*: напр. *синѣетъ, вѣетъ, видитъ*. И такъ понеже они всегда вещь или дѣяніе знаменуютъ, по справедливости *знаменательныя части слова* названы быть могутъ».

Здѣсь можно отмѣтить только недомолвку или нѣкоторую неточность: вмѣсто «по справедливости» слѣдовало сказать «по преимуществу», какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, гдѣ и остальные, принимаемыя Ломоносовымъ, части рѣчи (мѣстоименіе, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе) положительно *знаменательными же частями слова*.

Разсуждая о разрядахъ словъ, Ломоносовъ бросаетъ любопытный взглядъ и на исторію языка. «Какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются и потомъ присовокупленіями возрастаютъ, такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ чело-вѣку понятій, вначалѣ было тѣсно ограничено, и одними простыми реченіями довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само по-малу умножилось, что происходило *произвожденіемъ и сложеніемъ*» (№ 51).

Въ остальной части 4-й главы Ломоносовъ продолжаетъ развивать понятія о языкѣ: объясняетъ значеніе рода и вида раздѣленія именъ на собственныя и нарицательныя, на существительныя и прилагательныя; далѣе, предъ нами проходятъ разные способы измѣненія словъ: степени сравненія (*разсудительный* степень вм. нынѣшняго термина *сравнительная* степень); числа, падежи (новый терминъ: *предложный* вм. *казательный*), увеличительныя и «умалительныя»

имена; роды именъ; времена глаголовъ, лица наклоненія (или «образы») и залогы. Изъ понятія о перемѣнахъ окончаній глагола по этимъ отношеніямъ выводится понятіе о его *спряженіи*; потомъ упомянуто о причастіяхъ, о мѣстоименіи и объ остальныхъ частяхъ рѣчи. Вѣрный плану своего введенія «О человѣческомъ словѣ вообще», Ломоносовъ въ 1-мъ наставленіи иногда предлагаетъ философскія соображенія и при каждомъ новомъ предметѣ касается другихъ языковъ, не только европейскихъ, древнихъ и новыхъ, но часто и еврейскаго. Его замѣчанія относительно новыхъ языковъ не всегда точны, такъ какъ онъ, за исключеніемъ нѣмецкаго, не зналъ ихъ практически: напр. онъ думаетъ, что французское *и* въ *lutte* выговаривается такъ, какъ наше *ю* въ *лотость*. Но важно то, что Ломоносовъ уже предчувствуетъ значеніе сравнительной филологіи и по мѣрѣ возможности прибѣгаетъ къ ней съ первыхъ шаговъ въ объясненіи законовъ языка. Не менѣе важно, что онъ употребляетъ аналитическій методъ, восходя отъ единичныхъ явленій къ болѣе сложнымъ и отъ частнаго къ общему, напр. разобравъ «перемѣны», случающіяся въ частяхъ рѣчи, кончаетъ главу замѣчаніемъ: «по всему сему раздѣляются части слова на *склоняемая* и *несклоняемая*». Въ послѣдней (5-й) главѣ 1-го наставленія: «О сложеніи знаменательныхъ частей слова» онъ излагаетъ только самыя общія понятія о предложеніи, которое называется *рѣчию*, о способахъ распространять его, о простыхъ и сложныхъ предложеніяхъ, наконецъ о періодахъ. Кончая свое 1-е наставленіе, онъ какъ бы оглядывается на все его содержаніе и говоритъ: «здѣсь при вступленіи въ Россійскую грамматику больше общаго понятія о человѣческомъ словѣ не требуется. Довольно для краткости знать, что *общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова; а особливая, какова Россійская, есть знаніе, како говорить и писать чисто русскимъ языкомъ по лучшему разсудительному его употребленію* (курсивъ у самого Ломоносова). Его 1-е наставленіе есть сокращенное изложеніе общей грамматики и притомъ съ фонетикою во главѣ ея. Хотя еще и не совсѣмъ сознательно и не совсѣмъ полно, онъ уже отличаетъ произносимый языкъ отъ писаннаго и посвящаетъ первому вступительную часть своего труда.

Со 2-го наставленія Ломоносовъ приступаетъ къ изложенію собственной русской грамматики и прежде всего къ правописанію, именно къ тому, чѣмъ въ его время (какъ дѣлается по большей части еще понынѣ) начиналась всякая частная грамматика. Здѣсь мы остановимся, такъ какъ предметъ 2-го наставленія относится уже къ другому отдѣлу нашего изслѣдованія, и говорить теперь о правописаніи было бы преждевременно. Поэтому на первый случай представлю за симъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о грамматикѣ Ломоносова и ея источникахъ. Трудъ этотъ планомъ своимъ отличается отъ всѣхъ современныхъ трудовъ того же рода. Принадлежитъ ли идея этого плана исключительно самому Ломоносову, или

она хотя отчасти заимствована? Постараюсь опредѣлить отношеніе его грамматики къ состоянію тогдашней филологической литературы вообще.

Откуда могъ онъ почерпнуть мысль о необходимости начинать грамматику свѣдѣніями о звукахъ человѣческой рѣчи и философскими понятіями о языкѣ, составляющими принадлежность общей грамматики? Съ перваго взгляда можно подумать, что такое убѣжденіе было вынесено имъ изъ знакомства съ германской ученой и учебной литературой, но ни Готшедъ, издавшій свою грамматику въ 1748 году, ни другіе извѣстные въ то время авторы по этой части не представляютъ ничего подобнаго. У нихъ могъ онъ научиться, между прочимъ, приему приводить сравненія съ другими языками, что было особенно умѣстно въ отдѣлѣ о человѣческомъ словѣ вообще. Богаче въ отношеніи къ разработкѣ теории звуковъ и общей грамматики въ XVIII и уже въ XVII столѣтіяхъ были англійская, голландская и французская литературы. Въ Англии, еще въ 1653 году, ученый епископъ Іоаннъ Валлисъ, профессоръ геометріи при Оксфордскомъ университетѣ, издалъ по-латыни грамматику своего языка, передъ которою помѣстилъ «грамматико-физическій трактатъ о живой рѣчи или образованіи звуковъ». Это сочиненіе имѣло большой успѣхъ, перепечатывалось не въ одной Англии, и въ XVIII вѣкѣ было очень извѣстно въ Европѣ. Вскорѣ послѣ Валлиса писалъ о томъ же врачъ Амманъ, уроженецъ Шафгаузена, поселившійся въ Голландіи; онъ, подобно Валлису, занимался обученіемъ глухонѣмыхъ и на основаніи своихъ наблюденій напечаталъ два сочиненія о звукахъ языка. Сюда по отсутствію въ грамматикѣ Ломоносова нѣкоторыхъ мѣткихъ указаній этихъ обоихъ ученыхъ, надобно полагать, что онъ съ ихъ изслѣдованіями знакомъ не былъ. Напротивъ, въ руки его, повидимому, попадались нѣкоторыя изъ французскихъ руководствъ общей грамматики, издававшихся во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка. Это предположеніе было уже выражено А. С. Будиловичемъ.

Очевидно однакожъ, что главнымъ источникомъ понятій о живой рѣчи и вообще о языкѣ послужили Ломоносову древніе писатели, Аристотель, Квинтиліанъ, Донатъ, Присціанъ, а можетъ быть, еще и другіе. Вѣрнѣйшій признакъ, ведущій къ этому заключенію, представляетъ терминологія Ломоносова. Самое различеніе понятій *слово* и *языкъ* взято у древнихъ: они для означенія отдѣльныхъ языковъ употребляли большею частью терминъ *lingua* (*γλῶσσα διάλεκτος*), а въ общемъ смыслѣ говорили *sermo loquela* (*λόγος*). По примѣру древнихъ писателей, Ломоносовъ, подобно Смотрицкому, для означенія того, чтò мы называемъ слово (*mot*), употребляетъ исключительно имя реченіе (*λέξις φωνή, vox, vocabulum, dictio*). Изъ того же источника объясняются его двоякія *части слова: нераздѣлимая* (элементарные звуки и буквы) и *знаменательныя* (реченія, части рѣчи), а наконецъ и раздѣленіе послѣднихъ на два разряда, т.-е. на глав-

ныя и служебныя. Даже мыслью назвать главные отдѣлы своей грамматики *наставленіями* Ломоносовъ обязанъ древнимъ, которые ставили слово *institutiones* въ заглавіе своихъ грамматическихъ и риторическихъ трудовъ. Тому же примѣру послѣдовалъ въ позднѣйшее время, между многими другими, и Добровский.

Донатъ, наставникъ св. Іеронима, жившій въ IV вѣкѣ, начинаетъ свою «*Ars grammatica*» замѣткою *De voce* (о голосѣ). Правда, что у него вся эта глава ограничивается двумя строками, но важна основная идея, которую воспользовался Ломоносовъ. Другой древній грамматикъ, Присціанъ, содержавшій въ 525 году училище въ Константинополѣ, въ 1-й книгѣ своихъ *Institutiones* также рассматриваетъ прежде всего голосъ и его виды, потомъ значеніе и раздѣленіе буквъ; во 2-й же книгѣ онъ говоритъ о слогахъ, о различіи между ними и реченіями, а потомъ о предложеніи и частяхъ его. Въ началѣ 1-й книги онъ между прочимъ замѣчаетъ: «буква есть малѣйшая часть составнаго звука... что короче всего, способнаго дѣлиться, то нераздѣлимо. Можемъ и такъ опредѣлить: буква есть звукъ (въ подл. *vox*), который можетъ быть написанъ какъ нераздѣлимый». Фонетическія понятія древнихъ ведутъ свое начало еще отъ Платона и Аристотеля; послѣдній изложилъ ихъ преимущественно въ своихъ сочиненіяхъ; о *душѣ, объ исторіи животныхъ* и въ *питикѣ*. По его ученію, *голосъ, φωνή* долженъ быть отличаеми отъ звука и шума вообще, *φόφος*; отъ голоса же, далѣе, отличается рѣчь, *λόγος, διάλεκτος*, двоякимъ образомъ: наружно, такъ какъ она есть артикулованный языкомъ голосъ; внутренно, такъ какъ она не только имѣетъ значеніе (что свойственно и голосу животныхъ), но служитъ символомъ понятія. Элементарный звукъ, нераздѣлимый тонъ голоса, называется у Аристотеля, какъ и у Платона, *στοιχεῖόν* (*elementum*); употребляемые же для изображенія его знаки суть *γράμματα* (*literae*), т.-е. буквы. На этомъ основаніи и Присціанъ говоритъ: «Различіе между элементами» (нераздѣлимыми частями слова, по Ломоносову) «и буквами въ томъ состоитъ, что элементы собственно называются *выговорами* (звуками), а знаки ихъ — буквами. Неправильно зовутъ буквы элементами, а элементы — буквами. Это различіе не вполне признано и Ломоносовымъ, такъ что онъ, подобно позднѣйшимъ латинскимъ грамматикамъ, для *нераздѣлимыхъ частей слова* не знаетъ другого названія, кромѣ буквъ или «письменъ» (терминъ Смотрицкаго, иногда удерживаемый и Ломоносовымъ), и въ главахъ о голосѣ и выговорѣ рассматриваетъ только *произношеніе буквъ*; даже въ таблицѣ звуковъ по органамъ онъ употребляетъ названіе *буквъ*. Когда же ему необходимо нужно отличить понятіе звука, то онъ прибѣгаетъ къ выраженіямъ: *оттѣна голоса, выговоръ, произношеніе*, или говоритъ, что такіа-то буквы произносятся такимъ-то, напр. чистымъ и открытымъ, *звономъ*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ *питикой* Аристотеля, слѣдовательно, многія понятія о языкѣ могъ по-

черпнуть непосредственно изъ этого источника; другія могъ заимствовать изъ латинскихъ грамматиковъ или изъ писателей новаго времени, которые, разумѣется, сами также болѣе или менѣе пользовались древними. Такъ и представленная Ломоносовымъ таблица гласныхъ и согласныхъ съ раздѣленіемъ ихъ по органамъ, конечно, была новостью только на русскомъ языкѣ: подобную (но безъ разрядовъ зубныхъ и язычныхъ) находимъ мы уже у Валлиса въ названномъ выше трактатѣ его о языкѣ. Такую же таблицу, но съ нѣкоторыми измѣненіями, составилъ вскорѣ послѣ того докторъ Амманъ.

Понятіе о словѣ (реченіи), какъ *знаменательной* части языка (*φωνή σηματική*), также высказано еще Аристотелемъ и потомъ не разъ повторялось грамматиками. Такъ Присціанъ говоритъ: «Реченіе (*dictio*) есть меньшая часть стройной рѣчи, т.-е. въ порядкѣ расположенной. Реченіе же отличается отъ слога не только тѣмъ, что слогъ есть часть реченія, но и тѣмъ, что реченіе выражаетъ, даетъ разумѣть нѣчто. Слогъ никогда самъ по себѣ не можетъ что-либо значить: это—свойственно только реченію». Вотъ полное объясненіе Ломоносовскаго термина—*знаменательная часть слова*: онъ служитъ синонимомъ *реченія* и съ тѣмъ вмѣстѣ замѣняетъ терминъ *часть рѣчи* (*pars orationis*). Впрочемъ это послѣднее названіе уже употреблялось во время Ломоносова, чему доказательствомъ служить напечатанная въ 1752 году по-русски французская грамматика Ресто въ переводѣ Василія Теплова, гдѣ «*parties du discours*» названы «частями рѣчи». Но Ломоносовъ, для единообразія своей терминологіи, предпочелъ терминъ *части слова*, употребленный Смотрицкимъ, который подъ *словомъ* разумѣетъ рѣчь или предложеніе; только къ этому термину Ломоносовъ, по понятію древнихъ, прибавилъ атрибутъ знаменательности.

Извѣстно, что преобразователю нашей письменной рѣчи долго ставили въ особенную заслугу раздѣленіе частей рѣчи на два принятые имъ разряда *главныхъ* (или, какъ говорили, *знаменательныхъ*) и *служебныхъ*, при чемъ иногда замѣчали, что онъ за сто лѣтъ до Беккера умѣлъ различить *Begriffswörter* и *Formwörter*. Но исторія грамматики показываетъ, что это различіе, хотя и не въ столь оконченной формѣ, восходитъ до отдаленной древности. Еще Платонъ признавалъ только двѣ части рѣчи: *имя* и *глаголъ*, при чемъ онъ подъ этими терминами разумѣлъ еще подлежащее и сказуемое. У Аристотеля ученіе о частяхъ рѣчи развито уже нѣсколько опредѣленнѣе: онъ принимаетъ *имя*, *глаголъ*, *членъ* и *союзъ*, и называетъ первые два *знаменательными звучностями* (*σηματικαὶ φωναί*), а послѣдніе противопоставляетъ имъ подъ именемъ *незнаменательныхъ* (*ἄσημοι*). Выше уже было показано, что Ломоносовъ беретъ слово *знаменательный* въ болѣе обширномъ смыслѣ, отмѣчая имъ реченіе вообще, что также согласно съ Аристотелемъ. Дѣленіе же знаменательныхъ частей слова по ихъ смыслу на два разряда встрѣчается

у позднѣйшихъ латинскихъ грамматиковъ. Донать, исчисливъ 8 частей рѣчи, прямо говоритъ: «Изъ нихъ двѣ *главныя* (*principales*), имя и глаголь». Присцианъ также учитъ, что, по мнѣнію діалектиковъ, собственно двѣ только части рѣчи, имя и глаголь, потому что онѣ однѣ сами по себѣ могутъ составлять полное предложеніе (*plenam faciunt orationem*), остальные же называются *однозначными* (*consignificantiis*), т.-е. второстепенными, несамостоятельными. Вѣроятно, ту же мысль нашъ ученый нашелъ у кого-нибудь изъ ближайшихъ къ его времени западно-европейскихъ грамматиковъ. Въ тогдашнихъ нѣмецкихъ трудахъ этого рода и у Готшеда ни у его предшественниковъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго, но другое представляютъ французы: въ библиотекѣ Ломоносова была грамматика французскаго языка, съ нѣмецкимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: «*Nouvelle parfaite grammaire royale française et allemande. Neue und vollkommene königliche französische Grammatica*», изданная въ Берлинѣ въ 1736 году.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій этой грамматики (1725) послѣ обыкновеннаго исчисленія частей рѣчи сказано: «одинъ изъ новѣйшихъ грамматиковъ, отецъ Бюффѣе, признаетъ за истинныя и дѣйствительныя части рѣчи только *имя* и *глаголь*. Прочія отдѣляетъ онъ подъ именемъ *дополнительныхъ* и *видоизмѣняющихъ* (*suppletivi* и *modificativi*): къ первымъ онъ причисляетъ членъ и междуметіе, къ послѣднимъ нарѣчіе, предлогъ и союзъ. Мѣстоименіе и причастіе онъ относитъ къ имени». Ломоносовъ, разсуждая о частяхъ рѣчи и отличивъ между ними двѣ *главныя*, хотя и соединяетъ всѣ остальные подъ именемъ *вспомогательныхъ* или *служебныхъ*, но также дѣлитъ ихъ на два разряда: сперва говоритъ о предлогахъ и союзахъ, какъ показывающихъ отношенія между главными частями рѣчи, а потомъ о мѣстоименіи, нарѣчіи и междуметіи, какъ служащихъ только къ болѣе краткому выраженію мыслей. Впрочемъ, онъ, слѣдуя системѣ древнихъ, которая, съ немногими отступленіями, держалась во все продолженіе среднихъ вѣковъ, принимаетъ не болѣе и не менѣе *восьми* частей рѣчи. Исключивъ членъ, какъ не существующій въ русскомъ языкѣ, онъ исчисляетъ ихъ въ томъ же точно порядкѣ, въ какомъ онъ вообще ставились въ тогдашнихъ грамматикахъ, т.-е. имя, мѣстоименіе, глаголь, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междуметіе. Совершенно то же число и тотъ же порядокъ *частей слова* находимъ у Смотрицкаго. Хотя Ломоносовъ вслѣдъ за такимъ исчисленіемъ и утверждаетъ, что греческіе грамматикіи считали девять частей рѣчи (т.-е. прибавляя членъ), но въ этомъ онъ ошибается: древніе греческіе писатели, даже позднѣйшей Александрійской школы, никогда не считали частью рѣчи *междуметіе*, которое римляне ввели взаимнѣ недостававшего у нихъ члена (чтобы удержать завѣтное число 8); въ греческой грамматикѣ междуметіе очутилось между частями рѣчи лишь незадолго передъ временемъ Ломоносова. Несмотря однакъ на нѣкоторыя черты, указывающія на заимствованія въ грамматикѣ Ломоносова, сравненіе ея со множествомъ

пересмотрѣнныхъ мною руководствъ этого рода, оставшихся отъ XVI и XVII вѣка, удостовѣряетъ, что трудъ его есть вполне самостоятельный и зрѣло обдуманнй плодъ внимательнаго изученія. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположенію и по самой разработкѣ законовъ языка. Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробный разборъ того и другаго, но нельзя оставить безъ возраженія слѣдующихъ словъ, читаемыхъ въ предисловіи покойнаго Давыдова къ академическому изданію этой грамматики, напечатанному въ 1855 году: «Способъ, употребленный имъ (Ломоносовымъ) въ изслѣдованіяхъ грамматическихъ, былъ въ его время общій у западныхъ ученыхъ: сначала излагаетъ онъ философское понятіе о словѣ человеческомъ, потомъ переходитъ къ русской грамматикѣ. Во внесеніи въ грамматику философскаго основанія могъ служить ему образцомъ Куръ-де-Жебеленъ, а въ практическомъ воззрѣніи на нее, какъ на средство правильно говорить и писать — онъ послѣдовалъ школѣ Готшеда».

Тщательныя изысканія приводятъ къ противоположнымъ заключеніямъ: 1) между грамматиками предшествовавшаго времени мнѣ не удалось найти ни одной, которая бы начиналась изложеніемъ «философскаго понятія» о языкѣ вообще. Существовали уже философскія грамматики, но онѣ были изданы отдѣльно, въ другомъ порядкѣ и объемѣ. Такихъ грамматикъ новаго времени, гдѣ бы прежде всего шла рѣчь о голосѣ и звукахъ, также не оказалось, за исключеніемъ появившейся еще въ XVII столѣтіи уже упомянутой мною англійской грамматики Валлиса на латинскомъ языкѣ, которая, какъ я уже замѣтилъ, повидимому, не была извѣстна Ломоносову.

Болѣе вѣроятно, что онъ зналъ книгу Бернара Лами *De l'art de parler*, въ которой первая глава разсматриваетъ «органы голоса: какъ образуется слово»; но трудно сказать положительно, чтобъ онъ что-нибудь извлекъ и изъ этой книги, преимущественно посвященной реторикѣ.

2) Куръ-де-Жебеленъ никакъ не могъ служить Ломоносову образцомъ, потому что началъ издавать свои замѣчательные филологическіе труды только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти нашего академика († 1765): по имѣющимъ у насъ показаніямъ каталоговъ, первое сочиненіе названнаго французскаго ученаго, вошедшее въ его многотомный сборникъ *Monde primitif*, появилось не прежде 1773 года. Нѣкоторыя сходныя черты въ трудахъ Ломоносова и Жебелена объясняются знакомствомъ того и другаго съ существовавшею до нихъ грамматическою литературою. Такъ въ своей всеобщей грамматикѣ послѣдній, указавъ на мнѣніе древнихъ объ имени и глаголѣ, прибавляетъ: «все прочія части рѣчи считались у нихъ только подчиненными» (*toutes les autres n'étaient du'en sous ordre*). Мы уже видѣли, что этотъ взглядъ передается и въ нѣкоторыхъ другихъ французскихъ грамматикахъ XVIII вѣка. Ломоносову принадлежитъ въ этомъ случаѣ только счастливый выборъ выраженія *служебныя*

части слова. Но едва ли ему было извѣстно и имя Куръ-де-Жебелена, который родился въ 1725 году и слѣдовательно былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда нашъ академикъ уже собиралъ материалы для своей грамматики.

3) По опредѣленію Ломоносова, русская грамматика «есть знаніе, какъ говорить и писать чисто російскимъ языкомъ *по лучшему, разсудительному его употребленію*». Готшедъ, напротивъ, учитъ, что грамматика есть указаніе, какъ должно правильно и красиво говорить и писать на языкѣ извѣстнаго народа *по лучшему его нарѣчію и по соглашенію лучшихъ его писателей*.

Очевидно, что оба эти опредѣленія расходятся во взглядѣ на основанія правильного обращенія съ языкомъ. Самое слово *употребленіе* показываетъ, что Ломоносовъ въ пониманіи задачи грамматики болѣе приближался къ французамъ, у которыхъ *usage* всегда считался однимъ изъ самыхъ сильныхъ авторитетовъ.

Названный уже выше іезуитъ Бюффѣ, котораго «*Grammaire française sur un plan nouveau*» пользовалась въ XVIII вѣкѣ особеннымъ уваженіемъ, въ началѣ ея подробно разсуждаетъ о значеніи и цѣли грамматики; особенно останавливается онъ именно на употребленіи, и въ главѣ: «Что такое употребленіе и откуда оно берется въ разныхъ языкахъ» замѣчаетъ, между прочимъ: «надобно со всѣми составителями грамматикъ признать, что въ каждомъ языкѣ есть *и хорошее и дурное употребленіе*», и потомъ пространно разбираетъ, въ чемъ заключается хорошее употребленіе. Мы видимъ, что Ломоносовъ точно такъ же обособляетъ въ своемъ понятіи разсудительное и лучшее употребленіе, но въ выводѣ своемъ относительно опредѣленія грамматики онъ стоитъ гораздо выше Бюффѣ, который пришелъ къ такому заключенію: «Грамматика есть сборъ размышлений (*un amas de réflexions*), сдѣланныхъ и приведенныхъ въ порядокъ для преподаванія и изученія языка».

Мы не знаемъ, была ли въ рукахъ Ломоносова грамматика Готшеда, въ первый разъ напечатанная въ 1748 году, т.-е. въ то время, когда нашъ ученый уже былъ занятъ приготовительными работами для своего труда; но во всякомъ случаѣ очевидно, что грамматика Ломоносова оставалась совершенно независимою отъ вліянія Готшедовской. Окончу замѣчаніемъ, что нѣкоторые недостатки первой и та доля заимствованій, какая въ ней оказывается, нисколько не могутъ уменьшать въ нашихъ глазахъ заслугъ Ломоносова по языку: русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ XVIII столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣднія.

Гротъ.

Достоинство и значеніе грамматики Ломоносова.

Въ годъ основанія перваго русскаго университета въ Москвѣ, въ 1755 году, является и первая русская грамматика безсмертнаго Ломоносова, посвященная великому князю Павлу Петровичу. Изданій этой грамматики было при жизни сочинителя и по кончинѣ его — одиннадцать.

Переведена она на нѣмецкій языкъ (1764) Ставенгагеномъ; на французскій въ 1769 году; на новогреческій (1804) Михаиломъ Анастасомъ. Всѣ послѣдующія русскія грамматики должны считать ее своею родоначальницею.

Изъ посвященія можно видѣть, какъ смотрѣлъ Ломоносовъ на грамматику. «Тупа ораторія, — говоритъ онъ, — косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики». — О языкѣ самомъ, котораго употребленіе скрѣплялъ онъ правилами, прибавляетъ: «тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ чело-вѣческихъ обращеніяхъ, имѣють у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. — Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о чело-вѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море».

Грамматика Ломоносова раздѣлена, вѣроятно, по примѣру Квинтиліана, на *наставленія*. Содержаніе шести наставленій въ грамматикѣ слѣдующее: 1) О чело-вѣческомъ словѣ вообще. 2) О чтеніи и правописаніи россійскомъ. 3) О имени. 4) О глаголѣ. 5) О вспомо-гательныхъ и служебныхъ частяхъ слова. 6) О сочиненіи частей слова.

Первое наставленіе, — о чело-вѣческомъ словѣ вообще, — раздѣлено на пять главъ: 1) о голосѣ; 2) о выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ чело-вѣческаго слова; 3) о сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова; 4) о знаменательныхъ частяхъ чело-вѣческаго слова; 5) о сложеніи знаменательныхъ частей слова. Въ этомъ направленіи заключаются основанія общей или философской грамматики.

Въ первой главѣ, о голосѣ, показано измѣненіе его *выходкою, напряженіемъ, протяженіемъ, образованіемъ*.

Выходка состоитъ въ возношеніи и опущеніи голоса, напряженіе въ громкости и тихости, протяженіе въ долготѣ и краткости, образованіе въ отмѣнахъ или измѣненіяхъ голоса, по которымъ мы издали узнаемъ знакомыхъ намъ людей.

Во второй главѣ, о выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ чело-вѣческаго слова, разобраны, во-первыхъ, органы, устроенные для выговора: губы, зубы, языкъ, небо и гортань съ язычкомъ и со скважинами въ ноздри; во-второмъ, буквы, какъ гласныя, такъ и со-гласныя, которыми выражаются нераздѣлимая части слова.

За средоточіе буквъ Ломоносовъ принимаетъ *а*; съ одной стороны этой гласной — *е* и *и*, съ другой — *о* и *у*. То же самое повторяемъ мы и чрезъ сто лѣтъ.

Между гласными различаются *дебелыя*, или тупыя (*а, е, ы, о, у*) и *тонкія*, или острия (*я, ѣ, и, ю, ю*).

Согласныя по органамъ раздѣляются на *губныя* (*б, в, м, п, ф*), *зубныя* (*ж, з, с, ш*), *язычныя* (*д, л, н, р, т, ц, ч*), *поднебныя* (*г, к*), *гортанныя* (*х*).

Съ этимъ раздѣленіемъ вполнѣ согласиться нельзя: буква *и* не просто язычная, а произносится съ содѣйствіемъ носового отверстия, равно *и* и *и* — согласныя сложныя и причисляются къ язычно-зубнымъ по окончательной буквѣ (*те, ти*). Названныя поднебныя буквы: *г, к*, принадлежатъ къ гортаннымъ.

Сверхъ того согласныя *твердыя* (*п, ф, с, ш, р, т, к*) различаются отъ *мяккихъ* (*б, в, м, ж, з, д, л, н, г*).

Въ третьей главѣ, о сложении нераздѣлимыхъ частей слова, рассматриваются *склады* и изъ нихъ составляемыя *реченія*. — Возвышеніе и пониженіе складовъ (№ 31), на чемъ основывается стихосложение тоническое, различено отъ долготы и краткости, свойствъ метрическаго стихосложенія. «Выходка въ различеніи складовъ принимается у всѣхъ извѣстныхъ народовъ, протяженіе у нѣкоторыхъ». Въ слѣдующемъ § 32 упоминается объ удареніи, зависящемъ отъ повышенія и пониженія, «когда въ реченіи одинъ складъ или два (напр., въ нѣмецкомъ языкѣ) выше другихъ голосовъ восходятъ».

Ломоносовъ даже призналъ (§ 34) разность складовъ чрезъ протяженіе въ древнихъ языкахъ — греческомъ и римскомъ, «такъ что и стихотворство ихъ, — говоритъ онъ, — на томъ основано, не взирая на ударенія, которыя посему не такъ чувствительны были, какъ протяженія. Въ нынѣшнее время у европейскихъ народовъ удареніе преимущество одержало».

Столь правильное и ясное воззрѣніе на различіе удареній отъ протяженія имѣлъ гениальный преобразователь языка нашего за сто лѣтъ, между тѣмъ какъ въ двадцатыхъ годахъ происходилъ ученый споръ о томъ, возможенъ ли у насъ гекзаметръ, основанный на протяженіи складовъ, а нѣкоторые даже и въ настоящее время не различаютъ протяженія отъ удареній.

Несмотря на это, самъ великій законодатель языка нашего, излагая правила стопосложенія десятка полтора лѣтъ до грамматики, смѣшалъ метрическое стопосложеніе древнихъ съ тоническимъ, свойственнымъ русскому стиху, и ввелъ въ наше стихосложеніе названіе стопъ греческихъ.

Глава четвертая, — о знаменательныхъ частяхъ челоуѣческаго слова, всегда казалось мнѣ удивительною. Здѣсь Ломоносовъ, какъ въ наше время Беккеръ, за основанныя части слова принимаетъ имя и глаголь: «изображенія словесныя вещей называются *имена*;

напр. небо, вѣтръ, очи; изображенія дѣяній — *глаголы*; напр. синѣеть, вѣеть, видятъ».

Имя (какъ существительное, такъ и прилагательное) и глаголъ (§ 43) называются *знаменательными*, или *главными*, прочія части слова *служебными*. Поэтому Беккеровы *Begriffswörter* и *Formwörter* различены Ломоносовымъ еще за сто лѣтъ.

Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, въ чемъ состоитъ *производство* и *сложеніе* именъ и глаголовъ; *степеней* именъ прилагательныхъ: положительнаго, разсудительнаго и превосходнаго; *чиселъ* и *надежей*, именъ *увеличительныхъ* и *умалительныхъ*, *родовъ*.

Замѣчаніе Ломоносова о родахъ (§§ 58 и 59) показываетъ, что онъ не чуждъ былъ не только философскаго, но и сравнительнаго языкоученія:

«Пристойно кажется, чтобы бездушнымъ вещамъ быть ни мужескаго, ни женскаго, но нѣкоего третьяго рода, каковъ есть у насъ родъ средній: море, небо, сердце, поле. Однако сіе такъ безпорядочно, что и средняго рода имена животныхъ знаменуютъ: дитя, жеребя.

«Хотя раздѣленіе родовъ во многихъ языкахъ употребительно; однако слову человѣческому нѣтъ въ томъ необходимой нужды. Сіе явствуетъ, первое, изъ того, что они безпорядочны, второе, языки только мужескій и женскій родъ имѣютъ, какъ итальянскій и французскій; третіе, въ нѣкоторыхъ языкахъ весьма мало отмѣны или отнюдь нѣтъ никакихъ родовъ раздѣленія. Такъ въ англійскомъ языкѣ роды едва различаются, и то въ нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ. У турковъ и персовъ имена всѣ одного общаго рода».

Временъ въ русскомъ языкѣ принято первую грамматикою нашею десять. *Лица, наклоненія, залож* не представляютъ никакихъ особенностей. *Спряженій* Ломоносовъ принимаетъ два, различая ихъ по 2-му лицу единственнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія. Основаніе вѣрное и русскому языку свойственное.

Глава пятая, о сложеніи знаменательныхъ частей слова, содержитъ начала синтаксиса, т.-е. понятія о *предложеніи простомъ* и *сложномъ*, о *переносѣ* и *опущеніи*. Такъ и въ общесравнительной грамматикѣ, изданной отдѣленіемъ, объясненіе предложенія, предшествуетъ частямъ рѣчи; виды же и всѣ члены предложенія, во всей ихъ подробности, составляютъ предметъ синтаксиса.

Первое наставленіе, излагающее вкратцѣ общую или философскую грамматику, Ломоносовъ заключаетъ словами: «общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова; а особливая, какова россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ по лучшему, разсудительному его употребленію».

Наставленіе второе, о чтеніи и правописаніи россійскомъ, состоитъ изъ пяти главъ.

Первая — о азбукѣ россійской. Считая (§ 85) буквы: і, щ, э, ю, лишними, о буквѣ э Ломоносовъ говоритъ: «Ежели для иностран-

ныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ китайскую».

Двогласныя справедливо раздѣляются на явственныя (*ай, ей, іі* и т. д.) и потаенная (*ь, ю, я*), въ которыхъ *й* сливается съ слѣдующею гласною. Это подраздѣленіе подтверждается другими языками, напр. въ нѣмецкомъ *jeder jugend* представляютъ примѣръ потаенныхъ. — Слоги *ей* (моей), *юй* (воюй), *яй* (присвой) принимаются за троегласныя.

Не ускользнула отъ вниманія Ломоносова и измѣняемость въ словопроизводствѣ и спряженіяхъ буквъ: *г, ж, к, х, ц, ч, ш*.

Вторая глава (§§ 93—100), о произношеніи буквъ російскихъ, можетъ быть переписана въ современныхъ грамматикахъ безъ малѣйшей перемѣны по причинѣ своей вѣрности. О произношеніи буквы *о* безъ ударенія сказано весьма основательно: выговаривается какъ *а*, *нѣсколько смѣшанное* съ *о*, а не просто *а*, какъ учатъ наши грамматикки.

Третья глава о складахъ и реченіяхъ. Здѣсь замѣчательно раздѣленіе реченій на слоги, что необходимо бываетъ при переносѣ ихъ изъ одной строки въ другую, основанное на различеніи *начала, сложенія, окончанія* и *усугубленія* буквъ (§ 102).

Четвертая глава, о знакахъ, ничего особенно замѣчательнаго не заключаетъ.

Пятая глава, о правописаніи, предлагаетъ много любопытныхъ замѣчаній. Между прочими правилами весьма важно слѣдующее: «Чтобъ не закрывались совсѣмъ слѣды произведенія и сложенія реченій». А у насъ были покушенія писать такъ, какъ выговариваемъ.

Московское нарѣчіе (§ 111), «для своей отмѣнной красоты, прочимъ справедливо предпочитается, а особливо выговоръ буквы *о* безъ ударенія много пріятнѣе».

Различіе буквъ *е* и *я* въ родахъ прилагательныхъ: *е* въ мужскихъ, *я* — въ женскихъ и среднихъ, указано Ломоносовымъ (§ 112).

Льчу, льчить отличается правописаніемъ отъ *лечу, летѣть*. О согласныхъ *з* и *с* въ предлогахъ не опущено правило: «писать передъ мягкими *з* — *возному, извергаю*, передъ твердыми *с* — *воскресаю, исчисляю*» (§ 123).

О переходѣ именъ съ предлогами въ нарѣчія преподааны вѣрныя правила (§ 125): 1) когда предлогъ стоитъ не съ пристойнымъ падежомъ, напр. *в-другъ*, ибо и никакой другой предлогъ съ именительнымъ падежомъ не соединяется; 2) когда отъ надлежащаго знаменованія въ сложеніи отходить, напр. *вмѣстѣ*: ибо здѣсь разумѣется купно; и такъ, писать должно — жить *вмѣстѣ* съ братомъ и жить въ *мѣстѣ* многолюдномъ; 3) ежели предлогъ стоитъ передъ именемъ, въ другихъ случаяхъ неупотребительнымъ: *вдоль, вкось*.

Наставленіе третье, о имени, заключается въ семи главахъ. Первая — о родахъ именъ. Увеличительнымъ именемъ: *мужчина*,

старичина, приписанъ женскій родъ, вопреки нашему употребленію; увеличительныя на *ше*: домище, бабище, и т. п., принимаются за средній родъ.

Вторая глава о склоненіяхъ, которыхъ Ломоносовъ принимаетъ пять. Въ продолженіе ста лѣтъ многіе слѣдовали Шлѣцерову раздѣленію всеѣхъ флексій именъ на три склоненія; но теперь, по глубокомъ и подробномъ изслѣдованіи окончаній именъ существительныхъ и прилагательныхъ, мы возвращаемся къ системѣ склоненій творца разсматриваемой грамматики.

Въ третьей главѣ содержатся «особливыя правила склоненій», доселѣ весьма поучительныя и разрѣшающія спорныя грамматическіе вопросы. Такъ напр. нельзя не согласиться съ слѣдующими замѣчаніями (§§ 167—170).

«Происшедшія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣють въ родительномъ *у*, и тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ далѣе отъ славянскаго отходятъ: а славянскія, въ разговорахъ мало употребляемая, лучше удерживаютъ *а*: *размаху, часу, взгляду, визгу, грузу, попреку, переносу, возрасту, виду, трепета.*

«Сіе различіе древности словъ и важности знаменуемыхъ вещей весьма чувствительно, и показываетъ себя нерѣдко въ одномъ имени. Ибо мы говоримъ: Святаго Духа, человѣческаго долга, ангельскаго гласа. Напротивъ того свойственнѣе говорится: розоваго духу, прошлогодняго долгу, птичьяго голосу.

«Имена собирательныя и тѣхъ вещей, которыя по мѣрѣ, по числу или по вѣсу раздѣляются, въ родительномъ больше кончаются на *у*: *анису, бархату, ... воску, ... квасу, ... льду, ...*

«Время и мѣсто значація существительныя по большей части въ род. на *у* склоняются: *базару, берегу... переду... вечеру...*»

Полезно замѣтить и слѣдующій § 184: «предложный единств. п. *ъ* перемѣняетъ часто на *у*, когда значитъ мѣсто или время, а особливо тѣхъ именъ, которыя *у* въ род. имѣють (кромѣ иностранныхъ): на *берегу, на верху, въ вечеру... на лугу., на песку...*»

И здѣсь Ломоносовъ прибавляетъ: «гдѣ російскій языкъ къ славянскому клонится, окончаніе на *ъ* преимуществуетъ... жить въ домъ Бога вышняго...»

Четвертая глава: о уравнианіяхъ.

Нельзя не остановиться на § 220. «Нѣкоторыя прилагательныя по разности знаменованія имѣють разныя разсудительныя (сравнительныя ст.): добръ, т.-е. хорошъ, — лучше, а добръ, или милостивъ, — добрѣе; красенъ, т.-е. цвѣту краснаго, — краснѣе, а красенъ или пригожь, — краше».

Въ пятой главѣ излагается «произвожденіе притяжательныхъ, отечественныхъ и отеческихъ именъ, и женскихъ отъ мужскихъ».

Одно замѣчаніе объ именахъ отечественныхъ, или родину значащихъ, можно внести и въ наши грамматики, именно (§ 229): «Многіе мѣста именъ отечественныхъ не имѣють, а особливо не-

знатныя: Клинь, Можайскъ, Верея и проч., и для того лучше употребляются оныя имена въ род. ед. съ предлогомъ *изъ*: изъ Клина, изъ Можайска, изъ Вереи».

Шестая глава: о именахъ увеличительныхъ и умалительныхъ.

Говоря объ окончаніяхъ на *ишко* и *енцо*, Ломоносовъ прибавляетъ, что эти имена «рода суть сомнительнаго, т.-е. иные сочиняютъ съ ними прилагательныя по родамъ именъ, отъ коихъ умалительныя происходятъ: нашъ столишко, наша скатертишко, старое пивенцо» (§ 246).

Седьмая глава: о именахъ числительныхъ.

Не укрылось отъ вниманія Ломоносова различіе, происходящее отъ ударенія, числительныхъ (§ 258): девятью, пятью, десятью, и дѣвятю, пѣтью, дѣсѣтью; первыя суть творительныя падежи, другія — нарѣчія.

Наставленіе четвертое: о глаголѣ.

Въ этомъ наставленіи заключается пять главъ. Первая глава — о свойствахъ глагола вообще.

Это наставленіе слабѣе другихъ, хотя и тутъ встрѣчаются слѣды гениальнаго устроителя языка. Главный недостатокъ изслѣдованій о глаголѣ происходитъ отъ опущенія видовъ, которые различены были Мелетіемъ. «Виды глагола суть два — говорить онъ (л. 110, изд. 1721): — первообразный, иже и совершенный, яко: чту, стою и проч., и производный. Производный сугубъ есть: онъ убо начинательный, яко: читаю, вставаю, побучаю и проч.» Взамѣнъ видовъ въ грамматикѣ нашей принято десять временъ: восемь отъ простыхъ, два отъ сложныхъ. Отъ простыхъ: 1) настоящее (бросаю), 2) прошедшее неопредѣленное (бросалъ), 3) прошедшее однократное (бросилъ), 4) давнопрошедшее первое (брасывалъ), 5) давно прошедшее второе (бывало бросалъ), 6) давнопрошедшее третіе (бывало брасывалъ), 7) будущее неопредѣленное (буду бросать), 8) будущее однократное (брошу). Отъ сложныхъ: 9) прошедшее совершенное (написалъ) и 10) будущее совершенное (напишу).

Удивительно, что самый проницательный умъ не замѣтилъ ложность этой системы, въ чемъ послѣднія два времени особенно должны были убѣдить. Такъ какъ систему десяти временъ весьма немногіе глаголы оправдывали, то Ломоносовъ принужденъ былъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: «Въ російскомъ языкѣ глаголы почти всѣ неполныя, т.-е. либо прошедшаго однократнаго, либо совершеннаго, либо давно-прошедшаго времени и отъ нихъ происходящихъ не имѣютъ». То же повторяется въ § 425. По этой самой причинѣ онъ различалъ въ неокончательномъ наклоненіи три наклоненія: неопредѣленное, однократное и сомнѣнное.

Спряженія установлены Ломоносовымъ правильно. Оно принимаетъ два спряженія и различаетъ ихъ, согласно съ свойствомъ русскаго языка, по окончаніямъ изъяв. н. наст. вр. ед. ч. 2-го лица: перваго глаголы кончаются на *ешь*, втораго на *ишь*. Послѣ много-

различных системъ русскаго глагола, мы въ спряженіяхъ соглашаемся съ нашею грамматикою, принимая только *виды*, вмѣсто десяти временъ.

Глава вторая: о первомъ спряженіи простыхъ глаголовъ. Какъ внимательно отдѣлялъ Ломоносовъ русскій языкъ отъ старославянскаго, видно изъ многочисленныхъ замѣчаній въ его грамматикѣ. Къ наблюденіямъ этого рода принадлежитъ и слѣдующее касательно дѣепричастія (§§ 351 и 388):

Дѣепричастія на *ючи* пристойнѣе у точныхъ російскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ славянскихъ происходятъ; и противъ того дѣепричастія на *я* употребительнѣе у славянскихъ нежели у російскихъ. Напримѣръ, лучше сказать «толкаячи», нежели «толкая»; но напротивъ того лучше употребить «дерзая», нежели «дерзаючи».

Пригоденъ и намъ § 358, касающійся употребленія возвратныхъ глаголовъ.

«Весьма обманывались многіе, употребляя возвратный глаголь мѣсто страдательнаго; ибо они думали, что *сь* или *ся* всегда ту же силу имѣеть; какъ латинское *г*, напримѣръ слушаю, слушаюсь, что весьма несправедливо; ибо слушаю *сь* приложеніемъ *сь* не токмо страдательнаго знаменованія не имѣеть, но и совсѣмъ въ другомъ разумѣ употребляется. Слушаю значить *audio*, а слушаюсь *obedio*, повинуюся. Прямой страдательный залогъ состоитъ изъ причастій страдательныхъ и глаголовъ вспомогательныхъ. Прибавленіе *сь* или *ся* разныя знаменованія въ глаголахъ производить: 1) глаголы возвратные — мѣю, мѣюсь; 2) взаимные — бѣю, бѣюсь; перемѣняются знаменованія — пеку, пекусь стать, статьясь.

Въ главахъ: третьей, о второмъ; спряженіи простыхъ глаголовъ, четвертой: — о глаголахъ сложныхъ обоого спряженія, и въ пятой: — о неправильныхъ и неполныхъ глаголахъ обоого спряженія, не заключается ничего особенно замѣчательнаго.

Оканчивая правила о глаголахъ (§ 422), Ломоносовъ упоминаетъ и объ особомъ свойствѣ языка нашего — сокращеніи прошедшихъ неопредѣленныхъ для означенія дѣйствія скороаго: глядь, брякъ, хватъ, совъ, пыхъ, отъ глядѣль, брякаль, хваталь, соваль, пыхаль (Общ. ср. гр. § 343).

Наставленіе пятое: о вспомогательныхъ или служебныхъ частяхъ слова.

Оно состоитъ изъ шести главъ. Первая — о мѣстоименіи. Здѣсь личныя мѣстоименія: *я*, *ты*, *онъ*, и опредѣлительное: *самъ* — смѣшиваются съ указательными: *сей*, *тотъ*; неопредѣлительныя: *никто*, *ничто*, *нѣкоторый* совсѣмъ не упоминаются. О нихъ, какъ о сложныхъ мѣстоименіяхъ, говорится въ § 432.

Вторая глава о причастіи. Справедливо замѣчаніе о настоящихъ причастіяхъ дѣйств. глаг. на *щій* «производятся отъ глаголовъ славянскаго происхожденія: вѣнчающій, питающій; а весьма непристойно

отъ простыхъ россійскихъ, которые у славянъ неизвѣстны: чавкающій» — Но прошедшія неопредѣленныя страдательныя причастія (§ 441) весьма употребительны, какъ отъ новыхъ россійскихъ, такъ и отъ славянскихъ глаголовъ произведенныя: питанный, вѣнчанный... Разницу одиизъ отъ другого ту имѣютъ, что отъ славянскихъ происшедшія лучше на *ий*, нежели на *ой*, простыя россійскія приличнѣе на *ой*, нежели на *ий*, кончатся. Первыя склоняются какъ настоящія, другія въ род. ед. муж. и ср. приличнѣе *ого*, нежели *аго* принимаютъ. Также и на концѣ одинъ *и* имѣютъ».

Въ главѣ третьей, о нарѣчїи, полезно замѣчаніе (§ 454), что нѣкоторыя имена, имѣющія одинъ только творительный падежъ, можно почитать за нарѣчїя: нарокомъ, назоромъ, урывомъ.

Въ четвертой главѣ, о предлогѣ, не пропущенъ переходъ предлоговъ въ нарѣчїя. «Ибо говоримъ: прежде времени, внутри дома, подлѣ берега... Здѣсь видимъ силу предлоговъ (т.-е. управленіе падежами). Но въ выраженїяхъ: я былъ прежде здоровъ; останься внутри; не стой подлѣ... нарѣчїя находимъ» (Общ. ср. гр. § 271).

Въ пятой, о союзѣ, кромѣ простыхъ и сложныхъ союзовъ, принимаются *двуръчные*: прежде, нежели; если, то; того ради. О томъ, что «нарѣчїя силу союзовъ приобрѣтаютъ», сказано въ § 461.

Въ шестой, о междометїи, эта часть рѣчи раздѣлена на междометїя свойственныя и заимственныя. «Свойственныя состоятъ сами собою: ой, ба; заимственныя приемятся отъ другихъ частей слова, или изъ нихъ составляются: горе, куда, о какъ!»

Наставленіе шестое: о сочиненїи частей словъ. Она состоитъ изъ пяти главъ: Первая — о сочиненїи частей слова вообще ничего особенно занимательнаго не заключаетъ. Вторая — о сочиненїи именъ. Въ § 481, къ правилу о сочиненїи числительныхъ: два, три, четыре, для ясности весьма основательно прибавлено: «но въ косвенныхъ падежахъ склоняются согласно во множественномъ числѣ: двухъ свѣтилъ, тремъ лицамъ, четырьмя частями».

Третья глава: о сочиненїи глаголовъ. Ломоносовъ осуждаетъ употребленіе предлога *чрезъ* вмѣсто *отъ* «намъ то, — говоритъ онъ, — несвойственное и со французскаго языка принужденное употребленіе».

Хотя въ § 358 сказано было, что страдательные глаголы не производятся приложенїемъ *ся* къ дѣйствительнымъ, однако въ § 444 говорится, что въ нѣкоторыхъ къ славянскому свойству склоняющихся выраженїяхъ на *ся* кончающіяся страдательныхъ силу имѣютъ: вина ему отъ насъ прощается; онъ отъ насъ превозносится». Затѣмъ въ § 445 прибавлено: «по сему явствуетъ, коль прилежно смотрѣть должно, чтобъ различить тѣ возвратные глаголы, которые вмѣсто страдательныхъ употреблены быть могутъ, отъ тѣхъ, которыя сего отнюдь не терпятъ».

Далѣе, въ § 446: «Для избѣжанія въ семъ погрѣшностей два способа вижу: 1) славянскія реченїя больше позволяютъ употребленіе возвратныхъ, вмѣсто страдательныхъ; 2) ежели творитель-

ный падежъ не такъ какъ лицо, но въ силѣ орудія представляется, то страдательнаго силу возвратный глаголъ имѣть можетъ: дерева вѣтромъ *качаются*».

Замѣчаніе § 463 весьма полезно: неокончателное неопредѣленное, съ приложеніемъ прошедшаго *было*, имѣетъ силу начинательнаго глагола: мнѣ было говорить, т.-е. я хотѣлъ только начать говорить. А когда *было* назади поставится, значить раскаяніе въ томъ, что не сдѣлалось: говорить *было*, писать *было*.

Въ § 466 Ломоносовъ упрекаетъ тѣхъ, которые по свойству чужихъ языковъ дѣепричастія, отъ глаголовъ личныхъ лицами раздѣляютъ, тогда какъ дѣепричастіе должно въ лицѣ согласоваться съ главнымъ глаголомъ личнымъ... Но многіе въ противность сему пишутъ: идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель». А у насъ черезъ сто лѣтъ тѣ же повторяются ошибки, и не только въ устной рѣчи, но и на письмѣ.

Ломоносовъ сожалѣетъ (§ 467), что изъ обычая и употребленія вышло славянское въ сочиненіи глаголовъ свойство, когда вмѣсто дѣепричастій дательный падежъ причастій полагался, который служилъ въ разныхъ лицахъ: *ходящу мнѣ* въ пустынѣ; *бывишу мнѣ* на морѣ». Эта «потерянная краткость и красота», по выраженію Ломоносова, доселѣ въ русское слово не возвращается.

«Буду (§ 469) сопрягается съ дѣйствительными и со страдательными равномѣрно: буду писать, буду писанъ; но хотя *стану писать* есть правильно, однако не говорится: *станеть написано*». Въ нашихъ грамматикахъ послѣднее правило опущено.

Отъ неразличенія видовъ въ русскихъ глаголахъ творецъ первой грамматики нашей всякій разъ приходитъ въ затрудненіе, когда надобно проводить глаголъ чрезъ десять временъ. Такъ, § 470 принужденъ сказать, «что не со всѣми неокончателными наклоненіями вспомогательные глаголы сочиняются, не токмо съ неопредѣленными: стану писать, буду вертѣть; а стану написать, стану вернуть, буду писывать, вертывать, весьма неупотребительны». Принявъ въ глаголы *виды*, онъ не встрѣтилъ бы этихъ недоразумѣній и не имѣлъ бы надобности въ подобныхъ исключеніяхъ.

Не забыто и перифрастическое спряженіе (§ 471), которое здѣсь приписывается просторѣчію, между тѣмъ какъ въ общесравнительной грамматикѣ заимствованы примѣры этихъ оборотовъ изъ современныхъ писателей, именно: бывало *станеть* сказывать, а мы *смѣемся*; или — бывало *станеть* сказывать, а мы *засмѣемся*; или — бывало *придетъ* и что-нибудь *скажетъ*.

Глава четвертая: о сочиненіи вспомогательныхъ частей слова.

Для нашихъ грамматикъ пригодно правило § 474: «Первообразныя мѣстоименія дательнаго падежа, мнѣ, тебѣ, себѣ, вмѣсто производныхъ мой, твой, свой, во всякомъ родѣ и числѣ, съ существительными въ именительномъ падежѣ произносимыми сочиняются:

онъ мнѣ отецъ, тебѣ братъ, самъ себѣ вдругъ, мѣсто: мой отецъ, твой братъ, свой другъ».

Равно и слѣдующее замѣчаніе (§ 495): «предлоги повторяются передъ существительнымъ и прилагательнымъ, особливо въ пѣсняхъ: на горѣ на высокой, по морю по синему».

Въ главѣ пятой, о сочиненіи частей слова по разныхъ обстоятельствахъ, достойны замѣчанія слѣдующія правила:

§ 507. «Имена городовъ, по рѣкамъ проименованныхъ, полагаются въ предложномъ падежѣ съ предлогомъ *на*: на Дону жить, на Москвѣ весело».

§ 513. «Которые на вопросъ *идь* предложный имѣютъ съ предлогомъ *ни*, тѣ на вопросъ *куда* требуютъ винительнаго съ тѣмъ же предлогомъ: ѣхать на Вятку, на Покровку, на Охту».

Пятою главою шестого наставленія оканчивается грамматика Ломоносова.

Разсмотрѣвъ этотъ важный трудъ творца первой нашей грамматики съ достаточною подробностью, еще съ большею основательностью можетъ повторить выше упомянутое положеніе, что Ломоносову предстояло все создать самому, какъ въ различеніи русскаго языка отъ старославянскаго, такъ и въ усвоеніи книжному языку нѣкоторыхъ формъ и реченій языка народнаго. Разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ въ нашемъ языкѣ, онъ говоритъ: «россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго перковь россійская славословіемъ Божиимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ». Всѣ основныя правила языка повторялись послѣдовавшими за нимъ издателями грамматикъ, съ весьма немногими измѣненіями и дополненіями; вѣрность же расположенія грамматики, начинающейся съ философскаго понятія о человѣческомъ словѣ, даже немногими была замѣчена. Современники его вовсе не признавали достоинства этого труда. Сумароковъ, во 2-мъ примѣчаніи своемъ о правописаніи, § 2, почти на каждой страницѣ укоряя Ломоносова, между прочимъ, къ вѣчному стыду своему, сказалъ: «грамматика Ломоносова никакимъ ученымъ собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ московское нарѣчіе въ холмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка». Но и этотъ холмогорецъ хорошо понималъ Сумарокова. «Спрашивалъ я г. Ломоносова, — рассказываетъ тутъ же Сумароковъ, — ради чего онъ *ф*, а не *ѳ* оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако (разумеется, издѣваясь надъ вопрошавшимъ): *эта литера стоитъ подпершися, и слѣдовательно бодрѣ*». Напротивъ, мы, чрезъ сто лѣтъ разсматривая эту грамматику въ связи съ предположенными имъ «филологическими изслѣдованіями и показаніями», къ дополненію грамматики надлежащими, должны сознаться, что въ сущности и въ грамматическихъ началахъ къ великому холмогорцу ничего прибавить не можемъ.

Таковы достоинства и значеніе грамматики Ломоносова. Столь великій подвигъ могъ совершить только поэтъ и витія, подавшій, вмѣстѣ съ грамматикою, образцы поэзіи и краснорѣчія, потому что самый языкъ есть поэзія первоначальная. *Давыдовъ.*

Реторика Ломоносова.

Изъ литературныхъ трудовъ Ломоносова, появившихся въ печати въ 1748 году, самымъ виднымъ было «Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится Реторика, показывающая общія правила обоего краснорѣчія, то-есть ораторіи и поэзіи, сочиненная въ пользу любящихъ словесныя науки. Труды Михаила Ломоносова Императорской Академіи наукъ и Историческаго собранія члена, химіи профессора. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ 1748 года».

Изъ сохранившагося донинѣ риторическаго учебника, писаннаго Ломоносовымъ въ бытность его въ Московской духовной школѣ, видно, что онъ при составленіи реторики не забылъ своего прежняго школьнаго руководства. Впрочемъ, подобные учебники были сколкомъ съ реторикъ Кауссина и Помея, и митрополитъ Евгений первый указалъ, что Ломоносовская реторика выбрана изъ сочиненій сейчасъ названныхъ писателей. Въ одномъ разборѣ Смирдинскаго собранія сочиненій Ломоносова указано и третье произведеніе, изъ котораго онъ заимствовалъ риторическія правила — это Готшеда *Ausführliche Redekunst*. По свидѣтельству г. Будиловича, параграфы «о сопряженіи простыхъ идей» и «объ изобрѣтеніи доводовъ» взяты у Вольфа.

Итакъ, Ломоносовская реторика со стороны своего содержанія не представляетъ ничего такого, что отличалось бы самостоятельностью. Впрочемъ, она въ русской литературѣ имѣетъ особенное значеніе по другимъ причинамъ. Прежде всего это была первая реторика на русскомъ языкѣ, такъ какъ до того времени въ нашихъ школахъ эта наука преподавалась не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ. Во-вторыхъ, въ подтвержденіе правилъ и для образца здѣсь приведены отрывки и цѣлыя произведенія въ стихахъ и прозѣ, переводныя и оригинальныя. Эти-то особенно примѣры и дѣлали реторику Ломоносова неопѣненною во время появленія ея въ свѣтъ, когда вовсе не было почти книгъ для легкаго чтенія. Поэтому нисколько не удивительно, что долгое время и послѣ Ломоносовская реторика была не только учебникомъ, но и сборникомъ образцовъ всего лучшаго изъ того, что тогда представляла небогатая русская литература. Замѣчательно еще въ этой реторикѣ и то, что переводчиковъ и авторовъ всѣхъ возможныхъ примѣромъ и образцовъ совмѣщало въ себѣ одно лицо — Ломоносовъ! Не удивительно поэтому слова Татищева, который писалъ вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этого

произведенія Ломоносова: «нашъ языкъ многихъ полнѣе и плодovitѣе, и мнѹ, что въ философіи, математикѣ и прочихъ наукахъ не хуже французскаго и германскаго, но еще кратче изъяснить можемъ, что нѣкоторые члены русской Академіи изданіемъ преизрядныхъ книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изрядная Реторика и другія, якоже Тредіаковскаго и господина Сумарокова стихотворныя хвалы достойны». Не только одни современники Ломоносова, но и потомки, нѣсколько лѣтъ послѣ уже появленія въ свѣтъ его реторики, отзывались о ней не иначе какъ съ восхищеніемъ. «Правда, — говоритъ, напримѣръ, Севергинъ¹⁾, — что правила изобрѣтенія идей, украшенія и расположенія слова у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ почти одинаковыя, но Ломоносовъ былъ первый, который и въ семь поприщѣ лучшія проложилъ стези на російскомъ языкѣ. И хотя послѣ него многія изданы подобныя руководства, но твореніе Ломоносова служило имъ всегда основаніемъ; и не взирая на оныя, любители словесности не престають донинѣ читать его реторику и образовывать себя по оной. Ибо никто почти не былъ столь счастливъ въ выборѣ примѣровъ, особливо въ наполненіи періодовъ и распространеніи слова, въ возбужденіи страстей, въ вымыслахъ и вообще въ украшеніи и расположеніи. Здѣсь должны мы наипаче удивляться изяществу его вкуса, ибо всѣ его примѣры сильны, ясны и привлекательны, а нѣкоторые неподражаемы...» Затѣмъ въ примѣръ приведено описаніе пѣнія соловья, оказавшееся, впрочемъ, заимствованнымъ изъ Плинія.

Пекарскій.

Реторика Ломоносова.

Реторика Ломоносова высоко цѣнилась современниками. Существуетъ даже благосклонный о ней отзывъ В. Н. Татищева. Говоря въ своей «Россійской исторіи» о русскомъ языкѣ, Татищевъ прибавляетъ, что высокое его достоинство «нѣкоторые члены русской Академіи изданіемъ изрядныхъ книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изрядная «Реторика» и другое». Самый вѣрный отзывъ о «Реторикѣ» Ломоносова сдѣланъ митрополитомъ Евгеніемъ: «Сія книга была первою на російскомъ языкѣ о сей наукѣ, ибо въ школахъ дотолѣ преподавали оную только на латинскомъ. Правда, Ломоносова «Реторика» собрана изъ тѣхъ же классическихкихъ книгъ, и наипаче изъ латинской Кауссиновой большой и Помеевой «Реторики», и вся составлена только изъ общихъ правилъ съ подведеніемъ только нѣкоторыхъ російскихъ примѣровъ подлинниками и переводами — изъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ пи-

¹⁾ Слово похвальное Ломоносову, читанное въ Императорской Россійской Академіи В. Севергинымъ. С.-Петербургъ, 1805 г., стр. 31, 32.

сателей. Но сіи-то примѣры были новостію для желающихъ знать красоту російскаго слога. Ломоносовъ не только съ разборчивымъ вкусомъ выбралъ примѣры, но и чужестранныхъ переводилъ съ мастерскимъ искусствомъ».

Этотъ общій отзывъ требуетъ только незначительныхъ измѣненій, чтобы сдѣлаться прочнымъ достояніемъ науки. Дальнѣйшее наше изложеніе частію подтвердить, частію пополнить его.

Митрополитъ Евгеній былъ совершенно правъ, сказавши, что «Реторика» Ломоносова не есть трудъ самостоятельный. Оригиналь правилъ и примѣровъ, принятыхъ имъ въ свой курсъ, можно найти всего болѣе въ огромной, хотя и нескладной «Реторикѣ» Кауссина и отчасти въ «Реторикѣ» Помея; глава о возбужденіи страстей, хотя, по словамъ Ломоносова, и основана на философскомъ ученіи о нравахъ, но большею частію заимствована изъ книги Готшеда: «*Ausführliche Redekunst*», въ которой, впрочемъ, этотъ вопросъ изложенъ тоже не самостоятельно, а по Кауссину, съ примѣненіемъ къ Аристотелю; понятія логическія «о сопряженіи простыхъ идей» (§ 46 и слѣд.) и «объ изобрѣтеніи доходовъ» (§ 93) взяты Ломоносовымъ у Вольфа; въ общемъ же расположеніи онъ слѣдовалъ русскимъ школьнымъ реторикамъ, изъ которыхъ одна, извѣстная въ рукописи конца XVII вѣка (послѣ 1696 года) хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ, подъ № 1663, особенно поражаетъ своимъ сходствомъ съ учебникомъ Ломоносова. Такимъ образомъ «Реторика» Ломоносова напоминаетъ мозаическую картину: съ разныхъ сторонъ подбиралъ онъ раскрашенные камешки, но ему принадлежитъ ихъ группировка, совершенно оригинальная, или, по крайней мѣрѣ, очень отличная отъ расположенія тѣхъ матеріаловъ въ источникахъ.

Кауссинъ начинаетъ свою «Реторику», подобно Ломоносову, общими замѣчаніями о краснорѣчьи, а въ III главѣ трактуетъ *de adminiculis ad comparandam eloquentiam—ingenio, imitatione*, о чемъ и Ломоносовъ говоритъ во вступленіи. Далѣе, у Кауссина, какъ и Ломоносова, слѣдуютъ главы объ изобрѣтеніи, объ украшеніи и о расположеніи—*de inventione* (с. IV), *de elocutione* (с. VII) и *de distributione* (с. VI); но онѣ отличаются отъ Ломоносовскихъ расположеніемъ и объемомъ. *Amplificatio* (с. V) у Кауссина отдѣлено отъ *inventionis* (с. IV). Глава *de affectibus* (с. VIII) у Ломоносова вошла въ ученіи объ изобрѣтеніи.

Наконецъ, у Кауссина осталась, отвергнутая Ломоносовымъ, глава *de pronuntiatione* (с. IX), излагающая совершенно внѣшнія правила о жестикуляціи, выраженіи лица и т. д. Остальныя семь главъ Кауссина (сс. X—XIV) о краснорѣчьи судебномъ, гражданскомъ и церковномъ должны были у Ломоносова войти въ особый учебникъ «Ораторію». Еще менѣе удовлетворился Ломоносовъ расположеніемъ реторики Помея. Она не отличается ни полнотою ни стройностію. Въ началѣ ея помѣщены *progymnasmata aphonis*—ученіе о хриі, и только во 2-й части находится собственно опредѣленіе реторики.

Здѣсь собственно три части—*inventio*, *elocutio* и *amplificatio*, но онѣ не вполне соотвѣтствуютъ составу реторики Ломоносова: третья часть реторики Поменя заключается у Ломоносова въ первой. Того, что у Кауссина названо *dispositio*, у Поменя совсѣмъ не существуетъ. Оканчивается его «Реторика» такъ же произвольно, какъ и начата, разсужденіемъ *de panegyricis*. Наиболѣе напоминаетъ «Реторику» Ломоносова своимъ содержаніемъ и расположеніемъ названная уже русская: «Реторика, словенски—краснорѣчіе». Тутъ, какъ и у Ломоносова, три главныхъ части—изобрѣтеніе, красноглаголаніе (оно поставлено третьимъ) и расположеніе. Вначалѣ, какъ и у Ломоносова, поставлено ученіе о естествѣ, или объ условіяхъ реторической мудрости, которыхъ признается, согласно съ Ломоносовымъ, четыре: 1) природное дарованіе, 2) наука, 3) частное употребленіе и 4) подражаніе. Въ главѣ объ изобрѣтеніи помѣщено ученіе о мѣстахъ, о расположеніи по силлогизму и т. д. Въ главѣ о красноглаголаніи говорится о тропахъ и фигурахъ словъ и реченій; то и другое какъ у Ломоносова. Въ заключеніи говорится о трехъ родахъ глаголанія (у Ломоносова *итили*) и, наконецъ, чего у Ломоносова уже нѣтъ,—о разставленіи точекъ и произвѣщеніи. Изложеніе этой рукописной реторики стройно и цѣльно: есть въ ней замѣтки, еще болѣе сближающія взглядъ автора съ Ломоносовскимъ, въ родѣ слѣдующей: «Реторика—рука великаго ума, яже состоитъ паче вещьми и разумы, неже словцами».

Принимая эту именно систему изложенія, Ломоносовъ, вѣроятно, руководствовался воспоминаніями школы; факты учебниковъ скоро вывѣтриваются, но схема твердо запечатлѣвается въ умѣ, и новопріобрѣтенныя данныя уже помѣщаются въ данномъ порядкѣ. По отношенію къ работѣ Ломоносова это было тѣмъ легче, что, при собираніи матеріаловъ для «Реторики», онъ, повидимому, прибѣгъ къ обычному своему механическому приему выписокъ, которыя у него въ новой обстановкѣ получили значеніе, далеко отличное отъ первоначальнаго: одни и тѣ же примѣры послужили подтвержденіемъ различныхъ правилъ. Что касается способа переводовъ, то они всегда у Ломоносова точны и близки къ подлиннику, такъ что у него всегда можно отличить переводъ съ подлинника и переводъ съ чужого перевода; такъ, напримѣръ, видно, что въ § 113 переведено съ греческаго при помощи нѣмецкаго перевода, а въ § 114 переведено съ латинскаго подлинника, но при соображеніи того же мѣста у Готшеда. Съ греческаго подлинника, кажется, нѣтъ переводовъ, по крайней мѣрѣ, переводы изъ *Иліады* (§ 114) и пр. настолько далеки отъ подлинника, что ихъ нельзя считать сдѣланными прямо съ него. Переводя съ буквальной точностію, безъ всякихъ измѣненій и добавленій, Ломоносовъ считалъ себя, однако, въ правѣ дѣлать выборъ примѣровъ, сокращалъ ихъ и иногда даже составлялъ одинъ изъ двухъ чужихъ: въ § 58 описаніе пѣніе соловья составлено одно изъ двухъ описаній—Геснера и Плинія; замѣ-

чателень пріемъ Ломоносова въ переводѣ отрывка изъ Энеиды, въ § 314:

Изъ какой вы земли, и коего народа,
И съ миромъ ли вы къ намъ, или пришли съ войною.

Этотъ переводъ живо напоминаетъ извѣстные обороты рѣчи въ русскихъ былинахъ.

Въ выборѣ примѣровъ Ломоносовъ предпочиталъ мѣста изъ древнихъ или новыхъ классиковъ и отцовъ Церкви образцамъ, нарочно сочиненными риторамъ. Онъ прямо говоритъ: «Хотя у древнихъ учителей краснорѣчія о хриі правилъ не находимъ, однако не мало есть оныя примѣровъ въ ихъ сочиненіяхъ. Правда, что онѣ, по большей части, не полны и не порядочны, однако мнѣ разсудилось, что для образца лучше предложить оныя, нежели по предписаннымъ отъ Антонія Софиста правиламъ строго отъ новыхъ авторовъ сочиненныя, изъ которыхъ почти ни единой путной видать мнѣ не случалось».

Кромѣ классическихъ писателей, примѣры витійства, по мнѣнію Ломоносова, можно найти въ «славянскихъ церковныхъ книгахъ» (§ 147). Попадаютъ у него также примѣры изъ народныхъ пословицъ: «И всякъ спляшетъ, да не такъ, какъ скоморохъ. Молебень пѣть, да пользы нѣтъ. Либо полонъ дворъ, либо корень вонъ» (§ 192). Наконецъ, между примѣрами множество такихъ, при которыхъ не указано, кому они принадлежатъ. Мы склонны приписать ихъ самому Ломоносову, какъ, на примѣръ, ему принадлежатъ не вошедшіе въ собраніе его сочиненій стихи, сочиненные въ Петѣргофѣ 1759 года (§ 270), три басни въ концѣ «Реторики»: «Волкъ въ пастушьемъ платьѣ» (§ 306), «Сварливая жена» (§ 307) и «Старикъ и осель» (§ 308). Точно такъ же мы считаемъ оригинальными стихи въ § 62: «Ужъ солнышко спустилось», и четверостишіе въ § 140: «Невсякъ ли говорить?» Наконецъ, по собственному указанію Ломоносова, имъ сочинены два примѣра: 1) примѣръ полной и правильной хриі на тему Віантовой рѣчи (§ 264) и 2) примѣръ расположенія къ силлогизму на тему о разумности устройства міра (§ 271). Но мы не рѣшаемся сказать того же о другихъ примѣрахъ, которыхъ источникъ не указанъ и не найденъ; иначе мы должны бы признать оригинальнымъ примѣръ о пѣніи соловья (§ 58) или эпиграмму: «Въ тополевоу тѣни» (§ 141), тогда какъ первый принадлежитъ Геснеру и Плинію, а вторая — Марціалу. Вѣроятно, подготовительныя выписки дѣлались Ломоносовымъ безъ отмѣтки источниковъ и въ такомъ видѣ вошли въ «Реторику»: въ § 66 стихотвореніе «О веснѣ послѣ зимы», очевидно, заимствовано изъ классической литературы, но при немъ не сдѣлано никакой цитаты, — это, однако, не ручается еще за оригинальность стиховъ. Въ отношеніи теоретической части «Реторики» мы должны замѣтить, что если бы считать оригинальнымъ все то, источникъ чего еще не отысканъ, то сравнительно наиболѣе

оригинальною частью должно назвать главу «о изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей слѣдующую» главу «о вымыслахъ» и послѣднія главы: «о расположеніи по хріи, силлогизму и разговору» и «о расположеніи описаній и періодовъ». Напротивъ того, всего менѣе оригинальными должно считать главы о тропахъ и фигурахъ. Несомнѣнно нужно приписать Ломоносову много частныхъ замѣтокъ, которыми онъ сопровождалъ правила и цѣлыя главы, выражая гдѣ-нибудь въ заключеніе своей скептической взглядъ на практическое значеніе этихъ же правилъ, или повторяя настойчивыя убѣжденія не довѣряться теоріи, а больше учиться изъ опыта, не насиловать мысли механическою формальностью изложенія и не увлекаться пристрастіемъ къ реторической фигуральности и игрушкамъ. Приведемъ образцы подобныхъ замѣтокъ.

1) «При всѣхъ реторическихъ правилахъ примѣры великое онымъ подаютъ изъясненіе (§ 289). Сіи правила объ украшеніи описаній предложены больше для того, чтобы всякъ, читая историческія и другія описанія и повѣствованія богатыя книги, примѣчалъ въ нихъ то, что ихъ особливо украшаетъ. Кто сіе наблюдать будетъ, тотъ много найдетъ, чего ни въ какихъ реторическихъ правилахъ нѣтъ, и для того правила для себя по найденнымъ примѣрамъ составить или одни примѣры въ свою пользу употреблять можно».

За главой о сопряженіи идей находимъ слѣдующее заключеніе: «При сопряженіи простыхъ идей не должно себя излишне принуждать, чтобъ онѣ токмо по предложеннымъ (§ 27) правиламъ сопряжены были; надлежитъ стараться, чтобы изъ соединенія оныхъ происходили натуральныя и съ разумомъ согласныя мысли, а не принужденныя или ложныя и вздорныя». Всѣдъ за ученіемъ о распространеніи сказано: «Распространенія искусному слуху скучны и несносны и развѣ тѣмъ только показаться могутъ, которые любятъ, чтобы имъ объ одномъ десятью сказывали» (§ 51).

Въ главѣ о пополненіи періодовъ съ нѣкоторою злостью замѣчено: «Надлежитъ поступать осторожно, чтобы не родились подлыя и смѣшныя реченія игрушки, что нерѣдко случается въ именахъ, чрезъ предложеніе письменъ производныхъ, которыя анаграммами называются» (§ 60).

Предлагая правила объ изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей, Ломоносовъ сдѣлалъ оговорку: «Сіе показываемъ не съ такимъ намѣреніемъ, чтобы учащіеся мѣры не знали и слѣдовали бы нынѣшнимъ италіанскимъ авторамъ, которые, силясь писать всегда витіевато и не пропустить единой строки безъ острой мысли, нерѣдко завираются» (§ 130; ср. §§ 146 и 180).

Наконецъ, въ «Реторикѣ» попадаются замѣтки о предметахъ, собственно выходящихъ изъ круга излагаемыхъ свѣдѣній: на примѣръ, замѣтка о номиналистахъ и реалистахъ (§ 32); но онѣ нашли себѣ мѣсто здѣсь только при взглядѣ Ломоносова на реторику, какъ на энциклопедію необходимыхъ знаній. Опредѣленіе родовъ словесности

(§ 151) тоже отчасти заходить въ область піитика. Въ томъ же параграфѣ интересенъ взглядъ Ломоносова на народныя сказки, при чемъ названа «сказка о Богѣ».

Будиловичъ.

Взглядъ Ломоносова на поэзію.

Понятія Ломоносова о поэзіи были не многимъ выше, чѣмъ понятія его современниковъ. Въ опредѣленіи поэзіи Ломоносовъ не далеко ушелъ отъ Готшеда, говоря, что она отличается отъ прозы только «отмѣннымъ сложеніемъ и штилемъ», а «въ разсужденіи общества матеріи весьма съ оною сходствуетъ; ибо объ одной вещи можно писать прозой и стихами («Реторика, предисловіе § 9). Но все-таки піитика Ломоносова могла бѣ имѣть для насъ историческое значеніе, какъ комментарий къ его литературнымъ произведеніямъ, на которыхъ печать времени положила такъ много. За недостаткомъ же этой піитики, мы должны довольствоваться нѣсколькими отрывочными замѣчаніями въ «Реторикѣ, выходящими изъ ея области и касающимися формъ поэтическихъ: такъ есть, напримѣръ, замѣтки о вымыслахъ поэтическихъ, т.-е. о творчествѣ (§ 148, ср. § 287); упоминаются театральныя поэмы (§ 276), комедіи и трагедіи (§ 278), эклоги, идилліи (§ 277), драмы (§ 286), эпическія или героическія поэмы (§§ 288 и 295), басни и притчи (§§ 151 и 309). Но все это такъ отрывочно, что по этимъ упоминаніямъ нельзя составить себѣ опредѣленнаго понятія о взглядѣ Ломоносова на роды и виды поэзіи. Только первую, такъ сказать, главу піитики Ломоносова, или ученіе о русской версификаціи, мы можемъ изложить довольно полно — по уцѣлѣвшему «письму о правилахъ россійскаго стихотворства» (1739). Письмо это обращено къ Россійскому собранію, учрежденному при Академіи Наукъ въ 1735 году, а не къ Тредіаковскому, какъ думалъ послѣдній. Изъ самаго содержанія письма видно, что оно обращено не къ Тредіаковскому, потому что все направлено противъ него, и притомъ довольно рѣзко, почти насмѣшливо. По нашему мнѣнію, письмо Ломоносова надобно считать не иначе, какъ критикою на способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ Тредіаковскаго (1735), хотя послѣдній и не поименованъ Ломоносовымъ.

Въ вопросѣ о томъ, кому нужно приписать открытіе тоническаго размѣра и введенія его въ русскую литературу: Ломоносову или Тредіаковскому, могутъ рѣшиться дѣло два соображенія: 1) Ломоносовъ ужъ имѣлъ подъ руками «Способъ» Тредіаковскаго, появившійся за четыре года до написанія Ломоносовымъ письма, слѣдовательно, теоретически изобрѣтеніе тоническаго размѣра принадлежитъ Тредіаковскому, а Ломоносовъ только усовершенствовалъ его. Но 2) «Способъ» Тредіаковскаго никого не убѣдилъ, ни даже его самого, и уже послѣ его изданія самъ авторъ снова обратился было къ стиху силлабическому; слѣдовательно, хотя Ломоносовъ выступалъ вторымъ

съ тѣмъ же предложеніемъ, но оно не могло не представляться новымъ, потому что до того никто не обращалъ вниманія на мысль Тредіаковскаго. Съ другой стороны, общество — не школа, и даже вѣрная теорія не имѣетъ въ его глазахъ цѣны и знанія, пока она не оправдана дѣломъ. Посмотримъ же, въ чемъ соглашался Ломоносовъ съ Тредіаковскимъ и что онъ измѣнялъ въ его «Способѣ».

Ломоносовъ говоритъ, что «россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству»; равнымъ образомъ и въ мнѣніи Тредіаковскаго «достаточнымъ основаніемъ» для подтвержденія или опроверженія правила служить выраженіе, что «свойство нашего языка того не терпитъ», хотя конечно, Тредіаковскій, по собственному его сознанію, не всегда умѣлъ «въ свойство нашего природнаго языка умѣтить». Что наблюденіе надъ свойствами русскаго народнаго языка привело Тредіаковскаго къ мысли о тоническомъ размѣрѣ, видно изъ его же собственныхъ словъ: «Думали, что я сіе стихосложеніе взялъ съ французскаго. Пусть отнынѣ перестануть противно думающіе думать противно: ибо поистинѣ всю я силу взялъ сего новаго стихотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго; и буде желается знать, то мнѣ надлежитъ объявить, что поэзія нашего простого народа къ сему меня довела... Подлинно, почти всѣ знанія, при стихѣ употребляемыя, занялъ я у французской версификаціи, но самое дѣло у самой нашей природной, надревнѣйшей оной простыхъ людей поэзіи. Итакъ, всякъ разсудить, что я французской версификаціи долженъ мѣшкомъ, а старинной россійской поэзіи всеми тысячью рублей» 113 (fin.).

Конечно, это не мѣшало Тредіаковскому находить, что французская поэзія «вся та жъ, что и наша, кромѣ нѣкоторыхъ не малыхъ околичностей», и полагать отчасти французскую версификацію за образецъ для русской, начиная отъ искусства французовъ въ «прочитаніи стиховъ» и кончая пересѣченіемъ (цезурой) и риемою. Дѣло представлялось пока очень смутно, и потому противорѣчія были неизбежны.

Далѣе у Ломоносова читаемъ: «Въ россійскомъ языкѣ тѣ только слова долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе коротки; сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываетъ». Это высказано и Тредіаковскимъ: «Долгота и краткость слоговъ въ новомъ россійскомъ стихосложеніи не такая, разумѣется, какова у грековъ и латинъ въ сложеніи стиховъ употребляется, но токмо, тоническая, т.-е. въ единомъ удареніи голоса состоящая». У Тредіаковскаго есть слѣдующее обращеніе къ Смотрицкому: «Авторъ «Славянскія грамматики»... желая наше сложеніе стиховъ подобнымъ учинить греческому и латинскому, такъ свою просодію количественную смѣшно написалъ, что сколько разъ за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтобы не быть, смотря на оную, смѣющимся Демокритомъ».

Равнымъ образомъ и Ломоносовъ осуждаетъ Смотрицкаго за то, что онъ хотѣлъ составить славянскую просодію по образцу грече-

ской. Ломоносовъ не одобряетъ стиховъ, «въ которыхъ всѣ односложныя слова за долгія почитаются, и вслѣдъ за тѣмъ прямо указываетъ на первый королларій пятаго опредѣленія, «въ которомъ сіе правило счастливо предложено» и т. д. Это уже указаніе на «Способъ» Тредіаковскаго, который гласитъ, что «всѣ реченія односложныя не могутъ быть какъ только долгія». Слѣдующіе за тѣмъ у Ломоносова стихи, — приведенные въ примѣръ неудачной версификаціи, взяты изъ первой элегіи Тредіаковскаго въ томъ же «Способѣ». Далѣе Ломоносовъ говоритъ: «Не знаю, чего бы ради... гексаметры и всѣ другіе стихи... такъ запереть, чтобы они ни больше ни меньше опредѣленнаго числа слоговъ не имѣли». Это возраженіе на категорически заявленное мнѣніе Тредіаковскаго, что «гексаметръ нашъ не можетъ имѣть ни больше ни меньше тринадцати слоговъ», мнѣніе, котораго Тредіаковскій, долго и упорно держался, опираясь на авторитетъ классиковъ и риторовъ. Высказанная Ломоносовымъ неблагосклонность къ французамъ, которыхъ онъ называетъ «нѣжными господами», которые «во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чинять, и версификацію которыхъ онъ сравниваетъ съ горбатою и кривоногою плясуней, — эта неблагосклонность могла проявиться у него отчасти какъ реакція преувеличенному благоговѣнію предъ французами Тредіаковскаго, а отчасти, можетъ-быть, по пристрастію Ломоносова къ нѣмецкой наукѣ и поэзіи, которая онъ научился уважать въ школѣ, поставляя ихъ на одну доску съ наукой и поэзіей грековъ и римлянъ. Далѣе Ломоносовъ полагалъ, что цезуру въ срединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ «употреблять и оставлять можно», и что «тому въ своихъ стихахъ оную всегда ставить позволено, кто однимъ духомъ тринадцати слоговъ прочесть не можетъ». Это ироническое замѣчаніе на мысль Тредіаковскаго, что «стихъ героическій долженствуетъ раздѣленъ быть на полстишія, изъ которыхъ бы первое состояло изъ семи слоговъ, а другое изъ шести... понеже мѣра духа человѣческаго требуетъ того».

Тредіаковскій предпочитаетъ стихъ хореическій, называя весьма худымъ тотъ, «который весь ямбы составляютъ». Ломоносовъ, напротивъ того, находитъ, что «чистые ямбическіе стихи хотя и трудновато сочинять, однако, подымаяся тихо вверхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ». Лѣтъ пять спустя изъ-за этого же спорнаго вопроса о превосходствѣ ямба предъ хореемъ произошло нѣчто въ родѣ поэтическаго турнира Ломоносова и Сумарокова съ Тредіаковскимъ. Но Тредіаковскій приступилъ къ состязанію со взглядами, уже значительно измѣненными, въ сравненіи съ тѣмъ, что говорилъ въ 1735—1739 годахъ. Въ 1744 году онъ уже не называлъ ямба подлымъ, а только находилъ, что «ни которая изъ сихъ стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ и нѣжности», но что «все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя стихотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе». При этомъ

въ доказательство, что подъемъ снизу вверхъ не всегда значить высоту, Тредіаковскій приводитъ «Иліаду» и «Энеиду», написанныя не анапестомъ, а дактелемъ. Сумароковъ придерживался взгляда Ломоносова, что въ ямбѣ есть «высокость, благородство и живость, а въ хорей только «нѣжность», для выраженія «любовническаго вздыханія». Для рѣшенія спора положено было, чтобы каждый изъ спорившихъ сочинилъ парафрастическую оду на тему 143-го псалма. Первая, ямбическая принадлежитъ Сумарокову, вторая, хорейская — Тредіаковскому, третья, ямбическая — Ломоносову. Въ одахъ оказалась «чувствительная разность жара и изображеній, а удивительное согласіе разума», однако не трудно различить, что кому принадлежитъ, и нельзя сказать, чтобы хорей одержалъ побѣду надъ ямбомъ. Довольно затѣтитъ, что при второмъ изданіи «Способа» Тредіаковскій совершенно выбросилъ порицательный отзывъ о ямбѣ, признаваясь (въ предисловіи), что симъ (и сочетаніемъ стиховъ) прежній «Способъ былъ не достаточенъ». Не меньше оживленныхъ споровъ и толковъ породило разнорѣчіе между Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ насчетъ умѣстности въ рускомъ стихосложеніи мужской рѣмы. Тредіаковскій, можетъ-быть, примѣняясь къ стихосложенію польскому, и во всякомъ случаѣ, совершенно не обращая вниманія на свойства русскаго языка, произнесъ слѣдующій догматическій приговоръ: «Извѣстно есть всѣмъ нашимъ стихотворцамъ, что сіе согласіе (то-есть рѣма, «согласіе конечныхъ между собою въ стихѣ слоговъ») всегда лучше сходится на предконечномъ слогѣ, т.-е. на слогѣ, который передъ самымъ послѣднимъ, хотя нѣкогда, и то въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ (но что рѣже, то лучше), и на кончаемомъ, то-есть на самомъ послѣднемъ то бываетъ».

Ломоносовъ возражалъ противъ такого намѣреннаго стѣсненія русскаго стиха, указывая на его источникъ въ польской версификаціи и доказывая фактически несостоятельность этого ученія. Тредіаковскій, однако, не скоро убѣдился въ полноправности мужской рѣмы: вѣроятно, уже къ пятидесятымъ годамъ относятся эпиграммическіе стихи Ломоносова «на сочетаніе стиховъ російскихъ», въ которыхъ онъ торжествуетъ свою побѣду надъ Штивелиемъ (Тредіаковскимъ).

Итакъ, «письмо» Ломоносова написано въ полемическомъ духѣ и тонѣ. И мы должны признать, что его теоретическія поправки «Способа» Тредіаковскаго всѣ безъ исключенія приняты русскою литературою, но, конечно, благодаря не этому «письму», которое и притомъ напечатано въ первый разъ уже въ 1778 году, а «примѣру ясному и способному», который у Ломоносова сопровождалъ теорію, подтверждалъ ея выводы и давалъ имъ ходъ.

Будиловичъ.

Вліяніе Гюнтера на Ломоносова.

Всѣмъ извѣстно, что въ одѣ «На взятіе Хотина» Ломоносову служилъ образцомъ Гюнтеръ. Но въ чемъ именно состояло подражаніе, и почему онъ обратилъ такое вниманіе на этого поэта? Гюнтеръ, умершій въ 1723 году только 28 лѣтъ, справедливо пользовался тогда славою самаго талантливаго нѣмецкаго поэта: уже вышло нѣсколько, хотя еще и неполныхъ, изданій его сочиненій, и незадолго передъ паденіемъ Хотина появилась первая біографія покойнаго. Похвалы Гюнтеру вызвали противъ него и порицанія; противниками его были особенно послѣдователи рутиниста Готшеда. Но понятно, что въ томъ кругу, гдѣ вращался Ломоносовъ, талантъ Гюнтера былъ уважаемъ, особенно если вспомнить, что главнымъ покровителемъ покойнаго при жизни его былъ знаменитый лейпцигскій профессоръ *Менке*, бывшій въ сношеніяхъ съ наставникомъ Ломоносова Вольфомъ. Молодость несчастнаго Гюнтера, далѣе которой не продлилась его жизнь, представляетъ его сходство съ первымъ періодомъ жизни Ломоносова. Гюнтеръ — силезскій уроженецъ, бѣжалъ также изъ родительскаго дома, слѣдуя потребностямъ духа, противъ воли отца, который хотѣлъ аставить его учиться медицинѣ, тогда какъ сынъ чувствовалъ влеченіе къ поэзіи. Но для Гюнтера этотъ поступокъ сдѣлался источникомъ бѣдствій и ранней гибели; несмотря на его глубокое раскаяніе впослѣдствіи, жестокой отецъ не согласился простить и навсегда изгналъ изъ своего дома. Студенческая жизнь, какова она была въ тогдашнихъ германскихъ университетахъ, отразилась въ большей части стихотвореній Гюнтера, почему они были, вѣроятно, распространены между студентами. Изумительно плодовитый талантъ его проявился всего болѣе въ пѣсняхъ, но и онѣ, какъ большая часть стихотвореній, написаны на разные случаи всендневной жизни. По духу того времени высшимъ родомъ такого стихотворства *на случаи* считались сочиненія въ похвалу какого-нибудь знатнаго лица или событія дворской жизни; сочиненія же этого рода и были самыя выгодныя, потому что доставляли авторамъ не только покровительство сильныхъ, но и деньги. Искать предъ всякимъ домашнимъ праздникомъ или по поводу радостнаго случая стихотворца, который бы ихъ воспѣлъ, было обычаемъ не только дворовъ, но и частныхъ людей. Чѣмъ значительнѣе было воспѣтое лицо или обстоятельство, тѣмъ болѣе правъ приобрѣтала ода на общее вниманіе. Вотъ почему, независимо отъ своего внутренняго достоинства, заняла такое видное мѣсто ода Гюнтера на миръ Австріи съ Турціей, заключенный въ Пассаровицѣ 1718 году. Написать побудилъ Гюнтера названный мною Менке, желая воспользоваться случаемъ доставить обезпеченное положеніе поэту, отъ котораго онъ такъ много ожидалъ. Гюнтеръ, вообще не любившій лести и хвалебнаго стихотворства, уступалъ однакоже не разъ требованіямъ своей эпохи.

Едва ли Ломоносовъ, при своихъ учебныхъ занятіяхъ и студенческихъ развлеченіяхъ имѣлъ время прилежно читать Гюнтера; но ему легко было ознакомиться съ прославленнымъ произведеніемъ замѣчательнѣйшаго изъ тогдашнихъ германскихъ поэтовъ, и вотъ однородныя событія въ войнѣ Россіи съ Турціей подають ему мысль взять за образецъ нѣмецкую оду, воспѣвшую торжество австрійцевъ въ борьбѣ съ тѣмъ же непріателемъ. Чрезвычайно замѣчательно, какъ молодой русскій, руководствуясь своимъ природнымъ вкусомъ и эстетическимъ тактомъ, воспользовался примѣромъ современнаго ему нѣмца. Принявъ размѣръ подлинника и ея десятистрочную стопу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи рیمовъ, Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду вдвое короче. Кромѣ внѣшней фѳормы, подражаніе его затѣмъ ограничивается сроднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей; но оно нигдѣ не доходитъ до степени даже вольнаго перевода. Не останавливаясь на подробностяхъ для подкрѣпленія этого замѣчанія, прибавлю только, что Ломоносовъ обнаружилъ тутъ поразительную въ начинающемъ поэтѣ художественную сдержанность, избѣгнувъ всѣхъ тѣхъ неровностей, тривіальныхъ картинъ и выраженій, запечатлѣнныхъ безвкусіемъ, которыя довольно часто попадаются въ нѣмецкой одѣ посреди стиховъ и цѣлыхъ тирадъ противоположнаго свойства. *Гротъ.*

Значеніе Ломоносова въ изящной словесности.

Для всѣхъ временъ и всѣхъ странъ въ изящномъ видѣли отраженіе и образъ лучшихъ своихъ идей.

Извѣстно, что нѣтъ такого общественнаго состоянія, которое бы тѣмъ или другимъ образомъ не отзывалось въ литературѣ, и нѣтъ такой литературы, какъ бы она ни казалась недостаточною, которая бы не нужна была обществу и не имѣла на него болѣе или менѣе значительнаго вліянія. Знакомиться съ какою-нибудь литературою или съ состояніемъ ея въ извѣстный періодъ времени — не значитъ только искать въ произведеніяхъ ея безусловнаго достоинства, или оригинальныхъ красотъ, а значитъ понимать судьбу и характеръ ея вмѣстѣ съ духомъ вѣка, и людей, потому что ходъ человѣческаго развитія самъ по себѣ на всякой степени, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ составляетъ высшее значеніе и перво-степенный интересъ для разума. Новой литературѣ точно такъ же слѣдовало возникнуть въ нашемъ обществѣ изъ реформы Петра, какъ надлежало возникнуть новымъ понятіямъ, стремленіямъ, нравамъ, обычаямъ, и если ни одинъ изъ элементовъ вначалѣ не носилъ на себѣ печати зрѣлости и самобытности, то откуда литература могла ихъ почерпнуть. Главное, чему необходимо надлежало въ ней совершиться, что совершилось, и безъ чего она представляла бы одинъ хаосъ мыслей и языка, это усвоеніе себѣ опредѣленнаго направленія

по европейскимъ началамъ, которыми прониклась общественная жизнь. Обозначая собою логическій процессъ нашей послѣ-петровской исторіи, она должна была начаться такимъ образомъ, пройти послѣдовательными стадіями до тѣхъ пунктовъ, гдѣ неизбежная встрѣча ея съ коренными потребностями и интересами, съ національнымъ духомъ, должна была, наконецъ, поставить ее на пути къ своеобразному и самостоятельному развитію. Напрасно стали бы обвинять ее въ томъ, что понятіе и отвлеченный принципъ преобладали въ ней надъ творчествомъ, техника и форма надъ содержаніемъ, что художественная стихія не принята ею изъ движенія національныхъ внутреннихъ силъ, а была заимствована. Обвинять мы имѣемъ право только то, что бываетъ, могли и не быть, что является вслѣдствіе незаконнаго произвола, или то, что усиливается простирать свои притязанія за предѣлы мѣста, указаннаго ему исторіей. Переходныя состоянія кажутся намъ всегда чѣмъ-то бесплоднымъ, не болѣе какъ обреченною жертвою будущаго. Состояніе, въ которомъ одинъ фазисъ жизни оканчивается, чтобы дать мѣсто другому, дѣйствительно есть состояніе необыкновенное. Въ немъ какъ будто ступаютъ по обломкамъ разрушившагося зданія, спѣша къ новому, котораго еще нѣтъ. И однакожь чрезвычайное движеніе и силъ и вещей, отличающее переходныя состоянія, стремленіе къ задачамъ еще невыясненнымъ, но неизбежность коихъ глубоко чувствуется, самая нетерпѣливость, съ какою онѣ преслѣдуются, надежды въ нихъ сосредоточенныя, — все это доказываетъ могучую живучесть среды, гдѣ оно совершается, доказываетъ, что у ней есть вѣра въ лучшее, есть будущность. Наша литература произвела Державина, Фонвизина, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Пушкина и Гоголя. Заимствованныя направленія и формы съ ними постепенно теряли свой стѣсняющій, отвлеченный характеръ и превращались въ орудіе нашихъ развивающихся самостоятельныхъ силъ и художественнаго духа. Но, чтобы прійти къ такимъ результатамъ, надлежало предварительно сдѣлать то, что сдѣлано въ литературѣ Ломоносовымъ. Какимъ же образомъ могъ быть совершенъ такой художественный подвигъ лицомъ, имѣвшимъ, по видимому, призваніе исключительно ученое? Могутъ ли допустить совмѣщеніе подобныхъ направленій тѣ слишкомъ строгіе специалисты, которые, размежевывая, по своимъ идеямъ или по недостаточнымъ наблюденіямъ, царства природы и духа на удѣлы, думаютъ, что и въ дѣйствительности все такъ есть и должно быть, какъ они раздѣлили, подраздѣлили и опредѣлили, и что кто устроился и обзавелся учеными снарядами въ одномъ изъ этихъ участковъ, тому нѣтъ уже никакого дѣла до другихъ? Силы природы и духа, въ своемъ движеніи, дѣйствительно расходятся на безконечныя, удаляющіяся другъ отъ друга разности въ своихъ низшихъ сферахъ, — и, конечно, никто не станетъ оспаривать необходимости и важности проистекающихъ отсюда отдѣльныхъ изслѣдованій и изученій. Но есть высшія сферы, куда проникаетъ знаніе, гдѣ тѣ же силы природы и духа спѣшатъ,

такъ сказать, сойтись у одного центра жизни, гдѣ онѣ являются въ тѣсной родственной связи общихъ причинъ и общихъ законовъ, и гдѣ умъ мыслящій, преслѣдуя одну идею, не можетъ не видѣть и не чувствовать присутствія другой въ ихъ естественномъ, прекрасномъ сочетаніи. Такъ знаніе, отъ низшихъ его ступеней перешедшее къ высшей, не только не чуждается на сей послѣдней художественнаго воззрѣнія на вещи, но привлекаетъ его къ себѣ, и само имъ привлекается. И не въ наукѣ ли для тѣхъ, которыхъ занимаетъ не одна буква ея, лежитъ основаніе всѣхъ великихъ вѣрованій человѣчества — истиннаго и вмѣстѣ прекраснаго? Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему всѣ высшіе умы науки сочувствовали глубоко красотамъ поэзіи; они ясно сознавали, что художественное творчество въ тѣхъ же откровеніяхъ природы и сердца человѣческаго, въ одномъ и томъ же источникѣ истины ищетъ своихъ вдохновеній и стихій для своихъ прекрасныхъ созданій, какъ и ихъ строгая мудрость своихъ удостовѣреній. Ломоносовъ принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ умамъ, которые, съ чуткою проницательностью въ наблюденіи явленій и подробностей, соединяютъ обширные виды въ наукѣ, которые въ одинаковой степени владѣютъ индуктивнымъ и дедуктивнымъ способомъ познания и вмѣстѣ съ тѣмъ только геніальнымъ дѣятелямъ свойственнымъ даромъ постиженія нерѣдко исторгаютъ у природы и жизни тайны, недоступныя никакимъ домогательствамъ умовъ рутины и ученаго формализма.

Первые проблески художественной натуры видны уже въ дѣтскихъ порывахъ и наклонностяхъ Ломоносова. За псалтирю Семеона Полоцкаго, въ пѣніи священныхъ гимновъ на клиросѣ приходской церкви, — въ этихъ занятіяхъ, къ которымъ влекла его собственная любовь и желаніе, а не чья-нибудь посторонняя воля, ему, безъ сомнѣнія, въ неясныхъ, смутныхъ чертахъ инстинктивно представлялись уже и высшія цѣли жизни и что-то прекрасное вдали, и отроческое его сердце наполнялось предчувствіемъ благодатнаго наитія поэзіи. Подобныя нравственныя явленія могли бы показаться невозможными въ средѣ, гдѣ родился и проводилъ свое дѣтство Ломоносовъ, если бы мы не знали, что великимъ силамъ духа дается много такого, что непримѣнимо къ людямъ обыкновеннымъ, и что геній не отъ чуждыхъ внушеній и вліяній получаетъ право и полномочіе для дѣль своей идеи, а отъ колыбели носить ихъ въ самомъ себѣ. Оттого въ душахъ людей, подобныхъ Ломоносову, все получаетъ особенный характеръ и смыслъ. Что для другихъ бываетъ дѣломъ одного внѣшняго долга, простого любопытства или привычки и исчезаетъ въ ихъ понятіи безслѣдно и бесплодно, то у нихъ является задаткомъ ихъ чрезвычайной будущности и идетъ къ одному общему средоточію ихъ исключительныхъ влеченій и призванія. Художественное настроеніе, пробудившееся въ раннемъ возрастѣ Ломоносова, осталось съ нимъ неразлучнымъ въ теченіе всей его ученой и умственной дѣятельности, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ

свойствъ его генія. Непреодолимое внутреннее влеченіе къ чему-то высшему, нежели труды рыбака и женитьба въ деревнѣ, жажда знанія и впечатлѣній, ожидаемыхъ въ другой лучшей средѣ, увлекли его въ стѣны московскаго Заиконоспасскаго училища; тамъ представилась ему столь нетерпѣливо имъ желаемая наука, но наука во всей непривлекательности своего схоластическаго формализма, слѣдовательно способная скорѣе погасить всякое эстетическое чувство, чѣмъ поощрить его и развить. За границу онъ былъ посланъ съ весьма специальною цѣлью обучаться металлургіи и, разумѣется, тѣмъ наукамъ, при содѣйствіи коихъ она сама могла быть наукою. Жребій, казалось, былъ брошенъ. Ломоносовъ долженъ сдѣлаться ученымъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ и довольно тѣсномъ смыслѣ слова, и при достаточныхъ способностяхъ, необходимыхъ хорошему специалисту и технику, положить основаніе въ Россіи одной полезной отрасли знанія и, можетъ-быть, остаться практическимъ дѣятелемъ по какой-нибудь технической части. Онъ дѣйствительно трудился на назначенномъ для него поприщѣ съ блистательнымъ успѣхомъ не только потому, что былъ одаренъ великими способностями, но и потому, что вездѣ въ состояніи былъ открывать высшій интересъ мысли и знаній. Философія, математика, физика, химія — въ Марбургѣ, труды надъ разработкою металловъ — въ Фрейбургѣ не только открываютъ ему строгія научныя данныя и приемы, но и указываютъ на задачи, которыя онъ самъ будетъ рѣшать съ знаменитыми учеными Европы. Всего этого, однако, было для него не довольно. Его художественныя инстинкты стремились выразиться соотвѣтственнымъ себѣ образомъ, и притомъ не въ одномъ сочувствіи къ красотамъ доступныхъ ему чуждыхъ литературъ, но и въ покушеніи создать что-либо подобное для своего отечества. Онъ изоощрялъ свои производительныя силы на образцахъ этихъ литературъ, стараясь изучить основательно. Изъ донесенія о книгахъ, купленныхъ на счетъ правительства, мы видимъ, что его занимали не одни сочиненія ученаго содержанія, но также творенія великихъ поэтовъ и сочиненія, къ теоріи словесности относящіяся. Весьма важнымъ затрудненіемъ для Ломоносова въ его художественныхъ, поэтическихъ опытахъ былъ языкъ. Въ замкнутыхъ хранилищахъ духа и состава народнаго языка таились великія силы; но всѣ, кому приходилось имѣть дѣло съ высшими или отвлеченными понятіями, считали его неспособнымъ для ихъ выраженія. Отдѣлясь отъ народа и положеніемъ своимъ и схоластическимъ образованіемъ, никто изъ нихъ не въ состояніи былъ понять и оцѣнить ни выразительности народной рѣчи ни лексикологическаго ея обилія и синтаксической гибкости, чтобы воспользоваться ими и примѣнить ихъ къ выраженію высшихъ идей. Изъ смѣси всевозможныхъ чуждыхъ словъ и оборотовъ, въ соединеніи съ формами церковно-славянскими, писатели до-Ломоносовскаго времени составили себѣ какой-то дикій и неудобопонятный языкъ, который былъ, впрочемъ, неизбѣжнымъ отпечат-

комъ самого смѣшанія и сбивчивости идей, не обработанныхъ и не утвержденныхъ живою наукою и художественнымъ чувствомъ. Ломоносовъ, конечно, не могъ быть удовлетворенъ этимъ языкомъ; онъ искалъ твердой опоры для выраженія своихъ мыслей и думалъ найти ее на освященной вѣками почвѣ церковно-славянскаго языка.

Его теорія вполне согласовалась съ этимъ. Но здоровое народное чувство, свѣтлый умъ и способность постигать то, что скрыто отъ преднамѣреннаго усилія другихъ, — постигать вопреки господству традицій и искушеніямъ школы, на дѣлѣ обратили его къ источникамъ, откуда принялъ онъ и силы духа и помазаніе на свое высокое служеніе — къ источникамъ народности. Дѣйствуя въ высшихъ сферахъ науки и искусства для нравственнаго возвышенія и просвѣщенія своего народа, онъ чувствовалъ, что все, что изъ этихъ сферъ можетъ быть принято народомъ, можетъ быть принято и усвоено имъ не иначе, какъ въ звукахъ своей живой родной рѣчи. Положить этому начало — значило совершить подвигъ, отъ котораго зависѣлъ благоуспѣшный ходъ науки и литературы въ Россіи. Совершить его однако было нелегко. Языкъ русскій сохранился чистымъ и неприкосновеннымъ отъ всякаго наплыва чуждыхъ элементовъ въ устахъ народныхъ массъ. Все же это былъ богатый, но сырой матеріалъ. Его нужно было воздѣлать, приходилось имѣть дѣло съ словами, никогда не переходившими предѣловъ житейской потребности мысли, простого естественнаго движенія чувства, съ оборотами рѣчи, единообразно сложившимися въ единообразномъ ходѣ и сочетаніи идей. И вотъ слово, съ которымъ въ теченіе вѣковъ привыкли сопрягать извѣстное значеніе только въ извѣстномъ кругу понятій, теперь должно было войти въ иной кругъ и тамъ, отъ другаго же характера мысли, среди другихъ ея отношеній, не измѣняя своей породы и кореннаго значенія, получить, такъ сказать, во имя новаго своего положенія, новыя права, новый оттѣнокъ смысла, силу и выразительность. Съ тѣмъ вмѣстѣ и способность свободнаго построенія, природная діалектика русской рѣчи теперь должна была сойтись и уживаться съ многоразличными комбинаціями мысли, научной и художественно-литературной. Чтобы дѣломъ, употребленіемъ освятить и узаконить всѣ эти нововведенія, требовались смѣлая рѣшимость, точность и необыкновенная сила мышленія, знаніе духа языка и еще нѣчто, чего не даетъ само знаніе — вѣрное чувство, гениальное чутье истины и способовъ ея практическаго приложенія, именно все то, что мы находимъ въ Ломоносовѣ. Изъ коренныхъ стихій, заключающихся въ природѣ языка, подъ перомъ его образовались выраженія и обороты, отличные отъ тѣхъ, которые слышались въ устахъ народа, но не чуждые ему именно по самымъ этимъ стихіямъ. Это былъ языкъ, нѣкоторымъ образомъ, искусственный, потому что сложился не самъ собою, а съ помощью внѣшней образовательной силы, и въ то же время чистый русскій языкъ,

потому что сложился изъ его собственныхъ матеріаловъ. Что вначалѣ могло быть въ немъ слишкомъ искусственнымъ по необходимости времени и не довольно гибкимъ, то могло легко, при дальнѣйшемъ самостоятельномъ умственномъ развитіи, уничтожиться и улучшиться, между тѣмъ какъ то, что установилось вопреки законамъ и духу языка, должно было, развиваясь и совершенствуясь постепенно, дополнить общенародный языкъ изъ его же соковъ новымъ ростомъ и вѣтвями, вызванными потребностями науки и литературы. Языкъ стихотворный усваиваетъ себѣ особенное ритмическое устройство, и Ломоносову, желавшему выразить свое художественное направленіе и въ этой формѣ, предстояло и для него найти элементы. Всего, повидимому, естественнѣе было обратиться для того къ мѣрной рѣчи нашей народной пѣсни и эпоса, и Ломоносову, по его отношеніямъ къ нашей народности, казалось бы слѣдовало сдѣлать подобный шагъ. Но не должно забывать, что роль его была роль посредника между силами нашей народности и общечеловѣческими началами образованія. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого неизбѣжнаго положенія было то, что онъ долженъ былъ во многомъ придерживаться основныхъ идей и образцовъ, представлявшихся ему у народовъ, далеко опередившихъ насъ на пути гражданственности, умственного и эстетическаго развитія и сдѣлавшихся учителями его и нашими. Надобно удивляться проницательности, съ какою онъ умѣлъ находить точки соприкосновенія или совпаденія между разнородными началами, подлежащими такому сближенію. Нѣмецкое стихосложеніе дало ему поводъ воспользоваться законами нашей тоники, чтобы дать стиху нашему нѣкоторое подобіе древняго метра, и что это не было насиліемъ языку доказывается, что стихосложеніе Ломоносова быстро усвоилось нашей поэзіей и безпрекословно принято обществомъ. Правда, за нѣсколько лѣтъ до его опытовъ, основанія нашего новаго стихосложенія были найдены и изложены ученымъ, коего почтенные труды въ наукѣ должны бы давно искупить его тяжкія вины противъ поэзіи. Я разумѣю Тредьяковскаго. Но Ломоносовъ основался на другихъ соображеніяхъ и не на теоріи Тредьяковскаго, а главное, онъ создалъ то, о чемъ другой только помышлялъ, или что столь неудачно примѣнилъ къ дѣлу, — и достигъ этого не однимъ соблюденіемъ механизма и внѣшнихъ условій стихотворной рѣчи, а ея внутренней гармоніей, логическою стройностью, легкостью и красотою поэтической пластики. Въ первомъ стихотвореніи его — одѣ, переведенной изъ Фенелона, видно, какъ вначалѣ онъ боролся съ трудностями языка; но потомъ, какимъ побѣдителемъ надъ ними онъ является въ одѣ на «На взятіе Хотина!» Въ послѣдующихъ произведеніяхъ языкъ его уже не затрудняетъ; имъ созданный, онъ, въ извѣстныхъ, на время установившихся предѣлахъ, послушно слѣдуетъ за теченіемъ и видоизмѣненіями его стройной и величавой мысли, въ прозѣ все болѣе и болѣе сглаживаясь въ своихъ шероховатостяхъ и освобождаясь отъ вліянія латинской

конструкціи, въ стихотвореніяхъ возвышаясь до неукоризненной чистоты, поразительнаго благородства, блеска и сладкозвучія. Художественное стремленіе такимъ образомъ не стѣсняется уже въ своихъ проявленіяхъ, получаетъ опредѣленность, упрочивается, потому что имѣетъ уже свой органъ. Права его обозначены и утверждены въ фактѣ языка — это уже не теорія, не замыселъ — это дѣйствительность, и дѣйствительность не для одного своего виновника, но и для слѣдующихъ поколѣній. Оно становится ощутительнымъ у него вездѣ, потому что составляетъ одно изъ существенныхъ качествъ его натуры и преимущественно той степени, какую онъ занимаетъ въ наукѣ. Если вы обратите вниманіе на его трактаты, гдѣ разсматриваются важнѣйшіе вопросы современной науки, — о пользѣ химіи, о свѣтѣ, о воздушныхъ явленіяхъ и пр., даже на его письма и проекты о способахъ дать наукѣ въ Россіи большее развитіе устройствѣ академіи, — если вы, говоря, обратите вниманіе на все это, вы будете изумлены не только вѣрностью взглядовъ, богатствомъ знанія, силою, строгою послѣдовательностью и ясностью его мыслей, но картинностью самаго точнаго изложенія, искусною группировкою подробностей предмета, въ которой истина, такъ сказать отливается въ видимую, осязательную форму и ставится на пьедесталь, какъ со всѣхъ сторонъ доконченная и отработанная цѣлость. Вы увидите здѣсь и мастера-мыслителя и мастера-художника. И все это ново, неожиданно, оригинально, все возникло, такъ сказать, вдругъ, разомъ, не исключая научной техники и терминологіи. Кто со вниманіемъ читалъ хоть металлургію Ломоносова, особенно второе прибавленіе къ ней, тотъ убѣдился, конечно, что она и нынѣ можетъ служить образцомъ ученаго и вмѣстѣ изящнаго изложенія. Реторика его есть, по содержанію своему, настоящій продуктъ времени; она и не могла быть у насъ иною, нежели какою была въ современныхъ Ломоносову школахъ Европы. Но ею проложенъ у насъ путь къ изученію одного изъ важнѣйшихъ явленій нравственнаго міра — къ изученію изящной словесности. Пока наша художественная дѣятельность не достигла степени самостоятельнаго творчества, она должна была подчиниться и подчинялась условіямъ, выработаннымъ и принятымъ образованными народами, съ которыми намъ предстояло трудиться для исторіи. Она должна была сперва устроиться на почвѣ существенной техники, чтобы перейти на почву техники новой, освобожденной отъ традицій, вполне сообразной съ новымъ движеніемъ человѣческаго духа и успѣхами нашего собственнаго образованія. Ломоносовъ съ его художественною натурою, съ его вѣрнымъ взглядомъ на все, что представлялось его уму, не могъ не понимать, что однихъ правилъ недостаточно для знакомства съ требованіями литературы; онъ наполнилъ свою реторику образцами и примѣрами, отчасти избранными и переведенными имъ изъ лучшихъ писателей, а отчасти имъ самимъ созданными, которые, въ началѣ нашего литературнаго образованія, служили для юношества единственною и лучшею у насъ хрестоматіей.

Разливая на всё высшія отправления мысли прелесть эстетическаго одушевленія и жизни, образуя для нихъ языкъ, Ломоносовъ творцомъ нашей изящной словесности преимущественно является въ своихъ стихотвореніяхъ. Я остановлюсь исключительно на тѣхъ изъ его произведеній этого рода, которыя непосредственнѣе, сильнѣе, дольше дѣйствовали на общество наше и на литературу, — на его лирическихъ созданіяхъ, одахъ. Начало поэмы «Петръ Великій» содержитъ въ себѣ замѣчательныя красоты описательной поэзіи, но онъ не успѣлъ развить въ ней ни характера героя ни эпическаго дѣйствія. Въ двухъ его трагедіяхъ господствуютъ также описательный и лирическій элементы. Въ нихъ нѣтъ и не могло быть драмы. Ни едва только начинавшаяся литература ни общество наше не находились еще въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она возможна. Трагедіи и комедіи Сумарокова, какъ зрѣлище, по новости своей, могли нравиться обществу и, конечно, содѣйствовали къ основанію и утвержденію у насъ театра. Но Ломоносова они не могли удовлетворить, и, конечно, не безъ внутренней готовности и расположенія, онъ приступилъ къ выполненію воли правительства, пожелавшаго отъ него драмы. Такъ современники вѣровали въ дарованія его и считали для нихъ все возможнымъ. Ломоносовъ могъ отвѣчать на этотъ вызовъ не созданіемъ, удовлетворяющимъ своей идеѣ, а только многими прекрасными стихами. Надлежало царствованію Екатерины вступить въ лучшій свой періодъ, чтобы у насъ могла начаться истинная и своеобразная драма, сперва въ формѣ комедіи — и она дѣйствительно началась съ Фонвизинымъ. И поэма и трагедіи Ломоносова составляютъ попытки въ новой для насъ сферѣ литературы, но попытки гениальнаго человѣка, который стремится проложить пути ко всему великому и прекрасному, сіяющему предъ нимъ на дальнемъ горизонтѣ русской мысли и русскаго творчества.

Обращаясь къ лирикѣ Ломоносова, этому главному выраженію его художественнаго настроенія, мы въ сужденіяхъ нашихъ о ея мотивахъ и содержаніи должны руководствоваться не какой-либо теоріей, а историческимъ способомъ пониманія, единственнымъ, которымъ опредѣляется значеніе и достоинство дѣятелей исторіи и того, что они сдѣлали.

Перенесемъ на минуту въ XVIII столѣтіе, къ началу второй его половины. Тамъ является передъ нами дочь Петра, съ русскимъ сердцемъ, на тронѣ, возстановляющая духъ народный послѣ отступленія и расслабленія, наведенныхъ на него антинаціональнымъ государственнымъ развратомъ бироновщины. Тамъ начинается царствованіе Екатерины, этой дивной государыни, которая, силою своего необычайнаго генія, умѣла въ себѣ космополитическую душу пересоздать въ душу русскую, которая въ великомъ государствѣ открыла народъ, могущій и достойный быть великимъ и дала ему это почувствовать своими учрежденіями и уваженіемъ къ его нуждамъ и правамъ. Ломоносовъ принадлежалъ одному изъ этихъ царствованій

и касался другого. Ужась, оковывавшій умы въ предшествовавшую эпоху, разсѣялся; пробужденные Петромъ, они начинаютъ, такъ сказать, расправлять свои силы, поворачиваться къ свѣту, который распространялся мало-по-малу надъ страню. Въ тихомъ мерцаніи зари зарождался новый день, полный отрадныхъ предчувствій и надеждъ, полный довѣрія къ будущему. Предъ взоромъ, обозрѣвающимъ тогдашнее состояніе вещей, являются три главные предмета, достойные одушевить и мысль и талантъ: живое, въ полномъ цвѣтѣ своемъ воспоминаніе о Петрѣ, многозначащее положеніе, которое Россія, какъ государство, спѣшитъ занять и укрѣпить за собою въ Европѣ, и первые проблески національнаго самочувствованія. Энергическая душа Ломоносова, никогда не разъединявшая въ себѣ интересовъ науки отъ интересовъ жизни, и этихъ послѣднихъ отъ судьбы отечества, не могла не чувствовать глубоко того, что представляла ему окружавшая его среда въ своихъ господствовавшихъ явленіяхъ и моментахъ. Тамъ все было полно какой-то торжественности и величія, склонявшихся къ восторгамъ и паренію гимна. И звучная лира Ломоносова естественно настроилась на этотъ тонъ. Прилагать критеріумъ нашего времени къ сужденію о поэтическомъ характерѣ и движеніи мыслей и чувствованій, образовавшихся подъ вліяніемъ другихъ началъ и другой судьбы, значило бы то же самое, что разсматривать въ телескопъ предметы, разсѣянные около насъ на землѣ въ тѣсномъ пространствѣ, или микроскопомъ наблюдать движеніе тѣлъ небесныхъ. Основные мотивы лирики Ломоносова не разлагаются на свои стихи, не развертываются въ обиліи своего содержанія. Они выступаютъ у него въ общихъ слитыхъ чертахъ и обозначаются болѣе направленіемъ, какое даютъ духу поэта, чѣмъ развитіемъ. Это первый утренній порывъ пробужденнаго чувства, звучный кликъ новой жизни, выраженіе мысли, не исчерпывающей дѣятельности, а парящей надъ ней. Несмотря, однакожь, на стѣснительныя условія тогдашней техники поэзіи, несмотря на необходимость прибѣгать къ извѣстнымъ риторическимъ приемамъ, вытекавшую вообще изъ духа и направленія прежней литературы, Ломоносовъ и здѣсь въ торжественномъ тонѣ хвалебнаго гимна умѣлъ соединить силу истиннаго лирическаго чувства съ образами, отмѣченными чертами блестящей поэтической фантазіи. Образъ Петра повсюду сіяетъ передъ нимъ, какъ путеводная звѣзда всѣхъ его стремленій, всѣхъ думъ. Не напрасно говоритъ онъ въ своемъ почитательномъ письмѣ къ Шувалову при предоставленіи ему первыхъ пѣсней своей поэмы:

За кѣмъ же я пойду? Въ слѣдъ правиламъ Петровымъ.

Онъ завѣщаетъ будущему довершить свой трудъ прославленія героя:

И если въ полѣ семь прекрасномъ и широкомъ
Преторгнется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ,

Пвѣтушимъ младостью останется умамъ,
 Что мной продолженнымъ послѣдуетъ стопамъ.
 Довольно таковыхъ сыновъ родить Россія.

Свою возлюбленную Россію онъ олицетворяетъ слѣдующимъ образомъ:

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
 Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ,
 Своими чистыми струями
 Шумя, стадамъ наводять сонъ,
 Сидитъ и ноги простираетъ
 На степь, гдѣ Хиву отдѣляетъ
 Пространная стѣна отъ насъ.
 Веселый взоръ свой обращаетъ
 И вокругъ довольства исчисляетъ,
 Возлегли локтемъ на Кавказъ.
 Се нашею, рекла, рукою
 Лежитъ поверженный Азовъ;
 Рушитель нашего покою
 Огнемъ казненъ среди валовъ.
 Се знойные каспійски бреги,
 Гдѣ варварски презрѣвъ побѣгу,
 Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
 Въ средину Азіи достигнулъ,
 Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
 Гдѣ день скрываютъ тучи стрѣлъ.

Въ моей послушности крутятся
 Тамъ Лена, Обь и Енисей,
 Гдѣ многіе народы тщатся
 Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
 Едва покровъ себѣ имѣя,
 Смѣются лютости борая,
 Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
 Гдѣ верхъ до облакъ простираетъ,
 Угрюмы тучи раздираетъ,
 Поднявшись съ dna морского, ледъ.
 Здѣсь Днѣпръ хранить мой границы,
 Гдѣ готѣ гордащійся упалъ
 Съ торжественныя колесницы,
 При коей въ узахъ онъ держалъ
 Сарматовъ и саксоновъ плѣнныхъ;
 Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
 Единой обращалъ рукой.
 Но палъ и звукъ его достигнулъ
 Во все страны, и страхомъ двигнулъ
 Съ дунайской Вислу быстротой.

Хвалы, расточаемыя Ломоносовымъ Елизаветѣ, совсѣмъ не есть одна дань обычаю и панегирическая риторика. Я сказалъ выше, какое значеніе имѣла эта государыня для своего времени. Кромѣ того, она, видимо, благопріятствовала просвѣщенію; при ней родился Московскій университетъ; она оказала вниманіе и благорасположеніе къ ученымъ и литературнымъ заслугамъ Ломоносова, охраняя его, какъ одно изъ лучшихъ украшеній своего царствованія, снисходила даже къ пылкости его характера. Много мѣсть въ его одахъ, гдѣ говоритъ истинное чувство и одушевленіе. Приведу слѣдующія строфы, гдѣ онъ убѣждаетъ императрицу посѣтить Москву, еще не поправившуюся послѣ истребительнаго пожара:

Гряди, краснѣйшая денницы,
 Гряди, и свѣтлостью лица
 И блескомъ чистой багряницы
 Утѣшь печальныя сердца,
 И время возврати злотове.
 Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
 Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
 Отсутствуя, ты будешь съ нами:
 Покрытый орлими крылами,
 Кто смѣетъ прикоснуться вамъ?

Но если гордость ослѣплена
 Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ, —
 Тебѣ, въ женахъ благословенна,
 Противъ нея помощникъ Богъ.
 Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонитъ
 И тучи страшныя погонитъ
 Во отраженіе врагамъ твоимъ.
 Лишь только ополчишься къ бою,
 Предыдетъ ужасъ предъ тобою,
 И слѣдомъ воскурится дымъ.

Никитенко.

Ломоносовъ въ борьбѣ съ гонителями наукъ.

Мы знаемъ, что Ломоносовъ былъ физикомъ, химикомъ, минералогомъ, геологомъ, металлургомъ, астрономомъ, географомъ, статистикомъ, когда наука эта едва зарождалась, гигиенистомъ, далѣе: историкомъ, грамматикомъ, поэтомъ, ораторомъ, педагогомъ, профессоромъ-академикомъ. Сколько разнородныхъ и разнообразныхъ знаній, требующихъ, для отличія въ нихъ, самыхъ рѣшительныхъ дарованій, приковывающихъ навсегда къ себѣ, и только послѣ усиленныхъ и долгихъ занятій, доставляющихъ вѣрнымъ жрецамъ своимъ въ награду нѣкоторую долю извѣстности! А онъ, сынъ простого помора, проведеншій лучшіе годы молодости, помогая отцу добывать трудовую копейку, начавшій учиться, когда большинство поканчиваютъ уже, онъ не только догоняетъ обогнавшихъ его, но и идетъ во главѣ всѣхъ какъ въ школѣ, такъ равно и на поприщѣ дальнѣйшей дѣятельности. И съ какою легкостью движется онъ по всѣмъ этимъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, какимъ успѣхомъ сопровождаются всѣ его дѣйствія въ оныхъ! Во всемъ необыкновенная удача; къ чему ни коснется — открытіе, и самое хорошее старое въ рукахъ его становится еще лучшимъ, а нерѣдко принимаетъ совершенно новый видъ и кажется новымъ изобрѣтеніемъ. На всемъ несомнѣнная печать генія.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ начинанія Ломоносова обнаруживаютъ огромное, необыкновенно быстрое соображеніе, которое охватываетъ разсматриваемый предметъ со всѣхъ сторонъ, во всей его цѣлости и частностяхъ, въ его отношеніяхъ къ другимъ въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Нигдѣ не шель онъ битою дорожкой, но самъ пролагалъ себѣ пути, не зналъ препятствій при рѣшеніи самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ, творилъ мгновенно, какъ только представлялся къ тому случай, не вѣдая напряженія, не испытывая недовѣрія въ свою творческую силу, истекавшую отъ постоянного вдохновенія. Оттого, за что ни принимался онъ, все было ему подъ силу, по немъ, всюду являлся онъ мастеромъ, удивлявшимъ посѣдѣвшихъ въ своей области и достигшихъ извѣстнаго совершенства въ ней только долговременнымъ трудомъ, постепеннымъ и копотливымъ навыкомъ, нерѣдко отнимавшимъ половину цѣлой жизни. Вспоминая совершенное имъ, мы невольно повторяемъ себѣ слова, сказанныя кѣмъ-то о первомъ геніи нашего вѣка: «Да, этотъ человѣкъ все могъ дѣлать, умѣлъ дѣлать и хотѣлъ дѣлать». Его не страшили никакія нечаянности, никогда не терялся онъ при видѣ ихъ, сразу обходилъ препоны, всегда избиралъ прямѣйшій и вѣрнѣйшій путь къ цѣли, и потому сразу и успѣвалъ. Разумѣется, несовершенство — удѣлъ человѣческой; но несовершенства у него — исключенія, какъ и у всякаго генія, въ силу извѣстнаго изреченія древности: «Quandoque et bonus dormitat Homerus». И геній — сынъ

человѣчъ; и на немъ также въ извѣстной степени лежитъ печать несовершенства всего существующаго въ поднебесной; и онъ, дѣйствуя въ данное время и въ данной средѣ, не чуждъ недостатковъ того и другой: «*Vitia saeculi atque generis, non hominis*».

Но эта-то человѣческая скудель и была желанной опорой для противодѣйствія Ломоносову его недругомъ: однако самый злой и наименѣе добросовѣстный между ними, первовиновникъ всѣхъ неустройствъ въ академіи и ея плачевнаго состоянія во все время нахождения въ ней Ломоносова, и тотъ, несмотря на безмѣрную ненависть къ нему, не отрицалъ все-таки въ немъ геніальности. Это засвидѣтельствовалъ онъ въ письмѣ своемъ къ знаменитому Эйлеру (1 января 1754 г.). «Сдѣшніе Профессоры и Академики, писалъ онъ, не отрицаютъ, что Надворный Совѣтникъ и Профессоръ Ломоносовъ весьма замѣчательный геній, и по тому имѣетъ особенное передъ другими преимущество; только они не могутъ терпѣть его кичливости и высокаго о себѣ мнѣнія. Въ особенности не прощаютъ ему того, какъ онъ осмѣливается въ своихъ сочиненіяхъ нападать, въ обществѣ ученыхъ, на столь извѣстныхъ мужей. Словомъ, какъ сдѣшніе, такъ и чужіе, недовольны поведеніемъ Г. сочинителя» (см. Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древн. Росс. 1865 года, кн. 2, отд. V, стран. 19).

Точно, весьма немногіе были довольны Ломоносовымъ; но къ чести его надо замѣтить, эти немногіе принадлежали къ числу лучшихъ силъ академіи. Изъ нихъ геніальный Эйлеръ при каждомъ случаѣ съ особеннымъ чувствомъ отзывался о Ломоносовѣ, то «удивляясь проницательности и глубинѣ его ума въ изъясненіи крайне трудныхъ химическихъ вопросовъ», говоря, что «въ истолкованіи ихъ онъ далече отъ принятаго у Химиковъ порядка отступилъ и съ обширнымъ искусствомъ въ практикѣ высокое знаніе всюду соединилъ» (письмо его къ Ломоносову, отъ 23 марта 1748 г.): то признаваясь, что его «всегда поражало счастливое его остроуміе, которымъ въ толь разныхъ наукахъ превосходствовалъ, и естественныя явленія съ особливимъ успѣхомъ теоретически изъяснялъ» (письмо отъ 30 марта 1754 г.); то называя нѣкоторыя «произведенія его совершенствомъ» (напр., «Панегирикъ») («Чтенія» 1865 года, кн. 2, V, стран. 70). Не позволивъ увлечь себя въ скопъ противъ Ломоносова, Эйлеръ торжественно одобрилъ «Разсужденія» его, отправленные къ нему въ Берлинъ его недоброжелателями, «конечно, съ тѣмъ», замѣчаетъ Ломоносовъ (въ «Краткой Исторіи Академіи Наукъ», § 26; см. «Чтенія» 1865 года, кн. 1, отд. V, стран. 76), «чтобы ихъ онъ охулилъ»; но Эйлеръ, возвращая оныя, писалъ: «Сія Диссертациі не токмо хороши, но и весьма превосходны: ибо онъ пишетъ о матеріяхъ физическихъ и оптическихъ весьма нужныхъ, которые по нынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, и это онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ въ справедливости его объясненій, а по тому долженъ отдать справедливость Г. Ломоносову

въ томъ, что онъ имѣеть превосходное дарованіе къ изъясненію физическихъ и химическихъ явленій, и желалъ бы, чтобы и другія Академіи въ состояніи были произвести такія откровенія (открытія), какія показали онъ» (письмо къ графу К. Г. Разумовскому). Когда, невзирая на то, все-таки «Разсужденія мои», говоритъ Ломоносовъ, «были самымъ безсовѣстнымъ образомъ разруганы моими недругами въ Лейпцигскихъ Ученыхъ Сочиненіяхъ», въ защиту ихъ возвысилъ голосъ другой академикъ берлинскій, извѣстный Формей, который, напечатавъ одно изъ нихъ въ своемъ журналѣ и, препровождая особый оттискъ его къ сочинителю, писалъ (27 мая, 1755 года): «Самый долгъ требовалъ того, чтобы защитить толь праведное дѣло отъ такихъ несправедливыхъ поносителей».

Отчего же происходила такая заклятая вражда къ Ломоносову? Быть не можетъ, чтобы отъ одной только ученой спеси, высокоумія или перебранки съ собратами, обыкновенной въ то время между учеными цѣлой Европы, а у насъ и подавно. Потому, что противорѣчія его имъ шли совсѣмъ изъ другого источника, хотя и старались критикѣ его придать побужденія нечестныя, каковы: возстаніе противъ властей (см. рапортъ Миллера графу Разумовскому, отъ 12 января 1755 года, въ «Чтеніяхъ» 1865 года кн. 1, V, стран. 136), честили его изступленнымъ, съ ножомъ въ рукахъ, замыслившимъ погубить академію (тамъ же, стран. 141, письмо его къ Теплому, отъ 12 марта 1761 года). Но лучше послушаемъ, какъ самъ Ломоносовъ объясняетъ это. «Я примѣтилъ (пишетъ онъ разъ къ своему покровителю Шувалову), что злоба преодолеваетъ благость, подкапываясь и подъ святость Высочайшихъ повелѣній; по тому прошу перевести меня въ другой корпусъ, гдѣ не меньше могу принести пользы и чести Отечеству, дабы все сказали: «Камень, его же небрегоша живущіи, сей бысть во главу угла, или бы, въ мое отбытіе изъ Академіи, явно оказалось, чего она лишилась, потерявъ такого человека, который чрезъ толь много лѣтъ украшалъ оную и всегда съ гонителями наукъ боролся, не смотря на свои опасности» (письмо 1754 года). Въ послѣднихъ словахъ — ключъ ко всей дѣятельности Ломоносова и отношеніямъ его къ товарищамъ по академіи и правленію ея.

«Борьба съ гонителями наукъ» — вотъ, стало-быть, что предпочтительно занимало Ломоносова. Онъ испыталъ на себѣ самомъ все превосходство и пользу знанія, и потому всю жизнь посвятилъ на усвоеніе его, разработку и передачу другимъ, преимущественно же своему, какъ онъ любилъ выражаться, Россійскому роду. «За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ Отечествѣ, противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю. — Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и Всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодоленію всехъ препятствій

къ распространенію наукъ въ Отецествѣ, что мнѣ всего въ жизни дороже». Это было такъ же, какъ извѣстно, всего въ жизни дороже и самому высокому основателю академіи, Петру I, собственноручно правившему уставъ ея, по коему она должна была стремиться къ двумъ цѣлямъ — совершенствованію наукъ и водворенію ихъ въ Россіи. «Съ этою цѣлью опредѣляются» говоритъ второй уставъ академіи, данный ей Елисаветой, «такіе люди, которые заняты безпрестаннымъ трудомъ, чтобъ дѣлать свои примѣчанія, читать книги и вновь сочинять ихъ, и еще такіе, которые обучаютъ приданныхъ имъ». Намѣреніе было, слѣдовательно, приготовить, со временемъ, избраннѣйшихъ изъ нихъ къ званію академиковъ. По тому уже при самомъ открытіи академіи число академиковъ показалось только 12, между тѣмъ какъ адъюнктовъ, назначавшихся къ дальнѣйшему распространенію образованія, 48, въ томъ числѣ половина непременно изъ славянскаго народа.

Возвратясь изъ-за границы, что же находить Ломоносовъ въ этой академіи? Въ ней, съ самаго ея основанія, свила уже себѣ тепленькое гнѣздышко заѣзжая народность, которая, забывъ, кто она, гдѣ и для чего призвана, вздумала распорядиться, словно въ своемъ домѣ, «поставивъ за законъ», говоритъ Ломоносовъ, «Махиавелево ученіе, что все должно употреблять къ своимъ выгодамъ, какъ бы то ни было вредно ближнему или цѣлому обществу» («Краткая Исторія», § 71). Эльзасскій нѣмецъ, Шумахеръ, втершись въ знакомство съ племянникомъ Лефорта въ Парижѣ, прибылъ съ нимъ въ Петербургъ и черезъ связи получилъ въ новоучреждаемой медицинской канцеляріи мѣсто секретаря для иностранной переписки, затѣмъ мѣсто библиотекаря и надзирателя кабинета, помогаль Блументросту въ составленіи проекта для Академіи Наукъ, который, какъ президентъ ея, опредѣлилъ его секретаремъ, поручивъ съ тѣмъ имѣть ему и часть хозяйственную. «Скудный въ наукахъ и оставивъ вовсе упражненіе въ оныхъ», говоритъ Ломоносовъ, «этотъ человекъ старался единственно о снисканіи себѣ повѣренности у своего начальника и у другихъ придворныхъ по приватнымъ услугамъ. Опираясь на это, онъ поступалъ съ Академиками не такимъ образомъ, какъ бы должно было ему оказывать себя предъ людьми, такъ учеными и въ разсужденіи наукъ великими, но, по высокомѣрью, презиралъ оныхъ, дѣлалъ многія досады и сдѣлался, наконецъ, бичемъ ихъ (*flagellum professorum*). Напрасно печалились они всюду, въ самомъ даже Сенатѣ не могли ничего успѣть, «за тѣмъ, что пріобыкши быть всегда при наукахъ (замѣчаетъ далѣе Ломоносовъ), не навыкли разносить по знатнымъ домамъ поклоновъ». Почему многіе потребовали себѣ увольненія и, такимъ образомъ, тѣ, «кои только великимъ именемъ Петровымъ, подвигшись, выѣхали въ Россію, вытѣсенные, отѣхали, утирая слезы» (тамъ же, § 65), а на ихъ мѣсто постунили послушные секретарю. Однихъ призывалъ онъ къ себѣ «разными послугами, видами на повышеніе, прибавкою жалованья,

а другихъ, осмѣлившихся иногда противорѣчить, смирялъ удержа-
ніемъ онаго, принималъ и отрѣшалъ по своей волѣ, не рассуждая
ихъ достоинствъ, не токмо смотря, кто ему былъ болѣе благоскло-
ненъ или надобенъ, всѣвалъ между ними вражды, вооружая молод-
шихъ на старшихъ и представляя ихъ Президентамъ безпокойными,
пресѣкалъ способы употреблять въ пользу свое знаніе всегдашнюю
скудостью и недостаткомъ нужныхъ книгъ и инструментовъ, а деньги,
на то отпускавшіяся, тратя, по своимъ прихотямъ, на иныя разныя
издержки, до наукъ не надлежація, какъ-то на безпрестанныя по-
чинки и перепочинки, при чемъ пользовался непрерывными подря-
дами, покупками и выписываніемъ матеріаловъ изъ-за моря, такъ
что Академія, по большей части, была преобращена въ фабрику; по
чему, по таковымъ пристрастнымъ и коварнымъ поступкамъ не могъ
иначе состоять Академическій корпусъ, какъ въ великомъ не порядкѣ
и въ тратѣ казны, не на то, къ чему она опредѣлена, а на совсѣмъ
иное, что стоило многія тысячи, пользы же наукамъ отъ того не было
ни какой, кромѣ тѣмъ, коимъ всегдашніе подѣлки и передѣлки
прибыль приносятъ. Вышепоказанными вредными происками и утѣс-
неніями, шумами и спорами, а особливо посторонними и до наукъ
не надлежащими дѣлами, коль много въ сорокъ лѣтъ времени по-
теряно, то можно видѣть изъ худыхъ въ наукахъ успѣховъ, изъ
Канцелярскихъ журналовъ, наполненныхъ типографскими, книго-
продажными, грядоровальными и другими ремесленными и торговыми
дѣлами, которыми такъ время тратится, что мало досуга остается
стараться о главномъ дѣлѣ, о наукахъ, по чему въ журналахъ хотя
многочратно представлялось, чтобы оное прекратить, однако безъ
успѣха, за тѣмъ, что товарищи мои, замѣчаетъ Ломоносовъ, тѣмъ
больше могли себя выставить многодѣльными и прилежными, чего
они не могли показать по наукамъ, отъ того въ этихъ журналахъ
о ученыхъ дѣлахъ рѣдко что и найдется. «Естьли бы хотя Универ-
ситетъ и Гимназія, состояція при Академіи, были учреждены съ на-
чала, какъ нынѣ происходитъ подъ особливымъ моимъ смотрѣніемъ»,
продолжаетъ далѣе Ломоносовъ, «гдѣ въ 4 года произведены 20 сту-
дентовъ, то по сіе время было бы ихъ въ производствѣ до двухъ
сотъ человѣкъ, и чаятельно еще бы многочисленнѣе, за тѣмъ, что
за добрымъ смотрѣніемъ дѣла должны происходить съ приращеніемъ.
А коль сіе надобно въ Россіи, показываетъ великій недостатокъ
природныхъ Докторовъ, Аптекарей, Лѣкарей, Механиковъ, Юристовъ,
ученыхъ Metallурговъ и другихъ, коихъ много бы имѣть можно
въ 40 лѣтъ отъ Академіи, между тѣмъ какъ въ правленіе Шумахеромъ
въ 30 лѣтъ не произошло ни единого человѣка!» Да и при завѣ-
дываніи обоими сими учрежденіями Ломоносову иногда до слезъ
доходило; ибо, видя бѣдныхъ гимназистовъ въ скудости, не могъ
онъ выпросить для нихъ ничего нужнаго. Все было употреблено,
чтобы какъ можно препятствовать профессорамъ въ преподаваніи,
а для большаго въ томъ успѣха, самую даже кафедру перенесли

въ другое мѣсто. Когда были представлены регламенты и штаты для университета и гимназій, составленные Ломоносовымъ, «на просмотрѣніе и дѣланіе примѣчаній Профессорами», то одинъ изъ нихъ спорилъ противъ числа студентовъ и гимназистовъ до того, что, наконецъ, съ яростію вскричалъ: «Куда, де, столько Студентовъ и Гимназистовъ? Куда ихъ дѣвать и употреблять будемъ!»—«А это говорилъ онъ», прибавляетъ Ломоносовъ, «не свое, но повторялъ только слова своего патрона, который всегда твердилъ и другимъ внушалъ: «Куда намъ со студентами?» А когда нѣкоторые изъ сихъ молодыхъ людей, «брошенные безъ призрѣнія, скитаясь не малое время въ подлости, вынуждены напоследокъ были обратиться съ просьбой въ Сенатъ, который, призвавъ къ отвѣту виновника ихъ бѣды (Шумахера), сдѣлалъ ему чувствительный выговоръ съ угрозами, онъ, возвратясь, главныхъ на себя просителей билъ по щекамъ и высѣкъ батогами» (тамъ же, § 13). Но безпорядки не прекращались, и хотя за нихъ и «пренебреженіе ученія Россійскаго юношества», напряжена была слѣдственная комиссія, грозившая, «за испроверженіе наукъ и похищеніе многой казны», заслуженнымъ наказаніемъ, но по вліянію одного сильнаго тогда при Дворѣ челоувѣка иностраннаго (принца Гомбургскаго), все обрушилось на самихъ же жалобщиковъ; они же присуждены были, за ложный якобы доносъ, къ тѣмъ наказаніямъ, которыхъ былъ бы достоинъ обвиняемый ими, если бы показаніе на него было справедливо, т.-е. къ наказанію на тѣлѣ и лишенію состоянія, а подсудимый прощенъ, для замиренія, де, со шведами. Наконецъ, въ третій разъ дѣло дошло до Сената: всѣ уже профессора академіи единогласно подали жалобницу въ неурядкахъ и обидахъ, почему Сенатъ и указалъ, «чтобъ до наукъ не подлежащія дѣла имѣть въ единственномъ вѣдѣніи Профессорскому собранію» (тамъ же, § 19); но назначеніе въ президенты академіи молодого малороссійскаго гетмана (графа Разумовскаго) опять спасло виновнаго. «Будучи отъ Россійскаго народа (президентами до него все были нѣмцы: Блументростъ, Кейзерлингъ, Корфъ), новый Президентъ могъ бы много успѣть, когда бы хотя не много побольше вникалъ въ дѣла Академическія». Но подружась съ воспитателемъ графа, извѣстнымъ Тепловымъ, начальникъ канцеляріи академіи совершенно опуталъ и его, внесши въ новосоставленный и утвержденный уставъ пунктъ о полномочіи президента, «который пунктъ съ того времени», восклицаетъ Ломоносовъ, «главный есть поводъ худава Академическаго состоянія и нареканія Президенту». Ссылаясь на него, добрые люди не переставали твердить, что «честь Президентскую наблюдать должно, и противъ его желанія и воли ничего не представлять и не дѣлать, когда что наукамъ въ прямую пользу дѣлать было надобно. Вѣдали, что когда безъ Президента ничего нельзя въ Академіи сдѣлать, а онъ будетъ во всемъ полагаться на нихъ, то, конечно, полномочіе они при себѣ удержатъ. Но Президентская власть не въ томъ состоитъ», замѣчаетъ Ломоносовъ, «что

власть его важна, но въ томъ, ежели Академію содержать въ цвѣтущемъ состояніи, старается о новыхъ приращеніяхъ ожидаемыя отъ ней пользы. Великая власть, употребленная въ противное, приносить больше стыда и нареканія» (§ 67). «Удивительно ли потому, что опять многіе профессора бросились безъ оглядки бѣжать изъ Россіи (Делиль, Гмелинь, Крафтъ, Гензіусъ, Крузіусъ, Вильде и др.), которые, естественно, не молчали же у себя о томъ, что дѣется въ петербургской академіи, такъ что послѣдняя нашлась въ необходимости отправить нарочно за границу на казенный коштъ, подъ видомъ академическихъ нуждъ, надлежащихъ до книжнаго дѣла, особыхъ людей, коимъ въ инструкціи, между главными пунктами, предписывалось, «въ проѣздѣ своемъ, истреблять худыя мнѣнія объ Академіи и увѣрять объ ея цвѣтущемъ состояніи. Ибо для таковыхъ поступокъ никто не хотѣлъ изъ иностранныхъ ученыхъ вступать болѣе въ Академію, и нужда была принимать на упалыя Профессорскія мѣста людей весьма посредственныхъ, но и тѣ склонялись нарочнымъ лишь увѣщаніемъ». Оттого, когда одинъ изъ профессоровъ академіи (Штрубъ) попросилъ было въ это время прибавки себѣ, ему отвѣтили; «Нынѣ Академія безъ Академиковъ, Канцелярія безъ Членовъ, Университетъ безъ Студентовъ, правила безъ важности, и, наконецъ, во всемъ замѣшательство еще по нынѣ неисцѣлимое!» (§ 36).

Каково же все это было видѣть, переносить и, при всемъ усиліи истребить, терпѣть неудачу Ломоносову, съ его свѣтлымъ творческимъ умомъ и страстнымъ чувствомъ, кипучей дѣятельностью и безпредѣльной до самопожертвованія любовью къ наукамъ и водворенію ихъ въ обожаемой имъ родной землѣ? Ломоносову уже съ перваго шага его въ академію подставлены были зоркимъ набродомъ препоны, чуявшимъ, какого полета прилетѣла пташка въ ихъ палестины, — препоны, время отъ времени возраставшія все болѣе и болѣе. И чего онъ не испыталъ: четыре года бесполезно хлопочеть объ устройствѣ, для упражненія въ своей химической наукѣ, при академіи лабораторіи, и когда, по вмѣшательству въ это дѣло самой государыни, устроена была она, вызвали изъ Голландіи другого (Бургава) на его мѣсто профессоромъ, а его собирались опредѣлить къ переводамъ (§ 26—27); потомъ отнимаютъ у него помѣщеніе въ академіи (§ 29); отрѣшаютъ отъ присутствія въ профессорскомъ собраніи (§ 35); скопомъ возстаютъ противъ пожалованія его въ V классъ, хотя онъ въ прежнемъ состоялъ уже девятый годъ, служа около 30 лѣтъ и отправляя до четырехъ профессій сверхъ дѣлъ канцелярскихъ (§ 39); заподозриваютъ открытія и изобрѣтенія, сдѣланныя имъ въ любимыхъ его наукахъ; препятствуютъ въ чтеніи лекцій въ университетѣ и гимназіи; стараются удалить оба учрежденія изъ академическаго корпуса, а пріобрѣтенное новое зданіе для нихъ отдать подъ типографскія и другія ремесленные дѣла (§ 51—52), такъ что необыкновенныхъ усилій стоило Ломоносову не допустить,

чтобы, какъ выражался онъ, нѣмецкая фабрика не явилась въ лучшемъ состояніи, нежели науки (Протоколы 1764, 10 и 13 сентября, стат. 4, 5 и 11, въ «Чтеніяхъ», стран. 158—160); мѣшаютъ по управленію географическимъ департаментомъ, не допуская до отправленія предложенныхъ имъ экспедицій въ разныя мѣста Россіи, и когда, несмотря на то, «по новому расположенію сочинены спеціальныя карты, несравненно полнѣе и исправнѣе прежнихъ, онѣ не были печатанія удостоены по тому лишь, что примѣчены неисправности въ наименованіи нѣкоторыхъ чухонскихъ деревень» (§§ 53—54); послѣ, придравшись къ тому, что въ этомъ департаментѣ дѣло идетъ медленно, отдають его другому (§ 55); останавливаютъ самое изданіе нѣкоторыхъ его сочиненій (напримѣръ грамматики на нѣмецкомъ языкѣ); отмалчиваются на запросъ правительства, въ какихъ именно городахъ слѣдуетъ завести гимназіи, — запросъ, вызванный особою запиской Ломоносова, поданной Шувалову; наконецъ, не только отнимають у него университетъ и гимназію, но и самого его выжидаютъ изъ академіи, и только, благодаря Орлову, считавшему, подобно Шувалову и Воронцову, за особую честь пользоваться его знакомствомъ, помогать и вступаться за него, повелѣніе это отмѣнено, и онъ остался при академіи.

Какъ ни сильны были, однако, покровители Ломоносова, а ему не суждено было видѣть осуществленіе единственнаго и верховнаго его желанія, «привести въ вождельнное теченіе Академическія Гимназію и Университетъ, откуда могли, по его мнѣнію, произойти многочисленные Ломоносовы». Убѣдившись въ тщетѣ своихъ усилій, онъ было задумалъ устроить отдѣльный университетъ, — и снова потерпѣлъ полную неудачу. Напрасно представлялъ онъ, что «симъ всѣ истинные сыны Отечества отъ унынія возставлены, или лучше, воскрешены будутъ, а злые недоброхоты Россійскіе, въ коварныхъ своихъ проискахъ, не такъ стануть посягать на насъ дерзостно». Напрасно восклицалъ: «Нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить и отъ презрѣнія (въ которое, прибавляетъ онъ, я было самъ первый попалъ) избавить возлюбленный Россійскій родъ!» (Письмо къ Орлову, отъ 26 іюля 1762 г.) Новый университетъ не былъ открытъ, да и бывший при академіи неполный вскорѣ закрыли. Но Ломоносовъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, горести видѣть то при жизни своей, и утѣшалъ себя хоть тѣмъ, что посчастливилось-таки ему «въ отчаяніи сѣтующее учащееся Россійское юношество оживить учрежденіемъ университета въ сердцѣ Руси, при заведеніи коего, по собственнымъ его словамъ, онъ былъ «не просто участникомъ, но и первую причину къ основанію его подалъ» (§ 67).

Стало-быть, постоянною руководящею мыслию Ломоносова въ его академической борьбѣ было: желаніе очистить Академію Наукъ отъ тѣхъ безпорядковъ въ ней, которые возмущали его и всѣхъ благомыслящихъ и истинныхъ сыновъ Россійскихъ, чтобы она была «не для однихъ чужестранныхъ, но паче для своихъ»; чтобы въ ней происходило

обученіе россійскаго народа молодыхъ людей, а не иныхъ, въ которыхъ Россійской имперіи ни какой пользы быть не можетъ; чрезъ такіе непорядки и нерадѣніе никто изъ россійскихъ людей съ начала Академіи не произведенъ», писалъ онъ Сенату уже въ 1742 году (въ Доношеніи Нартова, Совѣтника Академической Канцеляріи), т.е. при самомъ вступленіи своемъ въ академію, и никогда не переставалъ твердить то и стремиться къ осуществленію онаго, такъ что еще за полгода передъ смертью входилъ съ представленіемъ «объ отложеніи выписыванія изъ-за моря въ Академію иностранныхъ профессоровъ, а о наученіи и произведеніи россійскихъ природныхъ, посылая ихъ въ иностранные университеты» (Протоколъ Академіи Наукъ 10 сентября 1764 года, въ «Чтеніяхъ», стран. 158, ст. 1). Слѣдовательно, вопросъ шелъ собственно объ утвержденіи наукъ въ Россіи, для чего требовалось прежде всего, конечно, вывести академію на настоящій путь, указанный ей самимъ Петромъ Великимъ, «обучивъ, черезъ посредство вызванныхъ въ нее заграничныхъ ученыхъ, Русскихъ молодыхъ людей, которые бы, бывъ помощниками своимъ наставникамъ, въ послѣдствіи смѣнили ихъ и, такимъ образомъ, Академія не только довольствовалась бы сама себя *своими учеными*, но размножала ихъ и распространяла по всей Русской землѣ», была бы въ полномъ смыслѣ русской въ Русскомъ царствѣ. Понятно, потому, что воительство Ломоносова за науки въ Россіи съ недоброхотами ихъ, коими были не одни лишь канцелярскіе, но, за весьма немногими исключеніями, почти всѣ не отъ россійскаго рода, глядѣвшіе на Россію, какъ на прибыльную статью, оставить которую за собой и своими подольше не прочь былъ каждый, — воительство Ломоносова, говорю, составляло самое существенное явленіе въ его жизни, не будь котораго, и Ломоносовъ не былъ бы вполне Ломоносовымъ. Ибо кабинетная дѣятельность его никогда не разладилась съ гражданскою, имѣя для себя одинъ и тотъ же источникъ, однѣ и тѣ же побужденія и цѣли. При такомъ гармоническомъ настроеніи всѣхъ душевныхъ силъ, его не страшило число противниковъ, которые поднимались на него отдѣльно и цѣлымъ соборомъ.

Самые недостатки Ломоносова (отъ которыхъ, повторяю, никто несвободенъ, какъ человѣкъ) проистекали, по большей части, отъ ревности его при осуществленіи своихъ плановъ, отъ увлеченія и, какъ извѣстно теперь, отъ систематически намѣреннаго во многихъ случаяхъ противорѣчія его недруговъ, которые, зная пылкій его нравъ и горячесть, умышленно вызывали его на какое-нибудь невзвѣщенное слово, неосмотрительный поступокъ, и, получивъ то, первые же били въ набатъ, спѣшили съ доносомъ и жалобой на обидчика. Такъ было при разсужденіи о власти президента по поводу пересмотра устава академіи въ 1755 году, когда Тепловъ всѣ предложенія Ломоносова объ обязанностяхъ президента нарочно сводилъ на то, что онъ своими разсужденіями оскорбляетъ начальника, хотя

онъ предварилъ въ самомъ началѣ, что, говоря о президентской обязанности, всегда будетъ разумѣть президентовъ вообще, а не именно графа Гетмана, и своимъ притворно кроткимъ видомъ и плохо замаскированной неблагонамѣренностью довелъ Ломоносова до того, что тотъ назвалъ его подьячимъ и т. п. Такъ было въ дѣлѣ съ Миллеромъ, который, по увѣренію Ломоносова, до того заѣлся со всѣми почти профессорами, что въ спорахъ никому не хотѣлъ уступить, ничего отмѣнить при просмотрѣ въ профессорскомъ собраніи 1-го тома его «Сибирской Исторіи», и, дѣйствуя всегда съ отъявленными врагами Ломоносова, во всемъ прочемъ постоянно враждуя съ ними (§ 55), понятно, заставилъ Ломоносова смотрѣть на него, какъ на недруга русскаго просвѣщенія, желавшаго унизить его публично въ Рѣчи, предназначавшейся для произнесенія въ торжественномъ собраніи (1749 года), выводя въ ней имя и начало русскихъ отъ всегдашнихъ ихъ враговъ — Шведовъ, и доказывая, вслѣдъ за Байеромъ, что Варяго-Руссы были Норманы. По тогдашнему времени, государственнымъ отношеніямъ нашимъ, особливо къ сосѣдямъ, съ которыми недавно еще были въ войнѣ (съ шведами) и готовились къ другой (съ Пруссіей, по настоянію Австріи), по замысламъ нѣмцевъ въ предыдущее царствованіе, когда даже въ Шляхетномъ корпусѣ учили благодное россійское дворянство универсальной исторіи и исторіи нѣмецкаго государства, но не исторіи русской, замысламъ, правда, пріутихшимъ съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы въ мірѣ административномъ, но не въ мірѣ академическомъ, по всѣмъ симъ обстоятельствамъ, естественно, Ломоносовъ, стоявшій въ числѣ борцовъ за свое на родной землѣ, заподозривъ своего давнишняго и открытаго соперника въ зломъ умыслѣ противъ чести государства, и обвинилъ его въ оскорбленіи ея. При этомъ и Миллеръ велъ себя съ противниками и судьями донельзя возмутительно, ругая и безчестя ихъ словесно и письменно, грозя палкою и назвавъ того же самаго Теплова въ домѣ президента гораздо болѣе крѣпкимъ словомъ, чѣмъ какимъ Ломоносовъ подарилъ его (§ 32). Такъ было и съ Шлецеромъ. Имѣя порученіе отъ самой императрицы, «желавшей видѣть Россійскую Исторію, написанной его штилемъ», Ломоносовъ съ жаромъ занялся собраніемъ къ тому нужныхъ матеріаловъ, даже вынужденъ былъ объявить, какъ ни тяжело то было ему, что, при такой работѣ, «онъ не чаеть уже такъ свободно упражняться въ самой любимѣйшей своей наукѣ, Химіи» (§ 29). И вотъ является иноземецъ, выписанный ненавистнымъ ему Миллеромъ себѣ для вспоможенія, становится весьма удобнымъ орудіемъ въ рукахъ антирусской стороны, открывшей ему доступъ къ рукописямъ и т. п. и даже требовавшей, чтобы онъ передалъ въ употребленіе свои историческіе матеріалы и самыя сочиненія только что «начинавшему учиться Русскому языку» (§ 63). Испытывая все это, слыша къ тому Миллеровы жалобы и представленія, и опасаясь, чтобы не воспослѣдовали такія же неудовольствія, какія были

прежде отъ иностранныхъ, изъ Россіи выѣзжихъ, Ломоносовъ сильно вооружается противъ этого, по его убѣжденію, выскочки, насильно навязываемаго академіи, обличаетъ его въ неблагодарности къ написавшему его и благодарѣтельствовавшему переходомъ въ противный станъ, честить буйствомъ письменное требованіе его историческихъ трудовъ, а сочиненія его называетъ мелочами, для ученаго свѣта неважными. Дѣйствительно, Шлецеръ до этого времени издалъ въ Россіи только: «О избраніи Королей въ Польшѣ», печаталь свою «Русскую Грамматику», преисполненную, какъ замѣчаетъ Ломоносовъ, непростительныхъ погрѣшностей», и представилъ Академіи записку, какимъ образомъ можно составить древнюю русскую исторію, въ которой доказывалъ необходимость обратить вниманіе на византійскихъ писателей. «Но на сей конецъ», говоритъ Ломоносовъ, «уже за нѣсколько лѣтъ изыскано мною не токмо все, что въ Славенскихъ и съ ними сплетенныхъ писателяхъ, но и въ древнѣйшихъ Греческихъ (Геродотъ, Страбонъ, Птоломеѣ и др.) много приискано для примѣчаній на древнюю часть россійской исторіи. Въ семь случаѣ разсудить можно, сколько мнѣ помогло совершенное знаніе Россійскаго и Славенскаго языка, также и разумніе другихъ, имъ сродныхъ, діалектовъ, сверхъ того обширное чтеніе книгъ нашихъ историческихъ и отъ молодыхъ лѣтъ обращеніе въ церковныхъ обрядахъ и служебныхъ книгахъ, кои, по единству Вѣры, многіе представляютъ способы къ изъясненію нашихъ дѣлъ по Византійскимъ писателямъ, чѣмъ ни какой иностранецъ пользоваться не можетъ. По тому старанія Шлецеровы о семь дѣлѣ намъ ненадобны (заклучалъ онъ), а паче еще могутъ быть вредны по его прошибкамъ и по склонности къ предосудительнымъ шуткамъ». (Мнѣніе Ломоносова, поданное въ Профессорское засѣданіе 11 октября 1764 года.)

Совершенствовать науку вездѣ можно, а на неподготовленной почвѣ — неразумно; помогать совершенствованію можно гораздо проще, не вводя никого въ заблужденіе, что и мы, де, помимо вещественнаго вклада, участвуемъ въ томъ еще умственнымъ, который, какъ не отъ насъ, то и не нашъ. Да и матеріальная жертва наша не вызоветъ спасибо со стороны тѣхъ, кто самъ не бѣднѣ насъ, а развѣ только заставитъ улыбнуться при видѣ такой нерасчетливой и бесполезной для себя затраты. Стало-быть, не это побуждало Ломоносова такъ горячо вступаться за науку въ Россіи: сама Академія сознается теперь, что такая цѣль основателя ея въ ту пору была еще несовременная, но другая, болѣе практичная, и за нее-то Ломоносовъ со всѣмъ пыломъ души ухватился и старался, несмотря ни на какія препятствія, содѣйствовать осуществленію ея, хотъ бы пришлось поплатиться за то всѣмъ, что только можетъ быть дорого для человѣка на землѣ. Онъ зналъ хорошо, извѣдавъ на себѣ самомъ, что прежде слѣдуетъ усвоить добытое другими и, переваривъ усвоенное, стремиться къ самодѣятельности и самостоятель-

ности, расширить предѣлы человѣческаго вѣдѣнія, «принести и отъ себя лепту въ общую сокровищницу».

Изнемогая отъ долговременной и упорной борьбы, видя со всѣхъ сторонъ однѣ лишь черныя тучи на родномъ небосклонѣ, этотъ, сколько гениальный, столько же несокрушимой воли мужъ, никогда не унывавшій, но вѣчно свѣтлый и острый, говорилъ: «Науки претерпѣваютъ крайнее препятствіе, производятся новыя неудовольствія и нѣтъ къ лучшему надежды. Едино упованіе состоитъ, по Бозѣ, во всемилостивѣйшей Государынѣ нашей, которая, отъ истиннаго любленія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ Отечества, можетъ быть, разсмотреть и отвратить сіе нещастіе. Ежели жъ того не воспослѣдуетъ, то вѣрить должно, что нѣтъ Божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи» (§ 71). Но, какъ извѣстно, заступленія не воспослѣдовало, и онъ, лежа уже на смертномъ одрѣ, съ грустью шепталъ одному изъ близкихъ къ нему: «Другъ мой! Я примѣчаю, что мнѣ скоро умереть: на смерть взираю равнодушно, но сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы Отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія намѣренія мои исчезнуть вмѣстѣ со мною». (Жизнь Ломоносова, въ Собраніи разныхъ сочиненій его, изд. 1803 года. С.-Пб., стран. XLIV.)

Благія намѣренія его такъ-таки и исчезли съ нимъ: то, на что въ особенности и больше всего напиралъ Ломоносовъ — Академическій Университетъ, — вскорѣ, какъ замѣчено выше, по кончинѣ его былъ закрытъ, и этой мѣрой набродная стихія до того усилилась, что ее ничто уже не въ силахъ было подорвать: ни назначеніе президентовъ изъ Россійскаго рода, ни поступленіе въ ряды академикомъ сыновъ Россійскихъ, что, впрочемъ, происходило тогда лишь, когда не представлялось никакой возможности избѣжать того. Но эти немногіе русскіе и подавну уже не могли продолжать задачи Ломоносова, по той простой причинѣ, что ни въ одномъ изъ нихъ ничего не было Ломоносовскаго; при томъ каждый видѣлъ печальный исходъ его исполинской борьбы. Да и то надо замѣтить, что всѣ вступавшіе въ этотъ своеобразный міръ, до того проникались духомъ и складомъ его, что почти всегда поглощались имъ, мыслили, чувствовали и дѣйствовали, словно вскормленные и вспоенные въ немъ, очень часто въ ревности о благосостояніи его обгоняя самихъ сидящихъ на корнѣ. Удивительно ли, что Ломоносовъ и въ современныхъ ему русскихъ академикахъ не видѣлъ лица русскаго? Если въ наше время русскимъ академикамъ частенько-таки приходится слышать отъ своихъ инородныхъ товарищей возгласы: «Вы, Русскіе Академики!...» (съ извѣстнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ и удареніемъ на словѣ «Русскіе»), что же слышали они, забитые и загнанные пришлыми отъ четырехъ вѣтровъ, въ Ломоносовское время, когда варяжская стихія въ русской Академіи господствовала,

всѣмъ заправляла, все гнула на свою дугу, открыто глумилась надъ всѣмъ русскимъ, особливо русскимъ умомъ, наукой?

Съ этой точки зрѣнія, думаю, слѣдуетъ смотрѣть на многотрудный подвигъ мужа, память котораго мы, позднее, но признательное, потомство, собрались сегодня почитать въ храмѣ, обязанномъ ему своимъ бытіемъ, «славя Отечество наше съ таковымъ гражданиномъ (какъ сказано въ надписи на величественномъ памятникѣ, воздвигнутомъ на гробѣ его однимъ изъ его почитателей-меценатовъ) и горестно соболѣзнуя объ его кончинѣ», и о неудачахъ, понесенныхъ имъ и «препятствовавшихъ простираться ему еще далѣе въ полезныхъ и славныхъ Отечеству его упражненіяхъ» (Письмо къ Шувалову 1754 года). Разсмотрѣвъ его дѣла и творенія, дѣйствительно убѣждаемся, что онъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ первыхъ его биографовъ, (въ Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ, С.-Пб. 1772 года), «былъ мужъ великаго разума, высокаго духа и глубокаго ученія; бодрость и твердость его оказывались во всѣхъ его предпріятіяхъ»; онъ «служилъ (читаемъ далѣе на его памятникѣ) знатнымъ украшеніемъ Отечеству, Краснорѣчія, Стихотворства и Исторіи Россійской учитель, Муци первый въ Россіи безъ руководства изобрѣтатель (*pictor autodidactos*)», и, смѣло прибавимъ мы къ этому голосу современниковъ его, былъ творецъ нынѣшняго письменнаго языка и словесности, какъ Петръ, котораго столько боготворилъ и воспѣвалъ, творецъ нашего государства, а «соединяя необыкновенную силу воли, по замѣчанію Пушкина, съ необыкновенною силою понятія, обнималъ всѣ отрасли просвѣщенія», былъ пламенный жрецъ и неутомимый требователь его, проповѣдникъ и распространитель въ отечествѣ своемъ почти всѣхъ знаній человѣческихъ, въ коихъ сталъ виновникомъ многихъ самыхъ замѣчательныхъ открытій, «эмпирикъ и идеалистъ» попеременно, первый руководитель и направитель мышленія и вѣдѣнія родного, первый чисто свой дѣятель науки, безстрашный борецъ за Русь и все русское на русской землѣ, подвижникъ и наставникъ нашъ, какъ намъ трудиться, одолѣвать неодолимое, стремиться, какъ выражались Римляне, *per angusta ad angusta*, какъ изжить жизнь, чтобъ и насъ помянули такимъ же добрымъ словомъ, какимъ мы, правнуки, поминаемъ его, прадѣда нашего, теперь, въ своей безпредѣльной къ нему признательности за его труды и подвиги, поднятые для Россіи, короче: какъ намъ надо служить своему народу и родинѣ и любить ихъ, чтобы и объ насъ сказали: «Онъ русскій, онъ соотечественникъ Ломоносова!» Хотя и почилъ онъ давно уже отъ дѣла и дѣланія своего, но, оставивъ по себѣ имя паче тысящъ, вѣчно будетъ присущъ намъ, по крайней мѣрѣ, дотолѣ, пока свято-русская земля стоитъ, пока на Руси русскій духъ живетъ, или, какъ говорить нашъ народъ, Русью пахнетъ.

Я съ намѣреніемъ выбралъ предметомъ для себя въ этотъ торжественный день, посвященный празднованію памяти нашего присно-

памятнаго воителя за насажденіе науки на русской землѣ, для русскихъ и посредствомъ русскихъ, отношеніе его къ тому учрежденію, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, и показалъ, смѣю думать, основываясь на однихъ лишь подлинникахъ и излагая, для предупрежденія недоразумѣній, гдѣ то нужно было, почти все словами ихъ, его настоящее значеніе для столь любезной сердцу его Россіи. А насъ хотять, между тѣмъ, увѣрить, будто вся борьба Ломоносова за науку съ недоброхотами ея, какъ онъ обыкновенно выражался, происходила единственно отъ случайныхъ столкновеній съ современными ему академиками, отъ несовершенствъ тогдашняго академическаго управленія, и отъ его характера горячаго, пылкаго и настойчиваго, забывая, что самъ же онъ сказалъ объ этомъ: «Я къ сему себя посвятилъ», говоритъ онъ, «чтобы до гроба моего съ неприятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ. Стоялъ за нихъ съ молода, на старости не покину». (Письмо къ Теплову. 1761 года.) Стало-быть, одно изъ двухъ: или тѣ, кто утверждаетъ это не совсѣмъ вникли въ его показанія, не сообразили ихъ съ его дѣятельностью, или же, какъ называютъ такихъ людей Сербы, суть уже сувыше мудры.

Боданскій.

Поморы и первые годы жизни Ломоносова.

На сѣверѣ Россіи, по Бѣломорскому побережью, Сѣверной Двинѣ и другимъ большимъ рѣкамъ, живутъ поморы, добывающіе себѣ средства къ жизни промысломъ на Бѣломъ и Ледовитыхъ моряхъ, — потомки гражданъ Великаго Новгорода, поселившихся въ былыя времена на берегахъ Сѣверной Двины, по которой издавна пролегалъ большой торговый путь. Промыселъ поморовъ тяжелъ и опасенъ: даже въ тѣ немногіе мѣсяцы, когда сѣверныя моря свободны ото льда, на нихъ бываютъ часто сильныя вѣтры, бури, туманы, всегда приходится быть въ готовности, наблюдать внимательно вѣтры и погоду, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ и не потерять снасти и корабль. Когда поморъ не занятъ своимъ промысломъ, онъ — торговецъ: продаетъ свою добычу, рыбу, морского звѣря, скупаетъ разные продукты и продаетъ ихъ. Эти операціи ведутся нерѣдко не только въ Россіи, но и за границей — главнымъ образомъ въ сосѣдней Норвегіи, иногда даже въ Англии; поморы по необходимости должны имѣть сношенія съ самыми разнообразными людьми — и русскими, и иностранными, — съ которыми они встрѣчаются какъ за границей, такъ и въ Архангельскѣ — центрѣ дѣятельности поморовъ, куда постоянно пріѣзжаютъ и иностранцы ради своихъ торговыхъ дѣлъ. Не удивительно, поэтому, что поморы представляють изъ себя особенный, самобытный классъ населенія и хотя обычно и числятся крестьянами, но по смѣтливости, энергіи, пред-

примчивости, общему развитію рѣзко отличаются отъ крестьянъ, занимающихся только земледѣліемъ.

Въ прежнія времена, въ XVII столѣтіи и въ началѣ XVIII, когда Архангельскъ былъ главнымъ морскимъ портомъ Россіи, дѣятельность поморовъ была еще значительнѣе, чѣмъ теперь. Однимъ изъ наиболѣе зажиточныхъ и предприимчивыхъ среди тогдашнихъ поморовъ былъ Василій Дорощеевъ Ломоносовъ — отецъ М. В. Ломоносова. Кромѣ промысловъ на Мурманскомъ берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ, гдѣ онъ ловилъ треску и палтосину со своихъ судовъ, изъ которыхъ одно было большое, съ корабельной оснасткой, онъ имѣлъ еще довольно значительное количество земли. Самъ онъ былъ добрый человѣкъ, простой и совѣстливый, къ сиротамъ податливый, а съ сосѣдями обходительный; онъ, несомнѣнно, обладалъ выдающеюся наблюдательностью и большимъ природнымъ умомъ и въ своемъ промыслѣ всегда имѣлъ удачу. Хотя и неграмотный, онъ былъ среди поморовъ своего времени однимъ изъ передовыхъ людей: извѣстно, что онъ первый выстроилъ и по-европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ, который прозвалъ «Чайкою»; ходилъ на немъ по Двинѣ, Бѣлому морю и по Сѣверному океану для рыбныхъ промысловъ, а также занимался перевозкою разныхъ казенныхъ запасовъ и товаровъ частныхъ людей города Архангельска въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Самояди и на рѣку Мезень.

Василій Дорощеевъ Ломоносовъ жилъ на островѣ Куростровскомъ, на Сѣверной Двинѣ противъ города Холмогоръ. Въ этомъ мѣстѣ Сѣверная Двина развѣтвляется на много рукавовъ, образующихъ группу острововъ, перерѣзанныхъ протоками во всѣхъ направленіяхъ, какъ это видно на прилагаемыхъ здѣсь картахъ. Куростровъ лежитъ противъ самаго города Холмогоръ и въ началѣ XVIII вѣка имѣлъ до 20 деревень, окружавшихъ кольцомъ возвышенную середину Курострова, поросшую еловымъ лѣсомъ. Домъ Василя Дорощеева Ломоносова находился на большой проѣзжей дорогѣ за деревней Денисовкой; тутъ же была и принадлежавшая ему земля. Первый разъ онъ женился на дочери дьякона села Николаевскихъ Малигоръ (расположеннаго недалеко отъ Холмогоръ), Еленѣ Ивановнѣ Сивковой: отъ этого брака родился въ 1711 году, вѣроятно 8-го ноября, ихъ единственный сынъ Михайло Васильевичъ Ломоносовъ.

Первые годы жизни Ломоносова протекли въ обычныхъ условіяхъ жизни дѣтей поморовъ: до десятилѣтняго возраста онъ оставался въ деревнѣ, а съ того времени отецъ сталъ брать его съ собою каждый годъ лѣтомъ и осенью на промыселъ, чтобы съ малыхъ лѣтъ приучить сына къ этому дѣлу. Отецъ и составлявшіе артель промышленники рассказывали молодому Ломоносову про моря и страны, которыя они посѣщали, про образъ жизни тѣхъ морскихъ

звѣрей и рыбъ, которыми они промысляли; эти рассказы находили въ Ломоносовѣ жаднаго слушателя и производили на него большое впечатлѣніе. Въмѣстѣ съ отцомъ онъ также нерѣдко бывалъ и жилъ у родныхъ въ Архангельскѣ, гдѣ, конечно, тоже встрѣчалъ не мало интереснаго и поучительнаго.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ (онъ ходилъ на промыселъ до 19-лѣтняго возраста), Ломоносовъ многое видѣлъ и многому научился. Нельзя не удивляться внимательности, съ какою онъ наблюдалъ всѣ проявленія сѣверной природы, обычаи и образъ жизни тамошнихъ жителей и животных, и точности, съ какою запоминалъ все видѣнное; въ послѣдствіи Ломоносовъ нерѣдко пользовался въ своихъ ученыхъ трудахъ этими юношескими наблюденіями. Вотъ, напр., что онъ пишетъ о лопаряхъ въ 1761 году: «Лопари съ финцами одного поколѣнія, ровно какъ и съ корѣлами и со многими сибирскими народами. Языкъ имѣютъ одного происхожденія и разнятся другъ отъ друга, какъ нѣмецкой отъ датскаго и шведскаго или италіанской отъ французскаго, а отличаются лопари одною только скудостью возраста и слабостію силы, за тѣмъ, что мясо и хлѣбъ ѣдятъ рѣдко, питаются одною почти рыбою. Я, будучи лѣтъ четырнадцати, побарывалъ и перетягивалъ тридцатилѣтнихъ сильныхъ лопарей. Лопарки хотя лѣтомъ, когда солнце не заходитъ, весьма загораютъ, ни бѣлили, ни румянъ не знаютъ; однако, мнѣ ихъ видѣть нагихъ случалось и бѣлизнѣ ихъ дѣвиться, которою онѣ самую свѣжую треску превосходятъ — свою главную и повседневную пищу».

Кромѣ собственнаго промысловаго дѣла, въ которое особенно посвящалъ сына отецъ въ расчетѣ передать ему потомъ все веденіе своихъ дѣлъ, Ломоносовъ познакомился со многимъ другимъ: не говоря уже о ремеслахъ, которыя онъ видѣлъ на верфяхъ Сѣверной Двины (главнымъ образомъ извѣстной Вавчужской верфи, въ 10 верстахъ отъ Курострова, строившей торговые и военные корабли), Ломоносовъ изучилъ соляное дѣло на поморскихъ солеварняхъ Бѣлаго моря (съ которыхъ покупалъ соль для отцовскаго промысла); наблюдалъ дѣйствіе волнъ на берега, приливы и отливы, вѣтры, льды и ледяныя горы Сѣвернаго Океана, сѣверныя сіянія и т. под. Все это возбуждало въ немъ живѣйшій интересъ и страстное желаніе изучить тѣ науки, которыя позволили бы ближе познать эти явленія природы.

Меншуткинъ.

Родина Ломоносова, бытъ и духовный укладъ жизни ея обитателей.

Деревня, гдѣ родился Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, именовалась тогда *Денисовкою*. Она принадлежала Куростровскому сельскому обществу, состоявшему изъ двадцати одной деревни, кои правильнымъ кругомъ оцѣпляли подошву холма, лежащаго среди

низменной равнины. Въ общемъ они составляли тотъ Куростровъ, что и нынѣ носить свое названіе отъ времени еще до-исторической Заволоцкой Чуди; отсюда не далѣе трехъ верстѣ къ сѣверу находился нижній Холмогорскій посадъ, уже теперь не существующій.

Денисовская деревня, гдѣ родился Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, въ его время представляла собою беспорядочную кучу дворовъ, разбросанныхъ по высокому обрыву праваго берега Курополки, въ близкой смежности съ прежнимъ церковнымъ погостомъ, отъ котораго отдѣлялась только широкимъ оврагомъ. Между домами и вокругъ нихъ ютились огороды и хлѣбныя поля, а сзади пролегла мимоѣзжая дорога. По общему преданію, мѣсто дома Ломоносова опредѣляется особнякомъ въ юго-восточномъ углу нынѣшней школьной Ломоносовской усадьбы, гдѣ нынѣ стоитъ домъ наследниковъ Александра Гавриловича Шубнаго, родъ которыхъ будто бы имѣеть какое-то фамиліное свойство съ потомствомъ Ломоносовыхъ.

Крайне однообразны были постройки прежней Денисовки: и у богача и у бѣдняка строились дома одного плана и типа, при чѣмъ еще только недавно они стали исчезать, замѣняясь новыми сооруженіями. Всѣ равно заботились о прочности, теплѣ, а не объ изящности домовъ, поэтому массивная толща стѣнъ, подслѣповатыя окна, узкія двери, рубленые углы, крыша въ два ската, изолированная выступомъ на фасадѣ свѣтелка, широкій скотный дворъ, примыкавшій къ жилью, обязательная повѣть, или сѣноваль вверху двора и бревенчатый взѣздъ въ широкія ворота повѣти, — вотъ все, чѣмъ характеризовался снаружи всякій домъ современной Ломоносову Денисовки. Единственными, такъ сказать, налѣпными украшеніями были расписныя ставни, балкончикъ на чердакѣ и прицѣлины, т.-е. рѣзныя отдѣлки подъ крышею и вокругъ оконныхъ косяковъ, иногда крашеная дощатая обшивка угловыхъ концовъ. Половина фасада, занятая свѣтелкою, всегда выступала сажени на двѣ и болѣе впередъ, а та часть, которая отступала назадъ, строилась въ такой ширинѣ, чтобы можно было внутри помѣстить большой возъ и съ запряженною въ него лошадыю. Это были сѣни; и наружныя ворота, обязательно съ фасада, устанавливались такъ, чтобы въ нихъ можно проѣзжать на конѣ или, по крайней мѣрѣ, затянуть широкія возовыя розвальни. Изъ этихъ сѣней вела колѣнчатая лѣстница вверхъ, гдѣ тоже имѣлись широкія сѣни съ кладовыми для платья, сундуковъ и припасовъ, и откуда были ходы въ свѣтелку, чистую кухню и на повѣть. Подъ свѣтелкою подвальная часть назначалась для храненія муки и хлѣба, а рядомъ дѣлали широкую черную кухню, гдѣ собственно и жила вся семья, потому что верхи служили тогда тѣмъ же точно, что у насъ теперь гостиная, зала или парадная пріемная. Внутренняя обстановка не блестѣла изысканностію. Лубочныя картины, сведѣльная мебель, дешевенькая окраска, штукатурка или оклейка обоями и прежде и теперь выдѣляли чистыя помѣщенія отъ черныхъ, гдѣ оставались

голыми и потолокъ, и стѣны, а на полу царила грязь. Что касается общей обыденной обстановки, то всё принадлежности домашняго скарба каждый, можно сказать, дѣлалъ для себя: здѣсь тачали сапоги, ткали полотна и рѣдину, валяли сукна и зимнюю обувь, шили одежду, выдѣлывали кожу, изготовляли инструменты для ремесль и принадлежности сельскаго хозяйства включительно до деревянной посуды. Во всякомъ домѣ имѣлись тѣ или иные мастера, такъ что та или иная обстановка всецѣло зависѣла отъ личнаго труда; покупали на деньги только глиняную, стеклянную, мѣдную посуду, слесарныя издѣлія, предметы роскоши и больше ничего. Дворовое хозяйство по сіе время осталось тѣмъ же, чѣмъ было и до Ломоносова; дворовыя постройки всё такъ же однообразны, какъ современныя Михайлу Васильевичу.

Родители Михаила Васильевича Ломоносова были довольно зажиточными людьми. Кромѣ собственнаго дома со всеми добавленіями къ нему, они имѣли усадьбу, на которой, въ сѣверную сторону отъ жилья, существовалъ глубокій прудъ, гдѣ Василій Дороеевичъ Ломоносовъ разводилъ рыбу и держалъ водяную домашнюю птицу, а сынъ его Михаилъ хлопоталъ надъ кормомъ и сохранностью этихъ живыхъ насельниковъ пруда. Мѣстные старожилы точно опредѣляютъ это мѣсто и засоренный Ломоносовскій колодець, но лучшимъ указателемъ его была желѣзная рѣшетка, найденная въ 1865 году при разработкѣ школьнаго сада, — рѣшетка, которою Ломоносовъ закрывалъ выходъ воды изъ пруда въ рѣку, чтобы вбѣгавшая съ пригорка струя, стремясь къ береговому обрыву, не уносила рыбу съ собою. Гдѣ эта рѣшетка, теперь неизвѣстно. Судя по тому, какъ объясняетъ народное преданіе планъ старинной Денисовки, мѣсто дома Ломоносовыхъ уединенно замыкало сѣверо-западную оконечность деревни, ибо прежнюю Денисовку уничтожило двинскими льдами и водоразливами, между тѣмъ какъ Ломоносовская усадьба, къ ней принадлежавшая, осталась неприкосновенною. Значить, Денисовка отсюда разбрасывалась къ юго-западу по широкому, уже уничтоженному крутому береговому выступу. Мѣстные старожилы еще помнятъ послѣдніе дома подлинной Денисовки и помнятъ, что даже впереди находились поля; и вотъ, въ какія-нибудь 70 лѣтъ рѣка Курополка отнесла саженъ триста отъ берегового мыса противъ мѣста дома Ломоносова, подвинувшись плоть къ его усадьбѣ.

Домъ Ломоносова занималъ самое веселое мѣсто въ центрѣ нѣсколькихъ деревень. Отсюда открывался чудный видъ на Наль-островъ, Матигоры, Холмогоры и отдаленные берега Двины. Вблизи на юго-востокъ высились два храма, мимо оконъ пролегалла всегда людная дорога въ сосѣднія селенія, къ церквамъ и въ городъ Холмогоры. Все это вносило ежедневное разнообразіе въ мысли, чувства и отношенія Михаила Васильевича Ломоносова, все помогало его быстрому духовному и физическому развитію.

Сами сообщественники Ломоносова, т.-е. современные ему крестьяне всего Курострова и Денисовки въ частности, обладали живымъ дѣловымъ направлениемъ, о чемъ свидѣтельствуеъ все, что имѣется въ преданіяхъ, архивахъ, въ разныхъ памятникахъ прошлаго. И нельзя говорить, что будто бы бѣдно, убого, нравственно забито было это населеніе. Самъ Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ былъ сыномъ далеко не *бднаго рыбака* и не влачилъ свои дѣтскіе годы *въ жалкой рыбацкѣй лачугѣ*, но жилъ, какъ говоритъ преданіе, въ очень благоустроенномъ домѣ и росъ среди солидныхъ, уважаемыхъ и даже начитанныхъ людей.

Жители Куростровскаго селенія, когда тамъ былъ Ломоносовъ, пользовались прежде всего очень богатыми пахотными надѣлами и наилучшими въ Архангельскомъ краѣ покосами. Открытые подъ выгоны луга изобиловали отличнымъ кормомъ для домашняго скота. Земля и дворовое хозяйство составляли основную и весьма доходную статью крестьянскаго благосостоянія. Разумѣется, примитивные способы необходимой выработки всѣхъ земельныхъ угодій требовали въ высшей степени упорнаго, тяжелаго, даже часто изнурительнаго труда, но отъ него тамъ никто не отказывался, и самъ Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ личнымъ опытомъ зналъ, что такое трудовой хлѣбъ, что такое крестьянская жизнь. Впрочемъ, одно землепашество еще далеко не вполне удовлетворяло холмогорское населеніе, которое кромѣ содержанія отъ земли имѣло всегда нужду и въ деньгахъ, потому что общее изобиліе доводило продукты сельскаго хозяйства до послѣдняго безцѣнка, и торговый обмѣнъ этихъ матеріаловъ не покрывалъ производимыхъ расходовъ даже и на умѣренныя надобности каждой семьи. Являлась живая потребность въ ремеслахъ, промышленности, въ частныхъ заработкахъ и спеціальной торговлѣ. Еще Миронъ Вельяминовъ указывалъ въ своей Писцовой книгѣ, что куростровскіе крестьяне его времени (конецъ XVI и начало XVII вѣка) занимались *ельничнымъ* (лѣсорубочнымъ) и *застычнымъ* (смолокурнымъ) *дѣломъ*, какъ промысловымъ, и за права на него платили особую пошлину; затѣмъ у нихъ существовалъ *городовой* промыселъ, въ понятіе о которомъ должно войти и существованіе пловучихъ магазиновъ, или *каюковъ*, съ давнишнихъ поръ ходившихъ по Двинѣ со всевозможнымъ товаромъ для распродажи его на береговыхъ заселенныхъ пунктахъ; — *охотничье дѣло*, рыбная ловля по рѣкамъ и озерамъ, семужій промыселъ, морской на всѣхъ побережьяхъ Вѣлаго моря въ области Двинской губы и даже на Кольскомъ полуостровѣ. Въ юношескіе годы Ломоносова всѣ эти занятія его единообщественниковъ имѣли самый широкій и напряженный ходъ, потому что множество судостроительныхъ верфей въ Холмогорахъ и Архангельскѣ требовали массу лѣса, смолы, звѣринаго сала, а тысячи рабочихъ нуждались въ хлѣбѣ, рыбѣ, мясѣ, одеждѣ и т. д. Поэтому сверхъ упоминаемаго въ Писцовой книгѣ земляки Ломоносова знали плотничье (деревня Строительская), канатное, парусное, кожевенное, сто-

лярное, слесарное и другія ремесла включительно по горшечное, которое тоже приносило хорошую выручку (анекдотъ о Петрѣ Великомъ и холмогорскихъ горшкахъ). Подрастающій Ломоносовъ всегда видѣлъ въ домѣ своемъ и вокругъ непрерывную смѣну самаго разнообразнаго кипучаго труда; былъ и онъ такимъ же труженикомъ, какъ и всѣ его сверстники, даже многимъ болѣе ихъ, если имѣть въ виду сложное хозяйство и морское дѣло его отца. Этотъ трудъ навсегда развернулъ въ Ломоносовѣ энергію, настойчивость, разносторонность и въ свое время былъ прекраснымъ воспитательнымъ пособіемъ; ему была знакома охота, рыболовство, лѣсная рубка, судовая гонка, торговля рыбою, звѣринымъ саломъ, какъ спеціальныя занятія отца, въ которыя тотъ душевно хотѣлъ посвятить своего единственнаго сына.

Теперь еще нѣсколько словъ и относительно общаго нравственнаго облика родного Ломоносову населенія начало XVIII вѣка. Живыя преданія стариковъ, частію сохранившіеся и теперь порядки стариннаго уклада жизни въ незатронутыхъ современностью уголкахъ Холмогорскаго края, довольно категорично говорятъ, что тогда всѣ крестьяне отличались очень скромными запросами и въ высшей степени симпатичными отношеніями. Никому изъ молодежи до совершеннолѣтія не позволяли пить вина, о табакѣ совсѣмъ не знали и о горячихъ напиткахъ тоже. Шумъ, безобразія, крикъ, ссоры, брань, сквернословіе ни на гуляньяхъ, ни на пирахъ, ни на вечеринкахъ отнюдь не допускались въ присутствіи дѣвицъ и женщинъ. Случаи нарушенія тишины и благоприличія роняли весь авторитетъ жениха, когда кто-либо изъ молодежи позволялъ себѣ разнузданность. Во всѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ и собраніяхъ каждый зналъ свое мѣсто, и женатые отнюдь не впутывались къ холостымъ. Мальчишки-подростки до двѣнадцати лѣтъ ходили лѣтомъ въ одной лишь длинной рубашкѣ, а дѣвицы до восемнадцатаго года не имѣли права появляться въ обществѣ невѣсть. Всякія уединенія молодежи партіями или парами разныхъ половъ строжайше воспрещались, даже разговаривать съ парнями дѣвицы не рѣшались, когда ходили въ торжественномъ увеселительномъ кругу. Всѣ носили скромную и одинаковаго покроя верхнюю одежду, — какъ мужчины, такъ и женщины; разницу имѣлъ только праздничный нарядъ, исключительно лѣтній или легкій домашній. Зимнихъ спеціальныхъ костюмовъ не существовало. Церковные документы указываютъ на полную религіозность населенія: церковь была общимъ центромъ для всѣхъ, и Куростровъ, несмотря на свое малолюдзе въ періодъ начальнаго возраста Ломоносова, имѣлъ два благоустроенныхъ храма, одинъ — въ честь великомученика Димитрія Солунскаго, весьма глубокой древности, а другою — Екатерининской. Видъ этихъ храмовъ, по описанію Мирона Вельяминава, былъ солидный, шатровый; точный типъ ихъ теперь составляетъ мало гдѣ сохранившуюся по Архангельскому краю старину, она есть все же и въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Эти храмы, оба

деревянные, стояли на общемъ церковномъ погостѣ у берега Курополки, но и Ломоносовъ любилъ ихъ не меньше, чѣмъ свой родной уголокъ.

Грандилевскій.

Родители Ломоносова.

Непосредственными воспитателями Михаила Васильевича были, конечно, его родители. Отецъ его Василій Дороеевичъ родился, какъ можно судить по показанію сказки 1719 года, въ 1681 году; но о родителяхъ его не сохранилось какихъ-либо свѣдѣній, и есть основаніе полагать, что онъ, рано лишившись отца, росъ сиротою. Одною изъ характеристическихъ чертъ его указывается та, что онъ былъ «къ сиротамъ податливъ»: возможно, что, пройдя горькую долю сиротства съ малыхъ лѣтъ, онъ не оставался равнодушнымъ къ судьбѣ другихъ сиротъ. Въ его сиротствѣ также можно видѣть причину того, что онъ остался «грамотѣ не ученъ», между тѣмъ какъ грамотность въ его время была довольно распространена, и ближайшіе его родственники и сверстники, какъ, напримѣръ, Иванъ Ломоносовъ, были грамотны. Вынужденный съ малыхъ лѣтъ заботиться о себѣ и, быть-можетъ, о своей матери, Василій Ломоносовъ выработалъ въ себѣ выдающееся трудолюбіе, предприимчивость, отвагу. «Кровавымъ потомъ», по его собственному признанію, «нажилъ онъ довольство» — довольныя средства къ жизни — «по тамошнему состоянію», «имѣлъ промыселъ», какъ мы уже упоминали, на морѣ, по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ на своихъ судахъ, «изъ коихъ въ одно время имѣлъ немалой величины гуккоръ съ корабельной оснасткой». Въ жизнеописаніи Ломоносова при академическомъ изданіи его сочиненій 1784 года сообщается, что Василій Ломоносовъ «первый изъ жителей сего края соорилъ и по-европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ, подъ своимъ селеніемъ, галіотъ, прозвалъ его «Чайкою» и ходилъ на немъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану... къ Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Самояди, на рѣку Мезень и въ Пустозерскъ».

Эти свѣдѣнія показываютъ, что отецъ геніальнаго нашего земляка былъ человѣкъ дѣятельный, энергичный, наблюдательный, прогрессивный въ сферѣ своей дѣятельности и, несмотря на свою неграмотность, не можетъ быть названъ «воспитаннымъ въ крайнемъ невѣжествѣ», какъ выразился однажды о немъ его ученый сынъ. При этомъ Василій Ломоносовъ былъ «простосовѣстенъ, съ сосѣдями обходителенъ», «по натурѣ добръ», весьма религіозенъ и приверженъ къ церкви. Онъ больше всѣхъ своихъ односельчанъ заботился о построеніи каменнаго Куростровскаго храма, нѣсколько разъ жертвовалъ на этотъ предметъ изъ своихъ средствъ — всего до 18 рублей (около 350 рублей на наши деньги) — и собиралъ пожертвованія какъ въ Архангельскѣ «на лодьяхъ», такъ даже и у себя въ домѣ при семейныхъ торжествахъ. Онъ водилъ знакомство съ людьми грамот-

ными, состоятельными и съ духовенствомъ, принималъ замѣтное участие въ церковноприходскихъ дѣлахъ и въ числѣ первыхъ хлопоталъ въ 1735 году объ отводѣ земли во владѣніе вновь опредѣленному въ Куростровскій приходъ дьякону.

Вообще Василій Ломоносовъ былъ личностью далеко не заурядною, и можно вполнѣ утверждать, что даровитый сынъ его многія черты своего нравственного облика унаслѣдовалъ отъ своего отца, при чѣмъ здѣсь имѣли значеніе не только естественное преемство, но и личный примѣръ и наставленіе.

Младенчество и дѣтство будущаго знаменитаго ученаго протекли, конечно, на рукахъ матери: оставляемая мужемъ во время его продолжительныхъ и опасныхъ для жизни поѣздокъ по Бѣлому морю и океану, она сосредоточивала силу своей любви и привязанности на единственномъ сынѣ — малюткѣ, берегла и лелѣяла его, какъ умѣла. Подъ заботливымъ уходомъ любящей матери мальчикъ росъ здоровымъ, смысленнымъ, вдумчивымъ; нѣтъ сомнѣній, что онъ отвѣчалъ ей крѣпкою привязанностью, и ея нерѣдко скорбный образъ глубоко запечатлѣвался въ его дѣтской душѣ.

Когда, въ 1749 году, у Михаила Васильевича — уже ученаго профессора и академика — родилась его единственная дочь, то онъ не преминулъ дать ей имя Елены, столь дорогое ему по воспоминаніямъ дѣтства, и потому едва ли будетъ ошибкою видѣть въ этомъ обстоятельствѣ отзвукъ хранимыхъ имъ воспоминаній.

Сибирцевъ.

Ученъе Ломоносова на родинѣ.

Въ то время, какъ отецъ Михаила Васильевича, удрученный смертью и второй своей жены, возымѣлъ намѣреніе для практическихъ цѣлей и по примѣру другихъ женить своего несовершеннолѣтняго, но единственнаго сына, мысль будущаго академика работала совѣмъ въ другомъ направленіи. Смерть матери, къ которой онъ началъ относиться съ сознательною любовью, была для него тяжелымъ ударомъ, а вступленіе въ ихъ семью новой хозяйки, чужой ему по крови, сдѣлала для него почти чужимъ и родной домъ. Часто, вѣроятно, уходилъ онъ на погостъ, который находился всего въ 150 саженьяхъ отъ его дома, молился на могилѣ матери, ходилъ въ церковь, гдѣ служба совершалась каждый день, такъ какъ причтъ былъ двухклирный, вслушивался въ чтеніе и пѣніе и хотѣлъ бы, по примѣру другихъ своихъ сверстниковъ, самъ принять участие въ клиросѣ. Во время поѣздокъ съ отцомъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану юноша Ломоносова, видимо, не столько занимають промысловые хлопоты и успѣхи, сколько явленія природы. То съ любопытствомъ всматривается онъ въ «многіе отмѣлые берега моря и океана, когда они во время отлива наружу выходятъ», то задумчиво наблюдаетъ «искры» фосфорическаго свѣта, «которыя выскакиваютъ за кормою» судна...

А при посѣщеніи приморскихъ селеній отъ сочувственнаго вниманія религиозно настроеннаго, впечатлительнаго, даровитаго юноши не ускользаетъ, какъ возбуждено было религиозное сознаніе насельниковъ Поморья, какъ всюду разсуждали о старой и новой вѣрѣ, читали и переписывали старыя книги и на нихъ ссылались въ защиту стараго уклада мысли и жизни. И вотъ «какъ пришелъ онъ съ моря (по внѣшнему виду) уже взрослый, вознамѣрился учиться россійской грамотѣ, и обучилъ его оной той-же Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Шубной, отецъ Ѳедоту Ивановичу Шубину, который нынѣ (въ 1788 г.) при Академіи Художествъ».

Михаилъ Васильевичъ «обучился (у Шубнаго) въ короткое время совершенно»; конечно, успѣхъ этотъ нужно относить, главнымъ образомъ, къ необычайнымъ дарованіямъ усерднаго юноши, тѣмъ не менѣ здѣсь имѣли мѣсто и знанія учителя: у «плохого грамотея» едва ли бы «въ короткое время совершенно» выучился и даровитый ученикъ. Черезъ два года Ломоносовъ, «къ удивленію всѣхъ», учинился лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви; большая «охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ» (т.-е. шестопсалмія за утренней и Апостола за литургіей) и особенно «превосходство произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно и при томъ съ особою пріятностію и ломкостію голоса» возбуждали зависть и недовольство его сверстниковъ. Но Ломоносовъ быстро шелъ впередъ: «охочъ былъ читать въ церкви псалмы и каноны и житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ и въ томъ былъ проворенъ; а при томъ имѣлъ у себя природную глубокую память; когда какое житіе или слово прочтаетъ, послѣ пѣнія разсказывалъ сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеннѣе на словахъ обстоятельно». Эта въ высшей степени живая и чудная картина ярко рисуетъ предъ нами нравственный обликъ 14—15-лѣтняго Ломоносова, первоначальное направленіе его необыкновенныхъ дарованій и моральныхъ стремленій: она невольно возбуждаетъ крѣпкую симпатію къ этому умному юношѣ и предчувствіе, что онъ будетъ кѣмъ-то особеннымъ, не похожимъ на другихъ. Чтеніе книгъ заинтересовывало его все болѣе и болѣе, умственный горизонтъ расширялся, вопросы знанія увеличивались, онъ старается узнать, нѣтъ ли у кого-нибудь еще книгъ, и, наконецъ, получаетъ свѣдѣніе, что имѣются книги въ богатомъ домѣ Дудиныхъ.

Дудины были старинный, состоятельный родъ въ Холмогорахъ; одинъ изъ представителей этого рода — Павелъ Владимировичъ Дудинъ — въ концѣ XVII вѣка состоялъ священникомъ сначала при Холмогорскомъ соборѣ, а затѣмъ — при Николаевской церкви того же города и былъ человѣкъ очень книжный. Составляя свою обширную бібліотеку, преосвященный Аванасій, архіепископъ Холмогорскій, купилъ нѣсколько книгъ, между прочимъ, и у священника Павла

1) Записка объ Арханг. Городскомъ Публичномъ Музеѣ, 1912 г., прилож., стран. 31.

Дудина; таковыя были книги: «Миръ съ Богомъ», «О красотѣ св. церкви», «Бесѣды Иоанна Златоуста на дѣянiя апостольскiя», его же «Бесѣды на четырнадцать посланiй апостола Павла» и др. Священникъ Павелъ Дудинъ скончался въ 1695 г.; дѣти его были также люди книжные: такъ, у сына его Христофора тѣмъ же архіепископомъ были куплены «Поученiя Аввы Дорошея», «Маргаритъ» и др.; продавая нѣкоторыя книги, почему-либо оказавшіяся лишними, Дудины не только оставляли у себя другія, но и приобрѣтали новыя. По неизвѣстной намъ причинѣ Христофоръ Павловичъ Дудинъ съ своимъ семействомъ проживалъ въ Куростровѣ; въ этомъ то семействѣ и удалось Михаилу Васильевичу достать такія книги, которыя онъ впоследствии называлъ «вратами своей учености»; это были «Псалтирь» Симеона Полоцкаго, «Ариѳметика» Магницкаго, а по мнѣнiю нѣкоторыхъ біографовъ — еще и «Грамматика» Смотрицкаго. Одни изъ біографовъ говорятъ, что Ломоносовъ просилъ сначала этихъ книгъ у старика, т.-е. у Христофора Дудина, но получилъ рѣшительный отказъ; тогда онъ постарался расположить сыновей старика, дѣлая имъ разныя угожденiя и услуги, и, наконецъ, получилъ просимое. Нелишнее при этомъ замѣтить, что Христофоръ Дудинъ, какъ гласитъ метрическая запись, скончался 12 iюня 1724 года (на два дня ранѣе, чѣмъ умерла первая мачеха Ломоносова — Теодора Михайловна), когда самому Михаилу Васильевичу было только 12¹/₂ лѣтъ: быть можетъ, конечно, что тогда еще будущій ученый искалъ себѣ книгъ для ученья, но получилъ онъ ихъ гораздо позже.

«Псалтирь царя и пророка Давида художествомъ риѳмованнымъ — равномѣрно слоги и согласно конечно — ... преложенная» Симеономъ Полоцкимъ и отпечатанная въ Москвѣ въ 1680 году, была, какъ и другія риѳмованныя сочиненiя Полоцкаго — «Вертоградъ многоцѣнный» и «Риѳмологіонъ» — довольно распространена между грамотными людьми. Всѣ эти книги извѣстны были и въ Холмогорахъ, особенно ученикамъ пѣвческой и подъяческой школы архіепископа Аѳанасiя и вообще грамотной молодежи, которую занимала риѳмованная рѣчь: въ числѣ разныхъ подписей на книгѣ хлѣбной раздачи Холмогорскаго архіерейскаго дома за 1695 — 96 г. мы встрѣтили и такую изъ «Риѳмологіона»:

«Орле, восплеци крылы, двоеглавный,
Вознеси скиптръ высокодержавный».

Увлекательное дѣйствіе произвела на Ломоносова и риѳмованная Псалтирь Полоцкаго: псалмы, читаемые Михаиломъ Васильевичемъ въ церкви «разстановочно и внятно и при томъ съ особою прiятностію и ломкостію голоса» въ риѳмованномъ изложенiи Полоцкаго, находили живой откликъ въ пробуждавшихся, между прочимъ, поэтическихъ дарованiяхъ юноши. Новиковъ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о росiйскихъ писателяхъ» говоритъ, — всего 7 лѣтъ спустя послѣ смерти Ломоносова, — что Псалтирь, переложенная

въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, возбудила въ Михаилѣ Васильевичѣ страстную любовь къ стихотворной формѣ и что сильное желаніе обучиться стихотворству явилось даже главной причиною, побудившей его покинуть отчій домъ и бѣжать въ Москву. Этотъ взглядъ является, можетъ быть, одностороннимъ, тѣмъ не менѣе, несмотря на разнообразіе, широту, можно сказать — всеобъемлемость учено-литературной дѣятельности Ломоносова, стихотворная форма изложенія разрабатывалась имъ въ теченіе всей его жизни, при чѣмъ значительная часть поэтическихъ произведеній Михаила Васильевича имѣетъ своимъ предметомъ мотивы религиозныя и въ частности — переложеніе псалмовъ. Вообще «Псалтирь» Симеона Полоцкаго была, говоритъ академикъ Ламанскій, долгое время учителемъ и воспитателемъ одного изъ гениальнѣйшихъ людей; Ломоносовъ зачитывался ею, училъ ее наизусть, вникалъ въ каждое ея слово и выраженіе; съ его развитіемъ, которому она много содѣйствовала, росло самое значеніе книги».

Такое же, если еще не болѣе обширное значеніе имѣла для Ломоносова и «Ариѳметика» Магницкаго. Книга эта, изданная въ Москвѣ въ 1703 году, «ради обученія мудролюбивыхъ отроковъ» и имѣвшая по свидѣтельству Ламанскаго, нѣсколько сотъ страницъ, представляя изъ себя цѣлую энциклопедію, въ которую входили свѣдѣнія изъ геометріи, физики, географіи, астрономіи, навигаціи и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія излагались въ ней примѣнительно къ русскимъ потребностямъ, при чѣмъ Магницкій говоритъ, что онъ всячески старался, чтобы читатель могъ понимать его безъ учителя, «только усердно да прилежень». Взглядъ Магницкаго на науки выражается въ его замѣчаніи, что «умъ словесный долженъ упражняться въ познаніи и величаніи Бога»; эту мысль, занимаясь всѣми упомянутыми науками, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ постоянно проводилъ Ломоносовъ въ своихъ трудахъ.

Грамматика Смотрицкаго, изданная въ первый разъ въ Вильнѣ въ 1618 году, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ изданій, напечатанная въ Москвѣ въ 1648 году, стояла во главѣ всѣхъ подобнаго рода книгъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ о своемъ трудѣ: «здѣ въ предисловіи вписахомъ къ люботрудне тѣатися ходящимъ къ разуму ученя грамматическаго... вину вземъ отъ многихъ св. отецъ житій, яко и сїи духоноснїи св. отцы грамматики и прочихъ книгъ философскаго ученя люботрудне во ученєе обращахуся и... отъ града во градъ пути шествїа ученя ради творяху. Сїцевъ образъ любомудріе и намъ оставиша искати». Грамматика опредѣлялась Смотрицкимъ, какъ «извѣстное художество благо глаголати и писати учащее»; въ отдѣлѣ просодїи въ ней излагались правила «метромъ или мѣрою количества стихи слагати».

Не трудно представить, какой интересъ должны были имѣть для даровитаго юноши, Ломоносова, упомянутыя книги. Мы, впрочемъ, не имѣемъ, къ сожалѣнію, какихъ-либо новыхъ данныхъ по этому предмету и пользуемся общеизвѣстными указаніями самаго

Михаила Васильевича и его біографовъ. «Мачеха», говоритъ Ломоносовъ о послѣднихъ годахъ своей жизни въ семьѣ, «злая и завистливая, всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда попустому сижу за книгами: для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодь, пока не ушелъ въ Спасскія школы». Съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносовъ «пріобрѣлъ вышеназванныя книги, онъ просиживалъ надъ ними цѣлые дни», — свидѣлствуютъ какъ первоначальные, такъ и послѣдующіе его біографы, «не разставался съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и, непрестанно читая, вытвердилъ ихъ наизусть».

Сибирцевъ.

Ломоносовъ на пути въ Москву.

Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, окружавшія дѣтство и отрочество Михаила Васильевича, условія его жизни въ семьѣ и воспитаніе были въ какомъ-нибудь отношеніи необычны: не онъ одинъ, конечно, въ дѣтствѣ лишился матери и долженъ былъ, жить съ мачехой, не онъ одинъ съ отроческихъ лѣтъ началъ совершать дальнія поѣздки по Бѣлому морю и океану, не онъ одинъ видѣлъ разнообразныя картины и явленія сѣверной природы. Но, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ въ ихъ совокупности, необыкновенныя дарованія Ломоносова, счастливое сочетаніе въ немъ тихой вдумчивости матери и практической энергіи отца, быстрое и легкое усвоеніе грамоты, усердное и внимательное чтеніе книгъ, расширившихъ его умственный кругозоръ и возбудившихъ жажду знанія, направили мысли, думы и стремленія Михаила Васильевича по необычному пути. Сначала онъ, вѣроятно, отмалчивался на упреки и брань злой и завистливой мачехи, затѣмъ, видя недовольство и отца, уходилъ съ книгами изъ дому «въ уединенныя и пустынные мѣста, претерпѣвая здѣсь стужу и голодь» или къ тѣмъ роднымъ и знакомымъ, у которыхъ надѣялся встрѣтить себѣ отдыхъ, сочувствіе или получить разрѣшеніе занимавшихъ его вопросовъ. Изъ родственниковъ Михаилъ Васильевичъ чаще всего могъ посѣщать домъ старика Луки Ломоносова, гдѣ его не только никто не укорялъ, никто не выражалъ ему своего неудовольствія, но гдѣ онъ могъ находить даже поощреніе своимъ стремленіямъ и пріобрѣтать новыя свѣдѣнія. Сыновей Луки Ломоносова въ это время уже не было въ живыхъ, а единственный внукъ его — Никита Ломоносовъ, выучившійся грамотѣ въ семьѣ дѣда, теперь служилъ, какъ мы уже говорили, въ Архангельской портовой таможнѣ и, стремясь видѣть и знать больше, ѣздилъ даже въ Петербургъ, — «парадизъ» преобразователя Россіи. Но что особенно важно, самъ Лука Леонтьевичъ, будучи современникомъ длиннаго ряда государственныхъ и мѣстныхъ событій, могъ

разказывать любознательному юношѣ Ломоносову о многомъ, имѣ слышанномъ и видѣнномъ. Особенно интересны могли быть его разказы по личнымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ 28 іюля 1693 года, послѣ долгихъ ожиданій, «объявился отъ Курострова своими судами великій государь... на семи стругахъ, а великаго государя стругъ впереди всѣхъ шелъ»; какъ, затѣмъ, государь былъ встрѣченъ на Холмогорахъ и «шествовалъ съ бояры и со всѣми чиновными людьми чрезъ городъ явнымъ царскимъ лицомъ въ коретѣ». Могъ Лука Леонтьевичъ разказывать, какъ государь былъ въ Вавчугѣ у Бажениныхъ, какъ просто обращался съ народомъ, какъ плавалъ по Бѣлому морю и въ Соловецкій монастырь, какъ собственными руками заложилъ въ Соломбалѣ корабль, какъ едва не погибъ въ Унскихъ Рогахъ и многое другое.

И эти разказы, видимо, велись Лукой Леонтьевичемъ съ такими добрыми чувствами къ первому царю, посѣтившему Двинской край и Бѣлое море, что не только глубоко запечатлѣлись въ душѣ юнаго слушателя, но, какъ нужно думать, и совершенно измѣнили его взглядъ на преобразователя Россіи. Если въ качествѣ раскольника, особенно — безпоповца, Ломоносовъ нѣкоторое время долженъ былъ ненавидѣть Петра I, считать его за антихриста, то затѣмъ, въ дальнѣйшей своей жизни, хотя мало занимался исторіей, онъ не только не упускалъ случая воспѣть его въ своихъ похвальныхъ одахъ, но написалъ особое «Похвальное слово Петру Великому», посвятилъ ему героическую поэму «Петръ Великій», въ которой описалъ плаваніе преобразователя по Бѣлому морю, спасеніе отъ бури въ Унской губѣ, прибытіе въ Соловецкій монастырь и бесѣду съ настоятелемъ о расколѣ и т. п. вмѣсто прежней возможной ненависти, онъ обратился въ другую крайность и доводилъ свое восхваленіе Петра I до обоготворенія; «еще въ Ломоносовѣ — крестьянинѣ зародилась та пламенная любовь къ Петру Великому, говоритъ Ламанскій, которою онъ такъ отличался впоследствии и которая ему нерѣдко мѣшала глядѣть безпристрастно на его обожаемаго героя».

По свидѣтельству самого Михаила Васильевича, онъ, живя дома, вслѣдствіе наговоромъ мачехи и неудовольствія отца, долженъ «былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, пока не ушелъ въ Спасскія школы» въ Москвѣ; очевидно, такимъ образомъ, что въ архіерейской школѣ, гдѣ было общежитіе, онъ не учился. Но — съ другой стороны — страстное стремленіе къ ученію и тяжелыя семейныя условія, постоянное злобствованіе и попреки мачехи за пустое, по ея мнѣнію, сидѣніе за книгами, вынуждавшіе Ломоносова уходить изъ дому, терпѣть холодъ и голодъ, — должны были привести Михаила Васильевича къ мысли оставить родной домъ, сдѣлавшійся теперь чужимъ, и итти учиться латыни въ Москвѣ. Возможно, что такое рѣшеніе создавалось у Ломоносова постепенно. Уже въ 1728 году онъ, какъ мы указывали,

чувствовали отчужденіе отъ своихъ домашнихъ даже въ религиозныхъ чувствахъ и, видимо, занять былъ какой-то внутренней работой мысли; но прошло еще два года, прежде чѣмъ онъ привелъ свой замыселъ въ исполненіе.

По сообщенію Штелина, у Ломоносова уже «на семнадцатомъ году» явилась мысль объ уходѣ съ родины. А такъ какъ эту мысль онъ привелъ въ исполненіе, будучи уже девятнадцати лѣтъ отъ роду, то отсюда можно заключить, какъ долго вынашивалъ онъ свое намѣреніе, какихъ, быть можетъ, тяжелыхъ думъ и сердечныхъ тугъ стоило ему привести его въ исполненіе. Правда, населеніе Двинскаго края было довольно подвижно и издавна имѣло сообщеніе съ Москвою, при чѣмъ, напримѣръ, по духовной росписи 1728 года въ Куростровскомъ приходѣ значатся четыре челоуѣка (Василій Леонтьевичъ Пятухинъ, Яковъ Пятухинъ, Василій Яковлевичъ Пятухинъ и Тихонъ Ивановичъ Шенинъ) «въ отлученіи на Москвѣ», одинъ — въ С.-Петербургѣ и одинъ (Степанъ Ѳедоровичъ Назаровъ) даже «за моремъ», т.-е. за границей; но это были люди торговые, самостоятельные, денежныя, совершавшіе свои поѣздки открыто, для практическихъ цѣлей. Между тѣмъ, Ломоносовъ не имѣлъ своихъ денегъ и не только не надѣялся получить ихъ отъ отца, но долженъ былъ тщательно скрывать отъ него и самое намѣреніе оставить родной домъ, въ которомъ «все довольство» было нажито «крававымъ потомъ» отца, и Михаилъ Васильевичъ являлся единственнымъ его наслѣдникомъ. Уже впоследствии, когда Василій Дорощеевичъ узналъ, гдѣ находится его сынъ, онъ неоднократно посылалъ къ нему убѣдительныя просьбы вернуться домой, указывая на то, что все нажитое имъ крававымъ потомъ для единственнаго сына «послѣ его смерти расхитить чужіе».

Итакъ, несмотря на страстное желаніе и принятое рѣшеніе итти въ Москву искать науки, Ломоносовъ долженъ былъ твердо хранить свое намѣреніе въ теченіе, быть можетъ, двухъ лѣтъ; осторожно разспрашивалъ онъ иногда о Москвѣ людей, бывавшихъ тамъ; кромѣ Пятухиныхъ, таковыми были еще близкіе знакомые Ломоносовыхъ — Бѣлобородовы и Рычковы. Съ 8 ноября 1730 года Михаилу Ломоносову пошелъ 20-й годъ; время уходило, и надо было на что-нибудь рѣшиться; многіе изъ сверстниковъ его вступили уже въ бракъ; «хорошіе тамошніе люди» предлагали, по его собственному свидѣтельству, и за него «выдать своихъ дочерей» но не о томъ думалъ, не тѣмъ былъ занятъ, не къ тому стремился будущій ученый. Въ эти критическія минуты жизни Ломоносову пришла на помощь признанная имъ самимъ за собою «благородная упряжка», — та рѣшительность и отвага, которая онъ выработалъ въ себѣ во время нерѣдкой борьбы съ бурями водной стихіи въ морѣ и океанѣ и которая впоследствии не разъ спасала его въ борьбѣ съ бурями моря житейскаго. По сообщеніямъ, даннымъ академику Лепехину, Михаилъ Васильевичъ, рѣшившись «искать счастья въ другихъ мѣстахъ, взялъ

пашпортъ не явнымъ образомъ, но посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Васильевича Милюкова».

Что же касается Ивана Банева, который «росписался въ волостной книгѣ порукою по Ломоносовѣ въ платежѣ подушныхъ денегъ», то онъ, повидимому, былъ близкій сосѣдъ и хорошій знакомый какъ отца Михаила Васильевича, такъ и дѣда его — Луки Ломоносова. Въ документѣ 1714 года сказано, что проданное Лукою и Васильемъ Ломоносовыми ихъ владѣнье — «пожня сѣнныхъ покосовъ на Микифорковѣ» — имѣла «съ нижняго конца» границу «землю Баневыхъ», а въ 1739 году Иванъ Баневъ писалъ «по прошенію» Василя Ломоносова продажную запись на пожню послѣдняго, находившуюся «въ Налъе острову». Милюковъ и Баневъ, такимъ образомъ, официально освободили Ломоносова отъ общественныхъ обязанностей на цѣлый годъ и тѣмъ дали ему полную возможность располагать собою; трудно предполагать, чтобы они знали планы и намѣренія будущаго академика и сочувствовали имъ: вѣроятно, они склонились на просьбы молодого Ломоносова въ виду его тяжелаго семейнаго положенія и отпускали его на зиму «къ Москвѣ» и на лѣто — «къ морю», куда онъ ѣздилъ и обычно съ отцомъ.

Получивъ отпускъ и выпросивъ у сосѣда своего, Оомы Шубнаго, китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ домашнимъ, но, вѣроятно, простившись съ могилою матери, 19-лѣтній Ломоносовъ отправился въ далекій неизвѣстный путь...

Оома Ивановичъ Шубный былъ, по всей вѣроятности, младшій братъ Аванасія Ивановича Шубнаго, и поэтому находился, такъ же, какъ и этотъ послѣдній, въ близкихъ, можетъ быть, родственныхъ отношеніяхъ съ фамиліей Ломоносовыхъ и былъ также человѣкъ состоятельный: въ 1727 г. онъ проходилъ должность мѣстнаго церковнаго старосты.

И Оома Ивановичъ, видимо, посочувствовалъ положенію Ломоносова или, по крайней мѣрѣ, внялъ его просьбѣ, но, одолживъ ему заимообразно три рубля, надѣялся, очевидно, получить ихъ обратно отъ умнаго и честнаго юноши или, по крайней мѣрѣ, отъ отца его-славившагося своими недостатками.

Почти никто изъ біографовъ Ломоносова не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи привести любопытныя и заслуживающія во многомъ довѣрія подробности отправленія Ломоносова въ путь, излагаемая Штелиномъ. Изъ селенія его отправлялся въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. «Всячески скрывая свое намѣреніе, по-утру смотрѣлъ (Ломоносовъ), какъ будто изъ одного любопытства, на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, когда всѣ въ домѣ отца его спали, надѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, погнался за онымъ вслѣдъ (не позабылъ взять съ собою любезныхъ своихъ книгъ, составлявшихъ тогда всю его бібліотеку: грамматику и ариеметику). На третій день настигъ его въ семидесяти уже верстахъ. Караванный приказчикъ

не хотѣлъ (прежде ?) взять его съ собою, но, убѣжденъ бывъ просьбою и слезами, чтобъ далъ посмотрѣть ему Москвы, наконецъ согласился».

Въ «Запискахъ путешествія академика Лепехина» обстоятельства ухода Ломоносова излагаются нѣсколько иначе: «дошедъ до Антоніево-Сійскаго монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по Петербургскому тракту во стѣ (?) верстахъ, (Ломоносовъ) былъ въ ономъ нѣкоторое время: отправлялъ псаломническую должность; заложилъ тутъ взятое у Ѳомы Шубнаго полукафтаные мужику-емчанину», т.-е. изъ Емецкаго села, которое находится въ 17 верстахъ выше монастыря по московскому тракту, и «ушелъ оттолѣ въ Москву».

Намъ болѣе вѣроятнымъ представляется, что Ломоносовъ шелъ въ Москву не одинъ, а именно съ тѣмъ «рыбнымъ караваномъ», о которомъ упоминается въ извѣстіи Штелина; равнымъ образомъ и исправленіе имъ нѣкоторое время псаломнической должности вѣрнѣе, кажется, понимать такъ, что Михаилъ Васильевичъ, во время не болѣе, какъ однодневной остановки съ караваномъ въ Сійскомъ монастырѣ, по прежнему своему усердію и любви къ этому дѣлу, читалъ на клиросѣ «псалмы и каноны». Очевидно также, что Ломоносовъ убѣдился въ недостаточности взятыхъ имъ на дорогу трехъ рублей и, чтобы пополнить эту сумму, долженъ былъ заложить и то «китаечное полукафтаные», въ которомъ думалъ принарядиться въ Москвѣ.

И вотъ, будущій «отецъ русской науки и литературы», геніальный и многосторонній русскій ученный, первый изъ русскихъ членъ С.-Петербургской, Стокгольмской и Болонской Академій Наукъ, извѣстный всему ученому міру, языковѣдъ, поэтъ, ораторъ, «профессоръ химіи», метеорологъ, географъ, физикъ, историкъ, въ декабрѣ 1730 г., оставивъ родину, домъ отца, могилу матери и все, съ чѣмъ сжился въ теченіи 19 лѣтъ, въ треухѣ, нагольномъ тулупѣ и катаныхъ сапогахъ, съ двумя книжками подъ мышкой, шествовалъ за рыбнымъ обозомъ въ Москву, чтобы постигнуть тамъ науку...

«Дома между тѣмъ», повѣтствуетъ далѣе Штелинъ, «долго его (Ломоносова) искали и, не нашедъ нигдѣ, почитали пропавшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пути; тогда уже узнали, гдѣ онъ и что онъ». Василій Дороеевичъ былъ, конечно, очень удрученъ исчезновеніемъ своего единственнаго сына и, узнавъ, наконецъ, гдѣ онъ находится, посылалъ къ нему трогательныя просьбы о возвращеніи; писали объ этомъ Ломоносову, по его собственному свидѣтельству, и другіе — какъ съ вѣроятностью можно полагать — Баневъ и Шубные.

Оставивъ свою родину, Ломоносовъ никогда не забывалъ о ней: трудясь для науки за границей и въ Петербургѣ, онъ всегда былъ радъ видѣться со своими земляками, бесѣдовалъ съ ними о родинѣ, оказывалъ возможную помощь и покровительство, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые, по его примѣру, стремились къ образованію и наукѣ;

изъ числа таковыхъ, кромѣ Федота Ивановича Шубнаго, можно указать еще на Петра Ивановича Рычкова, топографа и металлурга Оренбургскаго и Астраханскаго края, на Петра Иосифовича Дудина, обучавшагося съ 1758 г. «рисовальному художеству и наукамъ», на племянника Ломоносова Михаила Головина и другихъ.

Менишукъ.

Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка.

Старая Россія пользовалась двумя языками. Одинъ изъ нихъ былъ литературнымъ, другой — живымъ и дѣловымъ. Первый въ своемъ основаніи былъ не русскій, а церковно-славянскій языкъ, языкъ древняго перевода священнаго писанія, языкъ богослужебныхъ книгъ, языкъ многочисленныхъ произведеній, составлявшихъ литературу старой Россіи; современная наука видитъ въ этомъ церковно-славянскомъ языкѣ языкъ древнихъ болгарь-славянъ. Первые русскіе писатели старались пользоваться церковно-славянскимъ языкомъ въ возможно чистомъ его видѣ; но близость этого языка къ живому русскому мѣшала имъ разбираться въ ихъ элементахъ, и потому, даже въ наиболѣе раннихъ произведеніяхъ русской литературы мы находимъ болѣе или менѣе пеструю смѣсь двухъ языковъ, съ преобладаніемъ особенностей то того, то другого языка. Семнадцатый вѣкъ въ Москвѣ получилъ отъ болѣе ранняго времени литературный языкъ очень сложнаго состава. Въ немъ было нѣкоторое число, дѣйствительно древнихъ формъ, словъ и оборотовъ церковно-славянскаго языка, но преобладали элементы искусственные, появившіеся раньше или позже на русской почвѣ. Главною задачею русскаго литератора въ это время было писать такъ, чтобы вполне замѣтно было различіе между литературнымъ языкомъ его произведенія и живою обычною рѣчью, чтобы у него были «высота словесъ» и «извитіе словесъ», т.-е. особенныя «высокія» слова и многословные, запутанные періоды. «Простая рѣчь» была въ пренебреженіи, и если старый литераторъ обращался къ ней, его собратья ему ставили въ недостатокъ его «просторѣчіе» и укоряли его: онъ пишетъ «по-просту», «якоже поселяне». Само собою разумѣется, только наиболѣе талантливые люди умѣли совмѣщать «высоту словесъ», «извитіе словесъ» съ удобопонятностію; что же касается до литератора со скромнымъ талантомъ, его литературная рѣчь даже для образованнаго современника нерѣдко заключала въ себѣ темныя мѣста, гдѣ въ массѣ словъ скорѣе можно было угадывать смыслъ, чѣмъ дѣйствительно понимать.

Къ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го, какъ разъ передъ рожденіемъ Ломоносова, Москва познакомилась съ новыми литераторами, болѣе искусными въ литературномъ дѣлѣ, чѣмъ ихъ московскіе собратья, получившими образованіе въ Кіевской академіи и изучившими тамъ, вмѣстѣ съ другими науками, также науку цер-

ковно-славянской грамматики. Но эти литераторы (Симеонъ Дочери Епифаній Славинецкій, Стефанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій и др.) не дали Москвѣ новаго литературнаго языка; напротивъ того, они постарались приспособиться въ господствовавшему въ Москвѣ вкусу и внесли лишь одну новизну — однообразныя формы, согласно указаніямъ пройденной ими въ школѣ грамматики.

Рядомъ съ литературнымъ языкомъ, церковно-славянскимъ въ своемъ основаніи, Москва пользовалась живымъ русскимъ языкомъ для дѣловой письменности. Этотъ языкъ, съ болѣе или менѣе простымъ синтаксисомъ, но зато вполне для всѣхъ доступный и удобопонятный, мы находимъ не только въ разнаго рода челобитныхъ, купчихъ, судейскихъ приговорахъ, не только въ дипломатической перепискѣ, но также въ законодательныхъ памятникахъ, какъ «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича, и въ руководствахъ по военному дѣлу, какъ напечатанная въ Москвѣ въ 1647 году «Книга ратнаго строенія». Живой русскій языкъ ограничивалъ свое употребленіе дѣловою областію, не входя въ соперничество съ литературнымъ церковно-славянскимъ языкомъ.

Конечно, неопытные люди, особенно иностранцы переводчики, какихъ было въ Москвѣ много въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣковъ, нерѣдко смѣшивали въ своихъ текстахъ оба русскіе языка и прибавляли къ нимъ элементы своихъ родныхъ языковъ, всего чаще польскаго. Но это у нихъ происходило въ силу ихъ невѣденія и не вмѣнялось имъ въ вину, тѣмъ болѣе, что они брались за перо не по доброй волѣ, а во исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей.

Петръ Великій какъ извѣстно, повелѣлъ перевести и напечатать дѣльный рядъ сочиненій по исторіи, по военному и морскому дѣлу, по разнымъ наукамъ. Онъ не любилъ церковно-славянскаго языка съ его высокими словами и относительно неудобопонятностью для простого человѣка и предпочиталъ ему русскій языкъ, тотъ слогъ, которымъ тогда писались дѣловыя бумаги въ Посольскомъ приказѣ. Однако, несмотря на приказъ Петра «такъ писать, какъ внятиѣ»¹⁾, главные дѣятели русской литературы Петровской эпохи для своихъ сочиненій и переводовъ продолжали пользоваться церковно-славянскимъ языкомъ. Даже въ такихъ книгахъ, какъ календари, печатавшіеся для широкаго распространенія среди читающей публики, мы постоянно видимъ, и въ прозѣ, и тѣмъ болѣе въ стихахъ, тотъ самый литературный языкъ, который былъ въ ходу до Петра, можетъ быть, болѣе понятный, но въ своихъ составныхъ элементахъ не имѣющій отъ него замѣтныхъ отличій.

Вотъ четверостишіе изъ напечатаннаго въ Петербургѣ календаря на 1724 годъ, вышедшаго въ свѣтъ за годъ съ небольшимъ до смерти Петра:

Временна жизнь по степенемъ проходитъ,
Въ всякій седьмой годъ премѣненія плодитъ.

¹⁾ Пекарскій, Наука и литература, I, стр. 227.

Мнози въ нуждѣ и печали бывають,
Но въ свое время паки возставають ¹⁾.

Само собою разумѣется, представительница науки въ Москвѣ Петровскаго времени, Славяно-греко-латинская академія держалась старины и воспитывала своихъ питомцевъ въ старыхъ преданіяхъ. Когда въ концѣ 1722 года Петръ Великій прибылъ въ Москву изъ персидскаго похода, академія привѣтствовала его торжественною «пѣснiю», стихотвореніемъ въ родѣ позднѣйшей оды, гдѣ восхваляла его побѣды и взятіе Дербента:

Торжественная паки намъ отрада
Спѣшно приходитъ, російская чада,
Отъ восточныя военныя брани
Марсовой дани,
Гдѣ прогоняше супостатовъ мраки
Кавалерскими мужественъ Марсъ драки,
Расширяючи російски предѣлы
Марсовы дѣлы... И т. д. ²⁾.

Смерть Петра Великаго не внесла въ русскую жизнь ничего новаго. Его преемники, можетъ быть въ силу инерціи, продолжали вести Россію по принятому имъ направленію, и царскій дворъ съ ближайшимъ къ нему духовенствомъ и чиновничествомъ былъ очагомъ, гдѣ пылало яркимъ пламенемъ западничество, откуда это западничество распространялось по всей Россіи. Разница между Петровскою эпохою и послѣдовавшимъ за нимъ періодомъ въ четверть столѣтія заключалась лишь въ одномъ. При Петрѣ еще преобладало вліяніе Германіи, гдѣ уже тогда были сильны науки, но гдѣ была слаба изящная литература, гдѣ повсюду чувствовалось французское вліяніе. Нѣмцы часто пользовались нѣмецкимъ языкомъ, но для ученыхъ сочиненій предпочитали употреблять старый литературный языкъ средневѣковой Европы, латинскій, совсѣмъ чужой для нѣмца и понятный лишь хорошо образованному человѣку. Послѣ Петра у насъ по-немногу восторжествовало французское вліяніе и къ половинѣ XVIII вѣка сказалось уже въ достаточной силѣ. Славная во всей Европѣ, какъ образцовая, французская литература была на живомъ французскомъ языкѣ. На немъ писали свои оды и сатиры Буало, свои трагедіи Корнель и Расинъ, свои комедіи Мольеръ, свой прозаическій романъ Фенелонъ, всюду читавшіеся и всюду вызывавшіе горячія похвалы. Примѣръ французовъ побуждалъ литераторовъ всей Европы писать на своемъ родномъ языкѣ и при этомъ, если не держаться близко обычной живой рѣчи, то во всякомъ случаѣ и не отдаляться отъ ея высшихъ образцовъ, какіе можно было слышать изъ устъ лучшаго общества.

Еще при Петрѣ нѣкоторое число русскихъ молодыхъ людей получили образованіе во Франціи и овладѣли французскимъ язы-

¹⁾ Пекарскій, II, стр. 602.

²⁾ Пекарскій, II, № 528.

комъ. Другіе научились французскому языку въ Россіи. Дочери царя Анна и Елисавета уже говорили по-французски. Послѣ Петра, особенно со вступленія на престолъ Елисаветы, французское вліяніе получило преобладаніе въ Петербургѣ, и русскій дворъ сдѣлался его центромъ. вмѣстѣ съ французскимъ вліяніемъ появилось у насъ преклоненіе предъ французскими знаменитыми писателями и стремленіе подражать имъ и слѣдовать за ними во всемъ.

Реформа литературнаго языка въ Россіи была неизбѣжною. Вопросъ былъ одинъ: насколько будетъ она удачна?

Первыя сознательныя попытки преобразовать литературный языкъ въ Россіи были сдѣланы Кантемиромъ и Тредьяковскимъ. И тотъ и другой были представителями французскаго вліянія. Кантемиръ откровенно признавался, что онъ многое «занялъ у французза»; Тредьяковскій указывалъ на французскую литературу какъ на передовую и образцовую. Но ни тому ни другому не удалось преобразовать литературный языкъ. Кантемиръ, повидимому, былъ въ Россіи болѣе иностранцемъ, чѣмъ русскимъ; а Тредьяковскому, при всей его учености, при всемъ его трудолюбіи, не доставало вкуса.

Въ виду этого, слава преобразователя русскаго литературнаго языка принадлежитъ М. В. Ломоносову, который выступилъ со своею реформою вполнѣ самостоятельно, независимо отъ Кантемира и Тредьяковскаго и вообще отъ какихъ бы то ни было предшественниковъ.

Ломоносовъ поставилъ себѣ трудную задачу. Онъ пожелалъ совмѣстить старину и новизну въ одно гармоническое цѣлое, такъ, чтобы друзья старины не имѣли основанія сѣтовать о сокрушеніи этой старины, а друзья новизны не укоряли въ старомодности. Могучій талантъ помогъ Ломоносову.

Онъ воспользовался живымъ русскимъ языкомъ, тѣмъ русскимъ языкомъ, которымъ говорили при царскомъ дворѣ и въ лучшемъ обществѣ того времени, но, гдѣ было нужно, облагородилъ его, возвысилъ и украсилъ прибавленіемъ тѣхъ элементовъ литературнаго церковно-славянскаго языка, которые вошли въ него изъ церковныхъ книгъ, которые дѣйствительно были церковно-славянскими. Эти элементы были точно опредѣлены Ломоносовымъ. Языкъ церковныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторое количество формъ и словъ, малопонятныхъ даже образованному русскому. Ломоносовъ ихъ устранилъ, какъ матеріалъ неподходящій. Но въ языкѣ церковныхъ книгъ есть много другихъ элементовъ, такихъ, которые не только вполнѣ понятны, но даже вполнѣ обычны для каждаго русскаго, къ какому бы слою общества онъ ни принадлежалъ и какое бы образованіе онъ ни получилъ. Ломоносовъ ихъ призналъ пригодными для русскаго литературнаго языка. Дѣйствительно, кто можетъ затрудняться въ пониманіи церковно-славянскихъ словъ *градъ*, *ладъ*, *хладъ*, при русскихъ *городъ*, *голодъ*, *холодъ*? Для кого могутъ звучать странно слова *вождь*, *преграждать*, *собращать*, *нощь*?

Такое раздѣленіе церковно-славянскаго матеріала принадлежитъ вполнѣ Ломоносову. Къ нему подходили Кантемиръ и Тредья овскій, но лишь отчасти, не давая себѣ отчета. Если бы Ломоносовъ ограничился этимъ раздѣленіемъ церковно-славянскаго матеріала, онъ сдѣлалъ бы уже крупное дѣло. Но онъ имъ не удовлетворился. Онъ присоединилъ къ нему также раздѣленіе элементовъ живого русскаго языка. Мы имѣемъ слова болѣе или менѣе рѣдкія и слова обыденныя, слова употребительныя вездѣ и всегда и слова грубыя, вульгарныя, такія, которыхъ мы, по возможности, избѣгаемъ. Ломоносовъ понималъ, что соединеніе церковно-славянскихъ элементовъ съ вульгарными русскими въ литературномъ языкѣ не можетъ звучать пріятно для человѣка съ развитымъ вкусомъ, и потому устранилъ это соединеніе. Такимъ образомъ, у него получился новый литературный языкъ, правильный и гармоничный, сближавшійся со старымъ литературнымъ языкомъ чрезъ общіе имъ обоимъ церковно-славянскіе элементы и сложный синтаксисъ, но бывшій въ своемъ основаніи русскимъ, для всѣхъ понятный и всѣхъ удовлетворяющій.

Теоретическія основанія новаго литературнаго языка и его дѣленіе на стили Ломоносовъ изложилъ уже въ концѣ своей дѣятельности, но ввелъ ихъ въ практику въ первыхъ же своихъ произведеніяхъ.

Успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Старый литературный языкъ, литературный языкъ старой Россіи быстро замолкъ и безъ борьбы уступилъ мѣсто своему преемнику. И дѣйствительно, если мы сопоставимъ два отрывка одного и того же времени, начало царствованія императрицы Елисаветы, одинъ со старымъ литературнымъ языкомъ, другой съ новымъ, мы поймемъ, что борьба была невозможна.

Первый отрывокъ — изъ школьной драмы «Стефанотокось» (= въ вѣнцѣ рожденный), имѣющей своимъ предметомъ событіе изъ жизни императрицы Елисаветы до вступленія ея на престолъ. Пьеса была написана послѣ переворота 25 ноября 1741 года, доставившаго торжество дочери Петра Великаго, скорѣе всего въ 1742 году. Кто былъ ея авторомъ, мы пока не знаемъ. Несомнѣнно, это былъ преподаватель или Московской Славяно-греко-латинской академіи, или одной изъ семинарій, всего скорѣе Новгородской. Дѣйствующій въ драмѣ царь говорить:

Десницу мою врази, десницу всесильну
 Познавше и державу въ милости обильну,
 Всѣ уже подъ моими падоша ногами,
 Что довольно можете видѣти вы сами
 Изъ далечайшихъ земель преславные цари
 Пришлаша богатые и дивные дары.
 Милости и покоя просяще покорно
 Отъ насъ, что повелѣхомъ сотворить неспорно¹⁾.

¹⁾ В. И. Рязановъ, Памятники русской драматической литературы. Нѣжинъ. 1907, стран. 259.

Второй отрывокъ — начало одной изъ одъ Ломоносова, оды на прибытіе императрицы Елисаветы изъ Москвы въ Петербургъ послѣ коронаціи, въ 1742 году.

Какой пріятный зефиръ вѣетъ
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой,
Зарей торжество свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ, —
Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ,
Брега Невы руками плещутъ,
Брега Ботнйскихъ водъ трепещутъ.
Взнесись превыше молній, Муза,

Какъ быстрый съ Пиндаромъ орель,
Гремящихъ арфъ ищи союза
И въ верхъ пари скорѣ стрѣль;
Сладчайшій нектаръ лей съ Назо-
номъ,
Превысь Парнассъ высокимъ тономъ;
Съ Гомеромъ, какъ рѣка, шуми
И, какъ Орфей, съ собой веди
Въ торжественъ ликъ древа и воды
И всѣхъ звѣрей пустынныхъ роды.

Если бы мы не знали, что эти два отрывка написаны въ одно и то же время, вѣроятно, въ одномъ и томъ же году, мы бы усомнились въ современности. Такъ первый отрывокъ связанъ съ преданіями старой Руси, съ произведеніями Симеона Полоцкаго и его послѣдователей, а второй близокъ къ намъ; мы сами не пишемъ уже такъ, какъ писатель Ломоносовъ, но наши дѣды охотно бы признали второй отрывокъ своимъ.

Драма «Стефанотокосъ», изъ которой приведенъ мною отрывокъ, была написана въ одной изъ русскихъ школъ около 1742 года. А черезъ нѣсколько лѣтъ въ другой русской школѣ, наиболѣе славной и авторитетной, въ Кіевской академіи, преподаватель разъяснялъ студентамъ, что «in nostro idiomate maxime legendus est Michaël Lomonosow», что изъ русскихъ писателей имъ надо читать всего больше Ломоносова и слѣдовать ему, какъ образцу¹⁾.

Преобразование литературнаго языка въ Россіи было подготовлено Ломоносову рядомъ литературныхъ дѣятелей XVIII вѣка; къ нему стремились Кантемиръ и Тредьяковскій. Поэтому это преобразование не получило характера переворота, и мы не можемъ причислять Ломоносова къ тѣмъ героямъ въ исторіи, геній которыхъ даетъ міру новыя идеи, неожиданныя для его современниковъ. Но тѣмъ не менѣе честь преобразования русскаго литературнаго языка принадлежитъ Ломоносову. Его таланту мы обязаны тѣмъ, что преобразование было счастливо и совершилось быстро. Плодами его труда мы и до сихъ поръ пользуемся.

А. Соболевскій.

Общественные и народные идеалы Ломоносова.

Ломоносовъ, несомнѣнно, былъ въ душѣ поэтомъ, какъ это видно по многочисленнымъ, истинно поэтическимъ мѣстамъ его стихотвореній, и если похвальные оды нерѣдко кажутся лишенными поэтическихъ достоинствъ, то необходимо принять во вниманіе тѣ искус-

¹⁾ *Перетцъ*, Историко-литературныя изслѣдованія, Т. III, стран. 65.

ственные условия, которымъ онѣ должны были удовлетворить, и тѣ отношенія, въ которыхъ находились поэты того времени къ своимъ покровителямъ. Не входя въ разборъ стиховъ Ломоносова, имѣющійся въ любомъ учебникѣ, я позволю себѣ остановиться лишь на двухъ обстоятельствахъ, обыкновенно недостаточно освѣщаемыхъ, но важныхъ для правильной оцѣнки его произведеній.

Какъ мы могли убѣдиться, Ломоносовъ былъ прежде всего ученый, любившій и изучавшій природу, съ большею охотою занимавшійся естественными, чѣмъ словесными науками: это обстоятельство наложило отпечатокъ на многія его произведенія, въ которыхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ указывалъ на пользу наукъ, на необходимость самаго широкаго просвѣщенія обществу, считавшему научныя занятія пустымъ времяпровожденіемъ. Всѣмъ извѣстно, конечно, прекрасное мѣсто оды на день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны (1747), посвященное надеждѣ отечества — юношеству: «О вы, которыхъ ожидаетъ Отечество отъ нѣдръ своихъ». Въ одѣ на монаршую милость, оказанную въ Царскомъ Селѣ (1750), находятся слѣдующія, посвященные наукамъ слова:

О вы щастливья науки!
Прилѣжны простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.
Пройдите землю и пучину
И степи и глубокиі лѣсъ...
Вездѣ изслѣдуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣка удивите,
И сколько можете, покажите

Щедрою Елисаветъ...
Въ земное нѣдро ты Химія
Проникни взора остротой,
И что содержитъ въ немъ Россія
Драги сокровища открой...
Наука легкихъ метеоровъ
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Черезъ вѣрны знаки предъявляй.

А вотъ какъ Ломоносовъ предславлялъ себѣ картину студентовъ, стремящихся въ Петербургъ, въ Университетъ:

Возслѣдуютъ и намъ въ ученіяхъ успѣхи,
И славной слухъ, когда Твой Университетъ
О имени Твоемъ подь солнцемъ процвѣтетъ,
Тобою данными красуясь вѣчно правы
Для истинной красоты Россійскія державы.
И юношество къ намъ отвсюду притекутъ,
Къ наукамъ прилагать въ Петровѣ градѣ трудъ.

(Просительные стихи къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, 1671 года).

Затѣмъ, какъ доказывается всею дѣятельностью Ломоносова, онъ чувствовалъ въ себѣ неудержимое стремленіе къ широкой общественной дѣятельности, направленной на благо и на пользу всего русскаго народа. По условіямъ времени онъ не могъ прямо высказывать всѣ свои мысли и взгляды, — и мы зачастую находимъ ихъ въ одахъ, гдѣ онъ могъ опредѣленно выставлять свои завѣтныя мечты, могъ указывать правителямъ (заранѣе признавая ихъ обладающими тѣми качествами, которыя онъ хотѣлъ въ нихъ видѣть)

идеалы, къ которымъ они должны были стремиться, чтобы осчастливить свой народъ. Эти идеалы Ломоносова — какъ то: милостивое правосудіе для всѣхъ, отмѣна смертной казни, широкое распространение просвѣщенія и т. д. доказываютъ слѣдующія выписки.

Сіе глаголетъ вамъ Господь:...
Храните праведны заслуги,
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ неживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно

Пріязнь къ другимъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову Дщерь.

(На день рожденія Императрицы Елисаветы Петровны; 1757 г.).

Услыште Судіи земны
И всѣ державны главы:
Законы нарушать святыя
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну соблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

О коль велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрны рабы!
О коль опасно какъ оставятъ,
Отъ тѣсноты своей, въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру.
Она свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ
Твердѣе всякаго щита.

(На день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины Второй, 28 іюня 1762 г.).

...Богиня говорить:

«На Отческой престолъ всхожу
Спасти отъ злобы утѣсенныхъ,
И щедрой властью покажу
Свой Родъ, умножу просвѣщенныхъ.
Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ смертной казни ночь;
Владѣть хочу зефира тиге;
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная Мнѣ свыше
Въ устахъ прощенье, въ сердцѣ — Богъ».

(На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 1761 г.).

Подвижники говорятъ сродникамъ:

Мы смерть пріяли за Богиню,
Что мертвымъ отдастъ животь,
Отъ казни винныхъ свобождая,

Щедротой бѣдныхъ воскрешая.
И духъ вливая тѣмъ въ народъ.

(На день тезоименитства Императрицы Елисаветы Петровны, 1759 г.).

Ментушкинъ.

Ломоносовъ — первый нашъ гуманистъ, идеологъ и апостолъ новой жизни.

Въ исторіи русской литературы Ломоносовъ занимаетъ почетное мѣсто. Восемнадцатый вѣкъ создалъ ему такую прочную славу, что ея поколебать не могла критическая мысль XIX столѣтія, безпощадная къ старымъ богамъ. Прошло уже болѣе полутора ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началась его литературная дѣятельность, а свѣтлый образъ его, по прежнему, неизменно высится въ благодарной памяти потомковъ...

Чѣмъ дальше отходятъ событія въ сумракъ прошлаго, тѣмъ безпристрастнѣе и разностороннѣе дѣлается судъ исторіи, — тѣмъ настоятельнѣе сознается необходимость этого суда.

Вотъ почему на этомъ праздникѣ, посвященномъ памяти Ломоносова, оцѣниваются различныя стороны его разнообразной дѣятельности. Вотъ почему и литературное творчество его должно быть выяснено сегодня съ возможной полнотой.

Не страшенъ Ломоносову судъ исторіи!... Отпадутъ нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія о немъ, расширятся сужденія узкія, сузятся широкія... Въ результатъ, яснѣе сдѣлается великій писатель: проявятся въ его образѣ новыя черты, въ жизни и литературной дѣятельности его откроются новыя стороны...

Переоцѣнка этой великой русской цѣнности приведетъ къ ея возвеличенію...

Общій голосъ установилъ, что съ *Ломоносова начинается новая русская литература*, что онъ, — «отецъ русской поэзіи»... Исслѣдователь обязанъ исправить это рѣшительное сужденіе: — вѣдь новая русская литература начинается еще съ XVII столѣтія... Да и въ началѣ XVIII у Ломоносова были предшественники въ лицѣ, Прокоповича, Кантемира и другихъ.

Ломоносовъ ввелъ въ нашу литературу классицизмъ — говоритъ готовое мнѣніе... Но историкъ напомнитъ, что многія характерныя черты литературнаго классицизма опредѣлились у насъ раньше, — еще въ творествѣ юго-западно-русскихъ писателей, — что въ XVII столѣтіи успѣшно культивировался этотъ классицизмъ въ твореніяхъ Симеона Полоцкаго и его учениковъ...

Принятое мнѣніе заявляетъ, что *Ломоносовъ создалъ русскую хвалебную оду*, — новый у насъ *литературный видъ лирическаго творчества*... Въ отвѣтъ на это утвержденіе можно указать на панегирики XVII столѣтія, отмѣченные чертами, характерными для ломоносовскихъ одъ...

Онъ ввелъ въ русскую поэзію тоническій стихъ — утверждаетъ сложившееся мнѣніе... Добросовѣстный изслѣдователь спѣшитъ указать, что тоническій стихъ намѣчается у насъ еще въ XVII вѣкѣ, въ твореніяхъ Симеона Полоцкаго. Онъ напомнитъ, что при Петрѣ были

неоднократные и, при томъ, удачные опыты въ этомъ направленіи, — что теорію новаго стиха высказалъ первый Тредіаковскій...

Ломоносовъ создалъ русскій литературный языкъ... И сейчасъ же историкъ расскажетъ о тѣхъ вѣковыхъ усиліяхъ, которыя проявилъ русскій народъ, когда въ XVII столѣтіи и при Петрѣ неустанно ковалъ свой новый языкъ изъ причудливаго сплава разныхъ чужихъ нарѣчій.

Какимъ же образомъ сложились эти «готовыя мнѣнія», съ которыми борется историкъ? Великій человекъ, вносящій въ жизнь новыя начала, всегда имѣетъ предшественниковъ. Они облегчаютъ реформатору его созидательную работу... Они пролагаютъ дороги, указываютъ ему средства, подсказываютъ приемы и часто своимъ опытомъ удерживаютъ отъ ошибокъ. Но не имъ воздвигаются триумфальныя арки, — слава всякаго новаго дѣла связывается, обыкновенно, съ именемъ того счастливаго, который успѣшно довершаетъ начатое до него. Оттого современники присудили Ломоносову пальму первенства за его «начинанія» въ разныхъ областяхъ русской литературной жизни... Но историкъ доказалъ, что этотъ приговоръ справедливъ относительно, — что готовыя мнѣнія, сложившіяся на основаніи этого приговора, нуждаются въ исправленіяхъ и дополненіяхъ...

И на другихъ основаніяхъ, болѣе прочныхъ и устойчивыхъ, укрѣпить историкъ славу великаго Ломоносова!...

Опредѣливъ предшественниковъ поэта, онъ установить связи, неразрывно соединяющія Ломоносова съ прошлымъ; этимъ самымъ онъ докажетъ, что въ исторіи русской поэзіи Ломоносовъ — явленіе не случайное, а закономерное, характерное для русской жизни всего XVIII столѣтія... Это заключеніе приведетъ его къ выводу, что Ломоносовъ, подобно Петру Великому, есть яркое воплощеніе царственной воли русскаго народа, а потому историческое и національное значеніе его велико и безспорно!

Цѣнность историческихъ явленій опредѣляется не только ихъ связью съ прошлымъ, но и значеніемъ ихъ для будущаго. И потому новый вопросъ возникаетъ передъ историкомъ: «какое вліяніе на послѣдующихъ русскихъ писателей имѣлъ Ломоносовъ?» Стоитъ вслушаться въ многоголосный хоръ русскихъ критиковъ XVIII, особенно XIX столѣтія, чтобы понять, какъ велико было это вліяніе!... Стоитъ перечитать лирическія произведенія XVIII столѣтія, — и окажется, что своими одами онъ подчинилъ себѣ творчество Хераскова, Державина, Дмитріева, Богдановича, Капниста и многихъ другихъ, крупныхъ и мелкихъ одописцевъ XVIII вѣка, начала XIX... Всѣ они находились подъ впечатлѣніемъ его торжественныхъ пѣснопѣній. Они взяли излюбленную имъ литературную форму — «торжественную оду», они усвоили его манеру письма, заимствовали найденные имъ образы... А вѣдь къ концу XVIII столѣтія русская жизнь измѣнилась кореннымъ образомъ: выросли новые интересы, сложились новыя міросозерцанія, явились новые люди... Тѣмъ значителнѣе дѣлается тайна ломоносовскихъ вліяній на русскую поэзію.

Тѣмъ съ бѣльшимъ вниманіемъ возьмется теперь историкъ за разгадку этой тайны. Отбросивъ «готовыя мнѣнія», въ твореніяхъ поэта онъ прояснитъ черты творца и постарается открыть то, что чаровало вдохновеніе стихотворцевъ, что выражало настроеніе читателей XVIII вѣка!...

Первая оригинальная ода Ломоносова: «На взятіе Хотина», — произведеніе живое и вдохновенное. Въ этой одѣ юноша-поэтъ сумѣлъ выразить свое восторженное преклоненіе передъ геніемъ Петра и гордую любовь къ родинѣ...

Чувства его были искренни, и грандіозные образы, найденные имъ для воплощенія этихъ чувствъ, исполнѣ отвѣчали возвышеннымъ переживаніямъ тогдашняго русскаго общества.

Историческій моментъ былъ интересный...

Благодаря могучимъ усиліямъ Петра, Россія внезапно возстала изъ небытія — и вся Европа съ изумленіемъ и страхомъ оглянулась на невѣдомаго ей сѣвернаго великана...

Полтавскій бой былъ самымъ значительнымъ событіемъ всей русской исторіи XVIII вѣка. Здѣсь, на ратномъ полѣ, геній Россіи впервые помѣрился силами съ геніемъ Запада, и — побѣдилъ его... Теперь трудно себѣ представить, какъ страшно послѣ этой побѣды измѣнилась самооцѣнка русскаго человѣка!... Недавно еще ученикъ, на себя смотрѣвшій чуть ли не съ презрѣніемъ, теперь безмѣрно выросъ онъ въ собственныхъ глазахъ!... Въ этой переоцѣнкѣ своего національнаго достоинства — источникъ героическихъ настроеній всего XVIII вѣка. Впечатлѣніе отъ дѣяній Петра, память о славной «Полтавской баталіи» опредѣлили паѣось этихъ настроеній¹⁾... Оттого блескъ феерическаго величія лежитъ на всемъ этомъ столѣтіи, — бурномъ и яркомъ, когда неудержимо выросталъ русскій патриотизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ росла народная гордость и углублялась любовь къ родинѣ.

Ломоносовъ *первый* изъ русскихъ поэтовъ воспѣлъ свою торжествующую родину... Онъ былъ *первымъ* русскимъ художникомъ, воплотившимъ въ поэтическомъ словѣ паѣось вѣка. И впервые въ его юношеской одѣ: «На взятіе Хотина» — ярко и пышно расцвѣтился этотъ паѣось...

Слабы и блѣдны двѣ слѣдующія оды Ломоносова (1741), сочиненныя въ Петербургѣ. Яркіе образы первой оды затуманились въ нихъ

¹⁾ Это замѣчено было еще давно. Князь Вяземскій въ своемъ сочиненіи: «Фонвизинъ» говоритъ слѣдующее: «Грозы Полтавской битвы провозгласили наше, уже безспорное, водвореніе въ семейство Европейское. Сія грома, сія торжественныя побѣдныя молебствія отозвались на поэзіи нашей и дали ей направленіе. Слѣдующія эпохи, болѣе или менѣе, ознаменованныя завоеваніями, войнами блестящими, питали въ ней сей духъ воинственный, сію торжественность, которая, можетъ - быть, впоследствии времени была ужъ больше привычка и подражаніе и потому не удовлетворительна, но на первую пору была она точно истинная, живая и выражала совершенно главный характеръ нашего политическаго быта». «Лирика Ломоносова была отголоскомъ Полтавскихъ пушекъ. Напряженіе лирическаго восторга сдѣлалось послѣ него и, безъ сомнѣнія, отъ него общимъ характеромъ нашей поэзіи».

и поблекли подъ гнетомъ вычурныхъ и надуманныхъ украшеній.. Угасли живыя, искреннія чувства, померкло вдохновеніе...

Какъ связать рѣзко-опредѣленную индивидуальность молодого Ломоносова съ этими холодными, безликими произведеніями? Біографія поэта объяснить намъ эту тайну; въ одахъ 1741 года онъ выступилъ въ роли поэта «по обязанности»... Онъ *долженъ* былъ сочинять — и при томъ только такъ, какъ сочиняли академическіе поэты — Юнкеръ, Штелинъ и Тредіаковскій¹⁾.

Въ ихъ произведеніяхъ былъ заданъ ему тонъ, подсказаны были готовые образы, предписаны приемы творчества...

Впрчемъ, не только требованіе жизни обязывали Ломоносова сдерживать свое вдохновеніе, скрывать чувства, рабски слѣдовать готовымъ образцамъ, — на этотъ путь властно толкало его и тогдашнее раціоналистическое пониманіе поэзіи... Французскіе теоретики требовали отъ поэта прежде всего знанія правилъ, «науки стихотворства»... Они навязывали поэзіи утилитарное пониманіе цѣлей, вносили дидактизмъ въ творчество, холодному расчету подчиняли свободное вдохновеніе...

Когда на російскій престолъ вступила Елизавета Петровна, по словамъ Ломоносова, совершилось великое чудо... Богъ взглянулъ на Россію «кроткимъ окомъ» —

И, видя во мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: «да будетъ свѣтъ!» —
И бысть!...

Тьма претворилась въ свѣтъ, скорбь смѣнилась радостью, буря — тишиной, зима — весной:

«И намъ является прекрасная весна!
Отъ ней неистовы бореи убѣгають,
Отъ ней пріятные зефіры вылетаютъ!»

Для Ломоносова она — «вѣнчанное солнце», которое даритъ землю свѣтомъ и тепломъ; она — роса, оживляющая природу; она — свѣтозарная Діана, поражающая стрѣлами титановъ!... Утомленной Россіи принесла она въ даръ ту благодатную тишину, подъ кровомъ которой расцвѣтають науки, искусства, — развивается и углубляется духовная сила народа...

Кончилась власть большихъ и малыхъ бироновъ... Восторжествовали русскія національныя начала... Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Ломоносову, особенно когда въ 1745 году онъ сдѣланъ

¹⁾ Для него, какъ человѣка прямого и откровеннаго, трудна была эта роль придворнаго поэта. Онъ самъ рассказывалъ впоследствии, какъ разсердился однажды на Тредіаковскаго, который свое произведеніе выпустилъ въ свѣтъ подъ его именемъ: «Мнѣ и на мысль не приходили оды съ тѣхъ поръ, какъ Тредіаковскій, изъ рабскаго подобострастія къ Бирону, сперва ему прохрипѣлъ какую-то оду, а потомъ, по его же повелѣнію, накропалъ другую: «На восшествіе на престолъ малолѣтняго Іоанна», и, чтобы этимъ приемамъ дать ходъ, означилъ подъ ними мое имя. Эта нелѣпая клевета такъ меня поразила, что я отрекся навсегда отъ одъ».

былъ академикомъ... Для него это было великимъ торжествомъ молодой русской науки, — нравственной побѣдой Россіи... Тогда, воодушевленный чувствомъ безмѣрной благодарности, «ликуя и веселясь», сталъ онъ воспѣвать Императрицу Елисавету... Съ ея образомъ соединилось для него все, что было ему дорого — Петръ, Россія и наука.

Россія, полная гордаго покоя, въ видѣ величественной женщины, возлежить, отъ одного края міра до другого, опираясь локтемъ на снѣжныя вершины Кавказа, — вотъ державный образъ, который на-стойчиво преслѣдуетъ теперь воображеніе нашего поэта.

Петръ — божественный геній-хранитель Россіи...
«Онъ — Богъ; онъ — Богъ твоей былъ, Россія!» — восклицаетъ поэтъ, — «былъ», «есть» и «будетъ» — повторяетъ онъ не разъ въ различныхъ своихъ произведеніяхъ... Онъ вѣритъ въ святую истину своихъ словъ потому, что теперь «стихъ его сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ», — потому, что теперь поетъ онъ не въ угоду людямъ, не страха ради, не ради награжденія, а ради одной правды:

«Ни злости не боюсь, не требую добра,
Не ради васъ пою — для правды, для Петра!»
— съ гордостью, во всеуслышаніе, заявляетъ онъ.

Съ этого времени въ его одахъ реторика, мало-по-малу, исчезаетъ, уступая мѣсто сердечному краснорѣчію; тускнѣетъ классицизмъ; рѣже появляются античные боги... На смѣну старымъ приемамъ и шаблоннымъ образамъ являются новые, свѣжіе и яркіе...

Съ особой любовью воспѣваетъ онъ теперь природу, ея многообразныя красоты, ея божественное могущество и творческія силы.

Воображеніе рисуетъ ему величественную картину: благосклонная и доброжелательная, возсѣдаетъ державная Натура на блестящемъ престолѣ, окруженная силами и явленіями міровой жизни...

Она — между стихій смиряетъ споръ;
Сосцами всяку плоть питаетъ,
Зелену ризу по дугамъ
И по долинамъ расширяя,
Изъ устъ зефирами дышая»...

Смѣлой и широкой кистью рисуетъ теперь Ломоносовъ величественно-унылыя картины далекаго сѣвера, зимы, бурнаго моря, покрытаго льдами... Изъ русскихъ поэтовъ онъ первый сумѣлъ найти эти картины, первый оцѣнилъ ихъ своеобразную красоту...

Его воображеніе любитъ представлять титановъ, раздирающихъ облака. Онъ вдохновляется картинами созданія міра, претворенія мрака въ свѣтъ, великими явленіями, когда сотрясаются горы, и рѣки текутъ вспять...

У Ломоносова была душа, которая вдохновлялась всѣмъ «грандіознымъ» и «сверхчеловѣческимъ»...

Это — характерная особенность ломоносовской музы. Но не чуждалась эта муза и мирных настроений... Тихий день, когда —

«меж бисерными облаками

Сияетъ злато и лазурь»...

Утренняя заря, которая —

«Отъ ризы сыплеть свѣтъ румяный

Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря!»

Ночное небо, распростертое надъ землей, «шатру подобно», тихо сверкающее звѣздами, — все это картины природы, величаво-спокойной и божественно-прекрасной... Душевному миромъ проникнуты эти картины, о безмятежной созерцательности умиротвореннаго поэта благовѣствуютъ онѣ...

Много красивыхъ образовъ нашелъ Ломоносовъ и въ другихъ явленіяхъ жизни. Для примѣра, можно привести изображеніе коня Императрицы Елисаветы:

«Крутить главою, звучить браздами

И топчетъ бурными ногами,

Прекрасной всадницей гордясь!»

Титаническій образъ «Борея съ мерзлыми крылами», «Ликующій Петрополь» и «колѣнопреклоненная Москва» съ сѣдыми волосами — это образы, введенные въ нашу поэзію Ломоносовымъ. Величіе Петра на ратномъ полѣ — впервые оцѣнено имъ...

Всѣ такія «открытія» свидѣлствуютъ о томъ, что поэтъ старался освободиться отъ гнета шаблона и традиціи... Это сказывается также и въ исканіяхъ новой формы хвалебной оды... И вотъ, вмѣсто прежней тяжеловѣсной оды, онъ создаетъ граціозное стихотвореніе, теплое по настроенію, искреннее по тону, свободное отъ «правилъ»:

«Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,

Скрываются поля, брега и понтъ...

Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ,

Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ...

Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ, —

Открывшись въ теплотѣ, сияетъ каждый цвѣтъ,

Богатства красоты предъ онымъ отверзаетъ

И свой пріятный духъ, какъ жертву, излиываетъ...

Подобень солнцу твой, Монархиня, восходъ,

Который освѣтилъ во тьмѣ російскій родъ!

Усердны предъ тобой сердца мы отверзаемъ

И жертвы вѣрности невестной изливаемъ».

Въ этомъ задушевномъ стихотвореніи красота и искренность чувствъ воплощены въ картину, изумительную по своему изяществу.

Великій поэтъ не только нашелъ себя, но и своимъ ученикамъ указалъ путь, куда имъ ити, — къ искренности и простотѣ чувства, къ художественной правдѣ, — путь, который исторію нашей поэзіи приведетъ къ кристальному творчеству Пушкина!

Итакъ, «форма» ломоносовскихъ одъ не осталась неподвижной: съ теченіемъ времени она измѣнилась къ лучшему. Развился и стихотворный языкъ Ломоносова; поэтъ работалъ надъ нимъ упорно — и, побѣдивъ всѣ трудности, достигъ совершенства: удивительной мягкости, прозрачности выраженій, граціозности словесныхъ украшеній... Онъ овладѣлъ великой тайной гармоніи формы и содержанія, нашелъ разнообразіе стихотворныхъ размѣровъ и свободу построенія...

Измѣнилось и содержаніе его одъ. Прежде оно было трудноуловимо: хитроумныя украшенія всегда туманили основную идею произведенія, — теперь мысль поэта дѣлается яснѣе, рельефнѣе... Она властно приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя... Форма дѣлается все прозрачнѣе и отходитъ на второе мѣсто. Уже въ одной изъ первыхъ елисаветинскихъ одъ Ломоносова: «На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны» (1747) — проясняются эти новыя черты его творчества. Въ этомъ произведеніи свободно и безстрашно, во весь ростъ, встаетъ передъ нами Ломоносовъ, — созданіе Петра и провозвѣстникъ его державной воли:

Особенно интересна ода его: «На восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины». Рѣзко осудивъ нерусскую политику Петра III, поэтъ, объятый возмущеніемъ, восклицаетъ:—

«Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О, стыдъ! о, странный оборотъ!»

и обращается къ тому же Петру III со словами:

«Теперь злоумышленъ въ ямѣ
За гордость сверженно лежитъ!»

Далѣе слѣдуетъ знаменательное воззваніе поэта къ новой властительницѣ:

«Услышьте, судіи земные,
И всѣ державныя главы!
Отъ буйности блюдитесь вы
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ!
.....
Народну наблюдайте льготу!»

Затѣмъ поэтъ обращается къ иностранцамъ, которые, за время царствованія Петра III, опять сдѣлались опасны для русскаго націонализма:

«А вы, которымъ здѣсь Россія
Дасть уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство, вольности златя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ!»
.....

На то ль склонились къ вамъ Монархи
И согласились Герархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?

И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей?»

Это — «хвалебная ода?» Это — привѣтъ монархинѣ-иностранкѣ, вступающей на всероссійскій престолъ?... Нѣтъ, это — суровое и безстрашное обличеніе!...

Придворный поэтъ, сочинявшій заказныя хвалы, превратился теперь въ разгнѣваннаго пророка, обличающаго, карающаго, грозящаго, глаголомъ жгущаго сердца людей... Въ этомъ произведеніи Ломоносовъ показалъ будущимъ поэтамъ, что могутъ они сдѣлать съ одой, — какъ холодный придворный панегирикъ можно превратить въ смѣлое публицистическое произведеніе. И урокъ этотъ не пропалъ даромъ... Державинъ пошелъ по указанному пути; вслѣдъ за нимъ Радищевъ, Капнистъ, Карамзинъ и многіе другіе поэты въ хвалебныхъ одахъ выражали свои политическіе взгляды... Когда Ломоносовъ оцѣнилъ мечты и дѣла Екатерины, — онъ проникся уваженіемъ къ ней. Не жизнерадостной, свѣтозарной Діаной, — строгой Минервой представилась поэту императрица Екатерина... Она — не богиня, не «лучезарное солнце», какъ Елизавета, она — мудрый человѣкъ, «мать отечества», которая, —

«...о подданныхъ покоѣ
Печется ночь, вмѣняя въ день».

Въ одной изъ послѣднихъ своихъ одъ Ломоносовъ перечисляетъ заслуги императрицы Екатерины передъ русскимъ обществомъ. И дважды слово „Общество“ повторяется въ одѣ, и оба раза это слово пишетъ онъ съ заглавной буквы... Это характерно!..

Опредѣляя общественное значеніе дѣяній императрицы, «пѣвецъ Титановъ и Гигантовъ», на склонѣ лѣтъ, обращается въ «пѣвца Общества»...

* * *

Въ одахъ выразилъ Ломоносовъ общественную цѣнность своей личности. Но среди его произведеній есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ выразились интимныя стороны души. Еще за границей онъ увлекался творчествомъ эпикурейца Гюнтера и, подражая ему, сочинилъ нѣсколько стихотвореній въ анакреонтическомъ духѣ. И вотъ, за годъ до смерти пишетъ онъ стихотвореніе: «Разговоръ съ Анакреономъ». Въ этомъ произведеніи онъ повѣствуетъ, какъ убѣждалъ его греческій поэтъ предаться легкокрылой радости и воспѣвать любовь. Рѣчи Анакреона были увлекательны, и Ломоносовъ почувствовалъ —

«...жаръ прежній
Въ согрѣвшейся крови»,

но воспѣвать утѣхи любви онъ уже не могъ.

Хоть въ любви нашъ поэтъ, по его словамъ, и «не былъ лишенъ» «нѣжности сердечной», но «восхищался онъ болѣе героевъ вѣчной славой», и «струны по неволѣ звучали ему только героической шумъ».

Всѣ колебанія Ломоносова разрѣшаются, когда вспоминаетъ онъ суроваго Катона, — тогда онъ окончательно побѣждаетъ всѣ искушенія Анакреона... Въ этомъ произведеніи нашъ писатель рассказаль свою жизнь. Онъ могъ сдѣлаться поэтомъ-эпикурейцемъ, такъ какъ отъ природы не лишенъ былъ нѣжности сердечной, но онъ отвергъ Анакреона и пошелъ вслѣдъ за Катонномъ, который воодушевилъ его своей «упрямой славой» и указаль ему на трудный путь служенія родинѣ...

Но и Катонъ не овладѣль Ломоносовымъ всецѣло, — широта и богатство души удержали нашего поэта отъ всяческой односторонности и узости... Любовь къ радостямъ жизни онъ сочеталь съ готовностью безбоязненно итти навстрѣчу тяжкимъ лишеніямъ, подвигамъ и борьбѣ...

Онъ — мудрецъ, который въ своемъ бодромъ и ясномъ міросозерцаніи помирилъ жизнерадостный эпикуреизмъ и строгій стоицизмъ, — воплотилъ суровый и вмѣстѣ свѣтлый взглядъ на жизнь.

* * *

Таково отношеніе Ломоносова къ мудрости языческаго міра. Въ своихъ духовныхъ произведеніяхъ онъ выясняетъ религиозныя стороны своей личности.

Поэзіей св. писанія увлекался онъ еще въ юности... Въ зрѣломъ возрастѣ это увлеченіе сказалося въ его оригинальномъ творчествѣ (утреннее и Вечернее размышленія о Божьемъ величествѣ), а также въ стихотворныхъ переложеніяхъ псалмовъ и книги Іова.

Восторженное удивленіе предъ могуществомъ Творца, — вотъ мотивъ, который является основой почти всѣхъ его духовныхъ произведеній. Это стремленіе создать эпопею о Творцѣ съ особенною ясностью сказалося въ переложеніи отрывка изъ книги Іова: изъ библіи Ломоносовъ взяль только отвѣтныя слова Бога на дерзкій ропотъ Іова: человекъ не можетъ быть мѣриломъ вещей, — міръ созданъ по замысламъ, которые превышаютъ силы человѣческаго разума.

Ломоносовъ не сталъ на сторону Іова — онъ всецѣло на сторону Бога и сверху внизъ смотритъ на человека, отравленнаго безпросвѣтнымъ пессимизмомъ. Библейское произведеніе, безотрадное по духу, въ передѣлкѣ Ломоносова обратилось въ величавый гимнъ Творцѣ; ропотъ человека разрѣшается у него въ убѣжденіе, что Богъ —

«все на пользу нашу строить»,

а потому человекъ долженъ безропотно нести тяжелый яремъ жизни...

Но не во всѣхъ духовныхъ произведеніяхъ Ломоносова найдемъ мы такія примирительныя стремленія. Жизнь захватывала нашего поэта: часто она отрывала его вдохновенныя очи отъ Бога-Творца... Борьба, которую пришлось Ломоносову вести въ это время въ жизни, вносила тревогу и страсть въ его мятежную душу; эти земныя переживанія отразились на выборѣ тѣхъ псалмовъ, которые особенно сильно проникнуты чувствомъ горечи и гнѣва «враговъ Бога»... Для Ломоносова такими «врагами Бога», противниками божественной воли, были всѣ «недоброхоты» Россіи и русской науки. На себя поэтъ смотрѣлъ, какъ на слугу Бога, апостола Его мудрыхъ велѣній... Оттого въ гнѣвныхъ жалобахъ царя Давида онъ слышалъ родное и близкое своей мятежной душѣ...

*
* *

Въ своихъ произведеніяхъ выразилъ Ломоносовъ не только интимныя стороны своей души — въ нихъ опредѣлилъ онъ и отношеніе свое къ высочайшимъ проявленіямъ человѣческой мудрости — къ наукамъ и религіи.

Ученикъ Лейбница и Вольфа, онъ безъ труда сумѣлъ установить мудрое равновѣсіе между наукой и религіей. Но этого личнаго сознанія ему было мало, — онъ хотѣлъ, чтобы весь русскій народъ призналъ ихъ равноправіе, равноцѣнность, даже тожество...¹⁾

Предки наши сознательно боролись съ разумомъ. Подобно всѣмъ людямъ средневѣковья, они боялись мысли, проклинали науку, прославляли ту простоту, которая не знаетъ критики, — все принимаетъ, ничего не испытуетъ, предъ таинственнымъ смиряется и съ нимъ не борется, опасаясь гнѣва Божьяго...

Ломоносовъ первый изъ русскихъ писателей вознесъ у насъ мысль человѣческую на такую высоту, на какой въ Россіи до него она не подымалась никогда²⁾... Но, возвеличивая разумъ, Ломоносовъ точно опредѣлилъ границы его державы, не вторгаясь въ предѣлы религіи... Свой взглядъ на взаимоотношеніе религіи и науки полнѣе

¹⁾ «Не здраво разсуждаетъ математикъ», говоритъ Ломоносовъ: «ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, ежели онъ думаетъ, что по псалтири научиться можно астрономіи, или химіи. Толкователи и проповѣдники Священнаго Писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляють награжденіе праведникамъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ, кромѣ Божеской силы, великолѣпія, изыскивають способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряють насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣланіяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры... *Правда (наука) и вѣра суть дѣлѣ сестры родныя, дщери Всевышняго Родителя*, никогда межъ собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто, изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія, на нихъ вражду вспететь».

²⁾ «Науку» онъ считалъ «панацеею»: «зналъ», говоритъ онъ: «Петръ Великій, что ни законы, ни судовъ привести, ни честности нравовъ безъ ученія философіи, и краснорѣчія не ввести».

всего выразилъ онъ въ своемъ «Посланіи о пользѣ стекла». Въ этомъ произведеніи поэтъ выступаетъ въ качествѣ защитника и апостола «разума». Онъ утверждаетъ, что неправильное отношеніе къ работѣ человѣческой мысли принесло знанію много непоправимыхъ бѣдъ... Жертвами невѣжества пало много ученыхъ изслѣдователей и испытателей тайнъ міровой жизни... По его мнѣнію, первымъ изъ нихъ былъ, — не болѣе, не менѣе, — какъ Прометей, который низвелъ огонь на землю при помощи «зажигательнаго стекла», за что прослылъ «чародѣемъ», и погибъ, побѣжденный мрачными силами невѣжества. Уже въ послѣдствіи эту трагедію ученаго облекли «знатными вымыслами», придали всему «неправый толкъ» — и въ результатѣ сложился мифъ о похищеніи Прометеемъ огня съ неба и о божьей карѣ, которая за это постигла его.

«Коль много таковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,
 Что зависть, скрывъ себя подъ святости покровъ,
 И груба ревность съ ней на правду строя ковъ,
 Отъ самой древности воюютъ многократно,
 Чѣмъ много знанія погибло невозвратно!»

— горестно восклицаетъ поэтъ.

Устройство громоотвода и во времена Ломоносова многимъ представлялось «предерзостнымъ сопротивленіемъ гнѣву Божію» — возстаніемъ челсвѣка противъ Бога...

Такая точка зрѣнія для рационалиста Ломоносова была смѣшна: повторяя Лейбница и Вольфа, онъ утверждалъ, что Богъ далъ міровой жизни законы, а людямъ предоставилъ полную свободу искать эти законы и пользоваться покоренными силами природы. Вотъ почему такъ рѣшительно нападалъ онъ на «слабый умъ» челсвѣка, который, прикрываясь покровомъ святости, считаетъ грѣхомъ всякую попытку проникнуть въ тайны міровой жизни и отказывается изучать силы этой жизни въ явленіяхъ природы. Съ точки зрѣнія Ломоносова, такое изученіе вело къ познанію Бога и укрѣпляло челсвѣческую вѣру въ мудрость и могущество Творца...

«Природа», говорить онъ въ одномъ своемъ сочиненіи: «есть Евангеліе, благовѣствующее творческую силу, премудрость и величество Творца! Не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію!»... Въ твореніяхъ Іоанна Златоуста, Василія Великаго встрѣтилъ онъ такое же возвышенное пониманіе Бога и міровой жизни, — пониманіе широкое, которое свободно раскрывало врата въ таинственный міръ божественныхъ откровеній¹⁾...

Разумъ, ограниченный религіей, и религія, просвѣтленная разумомъ, — вотъ основы той ломоносовской мудрости, въ которой нѣтъ

1) Онъ высоко цѣнилъ сочувствіе св. Отцовъ къ природѣ и желаніе ихъ помирить изученіе ея съ религіей. «О, если бы въ ихъ время», сказала онъ однажды: «извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ! Съ какимъ бы восторгомъ проповѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣтельствахъ величія, мудрости и могущества Творца!»

внутренней дисгармоніи, которая сильна и свята своею близостью къ Богу.

*
* *

Совсѣмъ иное отношеніе къ наукѣ и разуму видѣлъ Ломоносовъ у современныхъ ему церковниковъ. Его «Гимнъ бородѣ» — это сатира, направленная не только противъ раскольниковъ, но и противъ всѣхъ, кто, прикрываясь знаменемъ Церкви, «покровомъ святости», на самомъ дѣлѣ былъ врагомъ знанія и прогресса. Горячо вѣрующій, возвышенно религіозно-мыслящій, Ломоносовъ больно чувствовалъ, какъ великъ былъ разладъ между его міросозерцаніемъ и русской дѣйствительностью. Въ своемъ «Гимнѣ» онъ и выразилъ всю ту горечь, что накопилось въ его душѣ... Сатира эта обратила на себя вниманіе, и Св. Синодъ судилъ Ломоносова за дерзость и свободомысліе... Вмѣсто оправданій, онъ сталъ обличать своихъ судей, и вина его возросла въ ихъ глазахъ: онъ оказался «продерзателемъ къ безстрашному кощунству». Его сатирическое произведеніе постановлено было «чрезъ палача подъ висѣлицею жечь», а самому автору, академику Ломоносову, было указано, какія «жестокія кары грозятъ хулителямъ закона и вѣры». Такая угроза была высказана ему, — великому Ломоносову, который своими орлиными очами узрѣлъ Бога въ Его твореніи!..

Ломоносовская сатира и споръ его съ Св. Синодомъ — это эпизодъ, характерный не только для русской исторіи, но и для всемірной исторіи новаго времени. На переломѣ къ новой жизни борьба средневѣковья съ свободной мыслью во всей Европѣ выливалась въ тѣ же самыя формы преслѣдованія. Огнемъ и палачомъ искоренялась эта мысль..

*
* *

Разносторонне выразилъ себя Ломоносовъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Онъ выяснилъ себя, какъ художника, какъ общественнаго дѣятеля, какъ философа и религіознаго человѣка...

Остается, въ заключеніе, соединить всѣ эти различныя черты въ одинъ человѣческій ликъ, — остается найти тотъ синтезъ, который опредѣлитъ всего Ломоносова, какъ своеобразную и оригинальную личность Петровской Руси... Русская исторія поможетъ намъ, — она напомнитъ, что проблески новой жизни замѣтны сдѣлались у насъ въ Россіи съ конца XVI вѣка, — что въ XVII столѣтіи эта новая жизнь вступаетъ въ свои права и выдвигаетъ великаго Петра...

При немъ новая жизнь торжествуетъ надъ старой и создаетъ не мало любопытныхъ дѣятелей... Свободомыслящій архіепископъ Теофанъ, поклонникъ Вольфа, Галилея, врагъ папы, высмѣиваетъ недостатки русскаго духовенства въ тонѣ ломоносовской сатиры... Татищевъ старается разрушить средневѣковое аксетическое міросозерцаніе, доказывая, что человѣкъ имѣетъ право радоваться и на-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Очеркъ состоянія Россіи въ эпоху дѣятельности Ломоносова, <i>Соловьева</i>	5
Родина Ломоносова, <i>Пекарскаго</i>	12
Родина Ломоносова, бытъ и духовный укладъ жизни ея обитателей, <i>Гранди- левскаго</i>	169
Поморы и первые годы жизни Ломоносова, <i>Менишуткина</i>	167
Родители Ломоносова, <i>Сибирцева</i>	174
Ученіе Ломоносова на родинѣ, <i>Сибирцева</i>	175
Ломоносовъ на пути въ Москву, <i>Менишуткова</i>	179
Первыя впечатлѣнія дѣтства въ родномъ краю и Славяно-греко-латинской ака- деміи, <i>Лауровскаго</i>	15
Ломоносовъ и Славяно-греко-латинская академія, <i>Воскресенскаго</i>	20
Вліянія Московской академіи на Ломоносова, <i>его же</i>	37
Ломоносовъ въ Марбургѣ, <i>Лауровскаго</i>	38
Вліяніе Вольфа на Ломоносова, <i>Сухомлинова</i>	44
Ломоносовъ въ Фрейбергѣ и возвращеніе на родину, <i>Булича</i>	58
Источники вдохновенія Ломоносова, <i>Порфирьева</i>	64
Ломоносовъ — подвижникъ за русскую мысль и науку, <i>Булича</i>	69
Ломоносовъ, какъ челоѣкъ науки и постояннаго труда, <i>его же</i>	72
Ломоносовъ, какъ ученый, <i>Шевырева</i>	76
Общій ходъ учено-литературной дѣятельности Ломоносова, <i>Л. Майкова</i>	78
Изображеніе Россіи — основное содержаніе торжественной поэзіи Ломоносова, <i>Шевырева</i>	81
Духовныя оды Ломоносова, <i>его же</i>	87
Переложеніе изъ книги Іова, <i>Изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1868 г., № 1</i>	88
Содержаніе и планъ оды Ломоносова: «Утреннее размышленіе о Божіемъ вели- чествѣ», <i>Калайдовича</i>	89
Достоинство оды «Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ» и время ея по- явленія, <i>Пекарскаго и Сухомлинова</i>	91
«Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», <i>Пекарскаго, Сухомлинова и Лю- бимова</i>	92
Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель-поэтъ по одамъ «Утреннее и вечернее раз- мышленіе о Божіемъ величествѣ», <i>Никитенко и Орлова</i>	94
Похвальныя оды Ломоносова, <i>Любимова</i>	96
Основная идея „Оды на день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны“, ея размѣръ и отношеніе къ правиламъ критики, <i>Попова</i>	101
Петръ Великій въ сознаніи Ломоносова, <i>Булича</i>	105
Похвальное слово Петру Великому, <i>Попова</i>	106
Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка, <i>Соболевскаго</i>	184
Взглядъ Ломоносова на церковно-славянскій языкъ, <i>Будиловича</i>	109

Грамматика Ломоносова, <i>Грота</i>	111
Достоинство и значеніе грамматики Ломоносова, <i>Давыдова</i>	123
Реторика Ломоносова, <i>Пекарскаго</i>	133
Реторика Ломоносова, <i>Будиловича</i>	134
Взгляд Ломоносова на поэзію, <i>его же</i>	139
Вліяніе Гюнтера на Ломоносова, <i>Грота</i>	143
Значеніе Ломоносова въ изящной словесности, <i>Никитенко</i>	144
Ломоносовъ въ борьбѣ съ гонителями наукъ, <i>Бодянскаго</i>	154
Общественные и народные идеалы Ломоносова, <i>Мениуткина</i>	189
Ломоносовъ — первый нашъ гуманистъ, идеалогъ и апостоль новой жизни, <i>Сиповскаго</i>	192

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,

составленныя **В. И. ПОКРОВСКИМЪ**:

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Григоровичъ, Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Достоевскій, Ф. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Часть I. Ц. 50 к. Ч. II. 1 р.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Никитинъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Плещеевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Тютчевъ, Ф. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.

ПРОВЕРЕНО

Складъ въ книжномъ магазинѣ **В. Спиридонова и А. Михайлова.**

Моховая, уг. Тверской, д. Варварин. Акц. О-ва. Тел. 120-95.